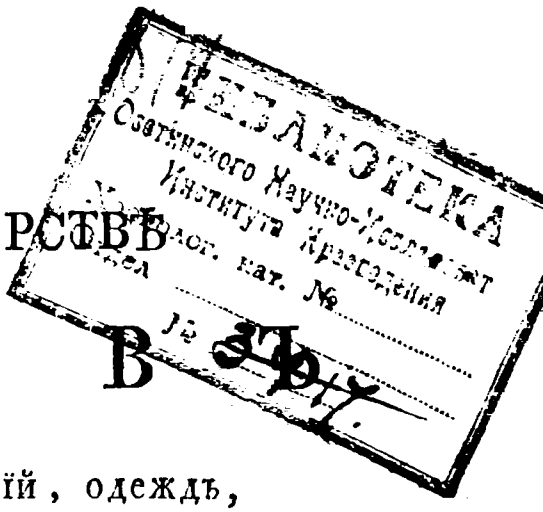
ОПИСАНІЕ

ВСѢХЪ

ОБИТАЮЩИХЪ

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

НАРОДОВЪ



Ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ изправленное и въ новъ сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньетами.

Изъ книгъ князя Николая Александровича Волконскаго.

Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ.

Сіе посвященіе отъ Санктпетербургской ценсуры напечатать позволяется. Ноября 19 дня 1799 года.

Михаилъ Гуманскій.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Дерзаю посвятить съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Пресвѣтлѣйшему Имени ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА сію книгу, содержащую въ себѣ Описаніе и Изображеніе Народовъ пространнѣйшія и могущественнѣйшія въ Свѣтѣ Имперіи, мудрымъ Скипетромъ ВАШИМЪ управляемыхъ, благоденствующихъ подъ сѣнію дарованныхъ отъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА спасительныхъ законовъ, щастіе ихъ основывающихъ и утверждающихъ, народовъ процвѣтающихъ внутри и внѣ Государства славою, силою и богатствомъ: удостойте принять, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! сіе мое приношеніе съ свойственнымъ величію души

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволенïемъ, яко изъявленïе чувствованïй вѣрноподданнической преданности, каковы питаетъ въ сердцѣ своемъ къ Освященной Особѣ Величайшаго изъ МОНАРХОВЪ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всенижайшій вѣрноподданный

Иванъ Глазуновъ.

БИБЛИОТЕКА
Осетинского Научно-Исследоват
Института Краеведения
Хронолог. кат. №
Отдел
№

БИБЛИОТЕКА
Осетинского Научно-Исследоват
Института Краеведения
Хронолог. кат. №
Отдел
№

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О

НАРОДАХЪ

ФИННСКАГО ПЛЕМЕНИ,

извѣстныхъ

по Исторіи Россійской

подъ общимъ именемъ

Руссовъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, Вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей, суть во первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во вторыхъ, и большею частію, описанія частныя Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Профессорами и Исторіографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Шпеллеромъ, Фишеромъ, Рычковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Николаемъ Рычковымъ, Лемомъ, Клингштедтомъ, Гегштремомъ, Гавеномъ, Шлецеромъ, Климаномъ и другими; почерпая изъ ихъ описаній и извѣстій, придерживаемось было, какъ можно ближе, повѣствовательной истины, при сохраненіи всевозможной краткости.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Профессоръ Іоганнъ Готтлибъ Георги, Членъ Академіи Наукъ Россійской Императорской и Королевской Прусской, Римско-Императорской Академіи Естество-испытанія, Академіи Курфирстской въ Майнцѣ, Вольнаго Экономическаго Общества въ С. Петербургѣ, и Дружескаго Общества Берлинскихъ Естество-Испытателей, собралъ изъ вышесказанныхъ Землеописателей описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, издалъ оное въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, изъ коихъ первыя три переведены были и напечатаны иждивеніемъ Книгопродавца Миллера купно со изображеніями описанныхъ въ оныхъ Народовъ.

Нынѣ издать въ новь всѣ четыре части творенія сего принялъ я на себя, по уступкѣ на то права, отъ перваго сказаннаго Издателя какъ подлинника на Нѣмецкомъ языкѣ въ четырехъ частяхъ, такъ и перевода трехъ частей онаго на Россійскій языкъ, не пощадя на то немалаго иждивенія,

каковое требовалось какъ на уплату уступки права печатанія и мѣдныхъ досокъ, на коихъ вырѣзаны изображенія Народовъ, такъ наиболѣе за изправленіе самаго творенія, сообразно настоящему новоустроенному Россійскаго Государства состоянію, по которому премногое въ описаніи Народовъ требовало поправки. Многое со всѣмъ въ новь сочинено, многое дополнено; иное сокращено, а иное и во вся выброшено, яко болѣе несуществующее. — Все сіе разумѣть должно о первой, а паче о четвертой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи.

Весьма счастливымъ почту себя, ежели усердное мое желаніе доставлять почтеннѣйшей Россійской Публикѣ, чрезъ изданіе книгъ, сей подобныхъ, пользу и удовольствіе, будетъ удостоено благосклоннаго ея пріятія.

Извѣстно всякому свѣдущему о Государствахъ и Владѣніяхъ, на земномъ шарѣ существующихъ, что нѣтъ на ономъ ни одного такого, которое вмѣщало бы въ себѣ толь великое множество различныхъ Народовъ, какъ Россійская Держава. Древніе Обитатели Россіи суть: 1е *Руссы* съ ихъ племенами, яко, Лопари, Семояды, Юкагиры, Чукчи, Камчадалы, Курильцы, Алеуты, Коряки, Якуты, Тунгуссы, Остяки Енисейскіе, Кондійскіе и Обьскіе, Вогуличи, Башкирцы, Черемиссы, Мордва, Тептери, Чуваши, Зыряне, Пермяки, Вотяки, Корелы, Финны, Эстландцы, Ливонцы, Латыши, Курландцы, Шведы, Датчане, Литва. — Послѣ Россовъ 2е *Славяне*, или Сыръ-Мыды, иначе Сарматы, съ ихъ племенами, яко, Поляне, Древляне, Сѣвера, Бужане, Радимичи, Вятичи, Хорваши, Дулебы, Лютичи, Тиверцы и другіе, Предки Поляковъ, Смольянъ, Бѣлозерцовъ, Ростовцовъ, Муромцовъ, Ярославцовъ, Новгородцовъ, Малороссіанъ, Украинцовъ, Галичанъ, иначе Цесарской Галиціи, и другихъ. 3е *Татары* съ ихъ племенами, яко, древніе Печенѣги, Козары, Половцы, Болгары, нынѣ извѣстные, подъ именами, Татаръ Казанскихъ, Астраханскихъ, Касымовскихъ, Уфимскихъ, Оренбургскихъ,

Тобольскихъ, Томскихъ, Мелессовъ, Тулибершскихъ, Кистинскихъ, Абинцовъ, Чулымскихъ, Обьскихъ, Барабинскихъ, Туринскихъ, Аяловъ, Качинцовъ, Удинскихъ, Яринскихъ, Бирюссовъ, Кабинцовъ, Бѣлтырей, Загайскихъ, Нагайцовъ, Едизанскихъ, Джамбулукскихъ, Едишкульскихъ и Аккерманскихъ, Буджацкихъ, Мещеряковъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Абхазовъ, Алтекезень-Абхазовъ, Черкесовъ, Кабардынцовъ, Осссетинцовъ или Оссовъ, Кистенцовъ, Лестинцовъ, Аваровъ или Хунзачей, Кумыковъ, Нагайцовъ, Касайцовъ, Урусовцовъ, Трухменцовъ, Бухарцовъ, Хивинцовъ, Такшенцовъ, Туркистанцовъ и другихъ. 4е Народы, такъ же изъ древле населяющіе Россію, суть: *Могулы* или *Монголы*, коихъ племена суть: Калмыки, Хошоты, Зоонгоры, Дербеты, Торгауты, Буретты, Телеуты, Киргизцы и другіе, а на послѣдокъ. 5е Пришельцы и *Поселенцы* въ Россіи, яко, Индійцы, Персіаны, Армяны, Грузинцы, Цыганы, Жиды, Нѣмцы, Французы, Италіанцы, Греки, новые Славены и другіе. — Сословіе *Козаковъ*, хотя они и получили существованіе свое изъ тѣхъ же Народовъ первоначальныхъ, населяющихъ Россію, по многочисленности своей и по отмѣнному одѣянію и обычаямъ, показываетъ какъ бы особый Народъ; а по сему и они помѣщены въ описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, съ показаніемъ о каждыхъ особенно по ихъ именованіямъ, о ихъ произхожденіи, жилищахъ, обычаяхъ и о прочемъ.

Сіи-то всѣ вычисленные Народы, съ возможною краткостію и купно обстоятельностію, описаны въ сихъ четырехъ частяхъ книги, представляемой почтеннѣйшей Россійской Публикѣ. Точное познаніе о многихъ сихъ, населяющихъ Россію, Народахъ, а наипаче о сѣверныхъ и восточныхъ, можетъ почесться *новымъ* еще въ самой Россіи. Съ завоеваніемъ Сибири въ шестомъ надесять столѣтіи, отъ времени до времени пріобщаемы были къ Россійской Державѣ Народы чуждые, едва и по имени до того извѣстные, да и доставляемы были Публикѣ объ оныхъ весьма краткія

и недостаточныя извѣстія, пока по Высочайшему изволенію пекущагося о народномъ просвѣщеніи Правительства С. Петербургскіе Академики, а наипаче потрудившійся съ превеликою пользою для Россійской Исторіи, старый Академикъ, Статскій Совѣтникъ Миллеръ, не пособралъ оныхъ въ своихъ многолѣтнихъ путешествіяхъ. Новѣйшіе Путешествователи, Академики же, еще больше допомогли тому, хотя и все еще остается, а можетъ быть и останется всегда не описаннымъ точно извѣстіе о многихъ изъ тѣхъ наипаче Народовъ, которые за недостаткомъ у нихъ письмянъ, за дикостію своею, за неудобопреходностію до нихъ, и за другими премногими трудностями, не могутъ быть точно разпрошены и изслѣдованы.

Но ежели когда можно было, такъ ето нынѣ сообщить почтеннѣйшей Россійской Публикѣ вѣрное описаніе настоящаго состоянія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ мѣстопребыванія, нарѣчія, упражненій, обрядовъ жизни, нравовъ, Вѣроисповѣданія и всего любопытнаго, и представить въ одномъ мѣстѣ то, что разбросано въ мѣлочныхъ и частныхъ описаніяхъ, ежели не для показанія Читателямъ настоящаго Отечественнаго повѣствовательнаго описанія, то по крайней мѣрѣ для полезнаго занятія толь новымъ и любопытнымъ чтеніемъ. — Народы, обитающіе въ сѣверныхъ и восточныхъ самыхъ крайнихъ оконечностяхъ и пустыняхъ, неудобныхъ ко введенному въ Европѣ образу жизни, яко ловцы или пастыри скитающіеся, хотя и остаются еще при своемъ образѣ жизни, но учинились уже довольно извѣстными, а особливо при настоящемъ новоустроенномъ состояніи Государства Россійскаго. Живущіе же въ сосѣдствѣ съ исповѣдующими Христіанскую Вѣру и въ умѣренныхъ Странахъ, весьма знатно удалились отъ древнихъ своихъ нравовъ, средствомъ единаго подражанія. Пріемлющіе Христіанскую Вѣру пріемлютъ и главное Россійское нарѣчіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не вдругъ

и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но конечно перестаютъ быть тѣмъ, что были. Нѣкоторые остатки Народовъ знатныхъ отъ времени до времени смѣшиваются во едино тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе толпы оныхъ, такъ, что до измерзнія еще остатковъ сродняются съ главнѣйшими племенами. — Единообразность учрежденія Государства весьма премудро допомогаетъ сему, и Исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ Народовъ нашихъ къ единой метѣ всеобщаго Россіи просвѣщенія, соединенія чудеснаго во едино тѣло и едину душу, и, такъ сказать, спавленія во Исполина, неколебимаго сонмами вѣковъ.

Внимательное разсматриваніе всѣхъ Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простый, естественному состоянію весьма близкій, *Міръ* во всѣхъ степеняхъ прехожденія къ настоящему отонченному и обогащенному надобностями Міру. Мы имѣемъ еще грубыхъ, воинствующихъ, равнодушныхъ при встрѣчѣ опасностей, бѣдствій и при лишеніи имущества, безъ всякихъ законовъ скитающихся Народовъ, *питающихся звѣриною и рыбною ловлею*, одѣвающихся одними звѣриными кожами, птичьимъ перьемъ, праздполюбивыхъ, иныхъ бѣдныхъ, а другихъ богатыхъ; — Народовъ, *провождающихъ скотоводственную жизнь*, и имѣющихъ еще Патріархальные нравы, обычаи, упражненія въ скотоводствѣ, заимствуя отъ онаго одѣяніе, пищу и богатство свое, со скотами своими безъ всякаго земледѣлія, въ подвижныхъ палашкахъ или наметахъ кочующихъ въ пространныхъ степяхъ, имѣя между собою иные Народное, другіе Вельможеское, а иные, яко Калмыки и Монголы, Единоначальственное управленіе, живя изъ древле общественно, по естественнымъ законамъ, обнаруживающимся во всѣхъ ихъ поступкахъ, не имѣя надобности въ деньгахъ, безъ письмянъ, сохраняя преданія, показывая въ ихъ жилищахъ, одѣяніи, пищѣ, желаніяхъ простоту, довольство, являя благоговѣніе къ Вѣроисповѣданію своему, уважая старость и

мужественные поступки: но есть частїю и такїе между ними, кои суть жестокихъ нравовъ, любомстительны безпредѣльно, лѣнивы, неопрятны, любострастны и вмѣщающи въ себѣ все естественнаго состоянїя зло и добро. — *Земледѣльческое Состояніе* представляется намъ здѣсь отъ первоначальнаго воздѣлыванїя постепенно до самаго совершенства. — *Жилища* или селенїя отъ юртъ, шалашей или кущей и пещеръ до домовъ, не подвижныхъ деревень, селъ, городовъ съ чертогами; — *Оружіе* отъ пращи до стрѣлъ, лапъ, фузей съ фитилями и замками, пушекъ, мортиръ со всѣмъ совершенствомъ воинскаго искусства сухопутнаго и мореходнаго; — *Ремесла*, *Художества* и *Науки* такъ же постепенно отъ обдѣлыванїя работы каменнымъ ножемъ до изсѣченїя изваянїй, не уступающихъ Фидїевымъ; отъ шитья жилами животныхъ до вышиванїя золотомъ и шелками, оживотвореннаго рукою самаго, кажется, Апеллеса; отъ сбивчиваго понятїя о себѣ до глубочайшаго познанїя своихъ внутреннихъ силъ и способностей.

Нѣкоторые изъ нашихъ Народовъ и по днесь со всею важностїю древности сохраняютъ многїе обычаи и употребленїя древняго восточнаго Мїра, какъ на примѣръ, подарки праздничнаго платья при бракосочетанїяхъ, гостепрїимство, закланїе животныхъ для гостей, почесть сидѣть подлѣ старѣйшихъ и во обще почтительность къ старости, вкушенїе пищи, сидя на земли, образъ приготовленїя нѣкоторыхъ пищей и прочее, сему подобное. Новѣйшїе обычаи видны у разныхъ нашихъ Народовъ во всѣхъ степеняхъ перехода отъ грубыхъ къ отонченнымъ. Ощутительно такъ же сходство образа жизни, нравовъ и свойствъ грубыхъ нашихъ Народовъ со многими дикими другихъ частей Свѣта, какъ на примѣръ, сходства одѣянїя нѣкоторыхъ сѣверныхъ Американцовъ и нашихъ Осшяковъ, равно и образа жизни, домашней рухляди и прочаго; Гренландцовъ съ сѣверными Сибиряками и островитянами; разписыванїе знаками кожи

на тѣлѣ, какое дѣлаютъ Тунгусы, дѣлаютъ такъ же и новооткрытые южные Островитяны; — Чукчи наши носятъ вошкнутыя кости въ губахъ такъ же, какъ и *Певески*, и такъ далѣе.

Въ первой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, слѣдуя землеописательному чертежу Россійской Имперіи, сколько можно было ближе, описаны бытіе, жилища и мѣста нынѣ занимаемыя, нравы, образъ жизни, упражненія, забавы, лицечертанія, одѣянія, домашняя рухлядь, Вѣроисповѣданія, повѣрья и другія достопамятности *Русскихъ* или *Финнскихъ, Чудскихъ*, племенъ, яко: 1 *Лоларей*, 2 *Финновъ*, или *Чухонцовъ*, 3 *Латышей*, *Эстовъ* и *Ливонцовъ*, 4 *Ижерцовъ*, 5 *Черемисовъ*, 6 *Чувашей*, 7 *Мордвы*, 8 *Вотяковъ*, 9 *Телтерей*, 10 *Вогуличей* и 11 *Отяковъ*.

При сей же *первой части* находятся помѣщенными, гдѣ должно, *изображенія* описанныхъ въ оной Народовъ слѣдующія: 1 *Лоларя*, 2 *Лоларьки*, 3 *Финнскаго мужика*, 4 *Финнской деревенской бабы*, 5 и 6 *Чухонки въ праздничномъ одѣяніи съ переди и съ тылу*, 7 и 8 *Эстландской бабы*, 9 *Эстландской дѣвки*, 10 *Ижерки*, 11, 12 и 13 *Черемиски съ переди и съ тылу, такъ же и въ лѣтнемъ нарядѣ*, 14 и 15 *Чувашенки съ переди и съ тылу*, 18 *Мордовской дѣвки*, 19 *Мокшанской Мордовки*, 20 *Мокшанской старухи*, 21 *Вотяка*, 22 *Отяка при рѣкѣ Оби*, 23 *Отякскаго горностайнаго промышленника*, 24 и 25 *Отячки съ переди и съ тылу*. — При сей же первой части находится еще, съ верьхъ сихъ изображеній, два изображенія, или *виньеты*, заглавный и конечный; первое представляетъ Лопарское богоговѣніе предъ холмомъ, почитаемымъ за священный, и предъ обтыканнымъ принесенными въ жертву оленьими рогами камнемъ, такожъ ихъ *хойе* или юрту; а второе Чувашскіе и другихъ Финнскихъ Народовъ похороны.

Во второй части описаны *Татарскіе Народы*, родъ посторонній, покоренный, или добровольно пришедшій подъ

кроткую Россійскую Державу, родъ, послѣ коренныхъ Россійскихъ, самый многочисленный. — Повѣствованіе объ нихъ сдѣлано краткое, но вѣрное и обстоятельное, и описаны: 1 *Казанскіе и Оренбургскіе Татары*, 2 *Туралинцы*, 3 *Тобольскіе Татары*, 4 *Томскіе Татары*, 5 *Нагайскіе Орды*, 6 *Астраханскіе Татары*, 7 *Таврическіе Татары*, 8 *Нагайскія Орды, живущія около Чернаго моря и по Кубанѣ*, 9 *Терекскіе Нагайскіе Татары*, 10 *Кундуровскія Нагайскія Орды*, 11 *Кавказскіе Народы*, 12 *Лезги*, 13 *Базіане*, 14 *Черкесы*, 15 *Трухменцы*, 16 *Осеты*, 17 *Авхазы или Абазы*, 18 *Кисты или Кистинцы*, 19 *Чеченги*, 20 *Югуши*, 21 *Милчеги*, 22 *Карабулаки*, 23 *Кумыкскіе Татары*, 24 *Алибарлинцы*, 25 *Грузинцы* такъ же, по сосѣдству съ Татарами, помѣщены въ сей части; 26 *Бухарцы*, 27 *Татарскіе поселяне*, 28 *Башкирцы*, 29 *Мещеряки*, 30 *Барабинцы*, 31 *Киргизцы*, 32 *Обьскіе Татары*, 33 *Чулымскіе Татары*, 34 *Качинскіе Татары*, 35 *Телеуты*, 36 *Кистимскіе и Тулибертскіе Татары*, 37 *Абинцы*, 38 *Верьхотомскіе Татары*, 39 *Бирюссы*, 40 *Заянскіе Татары*, 41 *Белтыри*, 42 *Якуты*. Въ сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенія описанныхъ въ оной Народовъ, а именно подъ нумеромъ 26 *Казанскаго Татарина*, 27 и 28 *Казанской Татарки съ переди и съ тылу*, 29 *Чатской Татарки*, 30 *Нагайской Татарки*, 31 *Кабардинца*, 32 *Кабардинки*, 33 *Сибирскаго Бухара*, 34 *Башкирки*, 35 *Мещерячки*, 36 *Барабинской бабы*, 37 *Барабинской дѣвки*, 38 *Киргизца на конѣ*, 39 и 40 *Киргизки съ переди и съ тылу*, 41 *Качинской Татарской бабы*, 42 и 43 *Качинской дѣвушки съ переди и съ тылу*, 44 и 45 *Шаманки Качинской въ Красноярскомъ Уѣздѣ съ переди и съ тылу*, 46 и 47 *Татарской бабы въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу*, 48 и 49 *Тагарской дѣвушки въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу*, 50 и 51 *Якута въ охотничьемъ платьѣ съ переди и съ тылу*, 52 и 53 *Якутской бабы съ переди и съ тылу*, 54 и 55 *Якутской дѣвки съ лица и съ*

тылу. — Да съ верьхъ сихъ изображенїй, находящся при второй же части еще два изображенїя: *заглавное,* представляющe особливыя Кундуровскихъ Татаръ юрты или кибитки на колесахъ, удободвижимыя съ мѣста на мѣсто такъ, какъ и образъ ихъ кочеванїя, и *конечное,* которое представляетъ Якутское плаванїе въ берестовой, или кожею обшянушой, лодкѣ, такъ же верьховую и упряжную ѣзду на волахъ, ихъ юрты и рыбную ловлю на байдарахъ.

Въ третьей части описаны Народы особенные и до нынѣ еще не рѣшенные о принадлежности ихъ къ какому либо изъ главныхъ и первоначальныхъ Россїйскихъ Народовъ, яко Народы *Семоядскїе* или правильнѣе, *Суома-Йотскїе, Восточные Сибирскїе* и *Манджурскїе,* такожъ *Островитяны* на Восточномъ морѣ, съ краткимъ извѣстїемъ объ употребительномъ у сихъ Языческихъ Народовъ *Шаманскомъ Идолослужении*; Исторїя, мѣстопребыванїе, лицечертанїе, обычаи, употребленїя, одѣянїе, упражненїя, Вѣроисповѣданїе и прочїя достопамятности сихъ Народовъ описаны кратко но подробно: 1 *Семоядовъ,* 2 *Конбаловъ,* 3 *Саятовъ* или *Суома Йотовъ,* 4 *Маторовъ,* 5 *Тубинцовъ,* 6 *Камачинцовъ,* 7 *Каракассовъ,* 8 *Народовъ смѣшанной породы,* 9 *Енисейскихъ Отяковъ,* 10 *Аринцовъ,* 11 *Азановъ,* 12 *Котовцовъ,* 13 *Манжурскихъ Народовъ,* 14 *Тунгусовъ,* 15 *Восточныхъ Сибирскихъ Народовъ,* 16 *Юкагировъ,* 17 *Камчадаловъ,* 18 *Коряковъ,* 19 *Чукчей,* 20 *Курильцовъ,* 21 *Восточныхъ островскихъ жителей,* яко *Алеутовъ* и *Сѣверныхъ Американцовъ,* и 22 о *Шаманскомъ Языческомъ Законѣ.* При сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенїя описанныхъ Народовъ и ихъ Идолослужителей, продолжая отъ нумера 56, представляющаго *Семояда,* 57 *Семоядку,* 58 *Семоядку въ лѣтнемъ платьѣ,* 59 *Тунгуса въ такомъ одѣяни, въ какомъ ходятъ на звѣриный промыселъ,* 60 *Тунгуса на охотѣ,* 61 *Тунгуса въ охотничьемъ платьѣ,* 62 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ Аргунѣ съ лица,* 63 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ*

Аргунѣ съ тылу, 64 *Камчадала въ зимнемъ платьѣ*, 65 *Камчадалку въ простомъ платьѣ*, 66 *Камчадалку въ хорошемъ платьѣ*, 67 *Камчадалку въ великолѣпномъ убранствѣ*, 68 *Шамана Камчатскаго*, 69 *Коряка*, 70 *Коряка въ уборномъ платьѣ*, 71 *Корячку*, 72 *Чукотскую бабу*, *въ обыкновенной одеждѣ*, 73 *Чукотскую бабу*, *выдѣлывающую кожи*, 74 *Алеута*, 75 *Курильца*. — Съ верьхъ сихъ изображенїй есть еще въ сей третьей части *заглавное* изображенїе, представляющее, какъ Семояды свѣжуютъ оленя и при томъ ѣдятъ внутренность его сырую; такъ же какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на стрѣлковъ, которые ихъ убиваютъ, и *конечное*, которое представляетъ восточнаго островскаго жителя, плывущаго въ своей тюленьей лодкѣ или байдарѣ, въ тюленьемъ одѣянїи и въ деревянной шлянѣ или козыркѣ, подобной утиному носу, съ перьями воткнутыми въ оный; тутъ же виденъ въ дали островъ съ огнедышущею горою, каковыя находятся на Курильскихъ и другихъ сосѣдственныхъ Камчаткѣ островахъ.

Въ четвертой и послѣдней части творенїя сего описаны Народы, обитающїе подъ Россїйскою Державою, слѣдующїе: *Монгольскїе Народы*, яко, 1 *Калмыки*, 2 *Ставропольскїе крещеные Калмыки*, 3 *Мугаммеданскїе Калмыки*, 4 *Буретты*, 5 *Монголы*, 6 *Армяны*, 7 *Грузинцы*, 8 *Индїйцы*, 9 *Нѣмцы и другїе Европейцы*, 10 Поляки, 11 *РОССІАНЫ*, разумѣя коренные два Народа въ смѣшенїи, яко, *Россовъ* и *Славянъ* древнихъ, Народъ владычествующїй во всей Россїйской Имперїи; 12 *Козаки* по всѣмъ ихъ именованїямъ, 13 *Курландцы*, и на конецъ 14 *Литва*. — При описанїи сихъ Народовъ приложены изображенїя ихъ по порядку подъ нумеромъ 76 *Калмыка*, 77 *Калмычки*, 78 *Братской дѣвушки въ Удинскомъ острогѣ съ переди*, 79 *ея же съ тылу*, 80 *Братской бабы въ Удинскомъ острогѣ съ лица*, 81 *ея же съ тылу*, 82 *Братской Шаманки съ лица*, 83 *ея же съ тылу*, 84 *Монголки*, 85 *Монгольскаго Ламы или Духовнаго*, 86

Монгольской Шаманки или вѣщуньи, 87 *Армянина*, 88 *Армянки*, 89 *Поляка*, 90 *Полячки*, 91 *Калужскаго Кулца*, 92 *Россійскаго Крестьянина*, 93 *Калужской Кулеческой жены въ лѣтнемъ платьѣ*, 94 *Калужской женщины въ зимнемъ платьѣ*, 95 *Калужской дѣвицы съ переди*, 96 *Валдайской дѣвки* 97 *Валдайской бабы*, 98 *Донскаго Козака*, 99 *Донской Козачки*, 100 *Черноморскаго Козака*. — При сей же четвертой части Описанїе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, есть еще изображенїя *заглавное*, представляющее Киргизскую и Калмыцкую охоту за птицами на лошадяхъ съ кречетами и ястребами въ рукахъ и въ погонѣ за журавлями, а *конечное* положенную на музыку извѣстную Россїйскую пляску *Голубца*.

Показанныя здѣсь изображенїя Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляютъ ихъ большею частїю въ обыкновенныхъ ихъ одѣянїяхъ и лицечертанїяхъ, елико можно было ближе къ естественнымъ или природнымъ каждому изъ нихъ. Вырѣзаны оныя С. Петербургскими Рѣщиками: *Ротолѣ*, *Шлеллеромъ* и другими, частїю съ находящихся рисунковъ и фигуръ при Императорской С. Петербургской Академїи Наукъ въ кунсткамерѣ, а частїю съ живыхъ подлинниковъ.

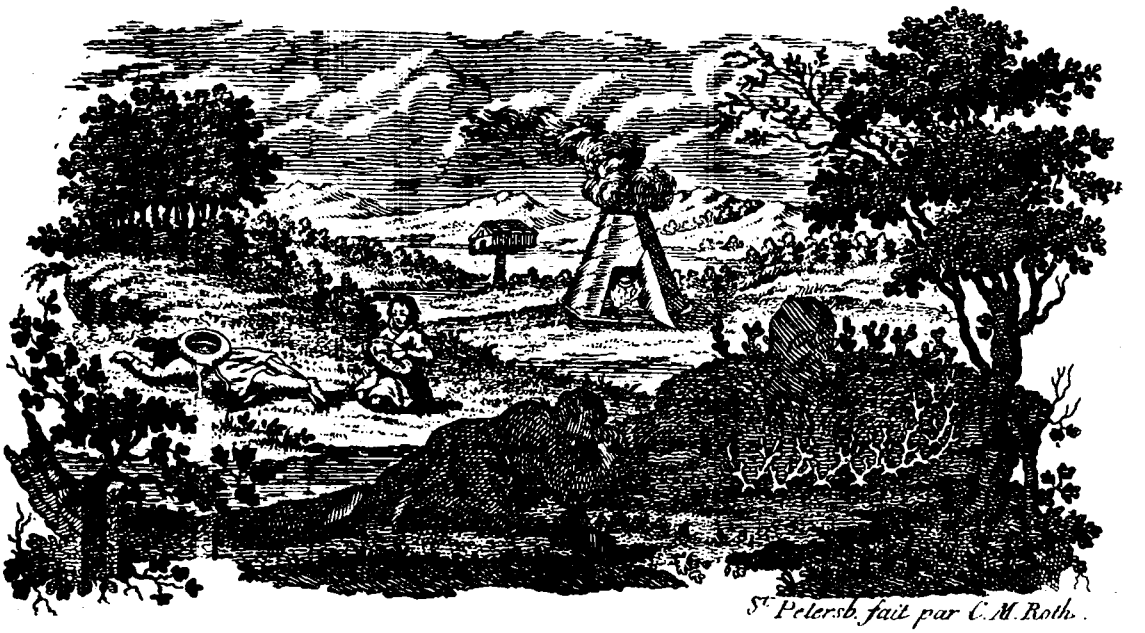
Въ прочемъ я съ своей стороны почту себя весьма счастливымъ, буде сїе мое изданїе толь любопытнаго, *новаго* и весьма наставительнаго творенїя удостоено будетъ отъ Россїйской почтеннѣйшей Публики благосклоннаго прїятїя, яко усердная жертва, возлагаемая съ благоговѣнїемъ на священный жертвенникъ *БОЖЕСТВА*, пекущагося *Отечески* объ истинномъ и всеобщемъ просвѣщенїи и благоустройствѣ толь многихъ и различныхъ Народовъ, управляемыхъ благотворнымъ скипиромъ *ЕГО*. — Тогда-то усерднѣйшее желанїе мое достигнетъ настоящей своей мѣры.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ПЕРВОЙ ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о которомъ изъ нихъ писано.

	стран.
I. О финнскихъ Народахъ или древнихъ Руссахъ вообще	1
II О Лопаряхъ	3
III. О финнахъ или Чухонцахъ	14
IV. О Латышахъ, Эстахъ и Ливонцахъ	20
V. Объ Ижерцахъ	23
VI. О Черемисахъ	26
VII. О Чувашахъ	35
VIII. О Мордвѣ	42
IX. О Вотякахъ	48
X. О Тептеряхъ	58
XI. О Вогуличахъ	60
XII. Объ Отякахъ	66



ФИНСКІЕ НАРОДЫ, или ДРЕВНІЕ РУССЫ.

Древнїе *Руссы* суть коренный Россїи Народъ, котораго имя только Россія на себѣ носитъ, а языкъ его древнїй, отъ смѣшенія, сосѣдства и послѣ соединенія со Славянами, совершенно почти изчезъ. Народъ сей въ древности занималъ пространство нынѣшней Россїи отъ острова Тамана, Хвалынскаго моря, по восточную сторону Волги, до Бѣлаго, простираясь по сѣверному Океану, по восточной сторонѣ Ботническаго залива, по Финскому заливу и озерамъ: Ладожскому и Ильменю; по рѣкамъ: Волхову, Шалони, Мстѣ, Ловати и Пали. При устьѣ Ловати древнїй ихъ городъ, *старая Руса*. Народъ сей отъ древнихъ чужеземныхъ дѣе-писателей назывался Цымбрами, Киммерами, Сарматами, Готѳами и Гетами, а отъ сѣверныхъ домашнихъ Юпнарами, Рисарами, Ризами и Русами, т. е. по Цельтически, *сильными*. Въ старину Россїя не называлась *Россіею*, но *Русь*, *Русїа*, а Россїею стала звaться не прежде, какъ въ концѣ царствованія *Іоанна* II, и названїе сїе введено Макарїемъ Митрополитомъ. Прежде Макарїя, и нѣсколько времени послѣ него, какъ въ титулахъ, исторїяхъ и на деньгахъ всюду *Русь* именована, и самъ оный Государь въ рѣчахъ и граматахъ всегда *Русїа* употреблялъ. Руссовъ, Цимбровъ, или Кимеровъ, знатная часть, будучи потѣснена отъ Азовскаго моря Скиѳами, прошла въ Мидїю и Лидїю, а другїе подвинулись въ нынѣшнюю Ютландїю, Голш-

тинїю и Мекленбургїю, отъ которыхъ и море тамошнее Кимврїйскимъ прозвано. Тѣ же, кои, какъ выше показано, жили около Балтїйскаго моря и далѣе къ ледовитому Океану, по пришествїи на Княженїе Рурика, да и прежде ужѣ столько перемѣшались и породнились со *Славянами*, что на послѣдокъ стали составлять одинъ народъ; есть однакожь и по днесь особенные роды того древняго Русскаго Народа, извѣстные нынѣ подъ названїемъ, *Финскихъ народовъ*, и суть: *Лопари*, *Финны*, *Латыши*, *Мордва*, *Вотяки*, *Гельтяры*, *Вогуличи*, *Отяки* и прочїя постороннїя малыя поколѣнїя. Они суть самые древнїе сѣверныя Россїи жители, и обитаютъ всѣ, кромѣ Отяковъ и Вогуличь, по сїю сторону Уральскихъ горъ, составляющихъ естественный между Европою и Азїею предѣлъ.

По самому древнему ихъ состоянїю были они всѣ кочевые Народы; но въ послѣдующїя времена, а особливо по обращенїи ихъ отъ языческаго суевѣрїя къ Христїанскому закону, сдѣлались они изъ скотоводцовъ землепашцами, и подвижнымъ своимъ жилищамъ предпочли одномѣстныя.

Разсѣянные въ восточныхъ Странахъ не большїе Народы сообразовались въ словѣ и одеждѣ съ тѣми Народами, кои имъ были порубежны, или которыхъ они подъ иго свое покоряли. Такимъ образомъ много переняли кое чего Чуваша отъ Татаръ; Мордва, а особливо Зиряне и Пермяки, коихъ теперь почти и признать не можно, отъ Россїянъ; Отяки отъ Семоядовъ, и такъ далѣе. Однакожь весьма удивительно, что премногїя, въ разсѣянїи живущїя, *Финскїя поколѣнїя*, и при различномъ положенїи занимаемыхъ ими мѣстъ, имѣютъ еще и теперь очень много *собственнаго* и *сообразнаго* главнымъ Финскаго племени колѣнамъ въ разсужденїи тѣлообразїя, общенародныхъ свойствъ, языка, нравовъ, одежды, суевѣрїя, и проч. Все сїе явственно будетъ видно изъ частныхъ описанїй. Достойно такъ же примѣчанїя и то, что премногїе изъ сихъ Народовъ живутъ еще и теперь только въ сѣверныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ Странахъ, кои изкони были любимыя Финскаго племени мѣста; въ разсужденїи чего и называются они *Болотными жителями* (Суома Яме). Звѣриная и рыбная ловля была первымъ ихъ промысломъ. Въ прочемъ кажется быть и дѣйствительно вѣроятно, что столь великое сходство доказываетъ не оспоримо основанное на самой истинѣ мнѣнїе г. Статскаго Совѣтника Миллера, такъ и Профессора Фишера: *что всѣ сїи Народы суть не особливыя какїя, но только отщетившїяся отъ Финскаго племени колѣна.*

ЛОПАРИ.

Лопари, или *Лаллландцы*, называютъ себя *Самами* и *Сомами*, а Страну свою *Самеандою* и *Самеладдою*. Они живутъ въ Архангельскомъ Намѣстничествѣ, въ Кольскомъ уѣздѣ, и занимаютъ простирающуюся выше Ботническаго на сѣверѣ залива, между находящимся въ западной сторонѣ *Сѣвернымъ*, а въ восточной *Бѣлымъ* морями землю, лежащую по Россійскому Атласу между 67 и 75 степенями сѣверной широты, и состоящую какъ изъ подавшихся наближе къ сѣверу *Алтайскихъ горъ*, такъ и изъ склоненія оныхъ на востокѣ и югѣ въ низменныя, болотистыя, дикія, лѣсистыя и озерами изобилующія, гористыя мѣста. Норвежскіе, Шведскіе и Россійскіе предѣлы сошлись тамъ такъ, что *Шведская Лопарія* въ южной самую большую, *Россійская* въ восточной, а *Норвежская* въ сѣверной сторонѣ высокихъ горъ меньшую занимаетъ часть земли. По причинѣ неплодородія тамошнихъ горъ и суровости воздуха, такъ какъ и по тому, что Лопари живутъ почти звѣрообразно, не можетъ сей Народъ, соотвѣтственно обширности занимаемой имъ Страны, быть многолюденъ. Россійская Лопарія заключаетъ около тысячи верстъ въ поперешникѣ; но больше 1200 не наберется тамъ Лопарскихъ семей. Норвежская Лопарія гораздо меньше, а Шведская на противъ того не сравненно больше занимаетъ пространства; воздухъ тутъ благорастворенѣе, но жителей столь же мало.

Лопари суть *Финскій Народъ*. Они назывались еще и за шесть сотъ лѣтъ до нашихъ временъ *Стрико Финнами* (бѣглыми Финнами), и вѣроятнѣе кажется, что нынѣшніе Финны, отщепясь отъ нихъ, переселились въ привольнѣйшія мѣста, для спокойнѣйшей и выгоднѣйшей жизни, нежели противное сему мнѣніе. Они издревле жили на своихъ горахъ, и управляемы были собственными Владѣльцами: но на послѣдокъ покорены Шведами, и теперь нѣтъ у нихъ и памяти Дворянскихъ семей.

Росту они *средняго*. Почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки не обыкновенно запалыя, глаза темносѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ, отъ воздуха, дыму и неопрятности, изъ желта смуглый. Отъ суровой своей жизни, бываютъ они сложеніемъ крѣпки, проворны и изгибчивы, но при томъ и лѣности подвержены.

Разумъ у нихъ *обыкновенный простонародный.* Въ прочемъ они миролюбивы, Начальникамъ своимъ очень покорны и почтительны, къ воровству не склонны, постоянны, въ обхожденіи веселы, но не довѣрчивы, въ торгахъ плутоваты, объ отечествѣ своемъ и общежительственномъ устроеніи очень много думаютъ, и столько какъ оными, такъ и самими собою плѣнены, что, будучи внѣ отечества, умираютъ больше отъ сокрушенія своего по родинѣ.

Женщины ихъ росту малаго, ласковы, не развращенны, нарочито бываютъ пригожи и чрезвычайно пугливы; въ чемъ и мужчины имъ подобны, но не совершенно. Ежели попадетъ на нихъ искра, не чаянно услышатъ шорохъ, такъ же когда увидятъ внезапно чужихъ, хотя съ лица и не дурныхъ, людей, либо другое что не важное, но для нихъ странное: то находитъ отъ того на нихъ шаль, и что имъ ни попадется въ руки, тѣмъ и бьютъ приближающихся къ нимъ, а когда очувствуются, то ни чего не помнятъ. Смотря на многочисленную ихъ бесѣду, можно примѣтить, что слушающіе пошевеливаютъ устами такъ точно, какъ и тѣ, кои дѣйствительно разговариваютъ.

Языкъ ихъ, заимствующій начало свое отъ Финнскаго, имѣетъ столько нарѣчій, что и сами Лопари съ трудомъ всѣхъ своихъ одноплеменцовъ слова разумѣютъ. Всѣ слоги произносятъ они столько жестоко, что пѣніе ихъ, по сей причинѣ, бываетъ подобно вою и лаю наипротивнѣйшему. Они не знаютъ ни печатныхъ, ни письменныхъ буквъ; но употребляютъ начертанныя, по подобію какихъ ни есть звѣрей и вещей, *клейма*, которыя кладутъ на свои бирки, или памятники, да и въ мѣсто письменнаго заручательства прилагаютъ. Мѣсяцы называютъ они по естественнымъ, надъ растѣніями и звѣрьми происходящимъ, явленіямъ. Такъ на примѣръ, называютъ они мѣсяцъ Май, Чесмесъ (лягушечій), и проч. Небесныя свѣтила различаютъ они также не дурно: *Медвѣдицу* называютъ они, лукомъ (Цоука). *Семизвѣздіе*, скотскимъ сердцемъ (Теіоко), *Комету*, долгохвостою звѣздою (Зейникснассе), и такъ далѣе. Многіе упражняются и въ предсказаніяхъ, на звѣздочетствѣ основываемыхъ.

Почтеніе оказываютъ они между собою по лѣтамъ, да по имѣнію. Жадность къ богатству есть самая большая ихъ страсть, и по тому очень часто вступаютъ они въ тяжбы за наслѣдство. Корыстолюбіе отвлекаетъ ихъ отъ всякаго о бѣдныхъ соболѣзно-

ванія, и какъ у нихъ не водится, чтобъ ѣздилъ кто на томъ олене, на коемъ везено мертвое тѣло: то и о родительскихъ похоронахъ происходятъ часто между дѣтьми долговременные споры. Избѣгая за какое ни будь и не важное преступленіе наказанія, уходятъ они иногда изъ своего уѣзда въ другой, съ онымъ порубежный; но сіе переселеніе кажется имъ столь же важно, какъ Европейцу путешествіе въ Индію.

Народъ сей *не отсталъ*, и по принятіи Христіанскаго закона, *отъ кочевой* своей *жизни*, да и то надобно сказать, что сельское домостроительство въ занимаемой имъ Странѣ было бы не прибыльно. Въ прочемъ *раздѣляется* оный *на нагорныхъ* и *поморскихъ* жителей. Нагорные Лопари, кои со стадами своими, изъ не равнаго числа оленей состоящими, живутъ какъ на горахъ, такъ и по близости оныхъ, почти безпрестанно перебираются съ одного мѣста на другое. Ихъ можно назвать прискусными и рачительными скотоводцами, и, въ сравненіи съ поморскими Лопарями, богатыми: ибо есть между ими такіе зажиточные люди, кои имѣютъ сотъ по шести и по тысячѣ оленей, да съ верьхъ того еще наличныя деньги, или серебреную посуду. Оленей своихъ замѣчаютъ они на ушахъ, и дѣлятъ ихъ на столько разныхъ родовъ, что, хотя считать и не умѣютъ, узнаютъ съ перваго взгляду, которыхъ не достаетъ. У кого животныхъ сихъ не много, тотъ даетъ каждому особое названіе. Излишныхъ же оленей холостятъ, раздавливая зубами сѣмянныя хранилища. Самцы олени, всѣ бодры, смирны, велики, дюжи и красивы; въ разсужденіи чего и употребляютъ ихъ Лопари всегда въ поѣздки, и при томъ столько они имъ милы, что ежели мужчина, или женщина, вздумаетъ кому сказать ласковое слово: то называетъ его оленемъ (Гаерце Ецъ).

Поморскіе Лопари, называемые такъ же лѣсными и звѣроловными, по тому, что живутъ лѣтомъ около морей и озеръ, а зимою въ лѣсахъ, заимствуютъ пропитаніе свое отъ рыбной и звѣриной ловли, и избираютъ всегда подъ жилища свои привольныя, для сихъ промысловъ, мѣста. Однакожъ большая ихъ половина держитъ у себя и оленей, по незнатному числу. Съ одного мѣста на другое переселяются они рѣдко, и суть въ прочемъ рачительные и искусные звѣроловы. Огнестрѣльное оружіе со всѣмъ почти вывело у нихъ изъ употребленія лукъ и стрѣлы. Ежели кто ни будь изъ нагорныхъ Лопарей придетъ въ бѣдность, то уступаетъ остальныхъ своихъ оленей кому ни есть изъ пріятелей, а самъ прини-

мается, для изправленїя своего, за звѣриный промыселъ, который и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства его не перемѣнятся. Дикихъ оленей, волковъ и другихъ, симъ подобныхъ, звѣрей бьютъ они больше дубинами, по тому, что на лыжахъ свободно ихъ догоняютъ. Медвѣдей же сперьва подстрѣливаютъ, а по томъ рогатинами съ ними управляются.

Сверьхъ оленья скотоводства, такъ же рыбной и звѣриной ловли, *дѣлаютъ мужчины* про себя не большїя, легкїя и плотныя *лодки*, подобныя имъ видомъ сани, оленью збрую, всякую деревянную посуду, чашки, стаканы, и прочую, которую либо украшаютъ не дурною рѣзьбою, либо обкладываютъ костью, оловомъ и рогомъ. Мужчины изправляютъ такъ же, безъ помощи женъ, и всю поваренную работу.

На противъ того *женщины* вяжутъ сѣти, сушатъ на солнцѣ мяса, вяляютъ рыбу, доятъ ланей, пріуготовляютъ сыръ, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, теребятъ звѣриныя жилы, для употребленія въ шитьѣ, вмѣсто ниткъ, волочатъ проволоку изъ олова; при чемъ, за неимѣнїемъ волочильныхъ желѣзъ, пробуравливаютъ въ оленьихъ рогахъ дырочки, и дѣлаютъ сперва круглую, а по томъ плоскую проволоку. Они такъ же портничатъ, вышиваютъ волочнымъ оловомъ, сребромъ, мишурою и шерстью узоры, и упражняются въ красильномъ искусствѣ.

Живутъ въ подобныхъ полевымъ ставкамъ шалашахъ, состоящихъ изъ вколоченныхъ въ землю, и къ верьху будто куполомъ сведенныхъ столбиковъ. Въ поперешникѣ бываютъ шалаши ихъ по пяти, а въ вышину съ небольшимъ на одну сажень. Они покрываютъ оный, сообразуясь съ теченїемъ времени и своими достатками, хворостомъ, дерномъ, берестою, холстомъ, толстымъ сукномъ, войлоками, или ветхими оленьими кожами. Входъ въ шалаши ихъ закрываетъ навѣсъ, обтянутый сукномъ, войлокомъ или другимъ чѣмъ. По серединѣ бываетъ, для разводу огня, обкладенное каменьями мѣсто, надъ которымъ опущена для вѣшанїя котла цепь. Во кругъ огня сыплютъ они еловую труху, и покрываютъ оную подложенными мѣхомъ одѣялами, войлоками, или инымъ чѣмъ. Они не могутъ въ шалашахъ своихъ стоять прямо, но сидятъ около огня на цыпкахъ. Ночью спятъ всѣ они нагїе, и кладутъ промежъ себя, для отдѣленїя ночлѣговъ, жерди Платьемъ своимъ одѣваются, а иногда кладутъ оное и подъ себя. Въ зимнее время надѣваютъ, ложась спать, на босыя ноги теплыя кисы.

Лопарь.
Ein Lappländer.
Un Lapon.

Пожитки ихъ составляютъ чугунные котлы, украшенныя изрядною рѣзною работою чашки, стаканы, ложки, а иногда водятся у нихъ такъ же оловянные и серебряные стаканчики, и употребляемыя ими въ звѣриномъ и рыбномъ своемъ промыслѣ снасти. А дабы не таскать всего съ собою, когда вздумаютъ на другое перебраться мѣсто: то дѣлаютъ въ лѣсахъ, гдѣ кто захочетъ, на срубленныхъ, повыше сажени отъ корня, деревахъ подобные нашимъ голубятнямъ чуланы, въ которые кладутъ пожитки свои и съѣстные припасы. Они ни когда оныхъ не запираютъ, однако пропажъ не бываетъ.

Что касается до *одѣянія* ихъ, то бѣлье совсѣмъ у нихъ не въ употребленіи. *Мужчины* носятъ узкія, за самыя лодыжки припущенныя шпаны, восцроносую изъ не выдѣланныхъ кожъ, и съ переди закорюченную обувь, въ которую кладутъ зимою нѣсколько сѣна, по костямъ сшитыя душегрѣйки, кои носятъ въ разпашку, и сдѣланное, по росту, верьхнее одѣяніе, у коего рукава бываютъ узкіе, а полы по колѣна. Подпоясываются украшенными мѣднымъ или оловяннымъ наборомъ ремнями, къ которымъ привѣшиваютъ ножъ, огниво съ принадлежностью и табашный приборъ. Одѣяніе свое шьютъ изъ мягкой рухляди, кожъ и сукна; кожаное и суконное платье бываетъ у нихъ всегда либо опушено, либо цвѣтнымъ сукномъ по краямъ опорочено. Шапки носятъ съ околышами, на которые употребляютъ Россійскіе Лопари, по большей части, содранныя съ крысъ шкурки. Къ верьху сводятся они востро, и выкладываются по четыремъ швамъ суконными, другаго какого цвѣту, полосками. *Женщины* носятъ подобныя мужскимъ шпаны, обувь, душегрѣйки и верьхнее одѣяніе, а поясъ, къ коему такъ же привѣшиваютъ табашный приборъ, вышиваютъ по часту волоченымъ оловомъ. У верьхняго ихъ платья дѣлается воротникъ пошире мужскаго. Къ наряду ихъ принадлежатъ такъ же ошейныя повязки, маленькіе, изъ пестрой Россійской набойки, запоны, перстни, кольца и серьги, къ коимъ прицепляютъ иногда серебреныя цепочки, и обвертываютъ оныя нѣсколько разъ около шеи. На шапкахъ ихъ бываетъ не рѣдко такое множество складокъ, что нарочито походятъ на узолъ. Онѣ носятъ такъ же и по головѣ сдѣланныя, шапочки, кои всегда либо узорчато вышиваютъ волоченымъ оловомъ, либо украшаютъ цвѣтными суконными полосками.

Пищу свою заимствуютъ они больше отъ оленьяго скотоводства, такъ же отъ рыбной и звѣриной ловли. Оленье мясо,

начиненныя колбасы кровью, которую, или одну, или смѣшавъ съ дикими ягодами, пропускаютъ въ оленій желудокъ, и варятъ; равномѣрно внутренность сей скотины, сыръ, масло и молоко составляютъ главныя ихъ ѣствы. Изъ всѣхъ звѣрей почитаются у нихъ шатающіеся, въ великомъ множествѣ, дикіе олени наиполезнѣйшими, а медвѣди наивкуснѣйшими. Они ѣдятъ не только всякую рыбу и тюленей, но и всякихъ звѣрей и птицъ, не гнушаясь при томъ и хищными родами оныхъ. На зиму сушатъ на солнцѣ мясо, и вялятъ рыбу, а ѣдятъ, не варя. Они замораживаютъ, такъ же въ прокъ, въ звѣриныхъ желудкахъ оленье молоко и всякіе дикіе плоды. Когда вздумаютъ зимою полакомиться молокомъ, то колютъ замороженное, и грызутъ, какъ ледъ. Ворвань, а иногда и соль, служитъ имъ вмѣсто пряного коренья. Нѣкоторые Лопари покупаютъ, или вымѣниваютъ муку и крупу, для жидкихъ ѣствъ. Въ числѣ *лакомствъ* ихъ не послѣднее занимаетъ мѣсто *простокваша*, дѣлаемая ими изъ оленьяго молока, въ которое кладутъ траву *василекъ*. (*) Изъ *сыру* своего, который бываетъ такъ шученъ, что, ежели къ свѣчѣ прислонишь, горитъ, варятъ они и похлебки.

Общее ихъ *питье* есть или чистая, или съ молокомъ смѣшанная вода, такъ же рыбные и мясные отвары. Вина у нихъ рѣдко гдѣ достать можно, хотя они въ прочемъ и великіе до онаго охотники.

Подушный окладъ платятъ они тѣмъ Владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ живутъ; и поелику они при странствованіи своемъ касаются и порубежныхъ Областей: то многіе платятъ двумъ, а нѣкоторые и всѣмъ тремъ Государствамъ, сирѣчь: Россіи, Швеціи и Даніи подати, которыя однакожь во обще столь умѣренны, да и самые Лопари такіе покорные люди, что не бываетъ о томъ ни какихъ споровъ. Самый большій *торгъ* производятъ они теперь съ Норвежцами. Въ прежнія времена мѣнялись они съ ними товарами, а теперь торгуютъ больше на наличныя деньги; при чемъ Лопари главную получаютъ прибыль, по тому, что на мягкой рухляди больше выручаютъ, нежели сами платятъ денегъ за сукно, ножи, топоры, щепетильные товары, муку, крупу, и симъ подобныя надобности. И по тому платятъ они теперь подать свою обыкновенно наличными деньгами, хотя Россійскимъ Лопарямъ и дозволено, въ мѣсто оныхъ, отдавать въ казну мягкую рухлядь.

(*) Pingvicula vulg. Lin.

Лопарская баба.
Eine Lappländische Frau.
Une femme laponne.

Когда прїйдетъ пора *ѣсть*, то старѣйшина семейства растилаетъ рогожу; а на голой землѣ отнюдь не ставятъ они своихъ ѣствъ. Около рогожи и поставленной пищи садятся мужчины и женщины. Всякъ носитъ при себѣ ножь, ложку и не большую для питья чашку. Ѣствы дѣлятъ они тотъ часъ по рукамъ, чтобъ не было ни кому обидно: ибо всѣ они добрые ѣдоки. Какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной молятся они коротенько; а когда всѣ уже насытятся, то даютъ одинъ другому руку. Во время взаимныхъ *лобѣщений* даютъ они такъ же одинъ другому руку, и цѣлуются, говоря при томъ: *буерисъ!* а по другому выговору *луересъ!* (здравствуй!). *Про чужихъ* людей, когда хотятъ ихъ посадить, стелютъ всегда свое одѣяніе; а первымъ мѣстомъ почитается у нихъ то, когда посадятъ промежъ хозяиномъ и хозяйкою. Гостей своихъ потчуютъ они плодами и куритѣльнымъ табакомъ; плюютъ они себѣ въ руку, а по томъ тянутъ мокроту въ носъ. Когда *идутъ* къ кому, *лознатнѣе* себя, *въ гости*: то несутъ всегда гостинецъ. При прощаніи поступаютъ такъ же, какъ и при встрѣчѣ. Кому они доброжелательствуютъ, тѣхъ называютъ *буоръ арцъ*. Бань у нихъ со всѣмъ нѣтъ, а моются по субботнымъ днямъ, кои почитаютъ наисвятѣйшими, въ рѣчкахъ, и при томъ часто оба пола въ мѣстѣ. Лежалыя деньги, такъ же сребро, и во обще все то, что почитаютъ дорогимъ, зарываютъ въ землю, и не обьявляютъ ни кому о таковыхъ своихъ вкладахъ и при самой смерти, для того, что думаютъ пользоваться симъ имѣніемъ и на томъ еще свѣтѣ; а по тому большая половина ихъ стяжанія пропадаетъ.

По причинѣ суроваго воспитанія, много *умираетъ* у нихъ дѣтей, а которыя остаются въ живыхъ, тѣ бываютъ по большой части здоровы и бодры; что происходитъ, можетъ статься, отъ ихъ безпечности, умѣренности, движенія и отъ того, что избираютъ всегда для жилищъ своихъ высокія мѣста. Однакожь рѣдко кто доживаетъ у нихъ до глубокой старости. Обыкновенныя ихъ *болѣзни* суть слѣдующія: короста, чахотка, горячка съ пятнами, ломъ въ костяхъ и бїеніе слезы изъ глазъ, отъ снѣгу и дыму. Пользуются же они въ болѣзняхъ своихъ больше суевѣрными, нежели дѣйствительными, врачеваніями: при чемъ употребляютъ такъ же для изцѣленія наружныхъ ранъ сосновую сѣру; отъ коросты моются уваромъ изъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную изъ дикихъ оленей кровь. Наибольше же употребляется, и отъ всякой боли общею помочью почитается, у нихъ прижи-

ганїе больнаго мѣста губкою, которую зажегши кладутъ на оное, и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока кожа не трѣснетъ.

Безплодіе вмѣняется у Лопарокъ такъ же, какъ и у Жидовокъ, въ безчестїе. Роды у нихъ бываютъ обыкновенно легкія, а какъ женщинъ, кои бы могли въ нужномъ семъ случаѣ пособить, далеко иногда искать: то мужья сами имъ помогаютъ. *Колыбели* у нихъ долбленыя, не велики и легки, а съ виду походятъ на шкальные челноки, или на завостренныя съ обѣихъ концовъ ночовки. Дѣтей кладутъ они въ нихъ, подославши моху, нагихъ, и прикрывъ лоскутомъ какого ни будь мѣха, перетягиваютъ съ верьху веревочками. Колыбели вѣшаютъ какъ въ шалашахъ, такъ и на древесныхъ сучьяхъ; а когда переселяются въ другое какое мѣсто, то матери носятъ ихъ за плечами, какъ ранцы. Отецъ надѣляетъ всегда новорожденнаго младенца одною ланью, и особливымъ замѣчаетъ оную клеймомъ, которое въ послѣдующее время бываетъ за учительнымъ новаго сего члена общества знакомъ; приплодъ же отъ такой подаренной младенцу лани почитается его собственнымъ, а не къ общему наслѣдству принадлежащимъ имѣнїемъ.

Родители *женятъ* и *за мужъ выдаютъ* дѣтей, по своей единственно волѣ, уважая при томъ одно только имѣнїе; а по тому и безобразная дѣвка, когда только не скудна, можетъ выйти за хорошаго человѣка. Холостымъ не дозволяется у нихъ жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжовать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разполагается договоръ о бракѣ съ такою превеликою точностїю, какъ будьто о какой куплѣ; хотя въ прочемъ запросы бываютъ и нарочито не помѣрны. Даваемое женихомъ *за невѣсту награжденїе принимается щетомъ*, и состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, или мягкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣсты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ простоволоса; а въ другую пору всегда повязана голова какъ у бабъ, такъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощенїе есть не иное что, какъ общественное пиршество, на которое идучи несетъ всякъ съ собою какъ съѣстное, такъ и напитки. *Забавляются* же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ *игрою въ гусѣка*. Сія игра подобна шахматной, и производится тринадсятью камышками, представляющими гусей и лисицу. Увеселяются такъ же борьбою, прыганьемъ черезъ держимые въ доль шесты, разсказываніемъ, забавныхъ басень, нескладнымъ, и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ, пѣнїемъ и пляскою. Молодые жи-

вутъ первый годъ у тестя и тещи, а по томъ перебираются въ свой шалашъ.

Умершихъ предаютъ они погребенію безъ гробовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладутъ въ одѣяніи, а въ другихъ со всѣмъ нагихъ. Оставшіеся при языческомъ своемъ суевѣріи Лопари погребаютъ славнѣйшихъ своихъ стрѣльцовъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ приносятъ богамъ своимъ жертвы. Въ прежнія времена клали они покойниковъ на землю, и обклавъ ихъ камнями, наваливали еще и съ верьху по великой грудѣ каменья же; а теперь оборачиваютъ обыкновенно на могилѣ сани, и кладутъ подъ нихъ по немногу пищи и утвари, что дѣлаютъ тайно и принявшіе Христіанскій законъ Лопари. Зажиточные люди уготовляютъ для провожающихъ похороны не большой пиръ, а большая половина сего и не затѣваетъ.

Всѣ Шведскіе и Норвежскіе Лопари, а изъ Россійскихъ большая половина, *называются Христіанами*: однакожь у сихъ Христіанъ суевѣріе въ великой еще силѣ, и Христіанскіе обряды перемѣшаны съ языческими. Будучи Язычниками вѣровали они, да и теперь вѣруютъ, въ *Юбмела, общаго Бога*, и думаютъ при томъ, что кромѣ его есть еще добрые и злые, мужескаго и женскаго пола Божки и Богини *меньшаго достоинства*. Живутъ и правительствуютъ они, по мнѣнію ихъ, либо *въ небѣ*, какъ *Юбмелъ* и *Радіанъ*, пріемлющій къ себѣ тѣхъ, кои жили благочестно; либо *на воздухѣ*, какъ *Бейве* (Солнце), *Горангелисъ*, называемый такъ же *Ая* и *Горъ*, и значащій грозу, *Буагъ Олмай*, располагающій бурями и порывистыми вѣтрами; либо *на землѣ*, на святыхъ горахъ, какъ *Лейбъ Олмай*, богъ звѣроловства, *Мадеракко* съ тремя своими дочерьми, Богинями, женскія дѣла устрояющими и судящими, *Сайво Олніакъ*, нагорные Волшебниковъ Боги, и проч. *Подъ земною же поверьхностію* обитаютъ, по ихъ разсужденію, и владычествуютъ: *Ямбе Акко*, мать смерти, у которой разлучившіяся съ тѣломъ души пребываютъ до самаго рѣшенія ихъ судьбины; а *въ Средоточіи земли*, или ада, гдѣ *Пекалъ*, глава злыхъ духовъ, господствуетъ надъ беззаконниками *Рота* и другіе Боги. Они вѣруютъ такъ же, что и *въ водѣ* есть злые Боги и Богини. Въ прочемъ боятся они *Кобольда*, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ и проч. Разные Лопари имѣютъ не рѣдко со всѣмъ отмѣнную о всѣхъ во обще, или о нѣкоторыхъ только Богахъ вѣру, и при томъ не токмо между собою

несогласны, въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдуютъ еще и чуждыхъ Боговъ и духовъ.

Святыя горы служатъ имъ *вмѣсто капищъ*, и заимствуютъ всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣръ, *Стирень-алда*, олень горы Стира; не меньше почитаютъ они *святыя озера* (Аилекасъ Яувра), и *рѣки* (Пассе Іокъ). Во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя дерева, на коихъ видны разные, Лопарями начертанные, виды, а по близости оныхъ находятся, сдѣланные ими отъ 3 до 5 футовъ въ вышину, жертвенники. Мѣста сіи кажутся и принявшимъ уже Христіанскій законъ Лопарямъ такъ страшны, что не смѣютъ безъ жертвы къ онымъ приближиться, и по тому они въ околицѣ оныхъ ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ. Наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать такихъ мѣстъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянные, безобразные, изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенные *идолы*: первыхъ называютъ они *Пассами*, а послѣднихъ, кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ, и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ, страшно огромощеныхъ, камней, нарицаютъ *Саетами*. Когда ловятъ они въ таковыхъ озерахъ рыбу, то должно имъ наблюдать безмолвіе, не водить за собою собакъ, не брать себѣ въ подмогу женъ, и прочее.

Жертвы приносятъ они, по случаю болѣзней, падежа оленей, безплодныхъ женитьбъ и другихъ временныхъ угнѣтеній. *Волшебникъ* долженъ имъ сказывать, къ какому Божеству надобно имъ обратиться, такъ же какую и гдѣ надлежитъ принесть жертву, и проч. На такой конецъ употребляетъ онъ иногда *волшебный* свой *барабанъ*, который есть не иное что, какъ продолговато, круглый съ одной стороны кожею обтянутый, языкъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, такъ же звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ, и сему подобнаго. Волшебникъ, положа на оную кольцо, и ударя колотушкою, которую составляетъ мохнатый оленій рогъ, можетъ, по мнѣнію Лопарей, узнать по тому изображенію, на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ, до прошедшаго и будущаго касающіеся, вопросы. Они призываютъ такъ же барабаномъ своимъ и духовъ; при чемъ тѣло ихъ обмираетъ, а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Всякъ приноситъ отъ себя единственно жертву. Пріуготовляясь же къ обряду сему, очищается, и привязываетъ крѣпко всѣхъ

собакъ, чтобъ которая ни будь не перебѣжала чрезъ его дорогу, и по томъ, взявъ съ собою кости, или рога требуемаго Богами въ жертву звѣря, пускается въ путь къ святому мѣсту, не говоря о томъ ни кому, а увидѣвъ оное, кидается опрометью на землю, и ползетъ къ своей святынѣ. По томъ возлагаетъ приношенїе свое на жертвенникъ, молится, приложа лице свое къ землѣ, и вставъ, возвращается въ свое жилище. Большая половина жертвъ остается просто на мѣстѣ, а отъ того превеликїе скопляются груды костей и роговъ; но нѣкоторые и зарываютъ оныя, по тому, можетъ быть, что дарятъ подземнымъ Божествамъ. Мяса не приносятъ они ни когда въ жертву, будучи крѣпко увѣрены, что Боги не преминутъ покрыть онымъ кости. Ежели собака прїймется глодать жертвенную кость, то должно оную убить, и вырѣзавъ изъ нее ту же самую кость, которую она изгрызла, положить, въ мѣсто оной, на жертвенное мѣсто. Иногда выпускаютъ они кровь назначенныхъ въ жертву звѣрей въ рѣку, или проливаютъ молоко, либо вино, на землю въ жертву, для умилостивленїя къ себѣ *земныхъ* и *водяныхъ* Боговъ.

Держащїеся таковыхъ мнѣнїй люди, которые при томъ, и по сложенїю своему, пугливы, должны изобиловать *сновидѣнїями, страшилищами, суевѣрїями* и *сказками*; да у нихъ и подлинно всего того довольно. *Медвѣдя*, на примѣръ, называютъ они не симъ именемъ, но *лодшубнымъ старикомъ*. Они вѣрятъ, что ихъ чародѣи могутъ производить и прерывать вѣтры и дождь, такъ же призывать и прогонять насѣкомыхъ, разговаривать съ духами, и проч. Но при томъ вѣрятъ, что громъ ихъ преслѣдуетъ, и что естьли бы не было грому, то волшебствомъ уничтожилась бы вселенная. Нѣкоторымъ реченїямъ и образованїямъ присвояютъ они особливыя силы, и держатся многихъ, другихъ симъ подобныхъ, нелѣпостей. При всемъ томъ есть и между ними не меньше, можетъ быть, прямыхъ Греческаго и Лютеранскаго исповѣданїя Христїанъ, какъ и въ самыхъ тѣхъ Странахъ, гдѣ всѣ во обще жители исповѣдуютъ Христїанскую вѣру.

Финны.

Финны называютъ себя *Самами* и *Суомами*, а землю свою *Суомою*, *Самого* или *Суоменъ Сарого*, что значитъ болотистую и озерами изобилующую Страну. Слово же *Финнъ* и *Феннъ*, такъ какъ и названіе ихъ Земли, есть преложеніе Гоѳскато ихъ наименованія Соумс. Россіяне называютъ ихъ обыкновенно *Чухонцами*, или *Маймистами*. *Финнская Земля* занимаетъ сѣверо восточный Ботническаго и Финскаго залива уголъ между 60 и 65 степенями сѣверной широты, а пространство оныя считается во обще на тридсять тысячь Россійскихъ верстъ. Финны живутъ въ Выборгскомъ намѣстничествѣ и С. Петербургской губерніи, гдѣ они Ижорцами или Ингерами называются, такъ же около Валдая и Бѣжецка, и суть большею частію Лютеранскаго исповѣданія. Страна сія камениста, но высокихъ горъ въ оной мало; лѣсовъ и превеликихъ болотъ, такъ же особенныхъ озеръ съ островами и безъ оныхъ, промежь которыми есть мѣстами и *плодородная лошва*, великое тамъ множество, да и *минералами* суровая сія Страна не неизобильна. Большая половина Финнской Земли принадлежитъ *Швеціи*, а *Корелѣю*, какъ южною частію оной, владѣетъ *Россія* съ 1721 года. Въ прочемъ страна сія по причинѣ вышепомянутыхъ препятствій населена посредственно.

Финны, отъ предковъ коихъ произошли почти всѣ сѣверные Европейскіе Народы, суть Азіатцы, преселившіеся въ древнія, неизвѣстностію покрытыя времена, изъ восточныхъ своихъ Странъ въ занимаемыя ими теперь на западѣ Земли. Они сообразны, по своему произхожденію, нраву и языку многимъ Европейскимъ и Азіатскимъ Народамъ, какъ то, *Черемисамъ*, *Чувашамъ* и другимъ: но ни съ кѣмъ столько не сходствуютъ, какъ съ *Лопарями и Пермяками*. Кажется, что они отдѣлились отъ *Лопарей* не прежде, какъ въ тринадсятомъ столѣтіи, при разпространеніи Христіанской вѣры и утвержденіи жилищь на одномъ мѣстѣ. Въ Финнской Землѣ называются еще и теперь многія горы, рѣки и озера Лопарьскими именами. Изданное, въ 1335 году, Шведскимъ Королемъ *Смекомъ* учрежденіе можетъ удостовѣрить насъ въ томъ, что Финны промышляли тогда звѣриною и рыбною ловлею да скотоводствомъ, и что они держали у себя оленей, съ коими переселялись съ одного мѣста на другое. Да и изъ повѣствованій видно,

Чухонской мужикъ.
Ein Finnischer Bauer.
Paisan de Finlande.

что они не въ лучшемъ были тогда состоянїи и около Курскихъ и Ливонскихъ Балтїйскаго моря береговъ. Они имѣли собственныхъ своихъ Владѣльцовъ, но въ началѣ тринадсятаго столѣтїя покорены Шведами.

По наружному виду Финны совершенно сообразны Лопарямъ; но тѣлесными и душевными добрыми качествами далеко отъ нихъ отошли. Росту они обыкновеннаго; жительствуютъ въ городахъ и деревняхъ; говорятъ собственнымъ языкомъ, и пишутъ Гоѳскими буквами; имѣютъ у себя разныя частныя и вышнїя Училища, и нарочито успѣваютъ въ различныхъ Художествахъ и Наукахъ. Исповѣдуя *Лютеранскїй законъ*, употребляютъ и *Христїанское лѣтосчисленїе*. Да и тѣ, кои Россїйской покорены Державѣ, пользуются Шведскими правами и преимуществами: но со времени открытїя Намѣстничествъ больше сообразоваться повелѣно Россїйскимъ законамъ и учрежденїямъ. Они составляютъ одно только чиностояніе, и Дворянъ у нихъ нѣтъ: однакожь крестьянинъ уступаетъ мѣщанину и купцу, а всѣ во обще даютъ преимущество Государевымъ служителямъ, или такъ называемымъ *Чиновнымъ Людямъ*.

Города ихъ подобны Шведскимъ. Жители оныхъ производятъ торги и всякїе мѣщанскїе промыслы; а *сельскїе обыватели* упражняются въ землепашествѣ, звѣриной и рыбной ловлѣ, въ сидѣнїи дегтю, строенїи судовъ, и другихъ, симъ подобныхъ, дѣлахъ. Не только *деревни*, но и самые *дворы* ихъ бываютъ часто въ превеликомъ между собою отдаленїи. Финнскїе дворы, по большей части, пространны. Жилье раздѣляется на три избы, изъ коихъ одна называется зимнею, другая лѣтнею, а третья стряпущею. На дворѣ же пристраиваютъ закромы, сѣнныя сушила, конюшни, клевы, овины, кладовыя и бани. Все строенїе свое взводятъ они такъ, какъ въ Россїи и Швецїи, изъ бревенъ. Хозяйство же свое ведутъ, по Шведскому обыкновенїю, да и домашняя у нихъ утварь такая же, какъ и у Шведовъ.

Землепашество наибольше прибыточно въ Корелїи; но во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля *олоковата*, *холодна* и *ключами прорѣзана*, и гдѣ при томъ ранѣе оказываются ночные заморозы, часто бываетъ оное и неудачамъ подвержено. Рожь и овесъ почитаются тамъ надежнѣйшими посѣвами. А какъ и въ самые благополучные для землепашцевъ годы не бываетъ у нихъ никогда излишества въ хлѣбѣ: то, въ случаѣ неурожая, великую претерпѣваютъ они

нужду, и предохраняя себя, сколько можно, отъ голоду, мѣшаютъ съ мукою сосновую кору и другія изъ царства растѣній существенности. Сѣверные Финны держатъ еще и теперь *оленей*; а у прочихъ водится обыкновенная дворовая скотина. Всякій скотъ ихъ крѣпокъ, но росту малаго. *Звѣриная* и *рыбная ловля* служитъ многимъ самымъ надежнымъ источникомъ пропитанія. *Деревенскія женщины* трудолюбивы и домовиты. Онѣ валяютъ толстыя сукна, ткутъ холстъ, красятъ, и проч. Ткальный ихъ снарядъ не можетъ безъ главныхъ недостатковъ простѣе быть нынѣшняго; ибо онѣ могутъ и теперь, при самомъ теченіи своей работы, легохенько оный разбирать, и опять становить. *Масло* пріуготовляютъ онѣ не по Россійскому обыкновенію, сирѣчь не перетапливаютъ, но пахтаютъ. Простолюдимы, *добрые ѣдоки*, и по тому ѣдятъ по пяти разъ въ сутки, да и до *хлѣбнаго вина* страстные охотники.

Одѣяніе городскихъ жителей и чиновныхъ Людей ни чѣмъ отъ Шведской городской одежды не отмѣнно. Да и *мужики* такое же точно носятъ платье, какое и Шведскіе крестьяны. Они отращиваютъ бороду, а иногда и бреютъ, оставляя одни только усы. Носятъ широкія штаны, чулки, или обвертываютъ ноги онучами, лапти изъ древесной коры и кожаные башмаки, рубахи, кои прячутъ въ штаны, душегрѣйки и маленькіе охабни, затягиваемые съ перьва пуговицами, а по томъ подпоясываемые ремнемъ. Волосъ они не завязываютъ, а голову прикрываютъ разпущенною и, почти на Голландскую похожею, шляпою, или разнаго вида шапками. Къ поясу привѣшиваютъ всегда большой ножъ, и иногда и ключи и огнивный приборъ. Одѣяніе шьютъ какъ изъ толстаго, собственнаго рукодѣлія, такъ и изъ тонкаго, купленнаго, сукна, да при томъ носятъ лѣтомъ кожаное, или холстинное, а зимою овчинное, или изъ какой ни есть мягкой рухляди сдѣланное.

Деревенскія женщины носятъ рубахи, штаны, чулки и кожаные башмаки, покрывающіе только подошвы, пальцы и запятки; не очень долгій, но широкій сарафанъ, узенькой запонъ, подобную верьхней рубашкѣ тѣлогрѣйку съ широкими рукавами; голову покрываютъ фатою; шею и грудь обвѣшиваютъ, многими корольками и бисеромъ унизанными, пипками, а въ уши продѣваютъ большія серьги. *Охабни и тѣлогрѣйки* шьютъ, на лѣто, изъ крашенины, своего рукодѣлія, и украшаютъ иногда змѣиными головками, или разпестреннымъ шитьемъ; а на зиму изъ толстаго сукна, или выдѣ-

Чухонская крестьянская баба.
Ein Finnisches Bauren-Weib.
Païsanne de Finlande.

БИБЛИОТЕКА
Осетинского Научно-Исследоват
Института Краеведения
Хронолог. кат. №
Отдел
№

Чухонка въ уборномъ платьѣ.
Eine Finnin im Feyertags-Kleide.
Femme finoise dans son habit des fêtes.

ланныхъ овчинъ. *Залоны* ихъ безъ складокъ, но чрезвычайно разпестрены шитьемъ, змѣиными головками, корольками, бахромками и сему подобнымъ. *Поясъ*, который дважды около тѣла обхватываетъ, и на боку прикрѣпляется, составляетъ кожаная или суконная, пальца въ три шириною полоса, коя по концамъ обшивается бахромкою.

Богатыя деревенскія женщины носятъ, *по праздникамъ зимою*, на хорошихъ мѣхахъ шубы; а *лѣтній* ихъ *нарядъ* подобенъ въ прочемъ выше сего описанному, но только пригожѣе, и отдѣлка онаго сопряжена съ затрудненіемъ и искусствомъ. *Праздничные* ихъ *сарафаны* бываютъ шелковые, подолѣе буднишныхъ, съ закраинами, выкладкѣ подобными, другаго какого ни будь цвѣту; вся передняя половина, отъ колѣнъ до подолу, разпестрена узорчатымъ шитьемъ и бисеромъ; узенькій *залонъ* очень пригожо украшенъ поперечнымъ пестрымъ шитьемъ и низаными такимъ же образомъ змѣиными головками, монетами и бисеромъ. *Поясъ* выкладенъ жестянымъ наборомъ, и въ переди закрѣпляется перевязью. На груди красиво такъ же вышито платье, и при томъ выложено змѣиными головками и бисеромъ. *Шея* покрыта великимъ множествомъ пронизокъ. Продѣтыя сквозь *большія серьги* многія, на пядень длиною, ленты висятъ по плечамъ и по широкимъ, не собраннымъ, короткимъ, и цвѣтною шерстью узорчато вышитымъ, *рубашечнымъ рукавамъ*. *Голову* покрываютъ пристегнутою, къ шапочкѣ *фатою*, которая простирается по спинѣ, и пропущена будучи подъ поясъ, достаетъ до самыхъ пятъ; да подъ тою же фатою виситъ еще въ ладонь шириною, корольками и змѣиными головками унизанный и въ низу бахромкою обшитый, *ремень*, коимъ покрываются волосы.

Финны, какъ *древніе Христіане*, по Шведскому церьковному чиноположенію, не больше, въ разсужденіи *свадебныхъ* и *похоронныхъ обрядовъ*, отмѣняются, какъ и всѣ особенныя части пространныхъ Областей. *Деревенская* ихъ *невѣста* должна всякому, на свадьбу пришедшему, гостю подарить отъ четырехъ до пяти аршинъ холста, и съ верьхъ того пару чулковъ, за что надѣляютъ ее взаимно деньгами. А какъ употребленный на дары холстъ и проч. не оплачивается, и деньги, за оное собранныя, остаются при невѣстѣ: то выдаваніе дочерей за мужъ бываетъ матерямъ такъ трудно, что *дѣвки* названы по тому въ пословицѣ: *разореніемъ домовъ*.

8555

Многіе изъ нихъ достигаютъ *глубокой старости*: но водяная, цынготная и падучая болѣзнь, а особливо *задумчивость*, нарочито между сельскими жителями свирѣпствуютъ.

Древніе Финны были такіе ревностные *Идолопоклонники*, что *обращенію* ихъ въ половинѣ второгонадесять вѣка къ Христіанской вѣрѣ, въ царство Шведскаго Короля *Ерика*, а во времена Папы *Александра* и Упсальскихъ Епископовъ *Стефана* и *Генриха*, надобно было и свѣтскою споспѣшествовать властію. Въ половинѣ шестагонадесять вѣка должны они были, послѣдуя Шведамъ, принять *Лютеранскій*-законъ. Чрезъ толь долгое время сдѣлались преданія о древнемъ ихъ Богословіи весьма недостаточными; въ разсужденіи же новѣйшихъ временъ сходствуетъ оное въ главныхъ дѣлахъ съ законоученіемъ Лопарей и другихъ, отъ Финновъ произшедшихъ, Народовъ.

Подъ именемъ *Юмара* и *Юмалы* почитали они *общаго Бога*, да и во обще слово, Юмаръ, знаменуетъ Бога. Нѣкоторые изображали его въ видѣ великаго, съ золотымъ ожерельемъ, истукана. *Горе* было, подобное сему, божество, и можетъ быть тотъ же самый *Юмаръ*, подъ другимъ только именемъ. У нихъ было много и низшей степени Боговъ, которымъ они всѣмъ во обще приносили жертвы. Нѣкоторые изъ Идоловъ ихъ стояли въ пещерахъ каменныхъ горъ.—Они вѣровали такъ же въ *діавола*, и обще съ Лопарями называли его *Перкеломъ* и *Пейкомъ* (адскимъ Богомъ); простой же степени Боговъ нарицали *Маагинами*, сирѣчь не чистыми духами.

А хотя и давно уже *пресѣклось* у нихъ *идолопоклонство*, однакожь сельскіе жители весьма еще *суевѣрны*; а сіе происходитъ отъ разпространенія и наслѣдованія прародительскихъ мнѣній и отъ противуборствующаго просвѣщенію, разсѣянія жилищъ. Такъ на примѣръ, думаютъ они, что по понедѣльникамъ и по пятницамъ не бываетъ ни въ какихъ дѣлахъ желаемаго успѣха; что тотъ, кто въ Георгіевъ день заводитъ шумъ, подвергаетъ себя громовымъ ударамъ; что объ Рождествѣ не должно изъ клѣвовъ выпускать скотины; что въ день Стефана надобно давать лошадямъ пить черезъ сребро; что въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни огня разводить, ни свѣчь зажигать, и проч. Но ни что столько не обезумливаетъ ихъ, какъ *день всѣхъ Святыхъ*, который, по имени Идола, называютъ они, *Кикри*. Для почитаемыхъ *Католиками Святыхъ*, топятъ на канунѣ сего дня, баню, и снабдѣвъ оную теплою и холодною водою, такъ же вѣниками и прочи-

Чухонка въ уборномъ платьѣ со спины.
Eine Finnin im Feyertags-Kleide rückwärts.
Femme finoise dans son habit des fêtes par derriere.

ми надобностями, ставятъ на столахъ кушанье. Хозяинъ, одѣвшись чистенько, и не покрывая ни чемъ головы, разтворяетъ, въ сумерки, ворота своего двора, съ такою вѣжливостїю, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего отпираетъ съ не меньшею ласкою баню, и, погодя не много, замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, отпираетъ для выходу мнимыхъ своихъ Святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ стклянницу хлѣбнаго вина. *Коболду* (Раггене) ставятъ въ клѣвахъ, въ сей же самый вечеръ, кушанье. Въ честь Идолу *Кикрѣ*, закалаютъ, въ день всѣхъ Святыхъ, на самой утренней зарѣ, ягненка, котораго очистивъ, и не отрѣзывая ни которой части, варятъ, а по томъ ставятъ на столъ, и ѣдятъ. Праздникъ, называемый ими, *Вуоденъ Аткаясъ*, кажется однакожь быть не просто на суевериi основаннымъ. Въ назначенный хозяйскимъ отцомъ и дѣдомъ, или другими какими старѣйшими родственниками, день закалаютъ, варятъ и ѣдятъ овечку, и поелику звѣрямъ не должно отъ пищи сей ни чего удѣлять, то кости и все прочее зарываютъ въ землю. А кто не совершитъ сего дѣла, при которомъ они конечно возсылаютъ къ Идоламъ своимъ и мольбы, тотъ не долженъ ожидать, въ разсужденiи скотоводства своего, ни какого благословенiя.

Всѣ, въ языческомъ суевѣрiи утопающiе, Сѣверные и Сѣверо-восточные Народы почитаютъ *медвѣдей* очень важными звѣрьми, и думаютъ, что души ихъ такъ же, какъ и человѣческiя, безсмертны; а отъ сего и вошли въ употребленiе, при звѣриной ихъ ловлѣ, весьма многiе суевѣрные забобоны. У древнихъ Финновъ были особливыя пѣсни, которыя они пѣли всегда, при убiенiи медвѣдя; а дабы возъимѣли Читатели хотя малое о содержанiи оныхъ понятiе, то присовокупимъ здѣсь, нарочно переведенную съ Финнскихъ стиховъ, такого рода пѣсеньку.

Дорогой ты одолѣнный, тяжело раненый, лѣсный звѣрь!
Надѣли хижины наши здоровьемъ и добычею, самому тебѣ милою, во сто кратъ,
И постарайся, когда къ намъ возвратишься, о изправленiи нашихъ нуждъ;
Мнѣ надобно приступить къ Богамъ, низпославшимъ мнѣ въ сей день столь славную корысть.
Когда, по скрытiи за Алтайскiя горы дневнаго свѣтила, возвращусь домой;
То пусть въ хижинѣ моей цѣлыя три ночи процвѣтаетъ радость.
Съ охотою и весельемъ взлѣзать буду въ предъ на горы,
Съ радостiю стану домой возвращаться, и злодѣй не посмѣетъ ко мнѣ подойти.
Весело начался сей день, весело и проходитъ.
Безпрерывно стану тебя почитать, и буду отъ тебя ждать добычи,
Чтобъ не позабыть любимой моей медвѣжьей пѣсенки.

ЛАТЫШИ, ЕСТЫ и ЛИВОНЦЫ.

Латыши, Есты, или *Естландцы*, *Ливонцы*, или *Лифландцы*, по Нестору *Ливь*, населяютъ *Ливонскую*, а первые и *Курскую Землю*, или *Курландію*. *Естская* и *Ливонская* Область заимствуютъ названіе свое отъ обитающихъ въ оныхъ людей. Народы сіи произошли правда отъ одного племени, однако на разныя раздѣлились общества. *Латыши*, кои обще съ *Литвою* и древними *Пруссами* составляютъ одинъ Народъ, суть смѣшанные съ Финнами Славяне. *Общество ихъ возлрїяло начало* свое въ первыхъ годахъ третьяго-надесять столѣтія при устьѣ рѣки *Вислы*, и оттуда далѣе распространилось. *Языкъ* ихъ состоитъ изъ трехъ четвертей Славянскихъ словъ и изъ не большаго Финнскихъ. *Есты* не столько перемѣшались съ другими Народами. *Ливонцы* же такъ, какъ и *Езельскіе жители*, чистое составляютъ Финнское поколѣнье. Сообразно различію сему, отошли Финнскія ихъ нарѣчія одно отъ другаго такъ, что каждое особый составляетъ языкъ. Всѣ сіи три Народа называются еще, безъ дальнаго различія, и *Полу-Нѣмцами*. Кажется, что *Латыши* заимствуютъ званіе свое отъ слова *Лада* или *Лиде*, то есть, удобрять землю. Они изъ древле упражнялись въ землепашествѣ, и когда отъ рѣки Вислы, въ срединѣ третьяго-надесять столѣтія, перешли въ Ливонскую Землю: то приняли ихъ къ себѣ въ общество Финны, кои тогда обращались больше въ скотоводствѣ, и о малыхъ пахатныхъ земляхъ съ ними не спорили; но на послѣдокъ они чрезъ удобреніе и обрабошываніе выженной земли столько захватили себѣ мѣста, что Финны отъ нихъ отщетились, а тѣ, которые съ ними остались, принялись такъ же за землепашество. И какъ въ то же самое время *Курская* и *Ливонская Земли* завоеваны *Нѣмецкими Рыцарями:* то всѣ они во обще сдѣлались Христіанами и крѣпостными людьми чужестраннаго Дворянства, въ каковомъ состояніи и теперь находятся.

Латыши нынѣ живутъ въ Лифландіи, *Эстландцы* въ Ревельскомъ Намѣстничествѣ, и суть какъ тѣ, такъ и другіе почти всѣ Лютеранскаго исповѣданія.

Видъ и *ростъ* ихъ не одинаковъ. Въ прочемъ они весьма похожи на Финновъ, и есть между ними великое множество печальнаго и сыраго сложенія людей. Претерпѣваемое ими отъ Помѣщиковъ угнѣщеніе, такъ же бѣдность, суровое воспитаніе, и все во обще

Эстляндская баба съ лица.
Eine Estländische Frau vorwärts.
Feme Esthonienne par devant.

гражданское ихъ устроенїе, сдѣлало ихъ довольно крѣпкими къ снесенїю суровости воздуха, тягостныхъ работъ, недостатковъ и уничиженїя. Кромѣ жизни и любви, ни къ чему мїрскому они не пристрастны. Они нарочито упрямы, лѣнивы, неопрятны и къ пьянству склонны: но при всемъ томъ имѣютъ остроту разума, и *женскїй* ихъ *полъ*, меньше причастный угнѣтенїю, не дуренъ, и къ суетности склоненъ.

Живутъ они *въ небольшихъ деревняхъ*, на принадлежащихъ Дворянству ихъ земляхъ; *домишки* у нихъ *деревянные*, не велики и грязны. Въ домашнемъ ихъ быту и въ пищѣ видна великая бѣдность. Тѣ, которые не прямо въ господскую опредѣляются работу, получаютъ отъ Помѣщиковъ своихъ, для пропитанїя, пашни, луга и по небольшому числу дворовой скотины. Въ мѣсто податей, изправляютъ они ручную и повозочную, на господскихъ загородныхъ мѣстахъ, работу.—Съ верьхъ сего прядутъ еще женщины на господскїй домъ, и исправляютъ многїя другїя, симъ подобныя, работы. Большая ихъ половина ни о чемъ не заботится, по тому, что Помѣщикъ долженъ содержать ихъ пищею: но есть между ними и такїе, которые, пользуясь милосердїемъ Господъ своихъ, наживаютъ деньги; однакожь они обыкновенно зарываютъ оныя въ землю, и тѣмъ на всегда удаляютъ отъ обращенїя.

Платье носятъ мужчины такое же, какъ и Финнскїе мужики; только большая половина брѣетъ бороду. На противъ того *женское одѣянїе* походитъ больше на Славянское, и очень недурное. Они носятъ чулки, башмаки, или туфли, бѣлыя рубахи, съ широкими, собранными, рукавами, обыкновенныя юпки, долгїе запоны и душегрѣйки, а около шеи обведенъ, и въ доль груди виситъ, сдѣланный изъ корольковъ пронизокъ. Обшивки у рукавовъ бываютъ, шитыя. Душегрѣйки же дѣлаютъ изъ пестреди и изъ, вышитаго узорчато, холста. Около охабней и передниковъ бываютъ, отъ подолу на пядень въ ширину, выкладки изъ инаго чего ни будь и другаго цвѣту; да сверьхъ того украшаютъ онѣ ихъ не рѣдко и нѣсколькими, во кругъ обьеденными, полосками. Охабни подтягиваютъ поясомъ. *Бабы* и *дѣвки* разняшся между собою въ разсужденїи одѣянїя, по одному только головному убору. *Бабы* носятъ меленькїя, по головѣ сдѣланныя, пестрыя, золотыми, или серебряными, сѣтками обложенныя, шапочки, стянутыя на зади перевязью, отъ коей виситъ по затылку великое множество разноцвѣтныхъ, на пядень длиною, ленть и снурковъ. *Дѣвки*, на противъ того, украшаютъ головы свои,

выше лба торчащими, оттопырившимися, галуномъ выложенными, повязками, кои съ переди широки, а на затылкѣ стягиваются разноцвѣтными перевязьми, отъ которыхъ, на пядень длинные, концы висятъ, какъ и у бабъ, по верьхъ разпущенныхъ волосъ.

Народы сіи обращены съ самаго начала *въ Римскую*, а около середины шестагонадесять столѣтія *въ Лютеранскую вѣру*. Начало обращенію ихъ къ Христіанскому закону положили Бременскіе Купцы, коимъ послѣдовали, въ благомъ семъ дѣлѣ, употребляя однакожь больше оружіе, нежели увѣщанія, Меченосцы, или *Кавалеры меча*, а симъ Нѣмецкіе Рыцари. Чрезъ столь долгое время свѣденіе о *языческомъ ихъ Богослуженіи*, кое утверждалось во обще на одномъ только словесномъ преданіи, пришло въ забвеніе. Однакожь, въ разсужденіи того, что они не знаютъ основательно Христіанскаго ученія, ведется между ними и теперь еще такое *суевѣріе*, которое подходитъ очень близко къ прежнему ихъ идолопоклонству. Языческая ихъ вѣра совершенно сходствовала съ Финнскою и Лопарьскою. Они такъ же, какъ и сіи Народы, называли высочайшаго Бога, *Юмалою* и *Горомъ*, и присвояли ему собственныя его качества и произходящія въ свѣтѣ естественныя явленія, какъ и признавали низшей степени Божковъ. *Бѣса* называли они: *Велсомъ* и *Велесомъ*, а нечистыхъ Духовъ, или вѣдьмъ, *Раганами*. *Крева* былъ у нихъ *Первосвященникъ*, и при томъ верьховный, по свѣтскимъ дѣламъ, Правитель.

Эстляндская баба съ тыла.
Eine Estländische Frau rückwärts.
Feme Esthonienne par derriere.

Эстляндская дѣвушка съ тыла.
Ein Estländisches Mädgen rückwärts.
Fille Esthonienne par derrière.

ИЖЕРЦЫ.

Какъ Россіяны, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, покорили оружію своему *Ингрію*, то въ селахъ и деревняхъ тамошнихъ обиталъ: отъ Финнскаго же племени произшедшій, Народъ, который какъ языкомъ, такъ и нравами отмѣненъ былъ нѣсколько отъ Карельскихъ Финновъ, и по находящейся, въ лѣвой сторонѣ Невы, рѣкѣ *Ижерѣ*, проименованъ *Ижерцами*. Ингрія, какъ самое первое побѣдоноснаго оружія ПЕТРА ВЕЛИКАГО пріобрѣтеніе, сдѣланное въ 1702 году, и трактатомъ, въ Нейштатѣ заключеннымъ въ 1721 году, утвержденное за Россіею, не оставлена при Шведскихъ, въ Кареліи употреблявшихся, правахъ: но съ начала уже, по Россійскимъ законамъ, учреждена и управлялась. Не малое число *Ижерцовъ* раздарено, по земскому обыкновенію, Россійскимъ Господамъ, которые обязались при томъ, не довольно людныя, мѣста заселить порядочно Россійскими переведенцами; послѣ чего и возпослѣдовало, что Россійскія деревни стали строить въ смѣжности съ Финнскими. Земля сія нынѣ заключается въ С. Петербургской Губерніи, во обще почти низкая, пещаная и иловатая, для хлѣбопашества мало удобная, и не могущая продовольствовать хлѣбомъ поселянъ.

Ижерцы такъ, какъ и прочіе Финны, съ давнихъ уже временъ *упражняются въ земледѣлашествѣ*. *Хозяйство* же ихъ не походитъ прямо ни на Руское, ни на Финнское: но хуже того и другаго. Они живутъ *въ деревушкахъ*, въ коихъ дворовъ бываетъ отъ пяти до десяти, и довольствуются не великими и *нечистыми избами*. При томъ какъ въ *домашнемъ* ихъ *скарбѣ*, такъ и во всемъ быту примѣтна великая бѣдность и неопрятность. Хотя *земли за ними и много*, однако мало пашутъ, да и скотоводство ихъ не важно. По *безлутству* своему продаютъ они часто какъ оставленныя, для посѣву, сѣмена, такъ и сѣно; а по томъ, разточа скоро вырученныя деньги, претерпѣваютъ нужду, и смотрятъ спокойно на то, какъ скотина ихъ отъ холоду и голоду околѣваетъ. Однакожъ есть между ними и такіе, которые, подражая лучшимъ Россійскимъ зажиточнымъ хозяевамъ, не терпятъ ни какого недостатка.

При скудости своей и безпорядочной жизни, они еще и глупы, недовѣрчивы, вороваты, и, по причинѣ склонности своей къ шалостямъ и грабежамъ, опасны. Живущіе по Рижской дорогѣ весьма похожи на Цыганъ. Иногда Удальцы, изъ разныхъ деревень, быва-

ютъ, по видимому, не за добрыми дѣлами въ отлучкѣ. Года за два предъ симъ переведена въ заточеніе на пустый, въ Финскомъ заливѣ, островъ цѣлая деревня, по причинѣ нѣкоторыхъ, на большой дорогѣ происходившихъ, неистовствъ.

Мужскій нарядъ во всемъ подобенъ одѣянію Финнскихъ мужиковъ. Но *женская одежда*, въ сравненіи съ бѣдностію ихъ и жестокосердыми мужчинъ противу сего пола поступками, нарочито еще и суетна. Обувь носятъ онѣ такую же, какъ и Финнскія бабы. У рубахъ ихъ, которыя достаютъ за самыя колѣна, а около шеи и рукъ плотно прихватываютъ вышитымъ воротникомъ и такими же обшивками, станъ и рукава, какъ будто облипли около тѣла, и такъ узорчато вышиты, что на отдѣлку такой рубахи требуется времени не меньше, какъ недѣли четыре. Узоры богато выкладены бисеромъ и стекляромъ. Въ мѣсто верьхняго одѣянія надѣваютъ онѣ какъ съ праваго, такъ и съ лѣваго боку по гладкому, безъ всякихъ складокъ изъ сукна, набойки, или изъ вышитаго узорчато холста, запону, которые на зади одинъ за другой заходятъ, а въ переди лежатъ въ рознь; въ разсужденіи чего и носятъ онѣ маленькіе, въ сплошь корольками и змѣиными головками покрытые, передники. Многими нитками корольковъ шея и грудь, какъ будто, унизаны. Къ ушамъ прицепляютъ великое множество брякушекъ, а иногда и не большія, изъ корольковъ составленныя, цепочки. *Дѣвки* ни чего на голову не надѣваютъ, но заплетаютъ только волосы въ нѣсколько косъ. *Бабы* же носятъ такъ, какъ и Финнскія, аршинъ въ шесть длиною фату, которая по срединѣ пристегиваетсп къ шапкѣ, а концы оной висятъ по спинѣ, и придерживаются поясомъ такъ, что на плечахъ вздуваются. Когда идутъ онѣ въ городъ, то, по большей части, надѣваютъ кокошники, и съ верьхъ рубахи кафтанъ, изъ толстаго сукна, или балахонъ, застегиваемый на груди нѣсколькими пуговками.

Въ то время, какъ покорены Ижерцы Россійскому оружію, были у нихъ у всѣхъ *Лютеранскаго закона Священники*, по тому, что они внѣшно вѣру сію исповѣдывали: но какъ они о правотѣ оной не были совершенно удостовѣрены, то въ скорѣ обратились многіе къ *Грекороссійской Церкви*, и тѣмъ великое сдѣлали облегченіе какъ въ самомъ за ними надзираніи, такъ и въ прочемъ попеченіи.

Они чрезвычайно пристрастны къ нелѣпымъ *языческимъ мнѣніямъ*, которыя и соплетаютъ по тому съ обрядами Христіанской вѣры. *Иконы*, почитаемыхъ Церковію, *Святыхъ*, занимаютъ у

Ингерская крестьянская баба.
Ein Ingermanlandisches Bauren Weib.
Païsanne d'Ingrie.

нихъ не рѣдко мѣста языческихъ Идоловъ. Они ставятъ ихъ въ священныхъ рощахъ, гдѣ имъ покланяются, и проч. *Куллennыхъ невѣстъ* вѣнчаютъ въ церьквѣ, и, во время поѣзда, поютъ двѣ бабы, у коихъ лица закрыты, безтолковыя пѣсни. По окончанїи свадьбы, поступаютъ они съ своими женами столь же сурово, какъ и язычники; матери принимаютъ за сыновей побои, и такъ далѣе. Когда священникъ *прѣдастъ умершаго погребенїю*, то они, пришедъ ночью на могилу, зарываютъ въ оную пищу, и сїе дѣлаютъ они не разъ, но часто. Могилы ихъ такъ плоски, что собаки легко вырываютъ оттуда положенное съѣстное, а они думаютъ, что мертвецы оное прибрали. Во обще кажется имъ вѣроятно, что люди живутъ на томъ свѣтѣ такъ же, какъ и здѣсь, а гробъ служитъ де имъ только обителью, и для того зарываютъ они деньги свои въ землю, дабы и послѣ смерти оными пользоваться. Они разговариваютъ такъ же съ лежащими въ землѣ мертвыми, и не мало ихъ боятся. Въ доказательство тому служитъ слѣдующее достовѣрное извѣстїе. Нѣкоторые прїятели мои, разумѣвшїе Финнской языкъ, подслушали въ лежащей не подалеку отъ Санктпетербурга Ижерской деревнѣ рѣчи нѣкоторой бабы, вышедшей за другаго мужа, спустя только двѣ недѣли послѣ смерти перваго, и желавшей угомонить и отвратить покойника отъ чинимаго имъ въ избѣ ея безпокойствїя тѣмъ, что пришедъ къ могилѣ покойнаго своего мужа, бросилась на оную, и дѣлая разныя неистовства, произносила съ воплемъ и со слезами слѣдующїя слова: тебя уже въ живыхъ нѣтъ! эй! эй! эй! Вѣдь ты на меня не прогнѣваешься, что вышла я за муженька помоложе тебя! эй, эй, эй, эй! Бѣлокураго твоего сынка я не оставлю безъ призрѣнїя! эй, эй, эй, эй! и такъ далѣе. Въ число языческихъ ихъ *святыхъ мѣстъ* принадлежитъ и находящаяся по Рижской дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ *Санктпетербурга*, липа, которой вѣтьви переплелись съ отраслями ближайшихъ деревъ такъ, что природную составляютъ бесѣдку, въ коей и *Петръ Великїй*, ради прїятности, оной не однократно изволилъ имѣть свое пребыванїе. На семъ то мѣстѣ собираются Ижерки на канунѣ Иванова дня, и препровождаютъ съ пѣнїемъ и воплемъ всю ночь, при великомъ огнѣ; а на послѣдокъ сожигаютъ *бѣлаго лѣтуха*, дѣлая при томъ много шалостей.

ЧЕРЕМИСЫ

Собственное имя *Черемисъ Мари*, (мужчины), а *Чувашъ Курмари* (горные люди). Они *живутъ* въ Казанской и Нижегородской губернїяхъ, больше на лѣвой, нежели на правой, сторонѣ рѣки *Волги*. Жилища ихъ простираются до самой *Пермїи*, и *деревни* лежатъ отъ части особо, а отъ части смѣжно съ Чувашскими и Россїйскими. *Породы* они *Финнской*, и говорятъ *своимъ собственнымъ*, съ Финнскимъ нарѣчїемъ сходнымъ, *языкомъ*: но, за неимѣнїемъ буквъ, нѣтъ у нихъ ни письменныхъ, ни печатныхъ дѣлъ. Во время господствованїя Татаръ были они имъ подвластны, и жили ближе къ югу, между Волгою и Дономъ. Они имѣли собственныхъ *Хановъ*, будучи уже и *лодъ Россїйскою Державою*: но поколѣнїе оныхъ пресѣклось на *Адаѣ*, весьма приверженномъ и покорномъ Россїйскому престолу, храбромъ Владѣтелѣ, и теперь нѣтъ у нихъ ни Князей, ни Дворянъ. Они упражнялись тогда въ *скотоводствѣ*, но мало по малу сдѣлались, подражая Россїянамъ, и по причинѣ стѣсненїя мѣстъ, *Землелашцами*.

По *виду* и *росту* своему, могутъ они почесться средними, между Россїянами и Татарами, людьми. Они не имѣютъ проворства и смѣлости первыхъ, да и женщинамъ ихъ не достаетъ пригожства, бодрости и суетности Россїянокъ, хотя и онѣ въ прочемъ не дурны. Въ дѣлахъ своихъ Черемисы не торопливы, но прилежны, и, по примѣру всякихъ непросвѣщенныхъ людей, упрямы и недовѣрчивы. Времени не считаютъ они ни годами, ни мѣсяцами, да и преданїй о бывшихъ съ предками ихъ приключенїяхъ не имѣютъ.

Въ городахъ они ни когда не живутъ. *Въ деревняхъ* же ихъ, въ коихъ бываетъ дворовъ до тридсяти, имѣютъ они, подобно Россїянамъ, мїромъ выбранныхъ сотниковъ, десятниковъ и старостъ. Каждый *дворъ* состоитъ изъ одной, особо построенной, черной избы, изъ стоящихъ розно хлѣвовъ, и изъ небольшихъ, на не высокихъ столбахъ сгромощенныхъ, кладовыхъ, кои служатъ имъ и лѣтними горницами. Все сїе строенїе выведено четыреугольникомъ, и срублено изъ бревенъ: а промежутки между онымъ ни чемъ не забираются. Черныя избы подняты на сажень выше подполья; лѣсницы у нихъ покрыты, а въ нутри, кромѣ Рускихъ печей, подѣланы очаги и широкїя Татарскїя палати. Двери у сихъ избъ низкїя, а окномъ служитъ четыреугольное, дюйма на полтора въ

Черемиска спереди.
Eine Tscheremisin vorwärts.
Feme Tscheremisse par devant.

размѣръ, отверзтіе, которое пузыремъ, или тряпицею, въ мѣсто стекла, затягиваютъ. Домашняя у нихъ *рухлядь* такая же, какая бываетъ у Россійскихъ сельскихъ хозяевъ.

Всѣ *Черемисы производятъ*, по обыкновенію Россійскихъ мужиковъ, *земледѣлашество*. Держащіеся языческаго суевѣрія отнюдь не хотятъ ѣсть свинины, да и изъ крестившихся рѣдко кто разрѣшаетъ совѣсть свою отъ узъ сего предубѣжденія. Въ зимнее время составляетъ *звѣриная ловля* главное ихъ упражненіе. Они не смѣлы и не хитры, а по тому и не зажиточны. Кто, на примѣръ, имѣетъ лошадей до тридесяти, и столько же рогатаго скота, да съ верьхъ того не много побольше овецъ; тотъ почитается у нихъ не послѣднимъ богачемъ. *Женщины* прядутъ, ткутъ, портничатъ, вышиваютъ холстинное одѣяніе шерстью собственнаго своего крашенья, и проч. Но чистоты въ разсужденіи одежды и пищи не увидишь ни въ которомъ дворѣ. Исповѣдующіе древнюю свою языческую вѣру Черемисы жрутъ лошадей, медвѣдей, всякихъ пернатыхъ, а въ случаѣ нужды и хищныхъ звѣрей: но падальщиною, какая бы она ни была, гнушаются. Какъ въ домашнемъ, такъ и въ лѣсномъ *пчеловодствѣ* весьма они искусны. Производятъ такъ же и *рыбную ловлю* охотно, но къ ремесленнымъ работамъ, къ коимъ Россійскіе мужики великую имѣютъ склонность, со всѣмъ не приступаютъ. *Подушный окладъ* платятъ они на ряду съ Россійскими крестьянами; ставятъ рекрутъ и подводы. Въ *Кунгурскомъ уѣздѣ* въ Области Пермской подушной окладъ даютъ нѣкоторыя деревни куницами.

Мужской нарядъ походитъ на одѣяніе Россійскихъ мужиковъ: но волосы зачесываютъ они назадъ, и кругомъ обрѣзываютъ ихъ коротенько. Воротники, обшивки около рукавовъ и вороты у рубахъ вышиты разноцвѣтною шерстью. Охабни, на кои идетъ толстое, изъ черной овечьей шерсти сдѣланное, сукно, шьются съ широкимъ опрокинутымъ и Аглинскому подобнымъ воротникомъ; на подолѣ оставляются въ низу съ обѣихъ сторонъ прорѣхи. *Бабы и дѣвки наряжаются* одинаково, только первыя получше. Они носятъ *штаны*, лапти, и обвертываютъ ноги онучами. Лѣтомъ ходятъ въ однихъ *рубахахъ*, подъ коими носятъ штаны. Рубахи около шеи и рукъ прихватываютъ плотно; а въ прочемъ шьются такъ узко, что около стану, какъ будьто, облипли, и длиною достаютъ за колѣни. Воротникъ, закраины и всѣ швы украшаются очень пестро крашеною шерстью; воротъ застегивается большею

пряжкою; а станъ прижимается къ тѣлу поясомъ. Для *лышности* носятъ они съ верьхъ рубахи, подобное покроемъ халату и изъ всякихъ цвѣтныхъ и отъ части тонкихъ суконъ дѣлаемое, верьхнее одѣяніе, которое по краямъ выкладываютъ иногда ужовыми шкурками. *Высокая, къ верьху уже сведенная, шалка* (Шуркъ) дѣлается изъ бересты, покрывается кожею, или холстомъ, и сплошь унизывается корольками, маленькими серебреными монетами и змѣиными головками (Cyprea Moneta). Такимъ же образомъ покрывается и, висящій отъ шапки по спинѣ, *ремень*, шириною въ ладонь. Нѣкоторыя носятъ, въ мѣсто высокой шапки, широкія, монетами и корольками разпещренныя, головныя повязки (Ошпу). Уфимскія и Вятскія Черемиски привѣшиваютъ къ поясу, супротивъ задняго прохоу, по цѣлому прибору кисточекъ (Упиненъ), перемѣшанныхъ съ наперстками и всякими гремушками, кои, досязая до самыхъ подколѣнокъ, производятъ на ходу противное слуху бренчанье.

По Россійскому деревенскому обыкновенію, *ходятъ бабы родить въ баню*. Первый мужчина, который посѣтитъ роженицу, даетъ имя мальчику, а первая же, къ ней пришедшая, женщина дѣвочкѣ, и сихъ то гостей, въ послѣдующее время, называютъ всегда дѣти *отцами* (Атай) и *матерями* (Абай). *Мужскія имена* суть слѣдующія: *Зегнулъ, Кислелатъ, Ербалды, Илменъ*, и проч; а *женскія: Пиделеть, Астанъ, Насуке*, и проч. Затвердивши такія имена, часто забываютъ крещеные, а особливо дѣвки, данныя имъ при крещеніи названія. Мужъ называетъ жену *Ватою*, а когда жена кличетъ мужа, то говоритъ *Мари!* или *Черемисъ!*

Женъ они себѣ *покупаютъ*, а цѣна невѣсты называется у нихъ *Олонъ*. Обыкновенно даютъ за невѣсту отъ 30 до 50, а иногда платятъ такъ же и отъ 80 до 100 рублей. У Язычниковъ и теперь еще *многожество* въ обыкновеніи. А какъ покорность и работа есть общій Черемискихъ женъ жребій, то зажиточные родители часто покупаютъ женъ и шестнадсятилѣтнимъ своимъ сыновьямъ; но дѣвка должна быть не моложе пятнадсяти лѣтъ. Приданое состоитъ въ скотинѣ, и по тому такіе молодцы, когда пріидутъ въ совершенной возрастъ, бываютъ уже нарочито скотомъ заводны. На роднѣ онѣ никогда не женятся, и двухъ сестръ вдругъ не берутъ: но тѣмъ милѣе имъ, когда послѣ смерти одной могутъ взять за себя и другую. Сватъ, которымъ бываетъ обыкновенно имянный отецъ, дѣлаетъ сговоръ; послѣ чего жениховъ и невѣста, увидѣвшись между собою, *мѣняются*

Черемиска сзади.
Eine Tscheremisin rückwärts.
Femme Tcheremisse par derriere.

Чермыска въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tscheremissin im Somer-Kleide.
Feme Tcheremissiene en habit d'été.

хольцами. Обрядъ сей называется у нихъ *Шергасъ Васталтасъ.*

Въ опредѣленный для *свадьбы день* пріѣзжаетъ женихъ съ друзьями своими къ невѣстѣ, и поелику они берутъ съ собою особливыхъ скомароховъ, то сіе весселье побуждаетъ и посторонніхъ деревенскихъ подорожныхъ жителей ѣхать туда же за женихомъ ихъ. Женихъ, уплатя остальныя за невѣсту деньги, раздаетъ дары, пируетъ и веселится, а на другой день увозитъ закрытую невѣсту въ жилище свое, не смотря на все ея сопротивленіе и слезы.

Въ домѣ, гдѣ быть свадебному пиршеству, ставятъ на столъ *домашняго Идола,* передъ которымъ творитъ *Картъ* молитву. По томъ бываетъ обѣдъ, и начинаются веселости, состоящія въ пляскѣ, по гуслямъ, волынкѣ (Шибберъ) и губномъ органѣ (Кобашъ); въ нескладномъ пѣніи пѣсень и сему подобномъ. Между тѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабье одѣяніе, сирѣчь, снимаютъ съ нее покрывало, и надѣваютъ ей на голову, въ мѣсто худой, нарядную высокую шапку, или повязку. Женихъ, взявъ ее за руку, отводитъ въ гостепріемный покой, гдѣ она, во время творимой *Юктолшолъ,* или *Картолъ,* молитвы, стоитъ на колѣняхъ, а по томъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво, или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣста сама, однако спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому посторонними бабами. Уложа молодыхъ, запираютъ подклѣть. На другой день, по утру, приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заступившій мѣсто роднаго невѣстина отца, мужчина, держа въ рукѣ добрую плеть, и ежели примѣтитъ, что невѣста въ дѣвствѣ вела себя нецѣломудренно, то погрозясь оною, совершаетъ на другой день свои угрозы. Такимъ же образомъ, пропуская только больше, либо меньше, послѣ страшанія времени, наказываютъ мужья женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣтятъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они такъ же въ пированіи. А какъ станутъ на послѣдокъ разходиться гости, то всякъ, выпивъ послѣдній стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ, молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христіанскій законъ Черемисами такихъ свадьбъ, до которыхъ бы не происходили сіи языческіе обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ, или лѣтъ. Но бѣдный, странствующій, удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу. Онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда отцу такое за дочь награжденіе, ка-

кое самъ вздумаетъ, и такимъ образомъ, безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Покойниковъ своихъ кладутъ они во гробъ, въ самомъ лучшемъ одѣяніи. Похороны бываютъ въ тотъ же самый день, въ который кто умеръ; при чемъ какъ мужчины, такъ и женщины провожаютъ. На кладбищѣ роютъ могилы съ запада на востокъ, и головою кладутъ покойниковъ на западъ. Всякому чему завязываютъ родственники въ поясъ по нѣскольку да съ верьхъ того надѣляютъ его посудою и другими до. ми надобностями, такъ же лапотникомъ, палкою, чтобъ было чемъ оборониться отъ собакъ, и не большимъ *лучкомъ розовыхъ лозъ*, который, по ихъ мнѣнію, отвращаетъ злыхъ Духовъ; все сіе кладется съ покойникомъ во гробъ. А какъ скоро завалятъ могилу землею, то провожавшіе покойника ставятъ на оной за всякаго, прежде скончавшагося, друга, по свѣчѣ, и часто говорятъ: *живите мирно!* Всякій провожатый ѣстъ, за горящими на могилѣ свѣчами, блинъ, и откуся три куска отъ онаго, кладетъ на могилу и говоритъ: *ето тебѣ пригодится!* Напослѣдокъ ставятъ на могилѣ шестъ, къ которому привязанная тряпица виситъ, какъ будьто, знамя. По возвращеніи домой, моются, и одѣяніе перемѣняютъ. Что же до покойникова платья касается, то худое бросаютъ, а доброе провѣтриваютъ.

Послѣ всякаго покойника правятъ они *трои ломинки* (Шуметъ). Первые бываютъ въ третій день, по кончинѣ. Пріятели, собравшись, ѣдятъ у могилы его такъ, какъ и на похоронахъ, блины, и откуся три частицы, говорятъ: *ето луспъ свѣстъ покойнику!* Въ седьмый день, послѣ смерти, лакомятся въ томъ домѣ, гдѣ оная случилась, за горящими восковыми свѣчами, блинами же, и посылаютъ такъ же нѣсколько кусковъ на могилу того, по комъ правятъ поминки. Третье сего рода празднество происходитъ въ сороковый день, послѣ смерти. Да съ верьхъ того бываютъ во всякой деревнѣ по одному разу въ годъ, подобныя вышеописаннымъ, общія поминки.

Они думаютъ такъ, какъ и всѣ почти Язычники, что *состояніе* человѣческое, *послѣ смерти*, есть, нѣсколько перемѣнившееся, здѣшней жизни продолженіе, и по тому кладутъ покойникамъ своимъ домашнюю утварь, деньги, пищу, и проч.

Оставшіеся, при древнемъ своемъ *идолопоклонствѣ* слѣпо повинуются собственнымъ своимъ Духовнымъ, которыхъ называютъ *Мушанами* и *Машанами*, а Первосвященникъ нарицается у нихъ

Югтишъ, и сіи толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развратители въ великой у нихъ чести. Число такого Духовенства стало уже теперь очень не велико: но въ мѣсто того избираютъ себѣ всякаго мѣста мїряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенїя человѣка, котораго, переименовавъ *Картомъ*, даютъ ему и помощника, подъ именемъ *Удше*.

Богъ называется во обще на ихъ языкѣ *Юма* и *Коююма* (высочайшїй Богъ). А чтобъ присвоить ему, умственно, всякїя благости, то подъ именемъ *Юмонъ Ава* (мать Божковъ) воздаютъ *сулрусѣ* его первое и самое большое, по Богѣ, почтенїе. Прочїе добраго качества *Божки* суть, по ихъ разсужденїю, дѣти, или родственники оныхъ двухъ первенствующихъ божескихъ лицъ, и между ними-то раздѣлено правленїе мїра и разположенїе судебъ. Нѣкоторыхъ почитаютъ женатыми, а иныхъ холостыми, и называютъ ихъ во обще *Божьего семьего* (Юмонъ Шукча). Что же касается до именъ ихъ Боговъ, и до умоначертанїя о исправляемыхъ ими дѣлахъ: то они въ томъ между собою не согласны, по тому, что одинъ Мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другїе меньше; при томъ же и въ случаѣ изпрошенїя помощи, по однимъ и тѣмъ же самимъ дѣламъ, обращаются къ разнымъ Божкамъ. *Наибольше же прилѣпляются* они къ слѣдующимъ *Богамъ*, а именно: къ *Пурикшѣ* и *Пугуршѣ Юмѣ*, къ *Кудортѣ Юмѣ*, подъ коимъ разумѣютъ они грозу, къ *Пуембарѣ Юмѣ*, который, по видимому, есть почитаемый Татарами *Пророкъ*, по тому, что сіи называютъ своего прорицателя Магаммедомъ Пуемберомъ, сирѣчь, пророчествующимъ. — Есть у нихъ не мало и *Богинь*, въ числѣ которыхъ почитаютъ такъ *Китебу*, мать солнца, *Кабу*, и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ Богамъ, а грѣшницы къ Богинямъ.

Прародителемъ *Боговъ злыхъ качествъ* почитаютъ *Сатану*, (Шайтанъ), коего не собственнымъ его называютъ именемъ, но словомъ *Јо*. Онъ живетъ, по мнѣнїю ихъ, въ водѣ, и бываетъ, особливо въ самый полдень, лихъ. Лѣшихъ называютъ *Ведашами*, и присвояютъ имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и птицами власть; при чемъ думаютъ такъ же, что они могутъ звѣриные промыслы дѣлать и удачными и несчастливыми. У нихъ есть и *злыя Богини*, но случается, что подъ однимъ и тѣмъ же самимъ именемъ, причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ Божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтенїи. Но поелику они *громового Бога* (Кудорча) наибольше страшатся, и при томъ вѣрятъ,

что плодородїе земли отъ него зависитъ: то многїе ставятъ его въ видѣ одѣтой въ мужское платье куклы, которую кладутъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ ни какого особливаго почтенїя, кладутъ только ему, черезъ нѣкоторое время, по нѣскольку кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣшенныя къ нѣкоторымъ почтеннымъ деревамъ четыреугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересты вырѣзанныя, безъ всякаго, въ разсужденїи лицъ, или знаковъ, изображенїя, которыя называются у нихъ *Куда Вадашъ*. Въ прочемъ иные называютъ ихъ Идолами, а другїе принесенными лѣшимъ жертвами: однако они у всѣхъ въ почтенїи, и какъ будьто представляютъ жертвенники Фауновъ.

Службу отправляютъ они *Богамъ* своимъ не въ храмахъ, но *на чистыхъ священныхъ мѣстахъ* (Кереметь), которыя бываютъ или общїя (Кога Кереметь), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащїя (Шке Кереметь). Они имѣютъ положенїе свое въ священныхъ рощахъ, или лѣсахъ; а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести, по крайней мѣрѣ, одно, либо и нѣсколько, деревъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочитается. Самое знатное дерево посвящается *Юмѣ*, другое похуже онаго *Юмонъ Авѣ*, а прочїя кое какимъ Божествамъ. *Кереметъ* есть, окруженное деревами, или другимъ какимъ заборомъ обнесенное, мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оное отъ десяти до двадсяти саженъ, и три имѣетъ входа: одинъ къ западу, для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводятъ назначенную въ жертву скотину, а третїй къ югу, для ношенїя воды. Подъ знатнѣйшимъ деревомъ стоитъ, въ мѣсто жертвенника столъ, а не подалеку отъ Керемета сдѣлана крышка, подъ коею варятъ, принесенную въ жертву, скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Керемету, да и мужчины должны заранѣе вымыться и чистенько прїодѣться, и при томъ, когда только можно, не съ пустыми приходить руками. Многїе почитаютъ и самаго Керемета сильнымъ и благодѣтельствующимъ Божествомъ, и по тому участїе въ приносимыхъ жертвахъ и моленїяхъ. *Пятница* почитается наилучшимъ, для молитвы, днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдыхновенїи отъ трудовъ.

Въ жертву приносятъ лошадей, рогатый скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, утокъ, пшеничные пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ какъ вареный, такъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ

другимъ предпочитаются; пѣгіе со всѣмъ не годятся, а черные, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары, и котораго рода. *Жертвенные калитки* и *пироги* надобно пріуготовлять *дѣвкамъ*. Дома ѣсть остатки жертвъ не запрещено и женщинамъ. Время къ жертвоприношенію опредѣляютъ всегда Духовные, которые, при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на столъ бобовъ, размѣриваніе пояса и прочее, вопрошаютъ своихъ Боговъ о различныхъ обстоятельствахъ.

Самый большій праздникъ, касающійся до всего Боговъ семейства, называется у нихъ *Юмонъ Байранъ*. Названіе Байранъ (праздникъ) такъ, какъ и *омываніе тѣла* передъ праздниками, переняли они у Татаръ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ, смотря по обстоятельствамъ и достаткамъ покупающихъ жертвенную скотину мірянъ, черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ четыре года; время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жертвоприношенію день разкладываютъ *Мушаны*, или *Карты*, въ Керемети *семь огней*, которые въ одинъ рядъ простираются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западѣ огонь посвященъ *Юмѣ*, ближайшій къ оному *Юмонъ Авѣ*, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особливый Мушанъ, или Картъ, и Удше, и передъ всякимъ огнемъ разстилаютъ по сукну, на которое ставятъ жертвенные напитки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше становится съ жертвенною своею животиною передъ своимъ огнемъ; служащій *Юмѣ* держитъ *жеребца*, а стоящій передъ огнемъ *Юмонъ Авы корову*, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скотъ или птицъ. Міряне стоятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы, поднявъ къ верьху пирогъ и сосудъ съ напиткомъ, творитъ въ слухъ молитву коротенькую, во время коей предстоящій Народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ: аминь! Послѣ сего молится Жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, *обливаетъ* всякій Удше *скотину свою* холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ знакомъ; а естьли нѣтъ таковой примѣты, то поливаетъ оную еще нѣсколько кратъ, и буде она, послѣ седьмаго поливанья, не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія Богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скотину такъ, чтобъ *кровь брызгнула въ огонь*, и по томъ очистя внѣ Керемети мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою, или наметомъ.

Изъ вареныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ Жрецъ на блюдѣ

въ верьхъ Божеству своему *сердце, легкое, леченку* и *голову*, молится, а когда возношеніе сіе вездѣ уже кончится, то приносятъ къ жрецу Юмы, который есть Первосвященникъ, всѣ блюда; онъ дѣлитъ все на части, и подаетъ всякому, къ вѣрѣ своей усердствующему, по особливой долѣ, которую шутъ же всякъ и сьѣдаетъ съ благоговѣніемъ. Послѣ сего творитъ опять Жрецъ молитву. Такимъ же порядкомъ раздаетъ онъ пироги по кускамъ, а напитки по мѣрѣ, въ огонь же ни чего не бросаютъ. *Кости* сожигаются; *шкуру* съ жеребца вѣшаютъ у Кереметя на дерево; а прочія кожи дѣлятъ Жрецы по себѣ. Остатки жертвъ берутъ съ собою домой, и доѣдаютъ ихъ съ своими домочадцами, при безпутныхъ иногда увеселеніяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великій праздникъ, *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ разпахиванію земли, то деревенскіе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою, по желанію своему, что ни есть изъ пищи и питья въ жертву. *Карты*, при твореніи молитвы и вышеписанномъ поклоненіи мірянъ, приносятъ Богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жертву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостію, по тому, что жены и дѣти ихъ пріемлютъ такъ же въ пированіи семъ участіе. На послѣдокъ взоравъ всякъ на пашнѣ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой *жатвенный праздникъ* (Уткинде Байранъ). Послѣ омовенія ставитъ онъ всякаго рода снятый въ томъ году съ полей хлѣбъ, съ небольшимъ количествомъ солоду, напитковъ и испеченныхъ, изъ самой свѣжей муки, пироговъ, на блюдцахъ въ избѣ своей на столъ. По томъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жертву противъ солнца, и съ покорностію *благодаритъ Богамъ* за ихъ благословеніе; послѣ чего угощаетъ своихъ пріятелей.

Крещеные Черемисы, число которыхъ въ одной Казанской губерніи, съ 1723 по 1774 годъ, умножилось до 6580 мужескихъ и 5951 женскихъ душъ, а по сей 1795 годъ можно положить не ошибочно въ трое, содержатъ оные праздники, по большей части, тайно, а иногда берутъ и въ самомъ торжествѣ Язычниковъ столько участія, сколько, укрываясь въ томъ отъ Духовенства, и избѣгая ихъ изпязанія, принимать могутъ.

Чуваши.

Чуваши, которые какъ сами, такъ и отъ *Россіянъ* симъ единственно именемъ, отъ *Мордвы* же *Видгками*, а отъ *Черемисъ Куркъ Марами* (горными людьми) называются, живутъ по обѣимъ сторонамъ *Волги*, въ Нижегородской и Казанской Губерніяхъ и Оренбургской Области. Они и теперь еще составляютъ *многолюдный Народъ*, который больше, нежели съ 20000 душъ платитъ подать. Всѣ почти съ 1723 года крещены въ Грекороссійскую вѣру, которую, можно сказать, *внѣшно* исповѣдуютъ.

Говорятъ они собственнымъ, отъ Финнскаго *произшедшимъ*, *языкомъ*: но не знаютъ ни граматы, ни буквъ. Они вели *кочевую жизнь*, и пребывали въ Идолопоклонствѣ: но теперь возлюбили всѣ землепашество и постоянное на одномъ мѣстѣ жительство. Однако *живутъ* не въ городахъ, но въ деревушкахъ, которыя, ежели только можно, заводятъ въ лѣсахъ, и хотя они очень много языкъ свой смѣшали съ Татарскимъ, однакожъ, при всемъ томъ, прародительское нарѣчіе, такъ же одѣяніе, нравы, обычаи и суевѣрія удержали.

Зима да лѣто составляютъ ихъ *годъ*, начинающійся съ нашимъ Ноябремъ мѣсяцомъ. Годовъ они, по порядку, не числятъ, а *мѣсяцы* (Ойхъ) считаютъ. Чукъ Ойхъ, жертвенный мѣсяцъ, есть нашъ Ноябрь, и проч. *Недѣля начинается* у нихъ *съ пятницы* (Ама), которая есть при томъ и день ихъ отдыхновенія; а *середу* называютъ *кровавымъ днемъ* (Іонконъ).

Они весьма походятъ на Черемисовъ, *по тѣлесному виду*, по нравственнымъ качествамъ, по разположенію *деревень*, *по сельскимъ разпорядкамъ*, *по состоянію жилищъ*, *по употребляемой или*, въ домашнемъ своемъ быту, *утвари*, *по разположенію хозяйства* и *жизни*, *по лицѣ*, *имѣнію* и *податямъ*, такъ же по мужескимъ и женскимъ *упражненіямъ*. Лицемъ они, по большей части, блѣдны, не поворотливѣе и разумомъ еще тупѣе Черемисъ, да и около себя они не опрятнѣе, и въ избираніи пищи и пріуготовленіи не рачительнѣе Черемисъ. Пребывающіе въ языческомъ суевѣріи Чуваши гнушаются свининою, и сіе переняли они отъ Татаръ: напротивъ того хищныхъ звѣрей, а въ случаѣ недостатка и падальщину, ѣдятъ безъ разбору. *Бѣшеную рыбицу* (*), которой Россіяне не

(*) Clupea Alofa. L.

ѣдятъ, покупаютъ Чуваши, называя оную *Темирѣ лолою*, сирѣчь, желѣзною рыбою, очень дешево, и употребляютъ въ пищу свѣжую, въ водѣ сваря, или провяливъ.

Къ *звѣриной ловлѣ* крайне они пристрастны, и употребляютъ теперь больше винтовки, нежели лукъ и стрѣлы.

Мужчины, по запущенію волосъ и бороды, такъ же по вышитымъ рубахамъ, уподобляются Черемисамъ; прочее же ихъ одѣяніе, какъ то портки, обувь, чулки, онучи, охабни, шляпы и шапки, дѣлаютъ ихъ на Рускихъ мужиковъ похожими. У верьхняго ихъ одѣянія нѣтъ такихъ широкихъ ворошниковъ, какія носятъ Черемисы.

Бабы и *дѣвки* разнятся между собою, въ разсужденіи одѣянія, по тому единственно, что дѣвки носятъ платье похуже. *Нижнее одѣяніе* и *рубахи* во всемъ подобны Черемисскимъ. Верьхняя рубаха есть обыкновенное и общее лѣтнее одѣяніе. *Поясъ*, отъ котораго пускаютъ на обоихъ бокахъ по одной, бахромкою обшитой, лопасти, *саррою*, называемой, прижимаетъ оную къ тѣлу. Зимою надѣваютъ на рубахи такимъ же почти образомъ сдѣланныя шубы, или суконные разныхъ цвѣтовъ охабни. *Женская шалка* (Хушпу) вся покрыта корольками и мѣлкими, на подобіе чешуи разположенными, серебряными монетами. Точно такъ украшена и верьхняя половина, проведеннаго подъ поясъ, долгаго *хвоста* (Ама). Подъ шапкою носятъ онѣ бѣлую, вышитую, и по краямъ корольками унизанную, фашу, которую невѣсты, какъ бы *покрывалом*ъ (Сурсанъ), лице свое занавѣшиваютъ; у бабъ же висятъ просто оба конца на груди, и бываютъ, но рѣдко, прикрашены кисточками и бахромками. Волосы заплетаютъ онѣ въ двѣ косы, и прячутъ подъ рубаху. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ носятъ бабы, въ мѣсто шапокъ, подобные Черемисскимъ, мѣлкими монетами, корольками и фарфоровыми раковинками осыпаныя, головныя только повязки, отъ которыхъ не большій хвостъ такъ, какъ и отъ шапки, виситъ по спинѣ; въ награжденіе же длины онаго, проведенъ съ зади отъ пояса въ низъ и другій, подобный оному, хвостъ. Еще перевѣшиваютъ они иногда черезъ лѣвое плечо, подобный жалованной лентѣ, ремень, который бываетъ шириною въ ладонь, и весь покрытъ корольками, змѣиными головками и поддѣланными червонцами.

Когда обѣдаютъ, или ужинаютъ, то сидятъ за столомъ. Прежде, нежели пріимутся ѣсть, говорятъ въ мѣсто молитвы: *Боже! даждь намъ хлѣбъ!* а наѣвшись, приговариваютъ: *Господи! не отри-*

Чувашанка спереди.
Eine Tschuwaschin vorwarts.
Une Tchouvachaine par devant.

ни меня! Гостей своихъ потчуютъ они ложками, и кормятъ ихъ, какъ будьто, на убой. Въ мѣсто кроватей, служатъ имъ такъ, какъ и Татарамъ, широкія полати, на которыхъ, не очень скудные, *слятъ* на перинахъ.

Когда *родитъ* чья ни будь жена, то пріятели и подруги приходятъ къ ней на посѣщеніе, пьютъ пиво, даютъ новорожденному младенцу имя, и дарятъ его, кидая въ стаканъ по нѣскольку копѣекъ. Ширшество сіе называется у нихъ *положеніемъ младенца въ колыбель* (Шіачиръ Хивасъ).

Ежели кто вздумаетъ *жениться*, то сватъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко. Обыкновенная *невѣстамъ цѣна* простирается отъ двадцяти до пятидесяти рублей: но иные за пять и за десять рублей получаютъ такъ же себѣ женъ. На противъ того богатые даютъ за невѣсту и до осьмидесяти рублей. Невѣстино приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣяніи, бываетъ почти равное, платимымъ женихомъ за нее, деньгамъ. Торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (Хота).

По заключеніи онаго, бываетъ особый *съ дарами поѣздъ*. Женихъ пріѣзжаетъ съ родителями своими къ невѣстѣ, платитъ за нее договорныя деньги, даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, плашками, или холстомъ. Невѣстинъ отецъ, для сугубаго въ женитьбѣ счастія, *приноситъ въ жертву пшеничный хлѣбъ* и не большое количество *меду* сырцу. Онъ держитъ даръ свой противъ солнца, и творитъ молитву; послѣ чего ѣдятъ, пьютъ, веселятся, и на послѣдокъ опредѣляютъ, когда быть свадьбѣ.

Во время *свадьбы* сидитъ невѣста, занавѣся лице, за отгородкою; на послѣдокъ, вышедъ оттуда, ходитъ прискорбно въ гостепріемной избѣ кругомъ, а дѣвки носятъ передъ нею пиво, медъ сырецъ и хлѣбъ. Какъ обойдетъ она въ третій разъ избу, то женихъ срываетъ съ нее покрывало, цѣлуетъ ее, и *мѣняется* съ нею *перстнями*. Съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гостямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, а на послѣдокъ уходитъ опять за отгородку, гдѣ бабы, въ мѣсто худой дѣвичей шапки, надѣваютъ на нее *бабью*, побогатѣе убранную (Хушпу).

Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по утру происходитъ о дѣвичьей непорочности слѣдствіе. Ежели окажется, что она, до замужства, жила не цѣломудренно: то невѣстинъ прислужникъ подаетъ Старѣйшинѣ съ пивомъ такой стаканъ, у коего на днѣ про-

буравлена дырочка, которую зажавъ пальцомъ, удерживаетъ пиво. Но какъ скоро Старѣйшина возьметъ стаканъ въ свои руки, то начинаетъ напиткокъ бѣжать изъ дырочки. Гости поднимаютъ превеликой смѣхъ, и приводятъ тѣмъ невѣсту въ стыдъ; другихъ не бываетъ ни какихъ слѣдствій. На другой день принимаетъ молодая гостей уже такъ, какъ хозяйка; въ разсужденіи чего и веселья бываетъ больше, нежели въ первый день. Пляшутъ же они по гуслямъ, по волынкѣ и по губному органу. Крещеные вѣнчаются въ церквѣ, спустя иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играютъ больше у жениховыхъ родителей, и оная походитъ нѣсколько на общественную пирушку, по тому, что всякій гость несетъ что ни будь съ собою. Въ прочемъ ставятъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ который воткнута стрѣла. Тутъ, кто изволитъ изъ гостей, кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

Мужъ имѣетъ во всемъ полную власть, а жена должна повиноваться ему, безъ всякаго прекословія; въ разсужденіи чего и не бываетъ почти ни какихъ въ семействѣ ссоръ. Но ежели мужъ чрезвычайно женою своею не доволенъ, то *разрываетъ ея покрывало* (Сурбакъ), и тѣмъ *уничтожается* на вѣкъ супружескій между ними *союзъ*. Такимъ же образомъ разводятся съ женами своими и всѣ, языческаго суевѣрія держащіеся, Черемисы, Мордва, Вотяки и Вогуличи: однакожь таковые случаи бываютъ рѣдко.

Умершихъ своихъ погребаютъ они, по Черемисскому обыкновенію, и надѣляютъ ихъ такъ же, какъ и они. На могилу кладутъ, по зазженіи восковыхъ свѣчекъ, блинъ и кусокъ вареной курицы; при чемъ говорятъ: *это тебѣ пригодится!* Остатки же прибираютъ провожатые, и думаютъ, что обще съ мертвецомъ ѣли. На послѣдокъ бросаютъ худое умершаго одѣяніе на могилу, моются и подвесляютъ себя пирушкою въ той избѣ, изъ которой вынесли покойника. Въ третій и въ седьмый день *правятъ поминки*, подобныя первымъ Черемискимъ; въ Октябрѣ же закалаетъ всякъ, у могилы своихъ родственниковъ, овцу, корову, бычка, а иногда и и лошадь, и сваря тамъ же, ѣдятъ такъ, что не великіе бываютъ остатки, кои кладутъ на могилу, и ставятъ при томъ не большую мѣру пива. Въ четвертокъ, на страстной недѣлѣ, выноситъ всякій хазяинъ, для каждаго изъ роду своего покойника, на дворъ по не большому количеству пищи, и про всякаго ставитъ восковую свѣчу. Собаки, въ мѣсто умершихъ, питаются симъ приноше-

Чувашанка въ Лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tschuwaschin im Sommer Kleide.
Une Tchouvache en habit d'été.

нїемъ. Въ прочемъ и тѣ, кои уже крестились, думаютъ, что, безъ сего обряда, не могутъ умершїе ихъ родственники лежать въ гробахъ своихъ спокойно.

Языческая вѣра Чувашъ сходствуетъ, въ главныхъ мнѣнїяхъ и обрядахъ, съ Черемисскою. *Жрецы* ихъ, принося жертвы одну послѣ другой, молятся, колдуютъ, предсказываютъ, и называются *Юмами* и *Еммами*. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ вступаетъ въ должность ихъ, подъ именемъ *Сукъ Гоата*, разумный старикъ. *Керемети* ихъ подобны во всемъ Черемисскимъ, а называются еще и *Ирсанами*.

Общаго Бога называютъ они *Горомъ*, а супругу его, *Горъ Амишею* (матерью Божковъ). Между *добрыми Божками*, кои считаются дѣтьми, или роднею Тора, кажется *Керемет* главнѣйшимъ, по тому, что молебныя и жертвенныя мѣста ему посвящены, да и самыя жертвы ему же тамъ приносятся. Кромѣ онаго почитаютъ еще *Пулихса*, *Хирлсира*, *Пихамбара*, *Кабу* и другихъ, Чувашскимъ подобныхъ, Божковъ. Низшей степени Божковъ называютъ во обще *Ирсинами*. Они кажутся быть Ангелами, или обоготвореннымъ людьми. Въ числѣ *Боговъ злаго качества* почитаютъ они такъ же *Сатану* (Шайтана) первенствующимъ, и опредѣляютъ жилище ему въ водѣ. *Обитами* называютъ они, изкушающихъ родъ человѣческїй, лѣсныхъ Божковъ. Въ прочемъ просятъ они въ молитвахъ своихъ Тора, чтобъ благоволилъ укротить Сатану.

Настоящихъ *Идоловъ* у нихъ *нѣтъ*, однакожъ *Ерихъ*, или *Ирихъ*, ихъ на то походитъ нѣсколько, и подобенъ Вотякскому *Мудору*. *Ерихъ* составляетъ не большая связка *серебряныхъ лозъ*, кои, нарѣзавъ осенью, ставятъ въ уголъ избы своей, и почитаютъ оныя столь священными, или опасными, что ни кто и приступиться къ онымъ не смѣетъ. Они возобновляютъ своего Ериха всякую осень, а стараго пущаютъ въ плавь по рѣкѣ.

Нѣкоторые воображаютъ себѣ *состоянїе* человѣческое *послѣ смерти* двоякимъ, а именно: *честные люди* преселяются де въ *Страну изобилїя* (Чемгерда), въ коей обрящутъ своихъ родственниковъ, такъ же скотъ и имѣнїе свое, въ гораздо лучшемъ состоянїи противъ того, въ какомъ они ихъ, на семъ свѣтѣ, оставили; *злые же* будутъ странствовать въ холодныхъ и безплодныхъ степяхъ, какъ кости безъ тѣла.

Керметные, или общїе, такъ, какъ и *семейственные* ихъ *праздники*, сходны съ Черемисскими не только, въ разсужденїи обря-

довъ, но и въ самихъ названіяхъ; ибо такія же бываютъ у нихъ при томъ жертвоприношенія, разпоряженія и обряды; а разность заключается въ томъ только, что Чуваши отъ всѣхъ *жертвъ* бросаютъ нѣсколько и *въ огонь*.

Праздникъ *Именъ Байранъ* бываетъ у нихъ весною, и они молятся въ сей день о изобиліи земномъ въ наступающее лѣто. *Уйчукъ* есть благодарственная въ Керемети, за собранные съ полей плоды, приносимая жертва; при чемъ мѣлкихъ только животныхъ закалаютъ. *Кереметь Гасадосъ*, или праздникъ очищенія Керемета, бываетъ весною, когда начинаютъ пахать поля; а обряды совершаются въ Керемети съ жертвоприношеніемъ *передъ семью огнями*. Они приносятъ въ жертву пироги и молоко, льютъ нѣсколько на огонь, убираютъ прочее сами, и обращаютъ моленіе свое наипаче къ *Кереметю Отцу* (Кереметь Ашъ), *Матери* (Кереметь Амша) и *Сыну* (Кереметь Ивли). Когда вздумаютъ принесть *Пихамбару* большую животину въ жертву, по причинѣ болѣзни, или для счастія въ скотѣ, и проч. то избираютъ къ тому Кереметь. Пернатыхъ же и малую животину жертвуетъ всякъ дома. *Жертвоприношеніе отъ новаго хлѣба* (Сыне тире чукъ тонсъ) есть тотъ самый праздникъ, который у Черемисъ *Уткинде байранъ* называется. *Мункунъ* (великій день) есть среда на страстной недѣлѣ. Въ сей день приноситъ всякій хозяинъ у себя въ домѣ жертву, состоящую въ птицахъ и пирогахъ; при чемъ одинъ другаго посѣщаетъ, и проч. Во обще ввели они такъ, какъ Черемисы, Мордва, Вотяки и нѣкоторые другіе Народы, очень много Христіанскихъ, а еще больше Магаммеданскихъ праздниковъ въ число своихъ, какъ на примѣръ, выше помянутый великій день, поминаніе въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, омываніе тѣла и разположеніе молитвъ, да и самое слово, *байранъ* (праздникъ) Татарское.

Молитвы ихъ бываютъ всегда одинакія, а разность заключается только въ обстоятельствахъ, да въ лицахъ мнимыхъ ихъ Боговъ, къ которымъ они возсылаются. Полная Чувашская молитва гласитъ въ переводѣ такъ: *Боже!* (Торе, или иное какое Божество) *помилуй насъ! Боже! не оставь меня! Надѣли меня множествомъ сыновей и дочерей! Боже! одари меня многими горами хлѣба, и наполни мои житницы и кладовыя! Боже! низлощи мнѣ хлѣбъ, медъ, питье, сѣстное, здоровье, покой! Боже! наполни дворъ мой лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, козами! Боже! благослови жилище мое, чтобъ могъ я странствующихъ принимать, по-*

конть, литать и грѣть. Боже! благослови Обладательницу Земли! (Всемилостивѣйшую Государыню). При всякомъ отрывѣ молитвы говорятъ мiряне: *аминь!*

При обращенiи ихъ, въ 1723 году, къ Христiанскому закону, нарочито они упрямились; а въ нынѣшнее время, въ которое безъ собственнаго удостовѣренiя ни кого къ принятiю православной вѣры не принуждаютъ, и не отвлекаетъ ихъ никто отъ суевѣрiя, да они и сами, въ разсужденiи тихомирнаго поведенiя, прилежанiя, вѣрности и преданности своимъ Начальникамъ, крестившимся ни мало не уступаютъ.

Въ междоусобныхъ дѣлахъ *не употребляетъ Народъ сей* никакихъ *клятвъ*, но единственно держатся *своего слова*. Но когда по какимъ ни будь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ предъ судьями присягать: то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ: *чтобъ мнѣ этого у себя не видать, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою.* Рекрутамъ же даютъ хлѣбъ черезъ сложенные крестообразно тесаки, и сiе служитъ для сего Народа, въ мѣсто обыкновенной въ Россiи, для прочихъ Христiанскаго исповѣданiя Народовъ, присяги.

МОРДВА.

Народъ сей *живетъ* по близости рѣки *Оки* и *Волги* въ Нижегородской Губернїи и частїю въ Оренбургской Области. Долго былъ онъ у Татаръ въ подданствѣ, однако имѣлъ собственныхъ *Хановъ*. До разпространенїя Татарскаго владычества были жилища его повыше теперешнихъ, на Волгѣ же, около *Ярославля*, *Костромы* и *Галича*. А хотя Народъ сей и не столь многолюденъ, какъ Черемисы и Чуваши, однако нарочито еще знатенъ, и безпрерывно отъ одной переписи до другой умножается, соотвѣтственно природнымъ Россїйскимъ сельскимъ жителямъ.

Оный *раздѣляется на два главныя колѣна*, а именно: на *Мокшанъ*, кои живутъ на Мокшѣ, сообщающей струи свои Окѣ выше всѣхъ другихъ рѣкъ, и на *Ерзянъ*, обитающихъ на Волгѣ. *Карататаи* составляютъ еще и третїе, но такое малое поколѣнїе, что въ нѣсколькихъ только Казанскихъ деревняхъ заключается. Они называются сами по поколѣнїямъ своимъ *Мокшами* и *Мокшанами*, такъ же *Ерзянами* и *Ерзядами*; Россїяне же нарицаютъ ихъ во обще *Мордвою*, которое наименованїе и между самими ими не не употребительно. Дворянскїя ихъ семьи давно уже перевелись.

Языкъ ихъ, который такъ, какъ и сами они, заимствуетъ начало свое отъ Финновъ, весьма съ Татарскимъ перемѣшанъ. Ерзянское и Мокшанское нарѣчїя такъ между собою разнятся, что походятъ на два особливые языка. А хотя каждое колѣно и теперь еще употребляетъ свой языкъ, но они, по близкому сообщенїю, или по взаимному смѣшенїю, свободно одни другихъ разумѣютъ. До разпространенїя между ними Христїанской вѣры почиталось у нихъ преступленїемъ понимать жену изъ другаго колѣна: но нынѣ живутъ они уже больше въ смѣшенїи. Однакожь всякїй родъ держится своихъ старинныхъ обычаевъ, въ разсужденїи одѣянїя и нѣкоторыхъ поведенїй.

Мордовцы, по тѣлесному разположенїю и по всему виду, больше походятъ на *Россїянъ*, нежели на Черемисъ и Чувашъ, да и въ самомъ домашнемъ своемъ быту соображаются наипаче Россїйскимъ сельскимъ жителямъ. Волосы у нихъ, по большей части, русые и прямые, бороды жидкїя, лица сухощавыя, а женщины ихъ рѣдко бываютъ красивы. Въ прочемъ они честны, прилежны, дружелюбны, но не проворны; послѣдуютъ не менѣе перенятому отъ Россїянъ,

Мордовка съ лица.
Eine Morduanerin vorwärts.
Femme Morduane par devant.

сколько и заимствованному ими отъ Татаръ, въ разныхъ дѣлахъ и обычаяхъ, но не въ опрятности и отвращенїи отъ свинины, которую, держащїеся языческой своей вѣры, Мордовцы, коихъ однакожь теперь въ остаткѣ очень мало, ѣдятъ безъ всякаго зазрѣнїя, а на противъ того, оставшїеся въ языческомъ суевѣрїи, Чуваши и другїе Народы почитаютъ оную поганою пищею.

Съ того времени, какъ стали они Россїйской Державѣ подвластны, упражняются всѣ *въ земледѣлашествѣ*: но живутъ не въ городахъ, а въ деревушкахъ, подобныхъ Черемисскимъ и Чувашскимъ, и весьма охотно строятъ жилища свои въ лѣсахъ. Дворы, землепашество, небольшее скотоводство, домашняя рухлядь, пища и все во обще разположенїе ихъ хозяйства ни мало отъ Черемисскаго и Чувашскаго не разнится. По большей части бываютъ и у ихъ дворовъ такїе же, какъ и у тѣхъ, огородцы, въ коихъ садятъ про себя обыкновенную поваренную зелень. Но къ *звѣриному промыслу* не столько они прилѣпляются, какъ помянутые Народы. Мордовки упражняются равномѣрно въ такихъ же дѣлахъ, какъ Черемисскїя и Чувашскїя женщины, и при томъ подобны имъ въ прилежанїи и искусствѣ. Народъ сей несетъ равную съ сосѣдями своими гражданскую тягость, да и въ самомъ поведенїи имъ сообразенъ. Мокшаны живутъ въ привольныхъ къ *лѣсному пчеловодству* мѣстахъ; есть такъ же между ними дѣйствительно и такїе пчеляки, кои имѣютъ у себя по сту и по двѣсти ульевъ.

Мордовское *мужское одѣянїе* во всемъ, кромѣ рубашекъ, украшенныхъ шитьемъ около воротника и ворота, походитъ на Русской мужичїй нарядъ. *Женская* же *одежда*, въ обоихъ поколѣньяхъ, нѣсколько отмѣнна. Дѣвки ходятъ и у нихъ не такъ нарядно, какъ бабы; а въ прочемъ различаются отъ сихъ однимъ только головнымъ уборомъ. Они носятъ короткїя портки (Пойкъ), а на ноги столько навертываютъ онучь, что походятъ на колоды. Обувь ихъ составляютъ востроносые лапти (Каръ); рубахи носятъ, подобныя Чувашскимъ и Черемисскимъ; узоры вышиваютъ на оныхъ такїе же, и подпоясываютъ оныя, не забирая въ портки. Отъ пояса виситъ на зади не большїй, красиво вышитый, и при томъ бахромкою и кисточками разпещренный, коротенькїй запонъ, который и не излишенъ, по тому, что рубахи ихъ, какъ будьто облипли около тѣла. Когда Мордовка явится въ самомъ лучшемъ нарядѣ, то около пояса висятъ кругомъ, прикрѣпленныя къ вышитой широкой перевязи бахромки и кисточки. Шею и плечи покрываетъ, решетча-

то сдѣланный изъ корольковъ и поддѣланныхъ червонцовъ, пронизокъ, который, какъ будто косынка, наметывается на грудь. На всѣхъ пальцахъ носятъ онѣ перстни и кольца, а къ большимъ сергамъ привѣшиваютъ маленькія, изъ корольковъ сдѣланныя, пронизки. На руки надѣваютъ, у самыхъ кистей, по два и по три обода. Волосы заплетаютъ въ нѣсколько малыхъ косъ, кои прячутъ пожилые люди подъ сшитую по головѣ шапочку, а молодые подъ высокую, набитую, крѣпкую, вышитую и какъ корольками, такъ и фарфоровыми раковинками разпещренную, шапку, у которой придѣланъ на затылкѣ хвостъ, шириною въ ладонь, а длиною съ лишкомъ на пядень, и украшенъ корольками и унизанными нитками. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и дабы сдѣлать оные долгими и крѣпкими, то кладутъ въ добавку черную овечью шерсть.

Мокшанки разнятся отъ Ерзянокъ слѣдующимъ только нарядомъ. *Бабьи шалки* дѣлаются у нихъ не столь высокія и вышиваются просто. Многія носятъ на головѣ и одинѣ только вышитыя фаты. Отъ шапки висятъ по груди, выкладенные серебряными копѣйками, *ремешки*. Отъ составленнаго же *изъ корольковъ пронизка* простирается до самаго пояса, покрытый въ сплошь корольками и брякушками, *щитъ;* а отъ пояса виситъ въ переди долгій, либо коротшій, вышитый, и какъ корольками, такъ и змѣиными головками усыпанный запонъ. Въ мѣсто Ерзянскаго задняго запона, носятъ Мокшанки не мало, рядомъ висящихъ, кисточекъ, кои достаютъ до самыхъ подколѣнокъ. Кромѣ серегъ болтается около ушей много маленькихъ, *изъ лебяжьяго пуху* сдѣланныхъ. *кисточекъ*. Волосы покрываютъ такъ же, прикрѣпленнымъ къ шапкѣ и до самыхъ пятъ достающимъ, ремнемъ; пожилыя же бабы и дѣвки, въ мѣсто шапокъ, носятъ на головѣ въ завязку платки, а волосы разтрепанные, или заплетенные, висятъ просто по спинѣ.

Беременныя женщины ходятъ *родить* въ баню, гдѣ посѣщаютъ ихъ гости, и даютъ младенцамъ имена. Обряды бываютъ у нихъ при семъ случаѣ такіе же, какъ и у Черемиссъ. *Мужескаго полу имена* суть слѣдующія: *Трена, Казай, Деткудъ, Сидасъ*, и проч. а *женскаго: Лолай, Ракса, Шинду, Лумзурь* и прочія.

Дѣвокъ они *высватываютъ*, и рядятся такъ же, какъ и Чере-

Мордовка со спиною.
Eine Morduanerin rückwärts.
Mordouane par derrière.

Мордовская дѣвушка съ тылла.
Ein Morduanisches Mädgen rückwärts.
Fille Morduane par derrière.

миссы. *Цѣна невѣсты* (Калымъ) простирается обыкновенно отъ осьми до десяти рублей; изъ чего и видно, что Народъ сей не богатъ. Жениховъ отецъ ѣздитъ самъ, передъ свадьбою, за невѣстою, которую отецъ, взявъ за руку, ему препоручаетъ, а мать дастъ при томъ свекру дочери своей не много соли и хлѣба. Послѣ сего прощается невѣста, плачучи, и пускается, закрывъ лице, въ путь. Какъ пріѣдетъ она къ жениху въ домъ, то садится онъ подлѣ ее, за столъ, и крѣпко при томъ нахлупчитъ на глаза шапку. На столѣ стоитъ, длиною фута въ три, пирогъ, который жениховъ отецъ, пододвинувъ однимъ концемъ невѣстѣ подъ покрывало, говоритъ: *взглянн на свѣтъ! будь счастлива къ наживу хлѣба и дѣтей.* Тутъ-то, въ первые, видитъ женихъ въ лице свою невѣсту, которую, безъ вѣдома его, высваталъ за него отецъ. Послѣ сего пируютъ они съ пріятелями своими, и веселятся пляскою, пѣснями, игрою, а больше всего подпиваньемъ. Въ прежнія времена были у нихъ и собственныя пляски, но теперь послѣдуютъ въ томъ Россіянамъ, и соображаются игрѣ на гусляхъ, волынкѣ и губномъ органѣ. Какъ пріидетъ пора *укладывать молодыхъ слать*, то невѣста такъ упрямится, что, посадя ее насильно на рогожу, относятъ къ жениху въ подклѣтъ, и говорятъ: *вотъ тебѣ волкъ овечка!* Случается, что родители и малолѣтныхъ еще дѣтей своихъ помолвливаютъ; при чемъ взаимно размѣниваютъ табашные роги. Дѣвку помолвленіе сіе не обязываетъ, но молодецъ долженъ, буде вздумаетъ на другой жениться, заплатить за обходъ нѣсколько рублей. Хотя въ прочемъ многоженство Языческимъ ихъ закономъ и не запрещается, однако они вольностію сею столь же рѣдко, какъ и Черемиссы, пользуются. Когда умретъ жена, то охотно женятся на свояченицахъ. Естьли же получитъ кто въ томъ отказъ, то кладетъ тихонько на столъ маленькій хлѣбецъ, и говоритъ: *промыѣли мнѣ свояченицу!* Послѣ сего обращается онъ въ бѣгъ, и ежели его настигнутъ, то бьютъ не милосердно, естьли же уйдетъ, то выдаютъ безпрекословно за него помянутую свояченицу. Когда крещеные ѣдутъ къ вѣнцу, то лице у невѣсты бываетъ закрыто же, и при томъ всячески стараются, чтобъ, когда ѣдетъ невѣста въ церковь, не попался ей кто ни будь на встрѣчу, по тому, что почитаютъ сіе предзнаменованіемъ несчастія.

Покойниковъ хоронятъ въ самомъ лучшемъ платьѣ. У могилы ѣдятъ пироги, и разпиваютъ пиво; при чемъ какъ того, такъ и другаго по не многу оставляютъ на мѣстѣ.

Вольшая половина Мордвы исповѣдуетъ теперь *Христїанскую вѣру*, и хотя они отъ Языческаго закона удалились уже больше, нежели Черемиссы и Чуваши: однакожь все еще великое имѣютъ къ оному пристрастїе. *Идололоклонство* ихъ Язычниковъ подобно Черемисскому и нѣкоторыхъ другихъ Народовъ.

Мордовскїе *Керемети* не заключаютъ въ себѣ ни чего отмѣннаго. Теперь нѣтъ у нихъ и настоящихъ *Жрецовъ*: но мѣста ихъ занимаютъ всякїе добрые люди, кои называются *Аге*. *Общій Богъ* называется у Ерсянъ *Паасъ* и *Пасъ*, а у Мошканъ *Скей*; да симъ же словомъ называютъ они и небо. Они исповѣдуютъ еще *Матъ Боговъ* и *сына Божїя* (Иничи Пасъ). *Мастеръ Пасъ* есть подземельное и не очень благотворительное Божество. *Николай Пасъ* есть, почитаемый Россїянами, *Святитель Николай*, коему приписываютъ они благосостоянїе Россїйскаго Народа, ставятъ передъ икону его, въ Россїйскихъ церквахъ свѣчи, и воздаютъ изображенїю его, въ домахъ своихъ, почтенїе. Въ прочемъ не представляютъ они Боговъ ни подъ какими видами. Богомолїя, жертвы и приношенїя ихъ, да и всѣ во обще праздники, совокупно съ возбуждающими къ тому причинами, подобны Черемисскимъ и Чувашскимъ; разнятся же отъ послѣднихъ тѣмъ только, что огню не предаютъ ни чего, а въ мѣсто того *землѣ нѣсколько удѣляютъ*. *Кровь*, приносимыхъ въ жертву, животныхъ спускаютъ въ ямочку, и зарываютъ землею, да и отъ самой жертвы кладутъ туда же нѣсколько частицъ. Кости бросаютъ въ рѣки, а шкуры берутъ за себя Аты.

Весною бываетъ у нихъ *Керметный праздникъ*, въ который приносятъ звѣрей въ жертву. *Полевый праздникъ*, который у Ерзянъ *Валнъ Осксъ*, а у Мокшанъ *Велъ Оксъ* называется, препровождаютъ въ полѣ оба пола въ мѣстѣ. *Пасъ Атуская* приносятъ они въ жертву рыжую, а *Мастеръ Пасу* черную корову. *Солнцу*, которое они называютъ *Си Пасомъ*, приноситъ въ жертву всякїй хозяинъ у себя на дому, съ Чувашскими обрядами, птицъ, пирожное и хмельные напитки. Увидя въ первый разъ *новый мѣсяцъ*, кланяются и просятъ его, чтобъ низпослалъ имъ, во время своего правительства, счастїе. Осенью приносятъ *Юрташу Пасу* домашнюю жертву, и просятъ его о благополучной зимѣ. Въ первый день какъ свѣтлаго Воскресенїя, такъ и Рождества Христова, жертвуютъ они не извѣстнымъ и самимъ имъ Россїйскимъ Святостямъ птицъ, пи-

Мокшанка спереди.
Eine Mokschanerin vorwärts
Une Moquechaine par devant.

Старуха Мокшанская.
Ein altes Weib aus Mockschan.
Vieille feme de Moquechaine.

рожное и напишки, дабы только имѣть себѣ заступниками и Россїйскихъ Святыхъ. Во время грозы говорятъ: *умилосердись Боже Пургини!* но жертвъ ни какихъ не приносятъ. *Молитвы* ихъ такїя же, какъ и выше описанныхъ Народовъ. Притворный, во время молитвы, видъ, приклоненїе лица къ землѣ и другое, сему подобное, переняли они отъ Татаръ.

ВОТЯКИ.

Вотяки, коихъ Славяне называли *Вотами*, проименованы отъ Татаръ *Арами*, сирѣчь, Украинцами; отъ чего нѣкоторые производятъ и произхожденіе, обитающаго нынѣ еще около рѣки Енисея, Народа, *Аринцами* именуемаго, который, однакожь, въ древнія времена, имѣлъ жилища свои около Уральскихъ горъ, но передъ побѣгомъ своимъ въ нутрь Сибири нарочито истребленъ, какъ о томъ объявляютъ нѣкоторые Писатели. Собственное же Вотяковъ названіе есть, *Уды* и *Удмурты*, или *Морты*: но Моръ значитъ во обще, на языкѣ ихъ, человѣка. Они *живутъ* въ Казанской и Вятской, Губерніяхъ, и называютъ сію, занимаемую ими Страну, *Камъ Козинъ*, сирѣчь промежь рѣками лежащею землею, а именно между Камою, которая, на ихъ языкѣ, нарицается, *Будгинъ Камъ*, и *Вяткою*, коя у нихъ называется *Вятка Кама*.

Вотскій Народъ и нынѣ еще многочисленъ. Со включеніемъ, живущихъ въ Оренбургской Области, Вотяковъ, считается въ ономъ до 40000 и болѣе мужчинъ. Вотяки и теперь наблюдаютъ старинное свое раздѣленіе на *поколѣнія*, или семьи, и даютъ по тому деревнямъ своимъ названія, какъ на примѣръ: *Сулонненъ Балги*, т. е. Сулонны отъ Балгскаго поколѣнія; *Куракъ Самесъ*, Куракская деревня отъ колѣна Самесъ, и такъ далѣе. Но Ханскія и прочія ихъ Дворянскія семьи отъ части перевелись, а отъ части вышли изъ чести. Они были такъ же подъ Татарскимъ покровительствомъ. А какъ Россійской покорились державѣ, то брося кочеванье, принялись за спокойнѣйшую и безопаснѣйшую сельскую жизнь, при чемъ и постоянныя жилища предпочли полевымъ ставкамъ.

Росту, большая часть, средняго, худощавы, волосы у нихъ бываютъ всякіе, но у многихъ рыжіе. Съ *виду* походятъ на Финновъ больше, нежели всѣ прочіе единоплеменные имъ народы. Въ прочемъ честны, миролюбивы, гостепріимчивы, трезвы, но и суевѣрны, къ любви не страстны и простосердечны. У *женщинъ* ихъ такіе чрезвычайно малые мигучіе глаза, что гадко на нихъ и взглянуть; росту они малаго, робки, стыдливы, а по тому и цѣломудренны, при томъ же рачительны и ласковы.

Они говорятъ собственнымъ, отъ Финнскаго произходящимъ, *языкомъ*: но нѣтъ у нихъ теперь ни писанія ни буквъ. *Счеты* ведутъ они на замѣткахъ (Несъ), а въ мѣсто подписи употребля-

ютъ заручительные знаки. *Годовъ* не считаютъ, *мѣсяцамъ* же даютъ названія отъ естественныхъ приключеній, такъ на примѣръ: Мартъ называется у нихъ *Силлронъ Галисъ*, льдоломный мѣсяцъ, Іюнь, *Вушанъ Сира Галисъ*, солнцестоятельный мѣсяцъ, и такъ далѣе. Изъ недѣльныхъ дней *лятница* (арнїа нумалъ) есть день ихъ отдыхновенїя. Среду нарицаютъ и они *кровавымъ днемъ* (виръ нумалъ), и ни чего въ оной важнаго не предпринимаютъ.

Они такъ же, какъ и Черемиссы, живутъ не въ городахъ, но въ *деревняхъ*, которыя, естьли другїя какїя мѣста покажутся имъ привольнѣйшими, и переносятъ. Въ прочемъ всѣ сельскїе ихъ разпорядки, жилища, домостроительство, утварь домашняя, пища, питье, подати и все во обще ихъ устроенїе такое точно, какъ и у вышеописанныхъ Народовъ. Сотники ихъ называются, *Еллирами*, а старосты, *Картликами*. Они больше всѣхъ Народовъ убѣгаютъ обращенїя съ Иноплеменниками, и по тому не любятъ, чтобъ въ смежности съ деревнями ихъ были и чужїя; не даютъ такъ же пришельцамъ въ посадахъ своихъ строить дворовъ, да и при празднествахъ своихъ не терпятъ Инородцовъ. Очень рѣдко случается, чтобъ вступило въ земской судъ какое ни есть Вотское, по прошенїю, дѣло.

Сельское домостроительство производятъ они весьма рачительно, и при томъ упражняются какъ въ *звѣриной ловлѣ*, на которой лукомъ и огнестрѣльными оружїями равно пользуются, такъ и въ *пчеловодствѣ*. Отъ скуки, сидятъ такъ же нѣкоторые и за *токарнымъ дѣломъ*; издѣлья же ихъ составляютъ: чашки, ложки, веретена и другїя, симъ подобныя, надобности, да они и лоскъ на сосуды наводятъ. *Женщины* прядутъ, ткутъ холстъ, дѣлаютъ толстыя сукна, валяютъ войлоки, вышиваютъ узоры и портничатъ. Богатыхъ между ними мало, но на противъ того и во все нѣтъ чрезвычайно бѣдныхъ. У кого есть отъ пятнадсяти до двадсяти пяти десятинъ земли, да съ верхъ того лошадей отъ двадсяти до тридсяти и другаго скота соразмѣрное количество: тотъ занимаетъ между богачами ихъ первое мѣсто.

Одѣянїе мужчинъ походитъ на нарядъ Рускихъ мужиковъ, но по большей части дѣлается изъ бѣлаго толстаго сукна. Зимнїя ихъ шапки шьются изъ сукна, да и околышь бываетъ по большей части изъ сукна же, только изъ другаго цвѣта. Къ поясу привѣшиваютъ ножь да влагалище для топора.

Женщины носятъ короткїя рубашки, вышитыя душегрѣйки и

лапти. *Лѣтнее* ихъ *одѣяніе* составляетъ просторная и полная верьхняя рубаха, у которой рукава дѣлаются узковато, а обшивки украшаются узорчатымъ шитьемъ. Они подпоясываются по сей рубахѣ такъ, что какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ боку виситъ долгій отъ пояса конецъ. У пояса мотается не большій, со швейными припасами, мѣшокъ (Янтзикъ). Голову покрываютъ вышитою, и бахромкою обложенною фатою, которая перетянута надъ головою черезъ высокой обручь, и опущена на спину. У самыхъ ушей оставляютъ они по клочку волосъ, который обыкновенно узломъ затягиваютъ. *Зимнее* же ихъ *одѣяніе* составляютъ долгое и полное, въ переди не большій воротъ имѣющее, платье (Тамашадерамъ), у коего рукава узкіе, а воротника со всѣмъ нѣтъ. Оное шьется обыкновенно изъ сукна какого ни есть свѣтлаго цвѣта. Голову покрываютъ онѣ зимою платкомъ, который завязываютъ подъ подбородкомъ, а на оный надѣваютъ шапку съ берестовымъ столбомъ, чѣмъ ни есть покрытымъ, и накидываютъ на него помянутую фату, висящую по спинѣ, и служащую такъ же покрываломъ. Онѣ носятъ такъ же серьги, перстни, кольца, и при томъ какъ мѣдные такъ и желѣзные ручные ободы. Дѣвки носятъ у нихъ такъ, какъ и у Татарокъ, крѣпко на головѣ сидящія шапки, а въ прочемъ одѣваются похуже бабъ.

Привѣтствуются они между собою чрезъ подаваніе рукъ, и говорятъ при томъ: *дисъ банъ!* (здравствуй!). Женьщины, въ мѣсто цѣлованія треплютъ себя обѣими руками по плечамъ. *Бранныя* ихъ *слова* суть слѣдующія: скитающееся стерво (шной удманъ), безполковый бѣсъ (вистанъ Шайтанъ), и сіе проклятіе: чортъ тебя возьми! (Шайтанъ медъ бастосъ). По *рожденіи* младенца, которое такъ же, какъ у Мордвы и у нѣкоторыхъ другихъ Народовъ, бываетъ въ банѣ, которую и не одну во всякой ихъ деревнѣ найти можно, приноситъ отецъ *Ангелу хранителю* сего *младенца* въ жертву бѣлаго овна. Жертву сію называютъ они *Килдиссинъ* (Ангельская жертва), и ѣдятъ оную съ удовольствіемъ. Собственныя Вотяковъ *мужескія имена* суть: *Ишмакъ*, *Данабай*, *Камай*, *Елтемиръ* и прочія, *а женскія: Далишь*, *Баделетъ*, *Беке*, *Танга*, *Акстонь* и другія.

Женъ они себѣ *покупаютъ*, и хотя оставшимся при языческомъ суевѣріи не возбранно содержать оныхъ столько, сколько прокормить могутъ: однако рѣдко кто имѣетъ двухъ или больше. Договорная за невѣсту цѣна, которая у нихъ называется *Ердунъ*,

Вотячка.
Eine Wotiakin.
Femme Votiakiene.

а ряда о томъ, *Ершу*, простирается обыкновенно отъ пяти до пятнадсяти рублей, чему соразмѣрно бываетъ и невѣстино приданое. Они разбираютъ, при женитьбахъ своихъ, одно только имѣнїе: однакожь мальчиковъ ни когда до десяти лѣтъ не женятъ, да и дѣвушекъ до пятнадсяти лѣтъ за мужъ не выдаютъ.

Женихъ, заплатя чисто договорныя деньги, беретъ тотъ часъ съ собою невѣсту, у коей лице бываетъ закрыто. Между тѣмъ собираются въ домъ родителей его гости, къ которымъ невѣста, нарядившись въ особой избѣ въ бабье одѣянїе, выходитъ. У самыхъ гостепрїемнаго покоя дверей останавливается она на разкинутомъ сукнѣ, и ждетъ пока Духовный человѣкъ (Торъ Картъ) принесетъ въ жертву стаканъ пива, и сотворитъ къ Богамъ молитву о низпосланїи молодымъ счастїя въ наживѣ хлѣба, дѣтей и богатства. Освященное оное пиво даетъ пить молодымъ, и сїе служитъ, какъ будьто, *братымъ таинствомъ*. Послѣ сего разноситъ дѣвка съ невѣстиной стороны медъ, или пиво, а сама невѣста, прося каждаго гостя выкушать подносимое, становится при томъ на колѣни, и до тѣхъ поръ не встаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между тѣмъ, не укладывая еще молодыхъ спать, ѣдятъ, изрядно попиваютъ, пляшутъ и такъ далѣе.

Въ скорѣ послѣ свадьбы прїѣзжаетъ къ молодому тесть, привозитъ съ собою еще что ни будь въ добавку къ приданому, свидѣтельствуетъ новое хозяйство, и беретъ къ себѣ дочь, на нѣсколько мѣсяцовъ, а иногда и на годъ. Молодая носитъ во все сїе время дѣвичїй нарядъ, и работаетъ отъ части про себя, а отъ части для своихъ родителей. А когда мужъ станетъ брать ее къ себѣ, то она, при укладыванїи спать и на прощанїи, сопрошивляется такъ же, какъ и въ день свадьбы: однакожь скорѣе покоряется, и по елику знакомые, при таковомъ молодой возвращенїи, опять угощаются, то веселья бываетъ при томъ еще больше, нежели на свадьбѣ. Естьли же вдова выходитъ за мужь, то меньше употребляется обрядовъ.

У Черемиссъ, да и во обще у всѣхъ Народовъ, которые женъ покупаютъ, а наибольше у Вотяковъ, случается, что бѣдные, или отказъ получившїе, женихи, милыхъ имъ *дѣвокъ похищаютъ*. Подговоря цѣлую артель удальцовъ, прїѣзжаетъ онъ съ ними не чаянно ночью, подхватываетъ дѣвку съ постели, и посадя ее на лошадь, поскорѣе убирается. Но часто бываетъ такимъ удальцамъ отъ преждевременнаго шуму и помѣха въ ихъ предпрїяшїи, а ино-

гда настигаютъ ихъ и на пути; при чемъ не только лишаются они добычи, но и великіе принимаютъ побои. Бываетъ и то, что молодцы увозятъ съ полей, со всѣмъ незнакомыхъ имъ, дѣвокъ. Когда Вотской Богатырь не видитъ уже себѣ великой опасности, то понимаетъ, при свидѣтеляхъ, свою невѣсту, дабы безопаснѣе ею владѣть, и заплатитъ, по крайней мѣрѣ, не много за нее денегъ; ибо съ пустыми руками онъ ни когда не отлѣзетъ. Родители же, провѣдавъ у кого ихъ дочь, принуждены бываютъ мириться съ наглымъ зятемъ; послѣ чего происходитъ свадебное пиршество столь же весело, какъ и у прочихъ. Они пляшутъ по волынкѣ, по балалайкѣ, по гуслямъ, и по губному органу.

Покойниковъ они моютъ и, какъ надобно, одѣваютъ; при чемъ у привѣшеннаго къ поясу ножа отламливаютъ кончикъ. До самаго выносу покойника, горитъ передъ нимъ восковая свѣча, а на грудь кладутъ ему пирогъ. По опущеніи въ могилу, кидаютъ туда по нѣскольку копѣекъ, и говорятъ: *лостулись земля мѣстомъ!* Мертвое тѣло кладутъ промежь досокъ, и надѣляютъ оное котломъ, топоромъ, лапотникомъ, лаптями и, симъ подобными, вещами. Какъ скоро засыплютъ могилу землею, то зажигаютъ на оной нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, и присыпаютъ оную крохами трехъ, круто сваренныхъ, яицъ, при чемъ говорятъ: *ето тебѣ пригодится!* Возвращаясь отъ могилы, шагаютъ провожавшіе черезъ разкладенный у того двора, изъ коего вынесли покойника, огонь, перетираютъ руки золою, моются и перемѣняютъ платье; послѣ чего угощаются. Обстоятельства сіи бываютъ, при всякихъ похоронахъ, одинакія.

Въ третій, послѣ чьей либо кончины, день, правятъ первыя *поминки*. Въ томъ домѣ, изъ коего вынесенъ покойникъ, ѣдятъ пріятели пироги и пьютъ пиво, и какъ отъ того, такъ и отъ другаго выносятъ по нѣскольку, для покойника, на дворъ, говоря при томъ помянутыя слова: *ето тебѣ пригодится!* Но собаки, а не усопшіе, пользуются всегда сею частію. Въ седьмый день закалаютъ овцу, а въ сороковый убиваютъ рогатую скотину, или лошадь, и, поминая покойника, не только сами ѣдятъ оную, но и ему удѣляютъ. Въ четвертокъ, на страстной недѣлѣ, происходятъ общія поминки: всякъ, затепля, на гробахъ свойственниковъ своихъ, свѣчи, ѣстъ у оныхъ мясо, или пирогъ, да и покойникамъ, по небольшой долѣ, оставляютъ на могилахъ.

Къ суемыслію Вотскому принадлежитъ слѣдующее. Середа и пятница несчастливые для дѣлъ дни. Ежели черный дятелъ пе-

релетитъ черезъ дорогу, либо воронъ, или кокушка сядетъ на кровлю, такъ же, естьли увидитъ кто, что ежъ бѣгаетъ: то все сїе предзнаменуетъ смерть, или тяжкую болѣзнь, Кто убьетъ ласточку, пиголицу, голубя, или синичку: тому во вѣкъ не будетъ въ скотѣ счастїя. Ласточкамъ дѣлаютъ они гнезда. Подстрѣленный медвѣдь всегда узнаетъ своего непрїятеля, и старается ему отомстить. Его надобно не прямымъ звать нарицанїемъ, но старичкомъ (Мома). Ежели поразитъ громъ какое ни есть дерево, то говорятъ, что онъ убилъ жившаго въ немъ дїавола. Отъ самаго разпущенїя розъ до послѣдняго числа Августа, опасна обѣденная пора. Воску изъ дому своего отнюдь не выносятъ, по тому, что пчеловодство становится отъ того неприбыльно. Ежели примѣтятъ солнечное, или лунное затмѣнїе, то говорятъ, что *оборотень* (Убиръ) прикоснулся къ солнцу, или къ лунѣ. Недородъ бываетъ отъ крещеныхъ Вотяковъ, кои Богамъ не приносятъ ни какихъ жертвъ; ибо приношенїя надежнѣе всякихъ молитвъ. Кто переходитъ или переѣзжаетъ черезъ какую ни есть воду, тотъ кидаетъ въ нее горсть травы, и говоритъ: *не держи меня!* Да у нихъ такихъ пустошей и много.

Въ *Языческой* своей *вѣрѣ* уподобляются они Черемиссамъ, Чувашамъ и Мордвѣ: но они всѣхъ ихъ къ идолослуженїю ревностнѣе. *Керемети* свои называютъ они и *Лудами*. Всякой *Кереметї*, которой должно быть не отмѣнно въ бѣломъ бору, на возвышенномъ мѣстѣ, посвящаютъ они *Салтану Дису* (благотворительному Салтану), какъ хранителю Духу. Жрецы ихъ называются *Гунами* и *Гонами*. Они вопрошаютъ Боговъ, а *Луду Гїесы* и Керемешные Жрецы дѣйствительно приносятъ жертвы. *Ведины* и *Ведуны* суть ихъ волшебники, перевѣдывающїеся съ злыми Духами, и могущїе при томъ людей и звѣрей *обращивать*. Такого, безпрерывно скитающагося, *оборотня* называютъ они *Убиромъ*.

Высочайшаго Бога нарицаютъ они *Инмаромъ*, *Инмого* и *Инмаромъ*, а обитель опредѣляютъ ему въ солнцѣ.

Мукалцину и *Муцїенъ Калцину*, или *Муму Калцину*, почитаютъ они Инмаровою матерью, которая будьто разполагаетъ плодородїемъ земли, людей и звѣрей. *Шунду Мумы* считается у нихъ матерью солнца и другихъ Божковъ, и такъ далѣе.

Въ числѣ *злыхъ Божковъ* занимаетъ. и по ихъ разсужденїю, *Сатана* (Шайтанъ) первое мѣсто. Живетъ онъ въ водѣ, и по тому называютъ его такъ же *водянымъ человѣкомъ* (Ву Муртъ). *Палась*

Мýртъ (получеловѣкъ), и *Алида* (лѣшій), живутъ въ лѣсахъ. У него одна только, да и та на изворотъ, нога; одинъ большій глазъ, и превеликая шишка, которую втискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушаетъ. *Албастъ* есть то же, что и Коболтъ; живетъ онъ въ пустыхъ домахъ, деревняхъ, и не только тамъ, но и въ баняхъ шалитъ; въ разсужденіи чего и сожигаютъ они ветхія свои избы и другія строенія.

Состояніе человѣческое, послѣ смерти, воображаютъ они себѣ такъ же двоякимъ, *Дуня Югитъ* (блаженная жизнь), коею будутъ кроткіе и богобоязливые наслаждаться, заключаетъ въ себѣ всѣ выгоды Вотскаго, на семъ свѣтѣ, благополучія; а *Куратсинъ Инти* (горькое мѣсто) изобилуетъ наполненными кипящею смолою котлами, въ коихъ будутъ кипѣть неправедные люди.

Въ жертву приносятъ они лошадей, рогатую скотину, овецъ, козъ, гусей, утокъ, дятловъ, медъ сырецъ и вареный, пиво и разные пироги, отъ части въ Керемети, или Лунѣ, а частію дома.

Кереметь Муналъ (Кереметный праздникъ) бываетъ у нихъ, по окончаніи жатвы, въ Керемети; въ сей день приносятъ они въ жертву, кромѣ разныхъ другихъ животныхъ, и *лошадь*, а избираютъ охотнѣе такую, которая *шерстью лоходитъ* на лисицу, да съ верьхъ сего приносятъ въ жертву медъ, пиво и пироги. *Жрецъ* (Тона), или, выбранный на его мѣсто, человѣкъ, *Утиссомъ* называемый, ставитъ въ Керемети рядомъ передъ огнемъ, къ югу, звѣрей и другія жертвы, а по томъ говоритъ: *Инмарь! Самлакъ! Дисъ!* (или другое какое Божество) *мы приносимъ тебѣ въ жертву рыжаго жеребца, бѣлаго овна*, и такъ далѣе, *за дарованную тобою намъ жатву; избавь насъ отъ болѣзней! пошли намъ богатство! благослови нашу Обладательницу, надѣли здоровьемъ*, и проч. По окончаніи молитвы закалаютъ скотъ, и варятъ жертвенное мясо, котораго часть ставятъ на жертвенный столъ, выпущенную же въ желудокъ кровь сожигаютъ. Возложенное на столъ, называется *высокою жертвою*, которую Тона возноситъ къ солнцу, творитъ ту же молитву, и на послѣдокъ раздѣляетъ. Кости разставливаютъ около Керемети, шкуры беретъ про себя Тона, а остальныя мяса ѣдятъ въ деревнѣ съ женами и дѣтьми. Послѣ мяснаго, приносятъ такъ же въ жертву медъ сырецъ, пирожное и напитки. Отъ всего кидаетъ Тона по нѣскольку въ огонь, говоря при томъ: *огонь! вознеси сіе къ Инмарю, Мукалцину!* и проч. При семъ случаѣ приноситъ всякъ и *обѣтныя*, отъ себя собственно, *жертвы*. Изготовив-

шись къ обратному пути, кланяются низко Кереметю, и говорятъ: *счастливо тебѣ оставаться, да не покидай и насъ!* Такимъ образомъ и всѣ Керемешные препровождаются праздники.

Праздникъ Акечка бываетъ у нихъ *въ Будшинъ Коалѣ*, или лѣтней, одинакой, и для богомолья единственно опредѣленной, избѣ, въ коей нѣтъ ни печи, ни лавокъ, и оная, какъ будьто, сельскую представляетъ храмину богослуженія; находятся же такія избы иногда и въ деревняхъ, а больше въ лежащихъ не подалеку лѣсахъ. Празднество сіе происходитъ на страстной недѣлѣ, и оба пола пріемлютъ въ ономъ участіе, пріуготовляясь же къ тому, моются и очищаются. Всякъ приноситъ Тонѣ, или Уписсу, нѣчто къ жертвоприношенію годное. Двери у такихъ богомольныхъ избъ дѣлаются съ южной стороны. Какъ уварятся мяса, то жрецъ отъ всѣхъ съѣстныхъ и питейныхъ жертвъ ставитъ по нѣскольку на столъ, поставленный супротивъ дверей, то есть, у сѣверной стѣны, къ которой надъ самимъ столомъ прикрѣплена *дощечка*, усыпанная *трухою отъ сосенъ*, какъ посвященныхъ Богамъ деревъ, а иногда и травою. На оную дощечку ставитъ жрецъ, какъ будьто на жертвенникъ, складенные на одно блюдо части жертвъ, кои и называются уже тогда *высокимъ приношеніемъ* (Виламъ Мичамъ). Самую же дощечку, или жертвенникъ, зовутъ они *Мудоромъ* и *Модоромъ*, и почитаютъ оную столь свято, что ни кто не дерзаетъ къ оной и приближиться; такое же говѣйное имѣютъ къ оной почтеніе и во всякое другое время, когда и жертвы не приносятся. Тона, или Уписсъ, взявъ на послѣдокъ высокое приношеніе и напитокъ, обращается къ дверямъ и богомольнымъ мірянамъ съ сею жертвою, и говоритъ: *тебѣ Богъ Вошудъ!* (Божеству сему приличнa сія жертва) *приносимъ въ праздникъ Акечка высокую жертву! Надѣли насъ здоровьемъ, дѣтками, скотомъ, счастіемъ, медомъ, хлѣбомъ* и проч. *Прогони отъ насъ, Вошудъ! хищныхъ звѣрей!* При такой молитвѣ говорятъ часто Міряне: *Аминь!* Естьли же, *по обѣту*, приносится *жертва*, то говоритъ Тона: *Вошудъ! я обѣщалъ тебѣ, на примѣръ, овна, а ты мнѣ пособилъ; теперь приношу я тебѣ онаго въ жертву; не лишай меня и въ впредь твоей помощи!* По окончаніи обрядовъ, принимаются всѣ съ почтеніемъ ѣсть въ той же избѣ высокую жертву; а остатки съ весельемъ доѣдаютъ дома. Таковымъ порядкомъ происходятъ всѣ ихъ *домашнія*, или *Міроровыя празднества*, которыхъ во обще не мало. Въ первый, на примѣръ, святой недѣли день возобновляетъ всякій хо-

зяинъ помянутое жертвоприношеніе въ лѣтней своей избѣ, и заступаетъ самъ мѣсто Жреца.

Лѣтній Мудоровый праздникъ достопамятенъ, по приносимымъ въ сей день, жертвамъ, въ число которыхъ включается по нѣскольку и *пестрыхъ дятловъ* Всякая деревня, особливо въ сѣнокосное время, торжествуетъ оный, при Тонѣ, или Утиссѣ, въ лѣтней богомолья своего храминѣ. Все произходитъ вышеописаннымъ порядкомъ; разность же состоитъ въ томъ только, что нарочно ловятъ силками для сего дня *пестрыхъ дятловъ*, коихъ ставятъ на Мудоръ, какъ *высокую жертву*, и, поелику сами оныхъ не ѣдятъ, то кидаютъ цѣлкомъ въ огонь. Творимая, при семъ жертвоприношеніи, молитва гласитъ такъ: *Вышній Боже!* (Инмаръ) *мы приноси тебѣ жертву одну овечку, дятловъ* (трехъ или четырехъ), *утокъ, медъ, пироги* и проч. *благослови насъ, пошли намъ теплый дожжикъ, урожай хлѣба, медъ, скотъ, дѣтей, счастіе въ звѣриномъ промыслѣ, добрыхъ людей, кротость! благослови насъ!* Міряне говорятъ: *Аминь!* Сіе торжество отправляютъ больше для сугубой въ пчеловодствѣ прибыли.

Есть у нихъ еще и *полевые праздники*, какъ то: *жатвенный* и *посѣвный*, а можетъ быть и другіе, которые они, по примѣру Чувашъ, препровождаютъ на чистомъ полѣ съ жертвоприношеніями, молитвами и веселостями, въ чемъ и домашніе ихъ пріемлютъ участіе.

Когда окажутся между ними *прилипливыя болѣзни*, то, укакой ни будь рѣки, *приносятъ въ жертву Инмару черную овцу*, въ такомъ намѣреніи, чтобъ онъ заказалъ Діаволу причинять имъ зло. Обряды бываютъ при томъ, подобные прежнимъ, но между тѣмъ, какъ варятъ жертвенныя мяса, похаживаетъ всякій хозяинъ въ жильѣ своемъ съ палочкою, и помахивая оною около себя, говоритъ: *убирайся изъ моего жилья!* По томъ, застрѣля въ деревнѣ собаку, или кошку, тащатъ оную мимо жертвеннаго мѣста въ низъ по теченію рѣки, и на послѣдокъ съ веревкою и дубинами бросаютъ; послѣ чего совершается жертвоприношеніе, *Орвасъ* называемое.

Больнымъ приказываетъ Тона *приносить* иногда и *водѣ жертву;* по тому, что Дьяволъ производитъ болѣзни отъ раздраженной воды. Въ прочемъ кажется, что приношеніе сіе опредѣляется Сатанѣ, или водяному Мужику (Ву Мортъ); а состоитъ оное въ козѣ, или пѣтухѣ. Обряды бываютъ при томъ, сообразные прежнимъ.

Отъ жертвы кидаютъ по нѣскольку кусковъ въ рѣку и въ огонь, говоря: *тебѣ, прогнѣванной водѣ, жертвую! лѣтуха*, и проч. *возвратн мнѣ здоровье!* передъ огнемъ же произносятъ слѣдующія слова: *огонь! доставь сіе приношеніе Баху!* естьли же всѣ жертвоприношенія не пособятъ, то покидаютъ дворъ, и перебираются въ другій.

На новоселѣ приноситъ хозяинъ *Инмарц въ жертвц чернаго овна*, или, когда не достаточенъ, *крутую кашц*. Всѣ во обще Вотяки крайне усердно о благоволеніи къ нимъ Божковъ пекутся, и при томъ, естьли можно такъ сказать, благоговѣйные Идолопоклоники. Да и тѣмъ, которые крестились, можно свободно держаться прародительскаго своего суевѣрія, по тому, что живутъ они отъ другихъ Народовъ со всѣмъ особливо. Все, что въ Христіанской вѣрѣ имъ нравится, переносятъ и мѣшаютъ въ свое Идослуженіе. Въ одной Казанской Губерніи считалось, въ 1774 году, 27,228 мужчинъ, да 27,160 женщинъ, Вотскаго Народа, обратившагося въ Христіанскую вѣру.

ТЕПТЕРИ.

Телтерь, слово Татарское, и значитъ такого человѣка, который не въ состоянiи платить подушныхъ денегъ. Оное пригодилось для основателей сей сволочи, которая въ половинѣ шестагонадесять столѣтiя, по случаю причиненнаго Царемъ *Iоанномъ Василiевичемъ* Казанскому Царству разрушенiя, собралась изъ *Черемисъ*, *Чувашъ*, *Вотяковъ* и *Татаръ*, въ Уралѣ, а особливо въ составляющей Башкирiю и къ Уфимской Губернiи принадлежащей, части, и весьма скоро стала многолюдна. Сiи люди, употребляя разные, но не одинакой своей природѣ, языки, и при томъ, будучи между собою различны во нравахъ, а отъ части и въ вѣрѣ, перемѣшались, изключая Татаръ, такъ, что иногда и нарочито трудно дознаваться, отъ какого происходятъ они племени. Они служатъ доказательствомъ въ новѣйшiя времена тому, что при Государственныхъ смятенiяхъ могутъ новые Народы и новыя поселенiя получить свое бытiе.

Правда, что побѣгомъ своимъ въ горы и прилѣпленiемъ къ Башкирскому Народу, освободилась сволочь сiя отъ платежа податей: однако обстоятельство сiе служило ей побочною только выгодою. Самая же важность состояла въ томъ, что боялась она, дабы Россiяны совокупно со властiю своею, не разпространили и Христiанской вѣры; а по тому, хотя она и тогда уже была въ заблужденiи, однако, не взирая на все Россiйскаго Духовенства усердное стараніе о обращенiи ихъ къ православной вѣрѣ, больше оказала упрямства, нежели и тѣ Народы, которые отвлекались отъ прародительскаго суевѣрiя.

Телтери живутъ въ построенныхъ, по обыкновенiю тѣхъ Народовъ, изъ коихъ Общество ихъ состоялось, деревняхъ и дворахъ; порядокъ ведутъ въ оныхъ Россiйскiй и Татарскiй; а живутъ, либо раздѣлясь по кореннымъ своимъ поколѣнiямъ, либо безъ разбору. Всякое колѣно говоритъ собственнымъ, однако весьма перемѣшаннымъ съ нарѣчiями сосѣдственныхъ поколѣнiй, языкомъ. То же самое надобно разумѣть о вѣрахъ ихъ и праздникахъ; здѣшнiе, на примѣръ, Черемиссы держатъ, по примѣру Вотяковъ, въ лѣтнихъ своихъ избахъ, *Мудора*, коего называютъ, *Кудовашемъ*, присыпаютъ его такъ же сосновою трухою, и столь же свято почитаютъ, хотя въ прочемъ, живущiе въ своемъ собственномъ мѣстѣ, Черемиссы

того и не дѣлаютъ. Одѣяніе же ихъ еще больше смѣшано, по тому, что они отъ части берутъ за себя женъ и изъ другихъ поколѣній. Деревенскіе ихъ разпорядки подобны Россійскимъ.

Люди сіи пользуются почти всѣми сельской жизни выгодами, и которые изъ нихъ не лѣнивы, не развращенны, или не подвержены какой ни есть бѣдѣ, тѣ еще и зажиточны. Страна ихъ весьма плодородна. Уральскіе лѣса и горы привольны *къ звѣриному промыслу, къ содержанію пчелъ, и къ скотоводству.* Въ *земледѣліи* поступаютъ, по Россійскому, а въ *содержаніи пчелъ* и въ *скотоводствѣ* по Башкирскому обыкновенію; слѣдовательно какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, дѣлѣ преизрядно успѣваютъ. Съ перьва принуждены они были платить Башкирцамъ поземельныя деньги, но, послѣ бывшаго между ними, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, мятежа, они отъ того уволены, и владѣютъ теперь помѣстьями своими такъ, какъ собственно имъ принадлежащею землю. Въ казну берутъ съ нихъ гораздо меньше подушныхъ денегъ, нежели съ природныхъ Русскихъ мужиковъ, то есть, по 80 копѣекъ только съ души, и хотя они должны съ верьхъ того перевозить ежегодно отъ *Илека*, что при Оренбургѣ, до грузовыхъ пристаней рѣки *Бѣлой*, по 800,000 пудъ соли, считая на человѣка по 43 пуда: однакожь они получаютъ за то такую плату, которую бы и всякій досужій крестьянинъ взять не отрекся. Да и самые лопатники, которыхъ должны они по 400 человѣкъ посылать ежегодно къ Оренбургской линіи, получаютъ, указную, за работу, поденную плату. Кромѣ всего выше сказаннаго, освобождены они и отъ рекрутскихъ наборовъ. Столь знатныя, и въ сравненіи съ состояніемъ другихъ подданныхъ, почти и не справедливыя, бѣглыхъ сихъ людей преимущества простираются совокупно и на Башкирскій, крайне не любящій новыхъ порядковъ, Народъ. Разиноженіе ихъ, въ сравненіи съ жишейскими выгодами, какими они пользуются, посредственное. При всякой переписи видно числу ихъ приращеніе, и при бывшей въ 1762 году, показано платящихъ подушный окладъ въ Уфимской Губерніи и въ Тобольскомъ Намѣстничествѣ, равно какъ и въ Бугульминскомъ округѣ, въ Уфимскомъ Намѣстничествѣ 33,656 человѣкъ.

ВОГУЛИЧИ.

Вогуличе, коихъ собственное имя есть, *Мансы*, произошли отъ Финнскаго племени, и хотя языкъ ихъ заимствуетъ начало свое отъ Финнскаго, однако, кромѣ весьма разнообразныхъ нарѣчій, заключаетъ въ себѣ столь много собственнаго, что, по справедливости, особливымъ почитается языкомъ. Они обитаютъ въ западной, а больше еще въ восточной, лѣсами изобильной, части сѣверныхъ Уральскихъ горъ, около рѣкъ, Камы и Иртыша, да выше Соли-Камской и Верхотурья, по близости рѣкъ, *Колвы*, *Вишуры* и *Тавды*. Въ сихъ мѣстахъ, по собственнымъ ихъ преданіямъ, живутъ они изъ древле, какъ то и Повѣствованіями подтверждается. Не можно ли ихъ, какъ по сему обстоятельству, такъ и по преимущественному сходству языка, почитать собратіями *древнихъ Угровъ*, а теперишнихъ *Венгерцовъ*, по желанію нѣкоторыхъ Писателей? О томъ надобно еще подумать. Въ прочемъ извѣстно, что въ мѣстѣ съ Сибирью покорены и они Россійской Державѣ.

Росту они *средняго*, волосы у нихъ, по большей части, черные, а бороды у всѣхъ жидкія. Лицемъ они много походятъ на Калмыковъ. Въ поступкахъ своихъ бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, къ безпорядкамъ склонны, въ гнѣвѣ не укротимы и не опрятны.

Грамати такъ же, какъ и прочіе единоплеменницы ихъ не знаютъ, *лѣтъ* не считаютъ, а *мѣсяцы* называютъ, по происходящимъ въ лѣсахъ естественнымъ приключеніямъ. Они различаются между собою, по *поколѣніямъ*, и всякая деревня состоитъ, по большей части, изъ одной только семьи, въ которой Старостою бываетъ тотъ, кто всѣхъ превозходитъ лѣтами.

Житье ихъ, между кочевымъ и одномѣстнымъ, среднее. Тѣ, кои обитаютъ ближе къ югу, живутъ въ *не подвижныхъ зимнихъ Деревняхъ*, разположенныхъ и выстроенныхъ по Чувашскому обычаю; и при томъ обыкновенно при рѣкахъ находящихся. Около Верхотурья и Соли-Камской дѣлаютъ они *зимніе* свои *шалаши* четыреугольно съ очагами и полатьми, а на плоской крышкѣ, или потолокѣ оныхъ, прорубаютъ, для свѣту, отверзтіе. Двери же приноравливаютъ, по большей части, съ восточной, или съ сѣверной, стороны, а передъ ними громостятъ, для

домашнихъ поклажь чуланы. Отдалившїеся больше къ сѣверу, и живущїе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ, препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ, или корою, покрытыхъ, шалашахъ. По наступленїи лѣта, выбираются они изъ сихъ шалашей, и живутъ въ другихъ, кои, то въ томъ, то въ иномъ мѣстѣ, дѣлаютъ въ лѣсахъ изъ столбиковъ же, и сведя къ верьху востро, покрываютъ берестою. Переселяются они рѣдко, а въ иное лѣто и съ мѣста не трогаются. *Пожитковъ* у нихъ еще меньше, нежели у Чувашъ. Колыбелью служитъ, сдѣланный изъ бересты, ящикъ, въ который, положа дитя, перетягиваютъ съ верьху, веревочками, и, либо съ собою носятъ, либо на что ни будь вѣшаютъ. *Лыжи* свои, кои бываютъ длиною и по 5 футовъ, оклеиваютъ, содранною съ лосиныхъ ногъ, кожею, употребляя къ тому составленный изъ лосиннаго рогу и крови клей. *Рыбачьи лодки* дѣлаютъ иные изъ бересты, которую сшиваютъ лосинными жилами, а составы замазываютъ смолою.

Нѣтъ у нихъ ни *лашень*, ни огородовъ, а упражняются не много *въ скотоводствѣ*, и содержатъ по нѣскольку коровъ, овецъ и свиней; лошади же у нихъ рѣдки. Ближайшїе къ сѣверу, сирѣчь, около вышней Вишуры и Колвы живущїе, содержатъ, по примѣру Семоядовъ, однихъ только оленей. Землепашество было бы конечно въ холодныхъ ихъ лѣсахъ и не прибыточно. *Главный* ихъ *промыселъ* составляетъ звѣриная ловля, которую производятъ они рачительно и искусно, и при томъ употребляютъ огнестрѣльное оружїе, лукъ, стрѣлы и рогатины; ставятъ такъ же на звѣрей ловушки, силки, кладутъ прикормъ и проч. Многїя Вогульскїя деревни, или семьи, огораживаютъ, для себя единственно, кольями звѣроловную околицу верстъ на 10, на 12 и больше. Въ оградѣ сей есть великое множество пролазинъ, передъ которыми придѣланы ловушки, самострѣлы и другїя звѣроловныя хитрости. *Жены* же ихъ должны производить дома всякую работу: но они ни въ сыромятномъ, ни въ красильномъ, ниже въ портномъ дѣлѣ отнюдь не могутъ похвалиться такимъ искусствомъ, какимъ славятся прочїя ихъ единоплеменницы.

Содержащїе *языческій законъ*, *Вогуличи*, *ѣдятъ* все то, чѣмъ счастїе въ звѣриномъ промыслѣ ихъ надѣляетъ, а наибольше красную дичь: однако и хищными звѣрьми не гнушаются, да съ верьхъ того употребляютъ въ пищу всякихъ птицъ и всякую, нарочно ими ловимую, рыбу, такъ какъ и дикїе плоды. Въ случаѣ нужды ва-

ряшъ они себѣ похлебки изъ толченыхъ костей. Когда есть достатокъ, то ѣдятъ такъ же хлѣбъ, кашу, или другое что, сдѣланное изъ муки, которую вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у Россіянъ. Крещеные наблюдаютъ, въ разсужденіи пищи, разность, однако не великую. Соль рѣдко кто употребляетъ.

Живутъ они, для вящшей въ звѣриномъ промыслѣ способности, пространно, и какъ они во обще не многолюдны, то звѣроловные ихъ края, или мѣста, о коихъ между собою не спорятъ, въ хорошемъ находятся состояніи. Но не порядочное хозяйство, частые праздники и пристрастіе къ пьянству, подвергаютъ ихъ такой бѣдности, что многіе, съ трудомъ, платятъ и весьма малый подушный окладъ, въ зачетъ котораго дозволено имъ, съ верьхъ того, вносить въ казну лосинныя кожи и другую мягкую рухлядь.

Мужчины носятъ, когда порядочно нарядятся, такое *одѣяніе*, какъ и Россійскіе мужики; за просто же ходятъ въ разной, какъ шубной, такъ и другой, ветошѣ. *Женщины* носятъ, по примѣру Чуващенокъ, лапти, штаны, и подпоясываемыя пестрыя рубахи. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и головы ни чемъ не покрываютъ. *Бабы* носятъ головныя повязки, унизанныя копѣйками, а покрываютъ голову висящимъ, по Татарскому обыкновенію, черезъ плечи, и, волосы закрывающимъ, вышитымъ платомъ. Зимою ходятъ онѣ въ мужскихъ шубахъ. Наилучшее ихъ платье не красивѣе вышито, и при томъ не тонѣе и не чище буднишняго одѣянія Чувашъ. Какъ бабы, такъ и дѣвки, носятъ серьги, перстни и кольцы.

Женъ покупаютъ не только Языческаго, но и Христіанскаго закона Вогуличи, а при томъ первые иногда и по двѣ вдругъ. *Цѣна* (Калымъ) дѣвки простирается у бѣднаго сего Народа обыкновенно отъ 10 до 20, а рѣдко до 25 рублей. Иному и за 5 рублей безпорочная достается жена. Прочіе же пособляютъ недостаткамъ своимъ удальствомъ. Приданаго они ни когда за дѣвками не даютъ, да и всѣ почти *свадебы* совершаются безъ пышныхъ обрядовъ. Женихъ, заплатя, договорныя за невѣсту, деньги, беретъ ее съ собою, ложится съ нею въ шалашѣ своемъ спать, и называетъ ее на другой день женою. А когда при таковыхъ случаяхъ пріятелей своихъ угощаютъ, то пляшутъ по шестиструнной балалайкѣ (Шонгуршъ). Разпѣвы ихъ просты, складны и на Татарскій вкусъ. Да и пляска ихъ очень не дурна. Мужчина да женщина, выступая не широкими, и игранію соотвѣтствующими, шагами,

ходятъ кружками, и дѣлаютъ взаимно, держа въ рукѣ по платку, страстныя движенія. *Послѣ родовъ*, очищается женщина шесть недѣль, и, въ продолженіе сего времени, должна она какъ ѣсть, такъ и пить одна. Младенцу, безъ дальнихъ околичностей, даетъ имя кто ни будь изъ чужихъ людей.

Хотя они живутъ въ лѣсахъ и на болотахъ, однако цынготной и другимъ *болѣзнямъ* рѣдко бываютъ подвержены, а по тому и домашнихъ лекарствъ ни какихъ не знаютъ. При всемъ томъ не многіе нарочитой достигаютъ старости.

Кладбища ихъ находятся въ лѣсахъ. Покойниковъ кладутъ въ платьѣ, промежь досокъ, въ *могилу*, головою къ сѣверу, и снабдя ихъ лукомъ, стрѣлами и нѣкоторыми въ домашнемъ быту употребляемыми вещьми, зарываютъ, и послѣ того не правятъ ни какихъ ни пировъ, ни поминокъ.

Не малое число Вогуличь приняло уже *Христіанскую вѣру*, но многіе, а особливо всѣ, живущіе около вышней Вишуры и Колвы (которыхъ Россіяны и *Мансами* называютъ), держатся еще *Языческаго суевѣрія*. Въ прочемъ они, какъ по тому, что живутъ въ разсѣяніи, такъ и для того, что мало у нихъ *Жрецовъ*, меньше усердствуютъ Языческой вѣрѣ: но въ понятіяхъ своихъ объ оной еще больше заблуждаются, нежели другіе Язычники. Всякой деревни Старѣйшина, за неимѣніемъ Жреца, вступаетъ въ его должность, и приноситъ жертву отъ своей деревни, или семьи. Въ прежнія времена посвящены были Идоламъ и служенію ихъ нѣкоторыя въ рѣчныхъ берегахъ *пещеры*, а въ лѣсахъ *холмы*. Мѣста сіи, кои можно признавать, по находящимся возлѣ оныхъ кучамъ костей, и теперь они не только знаютъ, но и почитаютъ. Россіяны называютъ такія мѣста бѣсовскимъ именемъ, на Вогульскомъ языкѣ (*Шайтанъ*); и по тому, какъ при Чусовой, такъ и при другихъ Уральскихъ рѣкахъ, многія рѣчки и набережныя мѣста называютъ либо *Шайтаномъ*, либо *Шайтанкою*. Пермскіе Вогуличи приносятъ теперь жертвы свои не въ священныхъ пещерахъ, но въ *Керметяхъ*, кои называются у нихъ *Горъ Заткадузъ*, и находятся въ лѣсахъ. Они совершенно подобны Черемисскимъ и другихъ Народовъ Кереметямъ, но иногда не бываетъ въ оныхъ деревъ. Въ Керметѣ воздвигаютъ они, подлѣ жертвеннаго стола, болвана, или ставятъ столбъ.

Есть у нихъ *Идолы*, коимъ они и теперь покланяются: но живущіе между Россіянами, крещеные, и Языческій законъ содер-

жащïе, Вогуличи отъ оныхъ отрицаются. Идоловъ ихъ составляютъ странно образованные камни и рѣзныя, или, изъ крущцовъ вылитыя, человѣческïя подобïя и Истуканы. При *Лосвѣ*, *Гавдѣ* и *Иртышѣ* покланяются они, подобной оленю видомъ, скалѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ найденъ еще въ лѣсу крущцовой съ рогатиною Истуканъ. Во время обыкновенныхъ Кереметныхъ жертвоприношенïй, ставятъ они, по увѣренïю тѣхъ, кои сами видали, на жертвенный столъ, одѣтаго въ платье Истукана, коего они скрытно держатъ въ лѣсу, и проч.

Они вѣруютъ въ *Горома, общаго Бога* и милостиваго Обладателя Всѣленной. Ему подчиняютъ они *низшей статьи Божковъ*, коихъ различно себѣ воображаютъ и называютъ. *Солнце* почитаютъ обителïю *Горома*, но при томъ думаютъ, что такъ же, какъ *луна, облака* и главнѣйшïя естественныя приключенïя, суть не зависящее Божество. О *Дïяволѣ* презрительно разсуждаютъ, и мало его боятся.

Главный ихъ *праздникъ* называется, *Елбола*, съ котораго начинается и новый ихъ годъ. Празднуютъ же оный въ первый день святыя Пасхи, и нарицаютъ его *праздникомъ сошествïя Божïя*, чрезъ что разумѣютъ наступающую весну. Сей день преимущественно посвященъ у нихъ *Горому* (Богу) и *солнцу*. Другïй, общïй свой Кереметный праздникъ, называютъ они *Анкобомъ*, и торжествуютъ оный, въ другое, послѣ перваго, новомѣсячïе: но жертвъ приносятъ, при семъ случаѣ, гораздо меньше. Въ прочемъ употребляются *въ жертву* лошади, рогатый скотъ, красная дичь, овцы, козы; а изъ птицъ: лебеди, гуси, утки, глухари, тетери и рябчики, да съ верьхъ того: пироги, медъ сырецъ, пиво, медъ и хлѣбное вино. Обряды, какъ во время обоихъ сихъ Праздниковъ, такъ, въ случаѣ приносимыхъ *за недужныхъ* и *по обѣщанïю*, жертвъ, бываютъ одинакïе. *По обѣщанïю*, жертвуютъ они обыкновенно въ праздники, за больныхъ же приносятся жертвы у всякаго, на дому.

По собранïи мïрянъ къ Кереметю, такъ же, по закланïи скота и по уваренïи мясъ, ставитъ Жрецъ, или заступившïй его мѣсто, *голову, сердце, легкое* и *печенку*, положа въ сосудъ, такъ же, пирожное и напитки на жертвенный столъ; *мозгъ* же, возложа на особую на столбѣ въ Керемети дощечку, зажигаютъ, и дабы лучше горѣлъ, прикладываютъ и сало. Между тѣмъ, какъ горитъ мозгъ,

молится Жрецъ коротко и усердно при чемъ Мïряне кланяются часто въ землю, и говорятъ: *аминь!* По томъ раздѣляетъ онъ жертву, которую и ѣдятъ всѣ съ надлежащимъ благоговѣнïемъ. Шкуру съ лошади такъ, какъ и черепъ, вѣшаютъ на находящемся, по близости Кереметя, деревѣ; прочïя же шкуры употребляются въ дѣло, а кости, отъ принесенныхъ въ жертву звѣрей и птицъ, зарываютъ въ землю. По елику хозяева приносятъ по ряду жертвы, то долго обряды сïи продолжаются. По окончанïи же всего, возвращаются они съ остатками жертвенныхъ мясъ и напитковъ въ свои деревни, гдѣ съ домочадцами своими, при всякомъ весельи, доѣдаютъ оныя и допиваютъ.

ОТЯКИ.

Татары, покоря Сибирь подъ иго свое, до утвержденія еще въ оной Россійскаго владычества, называли природныхъ тамошнихъ жителей, ругательнымъ словомъ, *Уштяки*, сирѣчь, необходительные, дикіе Люди. Названіе сіе превратили Россіяны въ слово, *Отякъ*, и разумѣютъ теперь подъ онымъ трехъ, какъ по произхожденію, такъ и по языку, разныхъ Народовъ. *Енисейскіе Отяки*, по многимъ обстоятельствамъ, кажутся быть единоплеменны не большимъ Красноярскимъ Народамъ, какъ то: *Арынцамъ*, *Котамъ* и другимъ; а какъ они на Самоядскія походятъ колѣна, то думать надобно, что и тѣ единоплеменцы же Самоядамъ. Изъ *Обскихъ* разнятся верьхніе, т. е. отъ устья *Томы* до *Нарыма* и около рѣки *Кетта* живущіе, отъ нижнихъ, сирѣчь *Березовскихъ* и *Обдорскихъ*, только въ одномъ нарѣчіи; а въ прочемъ великое между ними сходство. Около Сургута причисляются многія Самоядскія колѣна къ Отякамъ, и какъ просто на рѣчахъ, такъ и въ приказныхъ дѣлахъ, не справедливо называются Отяками. За неимѣніемъ надежныхъ и достаточныхъ о Енисейскихъ Отякахъ извѣстій, намѣрены мы обрашить здѣсь описаніе наше больше на всѣхъ, во обще, *Обскихъ Отяковъ*.

Во обще называютъ *Отяковъ Тунгусы Остякетами*, *Самояды Тогами* (мужчинами), а *Вогулити Мансами*. (Сіе послѣднее наименованіе есть и самихъ Вогуличь названіе.) Южные Обьскіе Отяки называются сами *Асьяхами*, по рѣкѣ Обѣ, которая, на ихъ языкѣ, нарицается *Ях*. Сургутскихъ же и сѣверныхъ Отяковъ собственное имя есть *Хонди-Шуи*, т. е. Кондскіе Люди, и кажется, что они такъ называются, по тому, что въ древнія времена перешли они какъ съ Конды, такъ и съ верьхней Томы рѣки жить на сѣверъ; а сіе преселеніе предпріято ими, можетъ быть, для того, чтобъ не быть подверженнымъ произходившимъ, въ 1372 году, стараніямъ Епископа Стефана о обращеніи Язычниковъ въ Христіанскую вѣру. Та же самая опасность побудила около сего времени и большую половину *Пермяковъ* и *Зырянъ*, въ великой Перміи жившихъ, покинуть привольныя свои, на западной сторонѣ Уральскихъ горъ, мѣста, и перейти въ суровыя сѣверныя, около рѣки Сби, Страны, гдѣ они теперь отъ Кондырей не отличаются, но въ мѣстѣ съ оными называются *Отяками*.

Древнїе *Пермяки* и *Зыряне*, во всемъ, сообразны Финнамъ; языкъ ихъ и все Идолослуженіе, малымъ чѣмъ отмѣнны отъ Финнскаго. Въ самыя древнїя времена славны они были, по *торговлѣ*, которую производили они съ Персїянами и подвластными Великому Моголу Народами. Сїи Иностранцы привозили товары свои въ верьхъ по *Волгѣ* и *Камѣ* въ *Сердинъ*, старинный, при Колвѣ находящїйся, торговый городъ. Пермяки же развозили какъ сїи, такъ и собственные товары по *Печорѣ* и до самаго Ледовитаго моря, и вымѣнивали у тамошнихъ Народовъ, какъ для Восточныхъ, такъ и для другихъ обывателей, разную мягкую рухлядь. Остатки древнихъ сѣверной сей Страны городовъ свидѣтельствуютъ и теперь о благополучномъ старинныхъ жителей состоянїи. Въ Вятской Провинцїи есть и нынѣ еще нѣсколько населенныхъ, оставшимися на старомъ своемъ мѣстѣ, Пермяками деревень, изъ которыхъ, по 1774 годъ, крестилось 561 мужескаго, да 362 женскаго пола душъ. *Зырянскія* же деревни попадаются между верьхнею Камою и Сухоною, около Устюга и другихъ мѣстъ. Они такъ сообразны сельскимъ Россїйскимъ обывателямъ, въ разсужденїи жилищъ, одѣянїя и хозяйства, что кромѣ Финнскаго языка, малымъ чѣмъ разнятся. Языкомъ симъ говорятъ они между собою, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ женщины со всѣмъ, по Руски, не знаютъ.

Отяковъ можно назвать *наимногочисленнѣйшимъ Сибирскимъ Народомъ*, и хотя они, по причинѣ суроваго воздуха, такъ же недостаточнаго и звѣрообразнаго житїя, не могутъ нарочито размножиться, однакожъ число ихъ и не уменьшается.

Рѣдко кто бываетъ изъ нихъ выше *средняго росту*. Лице у нихъ нарочито плоское и желтоватое, волосы русые и прямые, бороды жидкїя, души тупыя и унылыя; а по тому они боязливы, суевѣрны, лѣнивы, неопрятны, но послушны и добросердечны. Съ лица они не дурны, а молодыя женщины отъ части и пригожи: но съ самыхъ уже первыхъ родовъ становятся онѣ, по Стеллерову обьявленїю, морщиноваты и безобразны.

Языкъ ихъ ни къ которому Финнскому нарѣчїю столь близко не подходитъ, какъ къ Вогульскому: но весьма много и съ Самоядскимъ языкомъ смѣшанъ. Граматы они не знаютъ, да и ни чему не учатся. Они такъ же, какъ и всѣ Финнскїе Народы, *считаютъ* только до десяти лѣтъ. *Лѣтъ* они не числятъ, но всякїй годъ раздѣляютъ на тринадсять *мѣсяцовъ*, и начинаютъ новый свой годъ съ новой луны, между 14 и 21 числомъ, Октября. Лун-

ныя шеченїя называютъ они, по произходящимъ въ рыбной ловлѣ и перелетѣ птицъ, перемѣнамъ.

До покоренїя ихъ Россїйской державѣ, были у нихъ собственные *Владѣльцы*, которыхъ Потомки и теперь еще почитаются Благородными, и избираются въ Начальники поколѣнїй, на которыя Народъ сей раздѣляется. Старшины сїи наблюдаютъ между собою добрый порядокъ, и собираютъ полушныя деньги (Ясакъ). Ежели, по переносу спорныхъ ихъ дѣлъ въ земское Правительство, заставляютъ ихъ *присягать:* то ставятъ ихъ на медвѣжьей кожѣ, на которую кладется и топоръ. По томъ подаютъ имъ кусокъ хлѣба, который взявъ, говорятъ они: *ежели я не право присягаю, то лусть разтерзаетъ меня медвѣдь, топоръ убьетъ, а хлѣбъ задушитъ.* Они клянутся иногда и Идолами, и клятвы ихъ ни когда не бываютъ ложны.

Обьскїе Отяки всѣ *рыболовы*, и нарочито въ промыслѣ семъ искусны Они умѣютъ извлекать себѣ пользу изъ всѣхъ, надъ водами и рыбами случающихся, перемѣнъ. Почти всѣ они держатъ у себя по нѣскольку *оленей*, да есть между ними и такїе, у которыхъ наберется скота сего до двухъ сотъ. Они пользуются ими какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ поѣздкахъ. Зимою всѣ они упражняются, но, по большей части, не очень счастливо, въ *звѣриномъ промыслѣ;* лѣность и недовольное въ хитростяхъ искусство препятствуютъ имъ съ лучшимъ производить дѣло сїе успѣхомъ. На звѣриный промыселъ ходятъ они артѣлью, въ которой бываетъ человѣкъ по шести и больше, и бродя по лѣсамъ, отъ четырехъ до шести недѣль, таскаютъ за собою въ саняхъ для пропитанїя мерзлую рыбу и проч. Лукъ и стрѣлы больше у нихъ въ употребленїи, нежели огнестрѣльное оружїе. Ежели сыщутъ гдѣ лѣтомъ молоденькихъ лисицъ, то берутъ оныхъ съ собою, кормятъ въ хижинахъ своихъ рыбьими потрохами, и на послѣдокъ сдираютъ съ оныхъ за кормъ шубы. Они столько о звѣряхъ сихъ стараются, что бабы молоденькихъ лисичекъ вскармливаютъ своею грудью. А какъ ость на худощавыхъ лисицахъ бываетъ лучше, нежели на тучныхъ: то за живо еще переламливаютъ у бѣдныхъ сихъ звѣрей по ногѣ, дабы они отъ боли мало ѣли. Для звѣринаго промыслу и таскання саней, держатъ они много дюжинъ *собакъ*. Въ *земледѣлшествѣ* ни кто не упражняется, и нѣтъ ни у кого изъ нихъ ни лошадей, ни рогатаго скота, ни овецъ.

Мужчины сами вяжутъ про себя бродники и неводы, дѣлаютъ

Остякъ на ловлѣ Горностаевъ.
Ein Ostiakischer Hermelin-Fänger.
Un Ostjak à la chasse d'hermine.

лодки и, таскаемыя собаками, сани (Нарты), такъ же лыжи, луки и не большую свою домашнюю сбрую. На прошивъ того *женщины* вялятъ рыбу, вываривaютъ изъ потроховъ оной жиръ, дѣлаютъ рыбій клей, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, ткутъ толстый кропивный холстъ, шьютъ, изъ звѣриныхъ и рыбьихъ кожъ, одѣяніе, умѣютъ такъ же нѣкоторыя изъ щелоку и рыбьяго жиру варить мыло. *Краливцу* сушатъ на солнцѣ, мягкую рухлядь выдѣлываютъ, безъ щелоку и вымачиванія, и намазываютъ оную икрою, а рыбьи шкуры дѣлаютъ чрезъ треніе, сухою золою, мягкими, и проч.

Они возятъ въ города, на продажу, вяленую рыбу, рыбій клей и жиръ, и мягкую рухлядь, а на вырученныя деньги покупаютъ украшенія и брякушки къ одѣянію, такъ же муку, крупу и хлѣбное вино. Торгъ сей былъ бы для нихъ прибыточенъ, естьли бы они не пропивали всѣхъ остальныхъ денегъ. Но есть между ними и заживные люди, которые имѣютъ у себя, кромѣ оленей, изрядные серебреные стаканчики и другія, симъ подобныя, вещи. Вообще же они бѣдны. Всякій мужчина долженъ, по подушному окладу, внести въ казну пару соболей, которая въ рубль. Въ случаѣ же недостатка въ соболяхъ, принимаютъ въ казну и другую мягкую рухлядь. Черная лисица очищаетъ часто всю деревню отъ подушнаго окладу, а всякую, въ казну вступающую, мягкую рухлядь, цѣнятъ присяжные Знатоки.

Живутъ они (Обьскіе Отяки), между Томскимъ и Нарымомъ, и называются, далѣе къ сѣверу, *Березовскими*. Они почитаются въ Сибири многочисленнѣйшимъ Народомъ, питаются наиболѣе рыбою, а по тому и имѣютъ сельбища свои, въ смѣжныхъ съ рѣками, озерами и моремъ мѣстахъ, въ коихъ бываетъ отъ пяти до двадцяти хижинъ. Всякая такая деревня населена обыкновенно свойственниками, а отъ пяти до двадсяти деревень составляютъ Волость. Они такъ малолюдны, что, на примѣръ, пять Сургутскихъ Волостей заключаютъ въ себѣ только 642 души мужескаго пола. Сіи взносятъ въ казну 450 паръ соболей, цѣною на 450 рублей:—малый доходъ отъ столь обширной Области! — Отъ *Тома* до самаго *Нарыма* живутъ семьи розно. *Зимнія* ихъ *хижины* срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ по серединѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаютъ палати, кои служатъ имъ такъ же, въ мѣсто сундуковъ и ларей, или конуръ, для держанія щенковъ и лисицъ. Въ большую стужу, ложатся они, ночью, около очага, и спятъ такъ крѣпко, что иные и нарочито ожигаются. Входъ въ хижи-

ну ихъ составляютъ, въ западной сторонѣ, обыкновенно низменныя двери, а въ мѣсто окна служитъ не большее, на востокъ, отверстіе, затянутое налимовыми шкурами. Вся хижина стоитъ, до половины, въ землѣ. *Березовскіе* и *Обдорскіе Отяки* строятъ *хижины* свои попросторнѣе, но и сіи стоятъ до половины, въ землѣ. Въ каждой изъ оныхъ бываетъ отъ четырехъ до десяти покоевъ, разположенныхъ около общаго очага, и во всякомъ покоѣ живетъ цѣлая семья. Неопрятность и смрадъ, въ оныхъ, отъ дѣтей, кои не любятъ, для изпраженія, выходить на дворъ, такъ же вонь отъ собакъ, рыбы, дровъ, табашнаго дыму, чаду, при варенїи рыбьяго жиру, гадины и и прочаго, превозходитъ всякое описаніе. Изъ рѣдка попадаются, при рѣкахъ и въ лѣсахъ, не большїя ихъ запасныя хижины. *Лѣтомъ перебираются* они отъ одного озера къ другому, для рыбной ловли, и по тому дѣлаютъ въ такихъ мѣстахъ столбчатые и, къ верьху уже сведенные, *шалаши*, кои покрываютъ берестою или рогожами. Пустыя зимнїя и запасныя хижины ни когда не запираются, но покражъ не бываетъ *Домашняя* ихъ *утварь*, или пожитки, состоятъ въ нѣсколькихъ котлахъ, въ деревянныхъ сосудахъ, въ саласкахъ, въ рогожахъ, на которыхъ спятъ, въ колыбеляхъ, сдѣланныхъ изъ бересты на подобїе ящиковъ, въ кои они, въ мѣсто постели, кладутъ истертое гнилое дерево, и проч.

Одѣяніе носятъ они обыкновенно кожаное, или изъ мягкой рухляди сшитое. *Мужскую одежду* составляютъ коротїя штаны и кожаныя, до самыхъ штановъ припущенныя, чулки, кои служатъ имъ и въ мѣсто сапоговъ; въ разсужденїи чего и употребляютъ они на подошвы оныхъ самую толстую, или и въ двое сшитую кожу. Верьхнее ихъ одѣяніе едва достаетъ до колѣнъ, затянуто кругомъ, и безъ воротника; а накидываютъ оное на голое тѣло, какъ рубаху. Ежели холодно, то надѣваютъ еще и другое такое же, только пополнѣе сдѣланное, одѣяніе, которое отъ перваго тѣмъ разнится, что придѣлана къ оному, съ зади, шапка, коя надѣвается на голову, а при томъ закрываетъ и шею такъ, что одно только лице видно. Рукава, у всякаго одѣянїя ихъ, не широки, и у верьхняго полнаго одѣянїя придѣлываются, къ концахъ оныхъ, мошны, кои служатъ имъ, въ мѣсто рукавицъ. А чтобъ одѣяніе не отторопыривалось отъ тѣла, то подпоясываютъ оное ремнемъ. Въ жестокую стужу надѣваютъ еще и шубье, такъ же на подобїе рубахи сдѣланное, просторное платье; но по оному не подпоясываются.

Остякъ при рѣкѣ Оби.
Ein Ostiacke am Ob Fluss.
Ostiak a la riviere d'Ob.

Остячка съ лица.
Une Ostiakin vorwärts.
Une Ostiacke par devant.

Лѣтомъ ходятъ въ долгихъ юпкахъ, или бострогахъ, изъ *рыбей шкуры* сдѣланныхъ.

Женщины носятъ чулки, штаны и верьхнее платье, по примѣру мужчинъ, въ лѣтнее время такъ же изъ рыбьихъ шкуръ, кожъ, или сукна сдѣланное; а зимою надѣваютъ, какъ для тепла, такъ и для щегольства, долгое, въ переди завязанное, платье, изъ рыбьихъ шкуръ, выдѣланныхъ кожъ, или изъ оленьихъ шкуръ, сшитое, которое опушаютъ иногда и соболями. Голову покрываютъ, висящею на зади, промежъ лопашокъ, шапкою, изъ сукна, кожи, или мяглой рухляди, сдѣланною, и кругомъ бахромкою для красы обложенною, которую, когда что дѣлаютъ, закидываютъ на задъ. Волосы заплетаютъ въ двѣ косы, и съ каждаго плеча висятъ, до самыхъ подколѣнокъ, въ ладонь шириною, ремень, или суконная полоса. Привѣсы сіи выложены брякушками, змѣиными головками, поддѣланными червонцами, корольками, а иногда изъ желтыхъ мѣдныхъ листовъ, на подобіе цвѣтовъ, или звѣрей, вырѣзанными, наборцами; соединеніе же между оными дѣлаютъ веревочки.

Вседневную ихъ *пищу* составляетъ, во первыхъ, *свѣжая рыба*, которую ѣдятъ Березовскіе и Обдорскіе больше *сырую*, а прочіе Отяки, сваря просто въ водѣ, безъ соли, и изготовленное такимъ образомъ рыбное, называется у нихъ *Коткей*; во вторыхъ *вяленая* и мѣлкая, на солнцѣ *просушенная*, а по томъ въ деревянныхъ ступкахъ *истолченная рыба* (Порса и Порся), которая служитъ, въ мѣсто незнакомаго имъ, по большей части, и со всѣмъ у нихъ не употребительнаго, хлѣба. Они ѣдятъ и жареную, или ближе сказать, грѣтую рыбу; ибо взоткнувъ оную на деревяный рожокъ, держатъ надъ огнемъ, очень короткое время. Еще питаются они, но не вседневно, и только въ случаѣ недостатка, свѣжею замороженною, вяленою, или копченою рыбою, мясомъ всякой дичи, не выключая и хищныхъ звѣрей, а при нуждѣ, ѣдятъ такъ же собакъ и оленей; при чемъ равномѣрно употребляютъ себѣ въ пищу избытки отъ оленьяго скотоводства, всякихъ птицъ, которыхъ, ощипавъ только, варятъ въ мѣстѣ съ рыбою, головки съ бѣлой сараны (*), разныя дикія ягоды, кедровые орѣхи, а иногда варятъ еще жидкіе, какъ изъ муки, такъ и крупъ, ѣствы. *Стряпня* ихъ мерзкая. Все варятъ въ одномъ котлѣ, и рѣдко когда вытираютъ оной шубнымъ лоскутомъ; да довольно въ пищу ихъ валится и вшей, но

(*) Lilium martagon. L.

сїи звѣрьки позыву у нихъ на ѣду не портятъ, по тому особливо, что они, и безъ того, оныхъ глотаютъ, когда другъ у друга оныхъ выискиваютъ. Чужихъ людей потчуютъ звѣриными языками, мозгами и проч.

Пьютъ воду, рыбные и мясные отвары, такъ же молоко, а при деньгахъ, и хлѣбное вино. Въ *льяное состоянїе*, которое имъ очень мило, приводятъ они себя табакомъ, да мухоморами (*). *Курительный и нюхальный табакъ* служитъ обоимъ поламъ, во всякомъ возрастѣ, лакомкою. Трубки дѣлаютъ они себѣ изъ глины, обыкновенно четыреугольныя, а чубуки составлены изъ связанныхъ въ мѣстѣ двухъ коротенькихъ деревянныхъ жолобковъ. Когда курятъ, то крѣпко тянутъ, и, дабы скорѣе сдѣлаться пьяными, дѣйствуютъ щеками, какъ, будьто, раздувальнымъ мѣхомъ. Нѣкоторые, куря табакъ, держатъ во рту воду, и замѣняютъ тѣмъ употребительный у Персїянъ, Армянъ и другихъ Народовъ, *Каллїанъ*, такое орудїе, посредствомъ котораго курятъ табакъ, черезъ воду. *Мухоморами уливаются* и многїе другїе Сибирскїе Народы, а особливо, живущїе около *Нарыма*, Отяки. Когда кто съѣстъ за однимъ разомъ свѣжїй мухоморъ, или выпьетъ уваръ, съ трехъ оныхъ, высушенныхъ, то, послѣ сего прїему, становится, съ перьва, говорливъ, а потомъ дѣлается, изъ подоволь, такъ рѣзовъ, что поетъ, скачетъ, возклицаетъ, слагаетъ любовныя, охотничьи и богатырскїя пѣсни, оказываетъ не обыкновенную силу и проч. а послѣ ни чего не помнитъ. Препроводя, въ такомъ состоянїи, отъ двенадсяти до шестьнадсяти часовъ, на послѣдокъ засыпаетъ; а какъ проснется, то, отъ сильнаго напряженїя силъ, походитъ на прибитаго, но въ головѣ не чувствуетъ такой тягости, какою мучится, когда виномъ упивается, да и послѣ не бываетъ ему отъ того ни какого вреда.

Пока въ промыслахъ своихъ обращаются, бываютъ они, по большей части *здоровы*; а какъ старость принудитъ ихъ домовничать, то страждутъ *цынгою*, *коростою*, *гноенїемъ глазъ* и другими болѣзнями. *Осла*, по прародительскимъ ихъ преданїямъ, ходила между ними еще и до прибытїя въ страну ихъ Россїянъ, и крайне опустошала ихъ семейства. *Любострастная болѣзнь* посѣщаетъ не рѣдко и Отяковъ. При всякихъ болѣзненныхъ припадкахъ, прижигаютъ они кожу свою, до тѣхъ поръ, пока не трѣснетъ,

(*) Agaricus Muſcari. L.

Остячка съ тыла.
Eine Ostiakin rückwärts.
Une Ostiake par derrière.

и употребляютъ къ тому, въ мѣсто *Моксы*, березовые грибы. Отъ запору пьютъ рыбій жиръ. *Раны* изцѣляютъ древесною смолою и звѣринымъ саломъ: но больше употребляютъ они суевѣрныя средства.

Послѣ *родовъ* считается женщина нѣсколько недѣль не чистою. Мѣсто младенцово кладутъ съ одною рыбою и кусочкомъ мяса въ ящикъ, а по томъ вѣшаютъ оный на дерево. Сыновьямъ даетъ отецъ имена, а дѣвушки не рѣдко бываютъ и безъимянны. Преимущественно употребительныя, около Сургута, имена суть слѣдующія: *Сайданъ*, *Кайкалъ*, *Гаедко*, *Вергунъ* и проч. Они и пяшилѣтныхъ дѣтей кормятъ еще грудью.

У держащихся Языческаго суевѣрія Отяковъ и теперь *многоженство* въ обыкновеніи. Какъ принимали Отяки Христіанскую вѣру, то удерживали у себя по одной только женѣ, а прочія выходили за другихъ мужей: однако многіе изъ крестившихся крали у новыхъ мужей прежнихъ своихъ женъ, да не рѣдко и сами вышедшія, по такому обстоятельству, за другихъ мужей бабы уходили къ первымъ своимъ мужьямъ. Какъ Языческаго, такъ и Христіанскаго закона Отяки *покупаютъ* и нынѣ себѣ *женъ*. За дѣвку даютъ отъ десяти до ста оленей, да съ верьхъ того нѣсколько праздничнаго одѣянія: но и она выходитъ съ приданымъ. Языческой вѣры женихъ начинаетъ спать съ невѣстою съ самаго того времени, какъ заплатитъ за нее первую долю договорной цѣны. Ежели примѣтитъ, что она соблюла свое дѣвство, то долженъ онъ тещѣ, а въ случаѣ недостатка онаго, повинна теща ему дать одного оленя. По отдачѣ другой доли, рядной за невѣсту, цѣны, происходитъ *свадьба*, и препровождается торжественно въ пированіи и увеселеніяхъ. Они разсказываютъ и поютъ богатырскія и любовныя произхожденія, не надумавшись, къ чему отмѣнною надѣляютъ ихъ способностію съѣденные и оживляющіе духъ мухоморы. *Гумбра*, такъ же *Домбра* и *Дернобора*, суть собственные ихъ инструменты, оба съ кишечными струнами, просты, но голосъ оныхъ не дуренъ. Пѣсенныхъ голосовъ у нихъ мало, да и тѣ просты: но скоморохи ихъ поютъ и играютъ больше, по своей выдумкѣ, и слѣдовательно почти все у нихъ новое. *Пляски* Отяковъ весьма любопытны, и состоятъ въ смѣхотворныхъ шалостяхъ. Плясунъ, переодѣвшись, или обезобразя лице свое, передразниваетъ другихъ людей, звѣрей и птицъ такъ иногда удачно и насмѣшливо, что удивляться надобно, видя сіе въ ихъ хижинахъ. Всякъ можетъ разсудить, что, оказываемыя имъ при томъ ухватки, не рѣдко быва-

ютъ противны благопристойности. Въ обыкновенныя пляски выходятъ вдругъ по двое мужчинъ и по двѣ женщины, скачутъ то въ передъ, то на задъ, топаютъ ногами, и дѣлаютъ какъ руками, такъ и лицемъ любовные знаки. Нѣкоторые, странствующіе Удальцы похищаютъ себѣ невѣстъ, лишаютъ ихъ чести, и наживаютъ такимъ способомъ за малую цѣну женъ. Невѣсткѣ не должно показывать свекру своего лица, да и зятю не слѣдуетъ казаться тещѣ на глаза, до тѣхъ поръ, пока не приживутъ дитяти. Сколько ни походитъ любовь ихъ на скотскую, однако они не ревнивы. Хотя и отягощаютъ они женъ своихъ великими трудами, но не бьютъ, по тому, что они отъ побоевъ уходятъ, и требуютъ назадъ своего приданаго; родители же ихъ ни когда, взятаго за нихъ, награжденія не возвращаютъ. Жена называетъ мужа, *Таге!* а мужъ жену, *Ими!*

Покойниковъ хоронятъ они, въ тотъ же день, въ который кто умретъ, и мужчины погребаютъ мужчинъ, а женщины женщинъ. Они наряжаютъ скончавшихся въ самое лучшее одѣяніе, и впрягаютъ подъ нихъ оленя, котораго на кладбищѣ убиваютъ и, поминая покойника, ѣдятъ. За богатыми покойниками слѣдуютъ по три оленя съ пустыми санями. Мертвое тѣло, къ которому кладутъ, въ запасъ, оружіе, топоръ и домашнія надобности, полагаютъ во гробъ головою къ сѣверу. Проводившихъ покойника трехъ оленей убиваютъ, при могилѣ, ему въ прокъ, и тамъ покидаютъ, а сани опрокидываютъ на могилѣ однѣ на другія. Зажиточные люди приносятъ по томъ за покойника нѣсколько *ломинныхъ жертвъ.*

Отяки Языческаго закона, каковы суть всѣ, кои ближе къ сѣверу, или у нижней рѣки Оби живутъ, называютъ своихъ Волшебниковъ и Жрецовъ *Тотебами* и *Тоебами.* Они толкуютъ имъ сны, предсказываютъ будущее, заклинаютъ бѣса, лечатъ больныхъ, молятся и приносятъ жертвы. У нихъ нѣтъ ни капищъ, ни настоящихъ Кереметей:, а есть нѣкоторыя *священныя горы,* въ лѣсахъ, гдѣ стоятъ знаменитые ихъ Идолы. Они такихъ мѣстъ боятся, и не берутъ отъ туда ни лѣсу, ни дровъ, да и воды изъ тамошнихъ ключей не черпаютъ. Съ 1712 года много сожено ихъ Идоловъ, и стойла ихъ разорены; однако осталось оныхъ еще довольно. Воображеніями своими о Высочайшемъ Существѣ, такъ же жертвоприношеніями и моленіями уподобляются они выше описаннымъ Язычникамъ. *Высочайшій Богъ* называется у нихъ *Инненъ Номъ* (Вышній Богъ). Съ верьхъ сего есть у нихъ еще и *низкаго достоинства Божки. Сатана* называется, на ихъ языкѣ, *Луса* и *Котедгенъ*, во-

лѣный и *рыбный Богъ*, *Утого Лусъ*, *лѣсный* и *звѣроловный Богъ*, *Массу Лусъ* и такъ далѣе.

Идолы ихъ, которыхъ они во обще *Сатанами* (Лусъ), называютъ, суть вырѣзанныя деревянныя изображенія, растущія дерева, на коихъ орлы вьютъ себѣ гнезда, безобразныя избы и страннаго вида камни. Въ 1771 году, стояли оба знатнѣйшіе *Отякскіе Идолы*, которымъ такъ же и *Сомояды* покланялись, въ западной сторонѣ Обскаго залива, въ семидесяти верстахъ ниже Обдорска, въ лѣсу, по близости Воксарскихъ жилищъ. Одинъ изъ оныхъ представляетъ мужеское, а другій женское подобіе. Каждый стоитъ въ особливомъ шалашѣ, прислоненъ къ дереву, и, по Отякскому обыкновенію, изрядно одѣтъ сукномъ и мягкою рухлядью, да при томъ, по примѣру Волшебниковъ, обвѣшенъ жестяными изображеніями звѣрей, людей, птицъ, лодокъ, рыбъ и проч. Кругомъ оныхъ лежатъ котлы, чашки и другая домашняя утварь; на ближайшихъ же деревахъ висятъ, содранныя съ оленей, шкуры и луки. Мужескаго пола Идолу покланяются мужчины, а женскаго женщины. Попадаются такъ же мѣстами *свято почитаемыя дерева*, въ которыя всякъ мимо идущій, пускаетъ по одной стрѣлѣ. Во всякой хижинѣ есть собственный *домашній Идолъ*, котораго представляетъ, обыкновенно, не большая кукла.

Въ домашнихъ нуждахъ *приноситъ* всякъ *домашнему* своему *Идолу* малыя звѣриныя кожи, рыбы, птицъ, а особливо помазываетъ онаго жиромъ и кровью; по важнѣйшимъ же дѣламъ освѣдомляется Волшебникъ, посредствомъ своего *барабана* (Пингре), о причинѣ гнѣва Боговъ и о жертвахъ, кои надобно принесть, для преклоненія ихъ къ милосердію. Общія Идоламъ жертвоприношенія отправляются въ лѣсахъ. Народъ становится въ кружокъ около Идола, Жреца и назначенныхъ въ жертву животныхъ, какъ то, оленей, красной дичи и водяныхъ птицъ, къ коимъ присовокупляютъ иногда и мягкую рухлядь. Жрецъ представляетъ Идолу жертву, и возсылаетъ къ оному, въ молитвѣ, свое прошеніе. По данному, жезломъ, знаку, прострѣливаетъ одинъ, кто ни будь, стрѣлою звѣря; а прочіе докалываютъ онаго остроконечными кольями. Послѣ сего, протаскиваютъ убитаго звѣря за хвостъ, троекратно, около Идола, варятъ мясо онаго, помазываютъ Идолу ротъ, запекшеюся въ сердцѣ, кровью, и ѣдятъ, съ великимъ веселіемъ, жертвенное мясо. Кожу, черепъ и рога вѣшаютъ въ лѣсу.

При совершеніи, *въ облегченіе болѣзни, жертвоприношенія*, что бываетъ всегда у жилища больнаго человѣка, даютъ страждущему въ руки, привязанную къ приносимому въ жертву животному, веревоч-

ку. Между тѣмъ творитъ Жрецъ молитву, и какъ больный потянетъ за веревочку, то закалаютъ звѣря, и помазавъ домашняго Идола, ѣдятъ вареное мясо. Когда же примѣтятъ, что нѣтъ хворому отъ Идола помощи: то ругаютъ онаго бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колотятъ.

Медвѣдямъ предопредѣляютъ они, послѣ смерти, такую же, по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ, участь. По убіенiи оныхъ, поютъ они извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣшеннымъ шкурамъ много учтивостей, дабы оныя въ царствѣ тѣней имъ не мстили.

Важныхъ своихъ *людей* называютъ они *Полубожками*, или Святыми. Изображающая кого ни будь изъ нихъ кукла, ставится на ряду съ Идолами, и оную подчиваютъ кушаньемъ, и помазываютъ такъ же, какъ и самихъ Идоловъ. Вдовы кладутъ иногда такiя, мужей ихъ представляющiя, куклы съ собою и въ постель, при томъ, когда сами ѣдятъ, не забываютъ и онымъ удѣлять.

Живущiе за Нарымомъ, *крещенные Отяки* произошли уже большею частiю отъ исповѣдующихъ православную вѣру родителей, и имѣютъ у себя собственныя церькви. Но они и теперь находятся въ превеликомъ невѣжествѣ, суевѣрны и преисполнены Языческими воображенiями, и по тому, не вдругъ, кто пойдетъ изъ нихъ на звѣриный промыселъ, не взявъ съ собою Идола (Лусъ), котораго носятъ иногда въ сапогѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОПИСАНІЕ

ВСѢХЪ,

ОБИТАЮЩИХЪ

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ,

НАРОДОВЪ

и ихъ жишейскихъ обрядовъ, обыкновенїй, одеждъ, жилищъ, Вѣроисповѣданїй и прочихъ достопамятностей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О НАРОДАХЪ

ТАТАРСКАГО ПЛЕМЕНИ

и другихъ не рѣшеннаго еще произхожденїя Сѣверныхъ Сибирскихъ.

Ижданїемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенїя С. Петербургской Цензуры.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академїи Наукъ, 1799 года.

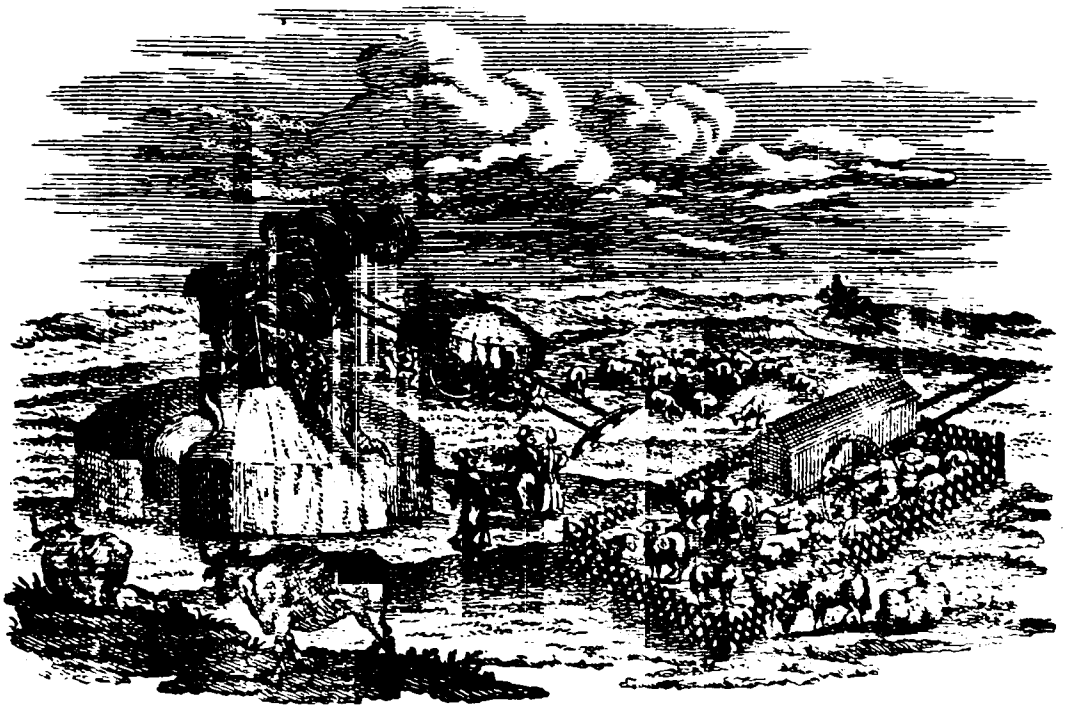
ОГЛАВЛЕНІЕ

Описанїя Народовъ обитающихъ въ Россіи, описанныхъ во ВТОРОЙ ЧАСТИ, съ показанїемъ, на которой страницѣ о которомъ изъ нихъ писано.

	стран.
I. О Татарскихъ Народахъ во обще	1
II. О Казанскихъ и Оренбургскихъ Татарахъ	7
III. О Туралинцахъ	23
IV. О Тобольскихъ Татарахъ	26
V. О Томскихъ Татарахъ	28
VI. О Нагайскихъ Ордахъ во обще	30
VII. Объ Астраханскихъ Татарахъ	33
VIII. О Таврическихъ Татарахъ	36
IX. О Нагайскихъ Ордахъ, живущихъ около Чернаго моря и по Кубани	38
X. О Терекскихъ Нагайскихъ Татарахъ	40
XI. О Кондуровскихъ Нагайскихъ Ордахъ	44
XII. О Кавказскихъ Народахъ во обще	45
XIII. О Лезгахъ или Лезгинцахъ	47
XIV. О Трухменцахъ или Туркоманахъ	49
XV. Объ Осетахъ	51
XVI О Базїанахъ	53
XVII. О Черкесахъ	54
XVIII. Объ Авхазахъ или Абазахъ	57
XIX. О Кистахъ или Кистинцахъ	58
XX. О Чеченгахъ	59
XXI. О Югушахъ	60
XXII. О Мильчегахъ	61
XXIII. О Карабулакахъ	62
XXIV. О Кумыкскихъ Татарахъ	63
XXV. Объ Амбарлинцахъ	65
XXVI. О Грузинцахъ	66
XXVII. О Бухарцахъ	74
XXVIII. О Татарскихъ Поселянахъ	85
XXIX. О Башкирцахъ	93
XXX. О Мещеряковъ	109
XXXI. О Барабинцахъ	111
XXXII. О Киргизцахъ	119
XXXIII. Объ Обскихъ Татарахъ	143
XXXIV. О Чулымскихъ Татарахъ	144

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXXV. О Качинскихъ Татарахъ - - - - 149
XXXVI. О Телеутахъ - - - - - 155
XXXVII. О Кистимскихъ и Тулибертскихъ Татарахъ - - 161
XXXVIII. Объ Абинцахъ - - - - - 162
XXXIX. О Верьхотомскихъ Татарахъ - - - 164
XL. О Бирюссахъ - - - - - 165
XLI. О Заянскихъ Татарахъ - - - - 166
XLII. О Белтыряхъ - - - - - 168
XLIII. О Якутахъ - - - - - 169



ТАТАРСКІЕ НАРОДЫ.

Жительствующія подъ разными именами какъ въ *Россіи*, такъ и внѣ оной *Татарскія поколѣнія называются* иногда *Татарами*, а иногда, да и наибольше, *Турками*, *Турками* и *Туркоманами*. Оба сіи названія производятъ ихъ бытописатели, а особливо *Абульгази Баядуръ Ханъ*, которому наибольше вѣрить можно, отъ плодороднаго ихъ родоначальника *Турка* или *Турка*, и отъ одного его внука *Татара*, который почитается защитникомъ и отцомъ нѣкоторыхъ знатныхъ ордъ. Съ тѣмъ и съ другимъ именемъ сопрягаетъ пышность ихъ знаменованіе господина и обладателя; *Якуты* же причли *Татара* и въ число своихъ божковъ. — Но какъ они примѣчаютъ, что многіе господствующіе народы не столь высокомѣрно думаютъ о имени Татарскомъ; то иные Татара почитаютъ сіе названіе и оскорбительнымъ. Гордые *Китайцы* называютъ всѣхъ своихъ сосѣдей, въ томъ числѣ *Татаръ* и Монгалъ, въ поруганіе *Татами*, и *Гадсами*, отъ слова Татана, которое значитъ собирать сволочь. У Финскихъ же народовъ называются Татара вообще *Сисалми*.

Въ древнихъ *повѣствованіяхъ* смѣшиваются часто Татара съ Монгалами, по тому, что они жили съ ними въ смежности, и бы-

вали иногда ихъ подданными, а иногда союзниками; наипаче же для того, что *Ханъ Чингисъ*, основашель Татарскаго владычества, былъ природный Монгалъ, ходилъ въ первые свои походы съ Монгалами, да и послѣ имѣлъ всегда при войскѣ своемъ Монгалъ: но они со временемъ мало по малу между великимъ множествомъ Татаръ перевелись, и языкъ ихъ пришелъ въ забвенїе. Татара сами утверждаютъ, что родоначальники обоихъ народовъ, *Татаръ* и *Могулъ* были близнецы. Однакожъ оба сїи народы говорятъ совсемъ особливыми языками, и при томъ, въ отношенїи къ большому числу, ни мало лицомъ не похожи. Нѣкоторыя поколѣнїя Татарскія по наружности кажутся, какъ будто они Монгальской породы, какъ н. п. Кузнецкїе Татара, Якуты и нѣкоторые другїе; но сїе могло и безъ древняго единородства произойти отъ смѣшенїй во время войны; ибо побѣдители обыкновенно понимали себѣ женъ изъ числа побѣжденныхъ, или имѣли съ женами ихъ полюбовное обращенїе.

Татарскія орды пребывали издревле въ извѣстной по землеописанїямъ *Великой Татарїи*, или въ обширной странѣ между Сибирскими и Индїйскими горами, отъ рѣки Урала до самой Монгалїи, которую теперь занимаетъ отъ части Соонгарїя. Нынѣ же принадлежитъ имъ только въ *Булгарїи*, *Хивѣ*, и другихъ небольшихъ областяхъ Южнозападная часть прежняго ихъ владѣнїя. Въ древнїя времена подчинены они были совокупно съ Монгалами однимъ *Владѣльцамъ*; но послѣ Хана Огусо раздѣлилось ихъ владѣнїе на разныя части. *Ханъ Чингисъ* покорилъ себѣ почти всѣ орды, и завелъ чрезъ то *Татарское Царство*, которымъ онъ, по Христїанскому лѣтосчисленїю съ 1204 по 1229 годъ владѣлъ, и распространилъ завоеванїя свои около Каспїйскаго моря чрезъ Кавказскїя горы до самаго Чернаго моря. —

По кончинѣ Чингисовой раздѣлили по себѣ сыновья его и вельможи завоеванїя, которыя старались они еще и разпространить. Изъ числа потомковъ Чингисъ Хана въ половинѣ третьяго надесять столѣтїя преимущественно прославился *Ханъ Батый* своимъ умомъ, мужествомъ, щастїемъ и жестокостїю. Чрезъ соединенїе нѣсколькихъ колѣнъ завелъ онъ при рѣкѣ *Уралѣ*, которую называютъ Татара *Аджикомъ*, а Россїяна Яикомъ, особою орду, называвшуюся у Татаръ *Великою*, а у Россїянъ *Золотою*, покорилъ оною на Волгѣ *Болгарское Царство*, основалъ вмѣсто онаго царства *Казанское и Астраханское*, подвергъ игу своему часть Россїи, и раз-

пространилъ еще и за предѣлы ея въ Польшу и далѣе ужасъ. Въ 1240 году по причинѣ Татарскихъ на Силезїю нападенїй пришли тамошнїе горные заводы въ упадокъ. Послѣ его славенъ былъ наибольше, подъ конецъ четвертагонадесять столѣтїя, *Тамерланъ*, котораго называютъ Татара и *Темиромъ Акчакаломъ* (железнымъ, бѣлобородымъ, или вѣкомъ), по великому множеству Татарскихъ его войскъ, побѣдъ и опустошенїй, которыя разпространилъ онъ повсюду, не щадя и самыхъ Татарскихъ ордъ. Южная Сибирїя пришла наипаче въ подданство Киргизской ордѣ. Татара повсюду не токмо покоряли себѣ прежнихъ жителей, но отъ части ихъ и истребляли, или прогоняли изъ хорошихъ странъ въ худыя. Удержанїе и населенїе завоеванныхъ земель подало поводъ къ заведенїю Татарскихъ селенїй; а отъ сего произошло почти всеобщее переселенїе и странствованїе Монгальскихъ и Татарскихъ колѣнъ.

По прошествїи четвертагонадесять столѣтїя начала власть и сила Татарская колебаться. *Золотая орда* изнурилась внутренними безпокойствїями; и хотя чрезъ то *Ногайская орда* усилилась было и разпространилась около Чернаго моря: однако Китайцы и Россїяне часто одерживали надъ Татарами побѣды. Около половины шестагонадесять столѣтїя *сокрушилось* напослѣдокъ и въ концъ отъ *Россїйской* силы превеликое *Татарское Царство*, послѣ чего Царь *Иванъ Васильевичъ* присовокупилъ вѣчно къ Россїйской державѣ побѣжденныя Татарскїя царства, *Казанское* и *Астраханское*, первое въ 1552, а другое въ 1554 году; да сверьхъ того изторгъ изъ власти Татарской и Сибирь, гдѣ тогда владѣлъ *Ханъ Кучумъ*.

Нынѣ же почитаются *независящими* ниотъ кого только тѣ орды, кои обитаютъ въ Южнозападной части Великой Татарїи, около Персидскихъ, Индїйскихъ или Монгальскихъ и Соонгарскихъ предѣловъ, а именно; *большая Киргизская орда, Бухарцы, Хивинцы, Каракаллаки, Трухмены, Гашкентцы, Туркостаны* и *Аралы*; Но всѣ нынѣшнїя Татарскїя орды столь малосильны, что одна у другой, или и у разныхъ сосѣдей, смотря по обстоятельствамъ, ищутъ себѣ покровительства и защиты. Прочїя орды подчинены отъ части какъ подданные, а отъ части какъ отдавшїеся подъ покровительство народы, Россїи, Оттоманской Портѣ, Великому Моголу, Китайцамъ, и Персїи, когда не было еще тутъ междоусобныхъ безпокойствїй. Здѣсь служатъ мнѣ предмѣтомъ только тѣ *орды, которыя ловинуются Россїйской власти*; и по тому

пусть будетъ объ нихъ собственно сказано слѣдующее.

Въ *Россійскомъ государствѣ имѣютъ Татарскіе народы жилища свои* на Сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Каспійскаго моря, въ Таврической области на Сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ, на обширныхъ степяхъ отъ рѣки Урала, на Востокѣ до самой Соонгаріи, на Южной сторонѣ Уральскихъ горъ, въ Сибири на Южныхъ пограничныхъ горахъ и степяхъ, отъ Тобола до самой Енисеи и за оною, и въ пустыняхъ около середины рѣки Лены; да кромѣ того не мало есть разсѣяныхъ Татарскихъ селеній между Россійскими жилищами, а особливо въ Казанской, Оренбургской и Тобольской губерніяхъ. Около рѣки Енисеи есть разные остатки народа, которые по сходственности въ житейскихъ обрядахъ и по другимъ обстоятельствамъ причисляются, но не справедливо, къ Красноярскимъ Татарамъ. Не считая сихъ, которыхъ число и не велико, Татарскій народъ вообще можетъ почесться, по Славянахъ, Россіанахъ, и Полякахъ съ Финами наимноголюднѣйшимъ во всей Россійской державѣ.

Всѣми сими странами вообще, или по крайней мѣрѣ большою половиною оныхъ владѣютъ они съ того времени, какъ Татарское царство процвѣтало; по чему и видны у нихъ вездѣ *примѣты* прежняго его величія. Повсюду почти обрѣтаются около *разоренныхъ городковъ*, которые нынѣ вообще называютъ Россіяне *городищами*, остатки гробницъ и валовъ, также замковъ или становъ, съ окопами и безъ оныхъ, и другія древности. Многія достопамятности и теперь еще нарочито цѣлы и знатны. Въ *Касимовѣ* н. п. при рѣкѣ Окѣ Татарская слобода, какъ кажется, была двора Ханскаго станомъ. Между тамошними разоренными древними строеніями находится одна высокая круглая башня, молебная храмина, стѣны бывшаго дворца, и знатная на кладбищѣ гробница, сооруженная изъ дикаго камня и кирпича жженаго. По Арабской надписи видно, что опочиваетъ тутъ съ 962 Гегиры (по нашему лѣтосчисленію съ 1520 года) страны сей Ханъ *Шахалій*. Не подалеку отъ *Кавказскихъ горъ* видны еще и теперь немалые остатки славнаго города *Маджира*. У *Астрахани* находятся развалины древней Астрахани; а выше сего города обрѣтаются на Волгѣ у Царицына на лѣвомъ берегу рѣки таковыя же развалины и валъ обширнаго города. На сей же самой сторонѣ Волги, пониже устья рѣки Камы, есть многіе нарочито еще цѣлые и великолѣпные *остатки* древняго города *Брехимова* или *Болгаръ*, состоящіе изъ

башенъ, молебныхъ храминъ, домовъ и гробницъ; и всѣ сіи строенія взведены изъ дикаго камня и кирпича. Самые древніе надгробные камни лежатъ уже на мѣстѣ долѣ 1100, а новѣйшіе около 400 лѣтъ. Въ сей же странѣ видны при вышедшей изъ Волги рѣчкѣ *Черемшанкѣ* нарочито разоренные уже остатки знатнаго Болгарскаго, а послѣ Татарскаго, города *Булымера*, на мѣстѣ котораго находится теперь городокъ *Билярскъ*. *Казань* имѣетъ въ крѣпости своей такъ же знаки Татарскаго сего имени царства, а именно: высокую и такъ широкую стѣну, что служитъ вмѣсто валу, башни, древній Ханскій дворецъ, и другія строенія, которыя всѣ взведены изъ дикаго камня. Отъ *стариннаго города Казани* обрѣтаются и нынѣ еще не малые валы и надгробные камни выше нынѣшней Казани у рѣчки Казанки. Не подалеку отъ *Уфы* есть Татарскія кладбища, на коихъ видно безчисленное множество надгробныхъ камней, и нѣсколько изъ кирпича складенныхъ гробницъ. У рѣки *Иртыша*, близь *Тобольска*, видны валы Татарскаго столичнаго города *Сибири*; въ *Барабѣ*, при излучинѣ рѣки *Омы*, стоятъ высокіе стѣны *Гонтуры*; въ близи устья рѣки Урала находятся окопы *Саратика*; умалчивая о многихъ другихъ остаткахъ разоренныхъ городовъ, находящихся въ Сибири, а особливо въ *Киргизской* степи, и о разныхъ знатныхъ гробницахъ.

Татара въ разсужденіи подданства своего Россійской державѣ находятся по главнымъ дѣламъ въ такихъ же обстоятельствахъ, въ какихъ и Финскіе народы. Они *люди вольные*, ни кому не крѣпостные, и пребываютъ спокойно при древнихъ своихъ установленіяхъ и порядкахъ. *Начальниковъ* избираютъ изъ своихъ единоплеменниковъ, и обыкновенно изъ дворянъ, которыхъ составляютъ отъ части *Князки*, выводящіе породу свою обыкновенно въ прямомъ колѣнѣ отъ *Чингиса*, *Батыя* и другихъ славныхъ Татарскихъ владѣльцовъ. Прежде платили они Россійской державѣ столько же подати, сколько взыскивали съ нихъ старинные ихъ Ханы: но послѣ для вящшаго ихъ облегченія оная уравнена и соображена со временами и ихъ промыслами. Всѣ вообще Татара платятъ нынѣ очень малой подушной окладъ; да при томъ еще нѣкоторыя поколѣнья въ замѣну онаго исправляютъ *казацкую службу*; состоящія же только подъ покровительствомъ Россіи орды не платятъ подати и не ходятъ на службу.

О *житіи* ихъ пусть будетъ здѣсь вообще сказано только то, что какъ *кочующіе*, такъ и на *одномъ мѣстѣ живущіе* чрезвычайно

пристрастны къ прародительскимъ своимъ обрядамъ; а по тому и древняя Восточная простота нарочито примѣтна еще и теперь во нравахъ, жилищахъ, пищѣ и сему подобномъ: при чемъ такъ же и соединенная съ симъ бережливость осталась въ своей силѣ; ибо и изъ зажиточныхъ людей никто не располагаетъ росходовъ своихъ соразмѣрно своему богатству, кольми паче свыше онаго. — Не меньше соблюла силу свою и древняя *Татарская народная лышность*: ибо не только знатнѣйшіе люди превозносятся своею породою, но и во всякой хотя нѣсколько просвѣщенной Татарской головѣ бродятъ величія прежняго Татарскаго царства, а отъ части и желанія къ возстановленію онаго: чему служатъ явнымъ доказательствомъ произходившія нѣсколько разъ кровопролитныя Башкирскія смятенія. Вѣроятно кажется, что сіе обстоятельство есть такъ же не послѣдняя причина и тому, что правительство живущихъ на одномъ мѣстѣ Магаметанскихъ Татаръ, между которыми довольно есть острыхъ, знающихъ и отважныхъ людей, не производитъ въ должности гражданскихъ судей и воинскихъ начальниковъ. Держащіеся же языческаго суевѣрія Татара, по причинѣ невѣжества своего, едва способны исполнять и то, что имъ приказываютъ.

Всѣ *Татарскія поколѣнія говорятъ Турукскимъ* или *Турецкимъ языкомъ*, которой называютъ они иногда и *Туркостанскимъ*. Магаметанцы, которымъ преподается въ языкѣ семъ наставленіе, говорятъ и пишутъ на ономъ нарочито сходно, употребляя къ тому Арабскія буквы. Молитвы и всѣ вообще до вѣры касающіеся обряды совершаются на *Арабскомъ языкѣ*, хотя его и рѣдкіе разумѣютъ; да и изъ священнослужителей ихъ многіе онаго не знаютъ. Когда пишутъ чистымъ письмомъ, то употребляютъ къ тому очиненный на подобіе пера тростникъ и особливыя чернилы, составленныя изъ пережженнаго проса, копоти и разтворенной въ водѣ камеди. *Языкъ* ихъ словами изобиленъ, мягокъ, и выговоръ онаго не жесткой, но тихой, и какъ будто съ припѣвомъ. У содержащихъ языческой законъ Татаръ нѣтъ ни школъ, ни грамотѣевъ; а по тому и языкъ ихъ пришелъ въ великой упадокъ, перемѣшался нарочито съ языками ихъ сосѣдей и разбился на столь разныя нарѣчія, что народы сіи или мало разумѣютъ другихъ Татаръ, или и вовсе словъ ихъ не понимаютъ.

КАЗАНСКІЕ И ОРЕНБУРГСКІЕ ТАТАРА.

Съ того времени, какъ *Царство Казанское* Россійскою силою побѣждено и къ Россійскому государству присовокуплено, разсѣялись многіе Татара въ продолженіе сей войны, а остальные переселились отъ части толпами въ непобѣжденныя тогда еще Татарскія области: по чему и сдѣлано было въ Казанскомъ царствѣ гораздо больше во внутреннихъ устроеніяхъ перемѣнъ, нежели въ прочихъ завоеванныхъ мѣстахъ; и при томъ жилища какъ оставшихся на своихъ земляхъ, такъ и возвратившихся старыхъ обывателей, перемѣшаны съ селеніями Россійскихъ переведенцовъ. Прежняя Казанская Губернія заключала въ себѣ кромѣ Казанской Провинціи также Пермскую, Вятскую, и Пензенскую Провинціи, которыя къ Казанскому царству не принадлежали. Казанскія Татара живутъ не только по всей прежде бывшей Губерніи, но разсѣяны и въ сосѣдственныхъ Намѣстничествахъ, Уфимскомъ, Оренбургскомъ, Воронежскомъ, Калужскомъ и проч; и вездѣ весьма многолюдны. Въ 1779 году въ Казанскомъ, Уфимскомъ, Пензенскомъ, Симбирскомъ и Пермскомъ Намѣстничествахъ считалось Татаръ мужескаго пола Магометанскаго закона 51,044, а крещеныхъ 6686, число разсѣянныхъ по прочимъ Намѣстничествамъ мнѣ не извѣстно; однакожъ думаю, что также не мало. Въ городѣ *Казанѣ* имѣютъ они двѣ знатныя слободы, изъ коихъ въ одной находятся двѣ каменныя молебныя храмины, и оставшіяся отъ прежнихъ еще временъ высокія и круглыя башни; а въ другой построены двѣ же деревянныя молебныя храмины. Всѣ прочіе Татара живутъ по особливымъ деревнямъ, которыя смѣжны отъ части съ Россійскими же, а отъ части и съ Татарскими селеніями.

Въ теченіе Россійскихъ побѣдъ узнали покоренные Татара какъ кротость Россійскаго правленія, такъ и неприкосновенность онаго къ ихъ порядкамъ и вѣрѣ, а по тому и не обращались уже въ бѣгство. При семъ правленіи многіе Казанскіе Татара, съ дозволеніемъ онаго, перешли съ прежнихъ своихъ мѣстъ на жилище въ другія страны, которыя показались имъ привольнѣе: по чему и умножилось число разсѣянныхъ станицъ и селеній сихъ Татаръ въ пограничныхъ съ Казанскою Губерніяхъ, а именно въ Уфимской, Оренбургской, Тобольской, а отъ части такъ же въ Воронежской, и въ нѣкоторыхъ другихъ. Станицы сіи называются больше по тѣмъ

мѣстамъ и рѣкамъ, гдѣ и при которыхъ они живутъ; однако они въ житейскихъ своихъ обрядахъ и въ вѣрѣ сообразны Казанскимъ Татарамъ: по чему и не премину, говоря объ оныхъ, и на сихъ ссылаться.

Оренбургскихъ Казанскихъ Татаръ отнюдь не должно смѣшивать съ перекочевавшими въ сію Губернію ордами, какъ то *Киргизцами* и другими. Первые называются просто *Оренбургскими*, а отъ части и *Уфскими* Татарами. Прямые Оренбургскіе Татара *живутъ* въ Оренбургѣ и по крѣпостямъ Оренбургской линіи при рѣкѣ Уралѣ частію разсѣянно, а частію въ особливыхъ слободахъ, въ собственныхъ деревняхъ и въ городкѣ *Каргалѣ* на рѣкѣ Сакмарѣ, въ 18 верстахъ отъ Оренбурга. Въ семъ мѣстѣ находится *селеніе Казанскихъ Татаръ*, которое завелось въ 1755 году подъ начальствомъ старѣйшины ихъ *Сапка*, и въ 1773 году платило уже окладъ за 2190 душъ мужескаго пола. Мѣсто сіе нескудное; въ немъ есть четыре молебныя храмины и не мало нарочито огромныхъ каменныхъ домовъ, которые въ прочемъ въ сихъ странахъ все еще рѣдко попадаются. *Уфскіе городскіе и деревенскіе Татара* суть древніе бѣглецы Казанскіе, и они многолюдны. Въ Оренбургской Исетской провинціи ведется уже съ лишкомъ сто лѣтъ *селеніе*, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень, и прозывающееся по *Иткинскому* ручью. Въ Рязанскомъ Намѣстничествѣ имѣютъ Казанскіе Татара у Касимова особливую слободу; да сверьхъ того какъ въ семъ Намѣстничествѣ, такъ въ *Астраханскомъ* и *Тобольскомъ* живутъ сіи Татара небольшимъ числомъ отъ части между Россіанами, а больше между другими Татарами разсѣянно. Всѣ Оренбургскіе Казанскіе Татара числомъ превозходятъ настоящихъ Казанскихъ; да и прочихъ, въ разсѣяніи живущихъ, наберется не меньше, какъ и Казанскихъ.

Казанскіе Татара вообще получили *названіе* свое отъ главнаго города *Казани;* а она прозвана такъ отъ Татарскаго слова *казанъ*, *котелъ*, который слугою основателя сего города, *Хана Алтына Бека*, опущенъ ненарочно, когда онъ черпалъ господину своему на умовеніе воду, въ рѣчку называемую нынѣ *Казанкою*. Въ прочемъ они, по собственнымъ ихъ преданіямъ, не особливаго колѣна, но произошли отъ оставшихся тутъ на поселеніи разныхъ поколѣній ратоборцовъ и отъ привлеченныхъ торговлею въ *Казань* иностранцовъ, а особливо Ногайскихъ Татаръ, которые всѣ чрезъ соединеніе свое въ единое общество составили особой народъ.

Видъ и *нравъ* Казанскихъ и вышедшихъ отъ нихъ Татаръ не токмо весьма сходенъ, но и прочимъ порядочно поселившимся Магаметанскимъ Татарамъ нарочито сообразенъ. Изъ всѣхъ ихъ рѣдко кто бываетъ ростомъ очень великъ; они по большой части худощавы, лицомъ продолговаты, и кажутся здоровы; носъ у нихъ сухощавой, ротъ и глаза малые, но востроые и по большой части черные; волосъ русой, прямой и начинаетъ уже въ среднихъ лѣтахъ сѣдѣть. Сложеніе ихъ вообще не дурное; походка бодрая, а прямое и худощавое тѣло въ соединеніи съ кроткимъ и какъ будто нѣсколько робкимъ взглядомъ, придаютъ имъ милой видъ.

Они честолюбивы, горды, ума не дальнаго, не лѣнивы, но любятъ покоиться, ко всѣмъ ремесламъ способны, по воспитанію и вѣрѣ, которую они содержатъ крѣпко, чистоплотны, трезвы, умѣренны и жалостливы Весьма рѣдко заключаютъ они писменныя обязательства; а и словесные договоры сохраняютъ твердо и ненарушимо. Отъ сего самаго чрезвычайно рѣдко доходитъ у нихъ дѣло до присяги. Воровъ наказываютъ они пѣнею, безчестіемъ, а иногда и побоями. *Женской* ихъ *полъ* больше здороваго, нежели пригожаго сложенія, и привыкаетъ съ малу къ прилѣжанію, скромности, уединенію и повиновенію.

Казанскіе и другіе на одномъ мѣстѣ живущіе Татара Магаметанскаго закона великое и похвальное о порядочномъ *воспитаніи дѣтей* имѣютъ попеченіе. Они не только приучаютъ дѣтей къ прилѣжанію, бережливости, и къ другимъ прародительскимъ обыкновеніямъ: но пекутся еще и о наученіи ихъ чтенію, письму, Арабскому языку и вѣрѣ. Небреженіе же о таковомъ наставленіи поставляется родителямъ въ великой грѣхъ: а по тому и во всякой ихъ деревушкѣ есть особливая молебная храмина и школа, такъ же священнослужитель и школьной учитель: но какъ тотъ, такъ и другой не великіе бываютъ Арабскаго языка знатоки; ибо они не рѣдко избираемы бываютъ изъ простолюдимовъ же и должны по большой части сами приобрѣтать себѣ и пропитаніе. Въ слободахъ и по большимъ деревнямъ есть подобныя симъ и *дѣвичьи школы* При томъ преподается еще дѣтямъ и нѣкоторое наставленіе и въ собственной ихъ исторіи. Порядочно учрежденныя и содержимыя въ Россійскомъ государствѣ Татарскія школы состоятъ подъ вѣдомствомъ *верьховныхъ Татарскихъ* священнослужителей, называемыхъ Агунами, въ Казанѣ, Тобольскѣ и Астрахани. Многіе Татарскіе мужики, а чаще еще торговые люди, имѣютъ небольшія

собранія письменныхъ повѣствованій, и очень недурное знаніе о произшествіяхъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и сосѣдственныхъ владѣній; да сверьхъ того изрядное свѣденіе о своихъ древностяхъ. Которые изъ нихъ желаютъ успѣть преимущественно въ своей богословіи, тѣ посѣщаютъ лучшія въ Бухаріи находящіяся школы.

Счисленіе времени Мугаметанъ, слѣдовательно и Казанскихъ Татаръ обще съ другими, начинается съ Мугамешова побѣгу, который называется у Татаръ Гегирою и Егирою, а по нашему лѣтосчисленію съ 586 года: (по чему нашъ 1796 годъ есть 1210 ихъ годъ). Новый ихъ годъ начинается съ равноденствія въ Мартѣ мѣсяцѣ. Весь ихъ мѣсяцословъ основанъ на счисленіи и именованіи *лунныхъ теченій*; и по нимъ то все располагается и опредѣляется. По причинѣ обращенія съ сосѣдями имѣютъ они и для нашихъ мѣсяцовъ особыя названія, какъ н. п. Мартъ называютъ они Гаметомъ, Апрѣль Савиромъ, и такъ далѣе. *Недѣля* ихъ начинается съ пятницы, (по Татарски *Дїуме*). А въ прочемъ недѣльные ихъ дни такъ же какъ и наши; на прим: Суббота *Шимбе*, Воскресеніе *Якшембе*, Понедѣльникъ *Дюшамбе*, и такъ далѣе.

Казанскіе, Оренбургскіе и иные Казанскіе Татара городовые какъ сей, такъ и другихъ губерній, производятъ *торги, промыслы*, а нѣкоторые содержатъ и *рукодѣльныя работы*. По здѣшнему и вообще по Восточному обычаю *торгуютъ* они больше промѣномъ однихъ товаровъ на другіе, рѣдко на наличныя деньги, а векселями и другими симъ подобными письменными обязательствами совсемъ не вѣдаются: по чему какъ при закупкѣ, такъ и продажѣ товаровъ надобно быть или самимъ купцамъ или ихъ повѣреннымъ; и по тому они часто бываютъ по нѣскольку лѣтъ отъ жилищъ своихъ въ отлучкѣ. Такія *путешествія* предпріемлютъ они обществами или *караванами*. Купечество ихъ неважно: но поелику они обществами и повѣренными нарочито оное разпространяютъ, то иной торгъ бываетъ немалъ, и при скромномъ ихъ житьѣ нажиточенъ. Оренбургскіе, Троицкіе и другіе торги съ Киргизцами, Бухарцами и иными Азіатцами производятъ по большой части наши Казанскіе и иные Татара, а особливо въ *Каргалѣ* живущіе. Въ *Казанѣ* многіе изъ нихъ упражняются въ выдѣлкѣ *юфти* и *козловъ*, и въ гуртовомъ *мыловарномъ дѣлѣ*. Очень многіе *сапожничаютъ*, и шьютъ одну только козловую обувь, которую украшаютъ отъ части и золотыми узорами; нѣкоторые же обращаются въ другихъ ремеслахъ. Они ко всякимъ промысламъ способны: но какъ имъ не много надобно на прожитокъ,

да и прихотей по ихъ состоянію дальнихъ имѣть не могутъ, то мало они о достаткахъ и заботятся.

Въ Казанскихъ и Оренбургскихъ Татарскихъ деревняхъ бываетъ дворовъ отъ 10 до 100. По большой части знаетъ всякая деревня свои произхожденія, а иногда имѣетъ оныя и на письмѣ. Они были подвижные станы стадопасовъ, подобные Болгарскимъ: но какъ со временемъ при умноженіи народа предѣлы ихъ стѣснились, то жители тамошніе мало по малу принялись за *земледѣлаше́ство*, которое нынѣ по большой части есть главное ихъ дѣло, и стали жить на одномъ мѣстѣ. Нынѣшніе Татара могутъ назваться *изрядными земледѣльцами*, которые не даютъ пашнямъ своимъ отдыхать, и по тому чаще, нежели Россійскіе крестьяна, оныя удобряютъ. До *пчеловодства* они великіе охотники; и видны между ими повсюду искусные и богатые пчеляки. Всякая почти деревня имѣетъ своихъ *кожевниковъ*, *саложниковъ*, *лортныхъ*, *красильщиковъ*, *кузнецовъ*, *плотниковъ*, и другихъ симъ подобныхъ ремесленныхъ людей. Трудолюбивой *деревенской женской* ихъ *полъ* прядетъ и тчетъ собственную шерсть или ленъ и пеньку своего приобрѣтенія. Въ *Уральскомъ городкѣ* ткутъ Татарки изъ некрашенной верблюжьей шерсти нарочито тонкой камлотъ, которой называютъ онѣ на своемъ языкѣ Армякомъ, на стану, подобномъ тому, на какомъ простолюдимы ткутъ у насъ тесму и прочее. Основу навертываютъ онѣ на утвержденную въ скамейку или въ землю палку, и поднимаютъ рычажкомъ то ту, то другую половину нитокъ въ верьхъ или пригнѣтаютъ оную къ низу; на отдѣланной же ткани сидитъ трудящаяся мастерица и тѣмъ замѣняетъ шкальной нашяжной шестъ.

Казанскіе и другіе Татара несутъ одинакую съ природными Россійскими подданными тягость, состоящую въ небольшомъ подушномъ окладѣ, въ даваніи нѣкотораго числа рекрутъ, или въ исправленіи вмѣсто того козацкихъ службъ.

Дворы городскихъ и деревенскихъ Татаръ одинаковы не только въ другомъ чемъ, но и въ самой величинѣ и красѣ. Они всѣ, кромѣ малаго числа каменныхъ, деревянные. Во всякой избѣ есть очагъ и полати, которыхъ ширина занимаетъ третью часть, а иногда и половину избы. У зажиточныхъ людей бываютъ въ избахъ порядочныя, но малыя окна, составленныя изъ стеколъ или слюды; а у бѣдныхъ обтянуты прорубленныя для свѣту отверстія палимовыми шкурами, и окунутыми въ постное масло тряпицами или

бумагами. Жилища скудныхъ людей состоятъ изъ одной только избы, которой дверь вышла на улицу, и по причинѣ плоской кровли представляетъ четвероугольникъ. А какъ изба сія служитъ имъ вмѣстѣ и стряпущею, то обыкновенно бываетъ въ ней закладенной кирпичами котелъ. Мужичій дворъ состоитъ, кромѣ избы, изъ нѣсколькихъ малыхъ особо построенныхъ чулановъ и хлѣвовъ, которые однакожъ двора кругомъ не загораживаютъ. Россіяне называютъ такія Татарскія хижины *Юртами*; слово же сіе есть Татарское и значитъ просто жилье.

Татарскій *домашній скарбъ* составляютъ по большой части необходимыя только надобности. Небольшое число поваренной, столовой, и чайной посуды, такъ же земледѣльческой и ремесленной снасти, нѣсколько сундуковъ, разосланные на полатяхъ, которые служатъ имъ вмѣсто кроватей, стульевъ и столовъ, ковры, войлоки или цыновки, а иногда и тюфяки: вотъ въ чемъ заключается весь ихъ домашній приборъ; а столы и стулья держатъ только въ городахъ нѣкоторые обращающіеся съ иностранцами Татара.

Всѣ Казанскіе, да и всѣ почти вообще Мугаметанскіе Татара *бреютъ голову*, и оставляютъ хохолъ, да усы. Какъ прямые Казанскіе, такъ и вышедшіе отъ нихъ носятъ рубахи холстинныя, широкія штаны, кожаные чулки (Т. бахилы), а скудные люди лапти, легкіе халаты, долгія Восточныя широкія верьхнія рубахи, у которыхъ рукава съ уживаются, и при томъ дѣлаются иногда съ прорѣхами; подпоясываются же поясомъ или сабельною перепояскою. Голову покрываетъ скуфейка, на которую надѣваютъ они плоскую шапку съ круглымъ на подобіе начиненной кишки околышемъ. Къ поясу привѣшиваютъ ножъ, саблю и табашной приборъ. Нижнее одѣяніе шьютъ скудные изъ холста или китайки, а богатые изъ шелковыхъ или дорогихъ матерій; а верьхнее изъ толстаго и тонкаго сукна, просто и съ отворочкою, а иногда выкладываютъ и позументомъ; скуфейки сплетаютъ изъ волосъ, а иногда и золотомъ вышиваютъ; сабли бываютъ у иныхъ и подъ серебрянымъ окладомъ. —

У всѣхъ народовъ, которые покупаютъ себѣ женъ, ходятъ *бабы наряднѣе*, нежели дѣвки, по тому, что бабій нарядъ приноситъ мужьямъ честь и славу, а дѣвичій при продажѣ въ замужство идетъ ни за что. Весь *бабій нарядъ* подобенъ мужскому въ разсужденіи рубахъ, штановъ, чулковъ, туфлей, такъ же нижняго и верьхняго платья, нарочито; сапоги носятъ онѣ востроносые, и въ

Казанской Татаринъ.
Ein Kasanischer Tattar.
Tattare de Kasan.

Татарка Казанская спереди.
Eine Kasanſanſche Tatarin vorwärts.
Feme Tatare de Casan par devant.

Татарка казанская сзади.
Eine Kasanische Tatarin rückwerts.
Feme Tattare de Casan par derriere.

одѣяніи покрой отъ мужскаго нѣсколько отмѣненъ. Богатая Татарка носитъ нижнее платье съ сборами, и вышиваетъ оное на груди, гдѣ оно и застѣгивается. Верьхнее одѣяніе шьется изъ простыхъ шелковыхъ, а иногда и изъ дорогихъ матерій или изъ тонкихъ суконъ, съ бахромками, снурками и золотыми петлицами, просто и съ оторочкою; поясъ же носятъ или шелковой или серебрянымъ наборомъ украшенной. Грудь покрываетъ косынка снизанная изъ корольковъ, или усланная чешуйчато монетами. По большой части носятъ онѣ съ плеча наискось пущенную перевязь, усыпанную корольками, или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами. Шею украшаютъ бисерныя нитки, а уши и пальцы разпещрены кольцами. *Оренбургскія Татарки* перевѣшиваютъ черезъ плечи бъ передъ на золотыхъ и серебряныхъ снуркахъ большія кисти, составленныя изъ волоченаго золота и серебра, и изъ душистой гвоздики, на которыхъ опочиваютъ ихъ руки, и которыя разпространяютъ благовоніе. Волосы заплетаютъ онѣ въ двѣ большія косы, и покрываютъ голову шапкою, у которой бываютъ обыкновенно великія ушки, а верьхъ чешуйчато усланъ монетами. Отъ шапки виситъ затылочное украшеніе, шириною въ ладонь, во всемъ Черемискому подобное, до самыхъ икръ. Лобъ покрытъ решетчато низанньмъ жемчугомъ. Когда онѣ бываютъ въ полномъ нарядѣ, то надѣваютъ на оную шапку еще и другую совсемъ плоскую съ околышемъ изъ мягкой рухляди. Дѣвки носятъ вмѣсто бабьей шапки головную повязку, подобную сквозному вѣнцу, и покрытую монетами, бисеромъ или корольками. Волосы заплетаютъ онѣ въ нѣсколько небольшихъ косъ, и разпещряютъ ихъ лентами. Прочее ихъ платье ни чемъ, кромѣ того, что нѣсколько поскромнѣе, отъ бабьяго не отмѣнно.

Простыя женщины носятъ одѣяніе китайчатое и изъ сукна собственнаго своего рукодѣлья. Голову покрываютъ шапками унизанными бисеромъ, или фатами, которыя висятъ по спинѣ разпростерты, и употребляются богатыми женщинами и повсядневно. Въ лѣтнюю пору ходятъ онѣ какъ *Черемиски* и проч. въ бѣлыхъ или краеныхъ, по большей части узорчато вышитыхъ и крѣпко подпоясанныхъ рубахахъ.

Въ *лицѣ* и *литвѣ* отличаются правда они нѣсколько отъ своихъ предковъ: однакожъ несравнено меньше, нежели мы отъ своихъ праотцовъ. Съ того времени, какъ стали они упражняться въ земледѣлшествѣ, вошли у нихъ въ употребленіе крупяныя и мушныя

ѣствы такъ, какъ и хлѣбъ. Многіе садятъ въ огородахъ своихъ всякую зелень; а иные довольствуются полевыми растѣніями. Они ѣдятъ прѣсныя въ горячей золѣ печеныя лепешки, которыя называютъ они *Чуреками*; кислой же хлѣбъ и пирожное и у знатныхъ ихъ не вообще въ употребленіи. Кашицы изъ сарачинскаго пшена и клюцки на маслѣ бываютъ у нихъ почти всякой день. Не меньше любятъ они и толокно, которое называютъ *Курмачомъ*. Сія ѣства дѣлается изъ поджареной пшеницы, ржи, ячменю или Турецкой пшеницы, которую они толкутъ, и по томъ или сухое толокно, или разболтавъ и сваря въ водѣ или молокѣ ѣдятъ. *Толканъ* служитъ имъ вмѣсто лакомки, а дѣлается изъ толокна на маслѣ замѣшаннаго.

По Мугамешову завѣту почитаются верблюды, лошади, рогатой скотъ, всякая красная дичь, овцы, козы, зайцы, сурки, полевыя и поющія птицы, куры разныхъ родовъ, и всякія рыбы, нескверными, когда только не пали и не удавлены: и по тому они поиманную дичь рѣжутъ, и кровь зарываютъ въ землю; однакожъ рѣдко кто сіе наблюдаетъ. *Скверными* же и въ пищу имъ негодными почитаютъ они, слѣдуя Мугамешову же завѣту, всякихъ хищныхъ звѣрей и птицъ, свиней, насѣкомыхъ, червей и такихъ животныхъ, которыя могутъ жить въ водѣ и на сушѣ. А хотя пчелы къ роду червей же причисляются: однакожъ медъ не запрещено имъ ѣсть. Изъ мясъ даютъ они преимущество *конятинѣ*, а изъ мясныхъ ѣствъ такъ называемой *лятилалой* (Т. Бишбармакъ), состоящей изъ изрубленнаго жирнаго и въ мѣлкія частицы разваренаго мяса, которое голыми руками берутъ и кладутъ въ ротъ; отъ чего ѣства сія и имя свое заимствуетъ: у городскихъ же Татаръ, которые ѣдятъ оную ложками, называется она *Ларпомъ*. Всѣ ихъ ѣствы безъ прянаго коренья, и въ самыя лучшія кладутъ много жиру или масла. Молоко хлебаютъ они иногда невареное, а иногда варятъ на немъ кашу, либо подболтываютъ мукою; пахтаютъ такъ же изъ онаго масло и дѣлаютъ сыръ. Въ пути наливаютъ они простоквашу въ мѣшки, изъ коихъ сыворошка вышекаетъ, а творогъ остается имъ на пропитаніе.

Обыкновенное *питіе* Казанскихъ и другихъ Татаръ есть вода, которою при томъ и богатые у нихъ люди не гнушаются; такъ же молоко, чай и мясная жижица. Рѣдко бываютъ они заводны лошадьми такъ, чтобы могли довольствоваться ихъ молокомъ. Безъ *чаю* трудно имъ пробыть. Они варятъ Китайской чай въ откры-

тыхъ котлахъ съ водою и молокомъ, приправляютъ оной масломъ да солью, и пьютъ его деревянными или фарфоровыми чашками.

Алкоранъ запрещаетъ имъ употреблять крѣпкіе напитки, какъ то виноградное и хлѣбное вино, и пиво: но какъ они такъ же, какъ и всѣ почти народы, любятъ въ удовольствіе свое подпивать, то нѣкоторые преступаютъ и самой сей законъ: прочіе же всѣ пьютъ *медъ*, не почитая того и за грѣхъ. Простой медъ разводятъ они на опарѣ, составляемой изъ крупы, муки и меду сырцу, которую кладутъ они въ теплую сыту, прибавя противъ опары въ семь разъ больше воды. Когда медъ такимъ образомъ устоится, то они сцѣдя оной наливаютъ вновь на гущу простую только сыту: и такъ онъ никогда у нихъ не переводится. Другой медъ, которой называютъ они *Ейраномъ*, составляется изъ меду сырцу, сыворотки и измятыхъ степныхъ вишенъ (*). Есть у нихъ еще и третій медъ, *балбузаномъ* называемой, который чрезвычайно крѣпокъ; а дѣлается оной изъ пивныхъ дрожжей, муки и хмелю. *Табакъ курятъ* оба пола и всякаго возраста люди такъ охотно, что преступаютъ иногда и умѣренность.

Казанскіе и вообще Мугамеданскіе Татара обходятся какъ между собою, такъ и съ чужими людьми весьма вѣжливо. Когда они *здоровкаются*, то подаютъ взаимно обѣ руки и протянувъ кладутъ одну на другую, говоря при томъ: *да будетъ съ тобою миръ!* (Саломъ Маликамъ)! Въ отвѣтъ на такое привѣтствіе тѣ же самыя слова. Изъ учтивости никогда они головы не обнажаютъ: и по тому тогда только снимаютъ шапки, когда боятся, чтобы не столкнуться съ другими.

Рѣдко кто и изъ зажиточныхъ ихъ людей *спитъ* на перинѣ: но большая половина покоится на войлокахъ и коврахъ, которые разстилаютъ на полатяхъ; и какъ не всегда имѣютъ и подголовокъ, то никогда совсемъ не раздѣваются.

Алкоранъ пріучаетъ ихъ наблюдать *чистоту*, которая кажется и непомѣрною. Они должны ежедневно нѣсколько кратъ мыться. А дабы и во время испусканія мочи не осквернится, то отдаютъ они сей долгъ своему тѣлу, присѣвъ на цыпки; и такъ далѣе.

Обыкновенно *ѣдятъ* они въ день по четыре раза: при чемъ сидятъ на полатяхъ около ѣствъ на цыпкахъ же; какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной моются и молятся.

(*) Cesarus pumila. Linn.

У зажиточныхъ людей *живетъ* и ѣстъ *женской полъ особливо.* Когда идутъ женщины ихъ по улицѣ, то лицо занавѣшиваютъ, да и дома не кажутся; развѣ мужъ прикажетъ то сдѣлать въ отмѣнную почесть своему гостю. Бѣдные люди и челядинцы не столько дичатся, и ходятъ вездѣ по просту.

Доживших*ъ* честно до *старости* людей весьма они почитаютъ; и по елику бороды рано у стариковъ сѣдѣютъ, то знающихъ и разумныхъ стариковъ величаютъ *бѣлобородами* (Акча Калъ), приглашаютъ охотно ихъ въ совѣты, и заключаютъ чрезъ нихъ свадебные и другіе договоры; они заступаютъ мѣсто священнослужителей, садятся всегда выше прочихъ, рѣшатъ неважныя распри; и такъ далѣе.

Въ Алкоранѣ явно дозволено имъ содержать *по нѣскольку* женъ, но не свыше четырехъ. Всѣ жены равными пользуются правами, и должны въ разсужденіи мужа наблюдать очередь. При женидьбѣ бываетъ главнымъ ихъ предмѣтомъ хозяйство да любострастіе. Покупка и содержаніе женъ становится имъ дорого; а какъ при томъ многоженство бываетъ обыкновенно причиною домашнихъ несогласій, то больше держатъ они по одной только женѣ, зажиточные же по двѣ; рѣдко кто по три, а и того еще рѣже по четыре. Другую жену тогда обыкновенно берутъ, когда перьвая устарѣетъ: однакожъ та остается навсегда старшею, а младшая любезнѣйшею; и такъ далѣе. Торговые люди, которые въ разныхъ мѣстахъ производятъ торги и имѣютъ тамъ свои домы, содержатъ и во всякомъ мѣстѣ по одной женѣ. Если же которая ни будь изъ отсутствующихъ женъ вступитъ въ полюбовныя дѣла къ ущербу мужнина имѣнія; то онъ уступаетъ ее милому ея другу, а самъ женится на другой. Я видалъ въ Оренбургѣ одного Хивинца, который продалъ тайно осьмую уже жену, однако по ея согласію, а самъ сговоренъ уже былъ на девятой. У Татаръ вмѣняется то родителямъ въ грѣхъ, когда они долго сыновей своихъ воздерживаютъ отъ женидьбы.

Женихъ выправясь точно, камѣренъ ли такой то человѣкъ выдать за него свою дочь, посылаетъ отъ себя къ нему свата, которой и торгуется съ нимъ о *цѣнѣ невѣсты* (Калымъ) очень крѣпко. Считается же оная по *частямъ*, и состоитъ въ скотѣ, деньгахъ и одѣяніяхъ. Всякому скоту бываетъ при томъ гуртовой перечетъ, и по тому говорятъ, что за такую то невѣсту дано столько то

головъ. Въ Казанскомъ, Оренбургскомъ и прочихъ намѣстничествахъ рѣдко кому достается невѣста дешевлѣе 20 рублей; а иногда, буде считать все на деньги, становится и въ пять сотъ рублей. Приданаго же даютъ за невѣстами отъ четвертой доли до половины противу Калыма.

Сговоръ состоитъ во всенародномъ объявленіи договора: при чемъ Мула читаетъ молитву. Послѣ сего выплачиваетъ женихъ въ разные сроки за невѣсту свою Калымъ; и какъ онъ въ такомъ случаѣ съ милою своею пошучиваетъ, то таковыя свиданія называютъ они *залазушными обыскали*.

Свадебные ихъ *обряды* бываютъ нѣсколько отмѣнны; да при томъ зависятъ много и отъ достатковъ. Вообще происходитъ при свадебныхъ случаяхъ слѣдующее. Невѣста должна нѣкоторое мѣсто очистить отъ волоса. У простыхъ людей исправляютъ дѣло сіе на дѣвишникѣ бабы бритвами; знатнѣйшія же употребляютъ къ тому заранѣе особливую *мазь* (Т. Сурахъ), которою и мужья бороды свои для уменьшенія мажутъ, и которая составляется изъ Оперменца и негашеной извести, растворя ихъ на водѣ или на постномъ маслѣ. Сею мазью потираютъ они въ банѣ причинное мѣсто нѣсколько разъ, не съ ряду, но пропуская по немногу времени; а когда волосъ вновь пустится, то опять за мазь принимаются. Нѣкоторые выдергиваютъ волосы, дабы навсегда избавиться отъ частаго и тягостнаго бритья, и съ самымъ корнемъ. Дѣвки, собравшись на дѣвишникъ къ невѣстѣ, у которой лицо бываетъ занавѣшено, оплакиваютъ вмѣстѣ съ нею перемѣну ея состоянія. Въ невѣстиной же пѣснѣ, которую поютъ двое мужчинъ, почитается сія перемѣна желательною. На канунѣ свадьбы относятъ невѣсту въ вечеру, посадя на коверъ, въ тотъ домъ, гдѣ быть свадьбѣ; и тутъ то видится она съ новыми своими родственницами.

Весь обрядъ *бракосочетанія* ихъ состоитъ въ томъ, что Мула спрашиваетъ въ слухъ жениха и невѣсту, желаютъ ли они вступить въ супружество; и получа подтвердительной отвѣтъ какъ на сіе, такъ и на то, что договоръ о всемъ уже сдѣланъ, объявляетъ ихъ, читая молитву, сочетавшимися бракомъ. А какъ потеряніе дѣвичьей чести почитается у нихъ за великое безчестіе, то немолчаливой женихъ можетъ въ день свадьбы какъ по справедливости, такъ и напрасно, сорвать еще съ шестя и плети клепаньемъ своимъ какой ни есть подарокъ.

Свадебныя ихъ *увеселенія* состоятъ въ пиршествѣ, музыкѣ и плескѣ, и продолжаются иногда нѣсколько дней. Въ число *музыкальныхъ инструментовъ* принадлежитъ и Татарской собственной, называемой *Кобасомъ*, которой походитъ на открытую въ верьху и подобную кораблю скрыпку, о двухъ волосяныхъ струнахъ, кои перебираютъ пальцами и шаркаютъ по нимъ смычкомъ: но онъ рѣдко употребляется и голосъ отъ него еще хуже, нежели отъ *балалайки* и употребляемыхъ Татарами гусель объ осьмнадцати кишечныхъ струнахъ. *Пѣсни* Казанскихъ и подобныхъ имъ Татаръ по большой части безъ рифмъ, но весьма высокомысленны и преисполнены страстными выраженіями. Тутъ называются любовники воздыхающими журавлями, нѣжными голубями, сулящими глаза и брови, и такъ далѣе. Голосъ пѣсенъ ихъ на военную стать. Обыкновенно какъ мужчины, такъ и женьщины пляшутъ особо. Мужчины пляшутъ проворно и бодро; а дѣвки ходятъ кругомъ какъ будто бы украдкою и держатъ разпростертыя руки передъ лицомъ.

Неплодородіе вмѣняется женамъ въ безславіе, а особливо, когда у мужа есть нѣсколько женъ: ибо плодородные поступаютъ тогда съ безплодными весьма презрительно. *Послѣ родовъ* почитается жена нечистою до самаго возстановленія порядка въ ея здравіи: и тогда очищается она омовеніемъ и молитвами. Младенецъ, какого бы онъ пола ни былъ, мужескаго или женскаго, до семи еще дней послѣ рожденія относится къ Мулѣ, который прошептавъ ему на ухо молитву, даетъ имя и молится по томъ въ слухъ. Имена заимствуютъ они по большой части отъ названія текущаго мѣсяца: и слѣдовательно мужескихъ и женскихъ именъ было бы вообще только тринадцать, если бы отцы на родинахъ не давали дѣтямъ своимъ и другихъ именъ, заимствуемыхъ отъ родственниковъ.

Обрѣзаніе мальчиковъ бываетъ съ седьмаго по шестнадцатой годъ, и совершается *Абдаломъ* (Обрѣзщикомъ) безо всякихъ духовныхъ обрядовъ. Абдалъ для исполненія сего дѣла ѣздитъ нарочно повсюду; при чемъ богатые люди платятъ ему и за бѣдныхъ дѣтей, потому, что у нихъ за стыдъ почитается до шестнадцатаго году не быть обрѣзану, и споспѣшествованіе обрѣзанію вмѣняютъ они въ весьма доброе дѣло.

Опасно больныхъ посѣщаютъ священнослужители, и творятъ съ ними молитву. *Покойниковъ* обоего пола моютъ, и пеленаютъ потомъ въ холстъ или въ бумажную матерію такъ, что одно только лицо остается видно, а наконецъ вспрыскиваютъ ихъ водою, въ

которой разтворена канфора. Священнослужитель пристѣгиваетъ на грудь покойнику ярлыкъ, съ слѣдующею Арабскою надписью: *есть одинъ только Богъ, да Мугамедъ его пророкъ.*

Кладбища ихъ бываютъ внѣ деревень и безо всякой ограды. *Умершее тѣло*, которое провожаютъ одни только мужчины, несутъ къ могилѣ во гробѣ, головою въ передъ, а въ могилу опускается безъ гроба. *Могилы* бываютъ глубиною до пяти фушовъ, располагаюшся съ Сѣверовостока на Югозападъ, продолговато, и имѣютъ въ одной сторонѣ пещеру, въ которую укладываютъ покойника шакъ, что земля, которою послѣ могилу закидываютъ до него не касается: ибо они вѣряшъ, что скоро прійдутъ два Ангела и поведутъ умершаго на судъ. Какъ скоро опустятъ покойника въ могилу, то Мула шворитъ молитву, а по окончанїи оной засыпаютъ могилу. Въ шомъ домѣ, изъ коего вынесенъ покойникъ, не должно по закону ихъ цѣлые три дни съ ряду держать огню. Въ теченїе чешырехъ недѣль послѣ кончины оширавляются два раза торжественныя *молъбы* за упокой, по шому, что они думаютъ, что столько времени производишся надъ нимъ судъ и расправа. Между прочимъ содержашся въ молишвѣ ихъ и слѣдующїя слова: *Боже! не оставь его во адѣ* (Дуза), *но пресели его скоро въ рай* (Уеця).

Зажишочные люди оширичаютъ *могилы* своихъ родственниковъ небольшими бревенчашыми избушками, или разставленными во кругъ каменьями или сшолбами съ небольшими надписями; а иногда кладутъ въ шой сторонѣ, въ которой положенъ покойникъ головою, и надгробной камень съ высѣченною надписью или и съ однимъ шолько заручительнымъ его знакомъ (Т. Тамгаръ), которой прикладывалъ онъ вмѣсто подписи своего имени. Времена, въ которыя сооружали они надгробныя зданїя, давно уже прошли. Высѣченныя на надгробныхъ камняхъ надписи, содержашъ въ себѣ на Арабскомъ и Татарскомъ языкѣ имя и званїе покойника, шакъ же годъ его кончины и крашкое увѣщанїе, шакое на примѣръ: *сей камень положенъ Минкѣ Арысову въ* 1712 году (по Гегирѣ).

Всякъ смертной; Богъ одинъ безсмертенъ Пророкъ говоритъ: кто Богу покланяется и живетъ нелорочно, тому я кровной другъ.

Надпись того надгробнаго камня, который при рѣкѣ Дїумѣ, неподалеку ошъ Уфы, въ похоронномъ зданїи лежитъ, гласишъ шакъ:

ГАСЪ ГУСЯМЪ БЕКЪ,

знатокъ всѣхъ законовъ и праведной судія умеръ.

Молимъ тебя, единаго Бога, чтобы ты надъ нимъ умилосердился и благоволилъ бы отпустить ему его грѣхи.

Онъ скончался въ 744 году, въ седьмую ночь святаго мѣсяца.

Онъ вязалъ и хотѣлъ вязать: но смерть возпрепятствовала затѣямъ человѣческимъ.

Никто въ мірѣ семъ вѣчно жить не будетъ.

Всякъ долженъ у гроба сего привесть себѣ на память свою кончину.

Предположа правило вѣры Мугаметанъ, опишу еще кратко нѣкоторые обряды и внѣшнія учрежденія, какія видимъ у нашихъ Мугаметанъ. Поелику они нераченіе о вѣрѣ своей почитаютъ смертнымъ грѣхомъ, то во всякой деревнѣ есть молебная ихъ храмина, и по одному или по нѣскольку человѣкъ священнослужителей. Въ городахъ молебные ихъ храмы обширны и чисты, но безъ всякаго украшенія; и въ нихъ сдѣлано только возвышенное мѣсто, съ котораго читаютъ и толкуютъ Алкоранъ. Полъ въ молебныхъ ихъ храминахъ усланъ коврами или войлоками, а передъ входомъ въ оныя построены сѣни, гдѣ всякъ скидываетъ башмаки. Молебныя ихъ храмины въ деревняхъ походятъ на самыя худыя хижины, у которыхъ вмѣсто башни сдѣланы перилы; и съ сего то мѣста скликаетъ пономарь мірянъ на молитву. *Духовенство* ихъ состоитъ изъ *верховныхъ священнослужителей* (Т. Агунъ), изъ которыхъ живетъ одинъ въ Казанѣ, другой въ Тобольскѣ, а третій въ Астрахани; изъ *священнослужителей простыхъ* (Мула); изъ *школьныхъ учителей* (Абазъ); и изъ *пономарей* (Му-Асцынъ). Въ 1792 году живущіе въ Россійскомъ государствѣ Татара получили себѣ Муфтіемъ ученаго Казанскаго Агуна Джакъ Гуссейна, каждой имѣетъ свое пребываніе въ Кавказскомъ намѣстничествѣ. Священнослужители ихъ не берутъ ни какого жалованья, но получаютъ по нѣскольку отъ міру въ воздаяніе за отправленіе своей должности: однако они при всемъ томъ должны для пропитанія своего отправлять промыслы, торги и проч.

Мугаметанцы вмѣняютъ себѣ въ *осквернеіе* всякое къ мертвому прикосновеніе, такъ же нечистыя ѣствы, соитіе, всѣ естественныя изпражненія и такъ далѣе. Очищаются же они омовеніемъ (Татарс. Абдестъ) и молитвою, а входъ въ царство небесное уготовляютъ себѣ кротостію и добрыми дѣлами. Омовеніе бываетъ у нихъ раз-

ное: однако больше очищаются они водою, а въ случаѣ недостатка оной перетираютъ руки землею или пескомъ. *Добрыя дѣла* заключаются особливо въ подаваніи милостыни и въ постахъ. Во всякомъ году постятся они восемь постовъ и 205 постныхъ дней, въ которые не столько разбираютъ пищу, сколько вообще какъ отъ ядѣнія, такъ и питія воздерживаются до самаго закату солнца.

Вѣрованіе, что *судьбы* наши *неминуемы*, и что всякаго смертоносной Ангелъ въ опредѣленное время изъ мїра сего преселяетъ, укрѣпляетъ ихъ противу всякихъ нещастій и предохраняетъ отъ самоубійства. Между нашими Татарами нѣтъ пустынниковъ: однакожъ попадаются иногда такіе, которые оказываютъ богодухновенную кротость. Они вѣрятъ, что кротость дѣлаетъ людей *святыми*, и что усопшіе святые внемлютъ ихъ моленіямъ: а по тому почитаютъ они ихъ прахъ и приписуютъ имъ чудотворительную силу. Въ Киргизской степи, не подалеку отъ *Хивы*, между развалинами Булумера, а особливо въ *Туркостанѣ*, есть гробы святыхъ Татаръ. *Богослужебные* ихъ *праздники*, какъ то *Мулытъ Байранъ* (праздникъ Магаметова рожденія), *Курбанъ Байранъ*, *Ромазанъ* и другіе, разполагаются по мѣсяцамъ.

Всякой день бываютъ они по пяти разъ на *молитвѣ*, къ которой скликаетъ ихъ пономарь съ башни, выпѣвая ихъ рѣченіе: *есть одинъ только Богъ, да Магаметъ его пророкъ.* Отъ молитвы никто нарочно не отгуливаетъ; если же что нибудь въ томъ кому возпрепятствуетъ, то онъ молится по крайней мѣрѣ уединенно въ домѣ или въ полѣ при восхожденіи и захожденіи солнца: при чемъ скидываетъ съ себя башмаки и становится иногда на разосланное по землѣ свое одѣяніе. Когда кто молится усердно, обратя лицо свое въ ту сторону, гдѣ Мекка, или въ домѣ своемъ къ написанному на стѣнѣ имени Божію (Алла); то ни изъ чего молитвы своей не прерветъ. *Обыкновенныя моленія* произходятъ при восхожденіи солнца (Намалъ Бакдалъ), около полудня (Намалъ Башни) послѣ полудни (Намалъ Дигакъ), въ вечеру (Намалъ Шанъ) и ночью (Намалъ Гассанъ); каждое продолжается полчаса. Мїряне моются сперва дома, а потомъ идутъ на молитву въ обыкновенномъ одѣяніи. Всякъ скидываетъ съ себя передъ храминою башмаки, а во время молитвы надѣваютъ на себя богатые люди Турецкую чалму, въ которой Агуны всегда, а Мулы въ молебныхъ храминахъ, по большой части ходятъ.

Моленія приносятся на Арабскомъ языкѣ, по четкамъ, съ чрез-

вычайнымъ благоговѣніемъ. Священнослужитель, сидя передъ Мірянами на цыпкахъ, читаетъ молитвы убѣдительнымъ и тихимъ голосомъ, которыя Міряне отъ части за нимъ пересказываютъ, а отъ части подтверждаютъ словомъ *аминь*. Какъ скоро помянетъ священнослужитель имя Божіе (Алла); то съ стонаніемъ зажимаютъ они уши и поглаживаютъ, какъ недостойные слышать сіе имя и открывать глаза, обѣими руками по своимъ глазамъ и по бородѣ. Творя молитву своимъ Ангеламъ хранителямъ, оглядываются они на обѣ стороны. Въ прочемъ сидятъ они при томъ больше на цыпкахъ, а иногда встаютъ, кланяются низко, и долго въ семъ положеніи пребываютъ; да сверьхъ того преклоняютъ лицо свое нѣсколько крашъ и къ самой землѣ.

Когда надобно имъ *присягать*, то моются, берутъ Алкоранъ, ударяютъ троекратно онымъ себя въ грудь, и говорятъ: *ежели я присягаю нелраво, то да лостигнутъ меня твои клятвы!*

ТУРАЛИНЦЫ.

Какъ Татарская сила въ тринадцатомъ столѣтіи завладѣла Сибирью, то Татарское же селеніе, подъ которое отведены были Восточные кряжи среднихъ Уральскихъ горъ, по причинѣ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстъ, такъ какъ и въ разсужденіи сосѣдства загнанныхъ въ высокія горы *Вогулич*, больше и скорѣе возъимѣло причину помышлять о постоянныхъ и *крѣпкихъ поселеніяхъ* или городахъ (Т. Тура): по чему они и прозваны *Туралами* или *Туралинцами*, то есть *городскими* или *остепенившимися на одномъ мѣстѣ* людьми: и сіе названіе навсегда при нихъ осталось.

Съ самаго прибытія своего въ Сибирь и по сіе время обитаютъ они *въ мѣстахъ* по обѣ стороны прозванной по нимъ рѣки *Туралы*, простирающихся отъ высокихъ горъ или Вогульскихъ предѣловъ, до самаго ея устья, въ рѣку *Тоболъ* съ лѣвой стороны впадающаго, то есть, между *Тавдою* и *Исетомъ*. Земля ихъ гориста, однако къ рѣкѣ Тоболу есть такъ же обширныя ровнины и повсюду плодородныя поля и знатные лѣса. Древнѣйшее ихъ поселеніе называлось *Сингн Тура*, (городъ Чинги), которое послѣ переименовали они *Тюменемъ*; да симъ же самымъ именемъ называется и построенной Россіянами, вмѣсто ихъ Тюменя, знатной городъ. Въ то время, какъ *Ермакъ* въ 1580 году побѣдилъ Туралинцовъ, имѣлъ владычествовавшій тогда *Мурза Еланча* пребываніе свое въ *Турѣ*, построенномъ въ верьхъ по рѣкѣ Турѣ городѣ, которой съ самаго поправленія Россіянами, въ 1600 году, и по сіе время тѣмъ же называется именемъ; а иногда зовутъ его въ тамошнихъ мѣстахъ и *Еланчинымъ*. Нынѣшніе *Туралинцы* имѣютъ у *Тюмени* собственную свою знатную слободу, лежащую супротивъ сего города на лѣвомъ берегу Туры. Да и въ самомъ Тюменѣ много Татаръ поселилось. Не меньше видно ихъ и въ *Тюменѣ*. Прочіе же живутъ въ деревняхъ, лежащихъ врозь при рѣкѣ Турѣ, ея рѣчкахъ, и отъ части въ лѣсахъ; а между ими попадаются изрѣдка и Россійскія деревни.

Тюменскіе городскіе Татара, живущіе какъ въ самой *Турѣ*, такъ и въ *Тюменѣ*, нарочито перемѣшались съ Казанскими Татарами и Бухарцами. Они жительствуютъ, хозяйствуютъ, живутъ и вѣрятъ точно такъ, какъ Казанскіе Татара, отъ которыхъ такъ же ни мало они не отмѣняются ни въ поселеніи, ни въ правахъ, ни въ обрядахъ, ниже въ одѣяніи: по чему и ссылаюсь я здѣсь токмо

на то, что выше сего объ нихъ сказано. Въ 1772 году Турскïе и Тюменскïе Татара съ присовокупленïемъ поселившихся у нихъ Казанскихъ Татаръ платили подать за 10625 душъ мужеска пола.

Турскïе деревенскïе Татара могутъ почесться чистыми потомками древнихъ страны сей жителей, и составляютъ, какъ кажется, особое колѣно; хотя въ прочемъ сами они и не вѣдаютъ ни чего о своемъ происхожденïи. Отъ другихъ Татаръ отмѣнны они тѣмъ, что нарочито ростомъ высоки и при томъ плотны или дородны, головасты и по чертамъ лица похожи нѣсколько на Калмыковъ. Волосъ у нихъ по большой части чоренъ, жидокъ и прямъ. Что же касается до *душевныхъ* качествъ; то они любятъ честность, прилѣжанïе, и покорность: но при томъ боязливы; во нравахъ же ихъ видно больше суровости, нежели у Казанскихъ Татаръ, и еще меньше тѣхъ наблюдаютъ чистоту.

Въ *деревняхъ* ихъ рѣдко попадается больше десяти дворовъ. *Дворы* ихъ малы, срублены изъ бревенъ и внутреннимъ разположенïемъ уподобляются Казанскихъ Татаръ дворамъ, которымъ сообразны и всѣ вообще Татарскïя хижины. Въ домахъ у Туралинцовъ бываетъ обыкновенно и по одной *прихожей избѣ*, которая смотря по обстоятельствамъ, служитъ иногда кладовою, иногда конюшнею, а иногда хлѣвомъ, и такъ далѣе. *Домашнïй* ихъ *скарбъ* весьма малъ, и живутъ вообще мерзко.

Всѣ они упражняются въ *земледѣлïи*, но мало; больше же стараются о *скотоводствѣ*, и при томъ почти всѣ держатъ у себя *пчелъ*. Зимою рѣдко кто не ходитъ на *звѣриной промыселъ*; да и рыбная ловля у нихъ не пренебрегается. Будучи на ловлѣ употребляютъ они лыжи, кои суть не иное что, какъ тонкïя досечки, длиною футовъ въ восемь, а шириною ладони въ двѣ, по концамъ закорюченныя и покрытыя шкурою съ ногъ оленьихъ или лосинныхъ. *Женской* ихъ *полъ* упражняется въ такихъ же работахъ, въ какихъ и Рускïя бабы, которыхъ домоводству и житью отчасу больше стараются они подражать. Тюменскïя городскïя и деревенскïя Татарки работаютъ изъ крашенной у себя шерсти по данному имъ образцу ковры, лошадиныя попоны и прочее тому подобное. Туралинцы имѣютъ отъ многоразличныхъ своихъ промысловъ и подълокъ пропитанïе вѣрное, но никогда не наживаютъ себѣ знатнаго имѣнïя. Въ *подушной окладѣ* записаны они такъ, чтобы взыскивать съ души по два соболя или вмѣсто оныхъ по двадцати горностаевъ: при чемъ однакожъ оставлено имъ на волю, продавать

и самимъ мягкую свою рухлядь, и очищать подушной окладъ частію выручennыхъ за то денегъ.

Языкъ ихъ Татарской: однако всѣ мужчины говорятъ и по Русски; и по елику нѣтъ у нихъ порядочныхъ школъ, то мало по малу пришло у нихъ въ употребленіе особливое, дурное и со многими Россійскими и Вогульскими словами перемѣшанное нарѣчіе.

Мужское и женское ихъ *одѣяніе* составлено, съ великою однакожъ отмѣною, изъ Татарскаго и Россійскаго, и всегда бываетъ скудно. Женской нарядъ соотвѣтствуетъ больше Татарскому, а мужскіе кафтаны Россійскому вкусу. *Ѣствы* свои приуготовляютъ они больше по Татарскому, а *калитки* по Россійскому обыкновенію. Всѣ держатъ почти безпрестанно за губою *табакъ*.

Турскіе Татара *были* всѣ такъ, какъ и нынѣ городскіе Татара, *Мугаметанскаго закона*; но деревенскіе Татара стараніемъ Тобольскаго Архіепископа *Филовея крещены* съ 1718 по 1720 годъ. Тогда по уничтоженіи ихъ школъ, пришло у нихъ въ забвеніе и знаніе грамоты и письма, которыя теперь рѣдкимъ, а можетъ быть и никому не знакомы. Разсѣяніе ихъ жилищъ и бѣдность противуположили поученіямъ и смотрѣнію Грекороссійскаго духовенства столь великія препятствія, что большая половина сдѣлалась только невѣждами и суевѣрными Греческаго исповѣданія сопричастниками. Обрѣзанія они теперь уже неупотребляютъ, и не ѣдятъ конятины: но гнушаются такъ, какъ и Магометане свининою и другими вещьми, которыя по Алкорану почитаются скверными; посты же содержатъ по уставу то той, то другой вѣры.

Мужу дозволено теперь имѣть *одну* только *жену*, съ которою вступаетъ онъ въ неразрѣшимой на весь вѣкъ брачной союзъ. Въ прочемъ покупаютъ они женъ по Мугаметанскому еще обыкновенію, и при томъ какъ по причинѣ скудости народа, такъ и по тому, что при единоженствѣ больше невѣстъ сыскивается, весьма дешево. Отъ пяти до десяти рублей, или одна лошадь, щитается обыкновенною, а столько же денегъ, да сверьхъ того лошадь или нѣсколько овецъ либо платья, почитается высокою *цѣною* и за добрую дѣвку.

ТОБОЛЬСКІЕ ТАТАРА.

Прежде, нежели завоевана Сибирь Россійскимъ оружіемъ, имѣли Татара главное въ семъ царствѣ жительство при рѣкѣ *Тоболѣ*, а въ *Сибири*, на правомъ берегу *Иртыша*, въ шестнадцати верстахъ ниже теперешняго города Тобольска *столичной* свой *городъ*. Какъ войска *Ермаковы* въ 1582 году пришли къ Иртышу, и какъ онъ тогдашняго Татарскаго владѣтеля, *Хана Кучума*, прогналъ, а *Сибирь* раззорилъ; но большая половина Татаръ сей страны разсѣялась и оставила Сибирь въ запустѣніи, по которому однакожъ примѣтить можно, что она подобна была жилищами, изъ нежженаго кирпича строенными, Бухарскому городу или укрѣпленному стану. Въ мѣсто *Сибири* приказало Россійское правительство въ 1587 году выстроить *Тобольскъ*, нынѣшній главный городъ въ Сибири при устьѣ рѣки Тобола, впадающаго въ Иртышь.

Нынѣшніе *Тобольскіе Татара* суть потомки оставшейся въ Сибири части Татарскаго племени, и заимствуютъ названіе свое отъ рѣки *Тобола*, по берегамъ и рѣчкамъ котораго живутъ они всплошь, начиная отъ Киргизской границы до самаго устья помянутой рѣки. Въ прочемъ не должно ихъ смѣшивать ни съ живущими *въ городѣ Тобольскѣ Татарами*, которые произошли отъ *Бухарцовъ*, ниже съ жительствующими на Иртышѣ Татарами, которые состоятъ отъ части изъ *Барабинцовъ*, отъ части же, какъ и. п. въ Тарѣ, изъ *Бухарцовъ*.

Живутъ они въ деревняхъ, въ коихъ бываетъ отъ десяти до пятидесяти дворовъ; всѣхъ же ихъ вообще считается до четырехъ тысячь душъ мужеска пола. Съ *виду* и всемъ поведеніемъ походятъ они на *Туралинцовъ* такъ, что надобно думать, что они между собою единоплеменны; но по елику Тобольскіе Татара содержатъ еще Магаметанской законъ; то по сей причинѣ между ими и Туралинцами видна не малая въ разсужденіи наружности разность.

Жилища ихъ разположены по Татарскому обыкновенію, и при томъ дурнѣе Казанскихъ, а лучше Турскихъ. То же самое надобно разумѣть и о *домашнемъ* ихъ *скарбѣ*. Чистыя ихъ *мѣста* привольны для скотоводства: но бывающая при Иртышѣ и Тоболѣ *язва* валитъ у нихъ часто лошадей и рогатой скотъ: по чему и пропала у нихъ охота къ распространенію сего промысла. Всѣ вообще упражняются въ *земледѣлашествѣ*; однакожъ ни укого больше

трехъ десятинъ пахотной земли не видно; и какъ при томъ мѣста ихъ ни къ пчеловодству, ни къ звѣриному промыслу не привольны, то они и не зажиточны. Женщины ихъ ткушъ холстъ и сукно на такихъ же простыхъ *станкахъ*, какія употребительны у Оренбурскихъ Татарокъ при рѣкѣ Уралѣ: но дѣло сіе происходитъ медлительно, и много занимаетъ времени. Взыскиваемой съ нихъ небольшой подушной окладъ платятъ они наличными деньгами, и называются по тому для отмѣны отъ Татаръ, исправляющихъ Козацкія службы, *Ясашными Татарами*.

Въ вѣрѣ, воспитаніи дѣтей, чистотѣ, и прародительскихъ обычаяхъ *послѣдуютъ Луга нетанцамъ*: и по тому въ разсужденіи *одѣянія, лица, нравовъ* и *обрядовъ* совсемъ подобны Казанскимъ недостаточнымъ деревенскимъ Татарамъ. *Хозяйство* ихъ не великое; бѣдность препятствуетъ имъ много помышлять о любострастіи; и *цѣна доброй невѣсты* простирается отъ двадцати до пятидесяти рублей: по чему рѣдко кто больше одной жены имѣетъ.

ТОМСКІЕ ТАТАРА.

Томскихъ Татаръ надобно отличать отъ тѣхъ, которые у города *Томска* живутъ слободою и составляютъ такъ же какъ Тобольскіе и Тарскіе Татара, *Бухарское селеніе*; и отъ Верхотомскихъ имѣютъ весма малое различіе. *Настоящіе Томскіе Татара* живутъ по обѣимъ сторонамъ рѣки *Томы* и ея рѣчекъ, отъ Кузнецкихъ горъ до самаго вліянія ея въ рѣку Обь съ правой стороны, слѣдовательно выше и ниже города *Томска*. Они раздѣлены на *волости*, изъ коихъ *Сатская* почитается наизнатнѣйшею. Въ каждой волости считается по 30 деревень, которыя не всегда съ Татарскими, но иногда и съ Россійскими деревнями смѣжны. По бывшей въ 1760 году подушной переписи платятъ они окладъ только за 430 душъ.

Они по *наружному* своему *виду*, такъ же по *нравамъ*, *жилищамъ*, *языку*, *одеждѣ*, *житейскимъ обрядамъ* и *вѣрѣ* совершенно подобны *Тобольскимъ Татарамъ*, и думать надобно, что они съ ними и съ *Туралинцами* одной орды. *Скотоводство* въ лучшемъ у нихъ состояніи нежели *земледѣлашество*, о которомъ они ни мало не радѣютъ. Почти у всѣхъ у нихъ есть по нѣскольку ульевъ и *пчелъ*. Къ *звѣриному промыслу* служатъ имъ привольемъ Кузнецкія лѣсистыя горы; да они объ ономъ и радѣютъ. Подушной окладъ очищаютъ они лосиными и оленьими кожами, вмѣсто которыхъ невозбранно однакожъ имъ давать и наличныя деньги. Многіе изъ нихъ извозничаютъ цѣлыми артелями по Сибирской дорогѣ въ возкѣ купеческихъ товаровъ.

Одѣяніе мужское такое же, какое у Казанскихъ деревенскихъ и у Тобольскихъ Татаръ; да и *женское* малымъ чемъ отмѣнно. Они носятъ повсядневно фату, а по праздникамъ небольшую богато убранную шапочку, да сверьхъ оной плоскую съ околышемъ шапку. Воротники у рубахъ вышиваютъ узорами, а на уши нацепляютъ вмѣсто дорогихъ каменьевъ корольками унизанныя нитки. Въ мѣсто чаю употребляютъ они обыкновенно *завязную траву* (*), безъ молока: и по тому настоявшаяся на травѣ сей вода принимаетъ изрядной красной цвѣтъ, но при томъ и во рту чрезвычайно вяжетъ.

(*) Tormentilla erecta. Linn.

Чатская татарка.
Eine Tschatskische Tatarin.
Femme tatare de Tchatsk.

Хотя они и могли бы по закону своему содержать *многихъ женъ:* однакожъ по скудости своей мало правомъ симъ пользуются. И самая пригожая жена обходится мужу не дороже, какъ въ 50 рублей. Я видѣлъ въ *Сятской* волости *свадьбу*, во время которой происходили такіе же обряды, какіе бываютъ при свадебныхъ случаяхъ и у Казанскихъ Татаръ. Поднимавшій свадьбу сію женихъ, который въ прочемъ, судя по знатнымъ его гостямъ, и по тому, какъ онъ ихъ принималъ, былъ человѣкъ не бѣдной, далъ за невѣсту свою, двадцатилѣтнюю, некрасивую, но здоровую дѣвку, одну только лошадь, да тещѣ праздничное платье. Другая жена, говорили гости, станетъ ему вдвое противъ первой.

На *могилы* ставятъ они обыкновенно подобные избамъ бревенчатые срубы: и по тому кладбища ихъ, которыя по большой части бываютъ по близости лѣсовъ, походятъ изъ дали на деревни.

НОГАЙСКІЯ ОРДЫ.

Ногайцы издревле уже славны подъ симъ именемъ, по тому, что орда ихъ была всегда наизнашнѣйшая, и не только меньше всѣхъ другихъ ордъ претерпѣла разоренія, но и утвердилась въ *мѣстахъ своего пребыванія*, каковыми съ принадцатаго столѣтія были степи на Сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря, Кавказскихъ горъ и Чернаго моря, такъ же съ Сѣверозападнаго и Западнаго его берега, равно около нижней Волги, Терека, Кумы, Меотическаго моря, около Дона, на полуостровѣ Крымѣ, около Днѣпра и Днестра, даже до Дуная и за онымъ. Они *состоятъ* изъ *многихъ* большихъ и меньшихъ *ордъ*, изъ коихъ нѣкоторыя въ обширныхъ своихъ степяхъ перемѣнили пребываніе, а совокупно съ онымъ и свое имя, заимствованное ими прежде отъ наименованія рѣкъ, военачальниковъ и проч.

Подверженныя Россіи Ногайскіе орды весьма многочисленны. Слѣдуя твердо древнимъ отеческимъ преданіямъ и не весьма тѣсно смѣшиваяся и соединяяся съ прочими Татарами, сохранили они между собою и по сіе время великую очевидную сходственность не смотря на различіе обитаемыхъ ими мѣстъ и образа жизни. Мужчины между ими по большой части средняго роста, лицемъ калмыковаты, имѣютъ небольшіе глаза, малой ротъ, большія уши, черные волосы, малой и плоской носъ. Нравами своими многія орды между собою различны; но по большой части ласковы, чистосердечны, важны, страннопріимны; однакожъ между тѣмъ нѣсколько дики, неопрятны, склонны къ грабежу и невѣжды. Всѣ говорятъ Татарскимъ или Туркоманскимъ языкомъ, но различными между собою нарѣчіями, въ кои примѣшиваютъ многія слова Арабскія, Мунгальскія и проч. многія сего народа орды другъ друга почти не разумѣютъ. Вразсужденіи же прочихъ познаній отличаются они другъ отъ друга еще и болѣе.

Послѣдуютъ Магометанскому закону Суниского толкованія. Астраханскіе же нѣсколько просвѣщеннѣе; имѣютъ у себя 15 мечетей, изрядныя школы и между духовенства своего одного Первосвященника; котораго называютъ они не *Агуномъ* но *Касыемъ*. которой по новому учрежденію подверженъ Муфтію. Прочіе же Ногайцы почти всѣ вообще невѣжды и между обрядами своей вѣры мѣшаютъ очень много языческихъ суевѣрій.

Вразсужденіи образа жизни они отчасти обитаютъ кочевьями

въ кибиткахъ, а отчасти живутъ домами, изъ коихъ нѣкоторое число составляетъ деревню, а нѣсколько деревень составляетъ нѣкоторой родъ волости, что по Татарски называется *табунъ*. Большею же частію не имѣютъ они у себя непремѣннаго жилища. И тѣ бродящіе называютъ такъ же малыя раздѣленія своихъ ордъ *ауломъ* и табуномъ. У всѣхъ ихъ есть очень много дворянъ или *Мурзъ*, изъ коихъ знатнѣйшіе именуются князьками и имѣютъ нѣсколько *Мурзъ* подъ собою. Народъ подверженъ дворянству и князькамъ, долженъ ходить на войну, давать десятину и быть имъ во всемъ послушнымъ.

Жилища обитающихъ на одномъ мѣстѣ Ногайцовъ состоятъ изъ плетня, кольевъ и сплетенныхъ изъ камыша рогожъ, которыя они обкидываютъ глиною. Деревни ихъ безъ всякаго укрѣпленія, юрты или кибитки подобны во всемъ Башкирскимъ, и состоятъ изъ частокола или плетня, съ оставленнымъ на верху отверстіемъ для прохода дыма и для свѣта, и покрыты войлоками или рогожами.

Домашній скарбъ Ногайцовъ очень скуденъ, и состоитъ въ котлахъ деревянныхъ и кожаныхъ сосудахъ, въ выдѣланныхъ для наливанія жидкостей тыквахъ, двуколесныхъ телѣгахъ (Татар: *Арба*); войлочныхъ покрывалахъ, топорахъ и въ небольшомъ числѣ другихъ симъ подобныхъ надобностей.

Одѣяніе у мужчинъ и у женщинъ почти такое же, какъ и у Казанскихъ; только съ нѣкоторою между собою разностію вида и украшеній.

Какъ у живущихъ на одномъ мѣстѣ, такъ и у кочующихъ Ногайцовъ скотоводство почитается главнѣйшимъ богатствомъ; и по числу скота заключается о имуществѣ; однакожъ съ Калмыками и и Киргисцами немогутъ они въ томъ равняться. У котораго мурзы есть около 1000 лошадей, 500 рогатаго скота, 2000 овецъ, 200 козъ и съ небольшимъ 20 верблюдовъ, (ибо таково почти бываетъ между стадами ихъ содержаніе), тотъ называется у нихъ пребогатымъ. Въ семъ народѣ вообще весма рѣдки такіе люди, у которыхъ бы было до тысячи скота вышепомянутыхъ родовъ; у многихъ бываетъ только до двухъ сотъ, а у иныхъ и того меньше. Скотъ ихъ не великъ, но вразсужденіи хорошей пастьбы и умѣреннаго климата красивъ и бодръ. Для Ногайцовъ и то весма выгодно, что могутъ они его удобно продавать. Живущіе на одномъ мѣстѣ имѣютъ у себя небольшое хлѣбопашество; сѣютъ просо, ячмень, пшеницу, изъ рѣдка ленъ и конопли, нѣкоторыя огородныя расте-

нїя и табакъ; а нѣкоторыя и сорочинское пшено. Между тѣмъ ходятъ всѣ на звѣриную охоту вмѣсто забавы; но въ рыбной ловлѣ не упражняются.

Пищу свою получаютъ отъ скотоводства и нѣкоторыхъ полевыхъ и огородныхъ произрастѣнїй. Ѣдятъ мясо, молоко, сыръ, масло, пловъ, кашу, соломату, разныя дикїя и огородныя коренья. Хлѣба же и рыбы употребляютъ очень мало, и почти никогда. Живущїя неподвижно по состоянїю своему и богатству нѣсколько опрятны; но прочїя всегда запачканы и скверны. Лучшее ихъ питье состоитъ въ водѣ, молокѣ и мясномъ наварѣ.

У кого нѣтъ скота и хлѣбопашества, тѣ имѣютъ пропитанїе между своею братьею отъ сапожнаго, кожевеннаго и другихъ симъ подобныхъ простыхъ рукодѣлїй; а большая часть старается пособить недостаткамъ своимъ похищенїемъ скота у сосѣдей. Въ обычаѣ у нихъ есть такъ же и то, что зажиточные люди покупаютъ своимъ четырехлѣтнимъ сыновьямъ невѣстъ, на которыхъ ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ и женятъ. Въ брачномъ торжествѣ принимаютъ участїе новобрачные только въ первый день свадьбы; но на другой день оставляются они въ своей юртѣ, куда имъ приносятъ пищу. Поелику всѣ истеченїя отъ мертваго тѣла почитаются у нихъ нечистыми и могущими осквернить живаго человѣка, то затыкаютъ они у мертвецовъ своихъ всѣ отверстїя хлопчатою бумагою.

АСТРАХАНСКІЕ ТАТАРА.

Они раздѣляются на Юртовыхъ, аульныхъ и кочевыхъ. При покореніи Астрахани подъ Россійскую державу считалося городскихъ и деревенскихъ Татаръ 25000 семей; въ 1715 г. было ихъ 12000; въ 1772 г. 1200; а и съ кочующими Татарами вмѣстѣ не болѣе 2000 семей, или по ихъ названію дымовъ. Такое уменшеніе происходитъ отъ ихъ непостоянства; и они убѣгаютъ къ Кавказцамъ, Крымцамъ. Башкирцамъ, Киргизцамъ по одиначкѣ и цѣлыми сѣмьями. Нѣкоторые изъ ихъ Мурзъ какъ на пр: Шайдіаковъ, Урусовъ, Бахтеяровъ приняли со всѣми своими подданными Христіанскую вѣру. Всѣ они происходятъ отъ Ногайцовъ; однакожъ находятся между ими не малое число и Казанскихъ Татаръ, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ

Городскіе Татара живутъ въ Астраханѣ особливою слободою, и имѣютъ въ ней каменной гостиной дворъ со многими лавками. Отлично отъ всѣхъ прочихъ Татарскихъ поколѣній имѣютъ они у себя собственное свое судебное мѣсто, въ коемъ присудствуютъ судьи изъ ихъ народа, съ однимъ Россійскимъ засѣдателемъ, которой не допускаетъ ихъ рѣшить дѣла въ противность государственныхъ законовъ. Между сими Татарами находится очень много и Казанскихъ; но всѣхъ ихъ вообще вразсужденіи домашняго ихъ хозяйства, жилища, нравовъ, обычаевъ и вида, можно легко признавать за Ногайцовъ.

Вразсужденіи одежды Астраханскіе Татара разнятся отъ Казанскихъ тѣмъ, что у первыхъ рукава верхняго плашья только по локоть, круглыя суконныя или бархатныя шапки, подъ которыми старики носятъ скуфейки; такъ же многіе молодые люди волосъ у себя не брѣютъ, но только стригутъ. Татарки подходятъ вразсужденіи одѣянія очень близко къ Армянкамъ. Поясъ покрытъ у нихъ серебряными наборцами—и другими украшеніями и застегивается пряжкою. Волосы заплетаютъ; а дѣвки прицѣпляютъ къ нимъ долгія ленты и кисти, которыя висятъ до самыхъ подколѣнокъ. Въ нарядѣ носятъ плоскія собольи шапки. По улицамъ ходятъ занавѣся лицо, и носятъ повседневно вмѣсто шапки покрывало. Нижнее платье состоитъ изъ холстинныхъ не широкихъ портокъ, туфель; башмаковъ, къ которымъ пришиты чулочные паголенки; коженыхъ или сафьянныхъ сапогахъ. Кромѣ серегъ, перст-

ней и колецъ носятъ такъ же нѣкоторыя Татарки мѣдное или золотое кольцо продѣвъ сквозь носовой хрящикъ.

Главнѣйшая ихъ пища состоитъ въ баранинѣ, кобылятинѣ, говядинѣ, которую они пекутъ, варятъ и приправляютъ мукою и разными травами и кореньями; многіе изъ нихъ привыкли такъ же и къ рускому хлѣбу и сухарямъ. Вмѣсто питья употребляютъ молоко, мясной и изрѣдка рыбной наваръ; а часто противъ предписаній своего закона пьютъ вино, пиво, пьяной медъ и прочіе хмѣльные напитки.

Богатство ихъ и доходы состоятъ въ торгахъ съ Россіанами, Персами, Кавказскими прочими Татарами. Торгуютъ юфтями, сафьяномъ, хлопчатою бумагою, камлотами и прочими тому подобными издѣльями; имѣютъ у себя мыловарни. Женщины прядутъ хлопчатую бумагу, въ чемъ столько многія изъ нихъ искусны, что одинъ фунтъ ихъ пряжи покупается рубли по четыре. Искуство ихъ могло бы имъ доставить нарочитое имущество; но вразсужденіи прядьи скромной ихъ жизни ошмѣнныхъ богачей они у себя не имѣютъ.

Астраханскіе деревенскіе, или Аульные Татара живутъ по островамъ на устьѣ Волги разстояніемъ отъ города отъ 2 до 10 верстъ, и каждая ихъ деревня состоитъ отъ двадцати до двухъ сотъ дымовъ или семей. Въ одной изъ нихъ живетъ Кацый или первосвященникъ.

Деревни сіи расположены очень дурно; состоятъ изъ небольшихъ деревянныхъ дворовъ съ плоскими крышками; клевы и для скота закушы сдѣланы изъ тростника; внутреннее же украшеніе сообразно наружному. Татара живутъ въ деревняхъ только зимою; лѣтомъ же кочуютъ въ шалашахъ или кибиткахъ, которыя гораздо меньше Калмыцкихъ. Стѣны сдѣланы изъ тростнику рогожами, и весь шалашъ покрывается войлоками такъ, что покрышки сей снять не можно. Когда надобно такую кибитку или юрту перевесть на другое мѣсто, то ставятъ оную на телѣгу (*Татар: Арба*). Крышка у нихъ такъ низка, что едва въ нихъ прямо стоять можно, а при томъ кибитка та всегда наполнена копотью и дымомъ. Все сплетено изъ тростнику и покрыто войлоками. Верхнее отверстіе покрывается нарочно для того сдѣланною покрышкою.

Пропитаніе деревенскихъ Татаръ состоитъ въ скотоводствѣ и въ небольшомъ земледѣліи и садоводствѣ. Стада ихъ не многочисленны. Поля ихъ произрастаютъ имъ по большой части просо. Са-

довыя свои произрастѣнїя отвозятъ они продавать въ Астрахань. Торговать имъ запрещено; однакожъ многїе изъ нихъ торгуютъ подъ именемъ Армянъ, Индѣйцовъ и городскихъ Татаръ; но совсемъ тѣмъ зажиточныхъ людей между ими очень мало.

Кромѣ живущихъ неподвижно Астраханскихъ Татаръ, находится очень много разсѣянныхъ въ Кизлярѣ и между Терекскими Татарами.

Кочующїе Татара живутъ въ юртахъ или кибиткахъ по берегу Каспїйскаго моря до самаго Терека небольшими кочевьями и въ числѣ своемъ весьма не многолюдны. Пропитанїе имѣютъ отъ небольшаго своего скотоводства на подобїе Калмыковъ. Нѣкоторые изъ нихъ переходятъ черезъ Терекъ къ Кавказцамъ; иные изъ нихъ возвращаются опять назадъ, а нѣкоторые тамъ и остаются.

Всѣ Астраханскїе Татара платятъ ясакъ. Нѣкоторые изъ нихъ платятъ подать свою деньгами; а прочїе, и по большой части деревенскїе Татара заработываютъ оную въ казенныхъ виноградныхъ садахъ по одному мѣсяцу весною, и по одному осенью. Кочующїе Татара употребляются для почты по дорогѣ отъ Астрахани къ Кизляру, и называются по тому *подводными Татарами*.

ТАВРИЧЕСКІЕ ТАТАРА.

Таврія, или преждебывшія *Крымъ*, очень мало имѣла въ себѣ обитателей до Менцели Гирея, который побѣдя Ногайцовъ на Волгѣ переселилъ туда нѣсколько тысячь. Примѣру его послѣдовали и его преемники; и мало по малу завладѣли многими и Россійскими степями около Чернаго и Азовскаго моря и на Кубанѣ.

Таврическіе Татара происходятъ отъ Ногайцовъ, но смѣшаны такъ же и съ Мунгалами. Ростомъ они посредственны и сухощавы; видомъ похожи на Ногайцовъ, только гораздо ихъ ласковѣе; имѣютъ довольно острой разумъ, и весьма способны къ наукамъ; въ обхожденіи ласковы, услужливы и кроткаго нрава.

Поколѣнія ихъ происходятъ изъ 1, Ширинскаго, 2 Беринскаго, 3 Мансурскаго и 4 Сучувудскаго. Всякое поколѣніе имѣетъ у себя своихъ дворянъ, или мурзъ, изъ которыхъ старшей, въ каждомъ семействѣ называется княземъ, (*Беемъ*). Всѣ они имѣли у себя изъ давнаго времени одного Хана, котораго избирали изъ фамиліи Гиреевъ, и которой управлялъ и кромѣ Тавріи многими ордами; но самъ подверженъ былъ Оттоманской Портѣ. Зависимость сія отъ Порты кончилась въ 1775 году посредничествомъ Россіи. Въ 1783 году содѣлалась Таврія Россійскою областью. Многіе мурзы и простые Татара ошпуда выѣхали; а въ 1784 году дано имъ на то еще и большее позволеніе и свобода. Оставшіеся дворяне получили одинакія съ Россійскими права и привилегіи; только съ тою разностію, что не позволено имъ покупать себѣ деревень съ крестьянами Христіанской вѣры.

Таврическіе Татара кромѣ только нѣкоторыхъ семей живутъ въ городахъ и деревняхъ. Домы ихъ весьма скудны, но только покойны и опрятны. Города расположены изрядно; деревни же по большой части обсажены красными деревьями.

Языкъ ихъ состоитъ изъ Ногайскаго смѣшаннаго со многими Арабскими и Мунгальскими нарѣчіями; по причинѣ же учрежденныхъ у нихъ издавна училищъ приходитъ въ лучшее совершенство.

Одежда ихъ совершенно по Турецкому вкусу, чиста и всякому къ лицу и въ пору. Отъ Турковъ и Персіанъ отличаются они только зелеными чалмами.

Столъ ихъ роскошнѣе многихъ Восточныхъ народовъ; къ чему способствуютъ имъ немало плодовитые ихъ сады и огородныя ра-

стѣнія. Пища у нихъ всегда проста и одинакова. Всѣ они странноприимны и ревностные Магомешане (Сунинскаго толку); но нѣсколько просвѣщеннѣе прочихъ. Мурзы и прочіе дворяне стараются оказывать на себѣ отмѣнную пышность и великолѣпіе.

Пропитаніе ихъ состоитъ въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ; но ко всему тому прилагаютъ они очень мало прилѣжанія. Сѣютъ по большой части просо, которое и употребляютъ въ пищу подъ различными приправами. Изъ проса дѣлаютъ они такъ же и питье, которое столь же пьяно, какъ и вино. Во многихъ виноградныхъ садахъ дѣлаютъ и виноградное вино, которое пьютъ очень многіе изъ нихъ весьма охотно не смотря на запрещеніе ихъ Пророка.

НОГАЙСКІЯ ОРДЫ, ЖИВУЩІЯ ОКОЛО ЧЕРНАГО МОРЯ и ПО КУБАНѢ.

Сіи орды, коихъ число весьма не мало, вразсужденіи политическихъ и хозяйственныхъ расположеній великое между собою имѣютъ сходство. Внутреннее ихъ устройство, свобода, подверженность, зависимость отъ тѣхъ губерній въ коихъ имѣютъ они свои жилища, и какой орды съ какими граничатъ, о всемъ томъ извѣстно еще по большей части не весьма совершенно; по чему и говорено здѣсь будетъ вкратцѣ только то, что можно сказать безъ всякаго сумнѣнія.

Джисанская и Джамбулайская орды въ началѣ нынѣшняго столѣтія кочевали около *Ембы* близь Калмыковъ. Около 1715 года побѣдилъ ихъ храбрый и мудрый Калмыцкій Ханъ Аюка, и прогналъ ихъ съ собою за Уралъ и Волгу въ Куманскія и Кубанскія степи; по чему хотя и учинилися они нѣкоторыхъ образомъ зависящими отъ Калмыковъ, но отдалися въ подданство Россіи. ПЕТРЪ Великій принялъ ихъ благосклонно, отвелъ имъ для пастьбы степи и далъ такія привилегіи, какими пользовались Калмыки. По смерти Хана Аюка въ 1724 году Ногайскія орды воспользуясь произшедшими у Калмыковъ безпокойствіями перекочевали въ Крымъ, за Кубань и за Днепръ во владѣнія Оттоманской Порты и поселилися въ степяхъ Бесарабскихъ и Буджакскихъ.

Въ 1770 году обѣ сіи орды возвратилися паки подъ Россійскую державу; примѣру ихъ послѣдовали такъ же и другія Ногайскія орды, Едишкульская, Акерменская или Бѣлогородская. Для кочеванія ихъ отведены Ногайскія, или Крымскія степи по берегу Чернаго моря. Число ихъ простиралось до 70,000 душъ; вступая въ Россійское подданство сбязывалися они платить подать; однакожъ отъ оной всемилостивѣйше освобождены. Сіи западныя орды можно называть Бесарабскими, или Буджакскими. Въ послѣдствіи распространились они и за Донъ по восточному берегу Азовскаго моря до Кубани на старинныя свои степи. По Кубани растянулись и за горы по рѣкамъ Абишу, Гею, Кагарлыку и Маничу. Одно только малое число Акерманской орды, привыкшей жить въ деревняхъ, за Кубань не перекочевали.

Восточныя Ногайскія орды, которыя называются вообще Кубанскими, также черными и малыми Ногайцами, состоятъ изъ мно-

гихъ неравночисленныхъ ордъ и кочуютъ къ сѣверной части Кубани по сей рѣкѣ до самыхъ ея устьевъ. Прежде сего принадлежали они Крымскому Хану, коему платили подать; но какъ въ 1783 году Крымъ подвергся Россійской державѣ, то нѣкоторыя орды остались подъ покровительствомъ Россіи и даютъ аманатовъ. Нѣкоторыя же перекочевали на югъ въ высокія горы и подверглися Горскимъ князькамъ.

Знаменитѣйшія Восточныя или Кубанскія орды составляютъ *Касай Кулъ* и Касыевъ улусъ; такъ же *Нарусъ Аулъ*, имѣетъ князька и состоитъ изъ 10,000 семей. Они суть самые такъ называемые Кубанцы. Прежде сего кочевали между устьями Кубани до вершины Манича, откуда чинили въ Россійскіе владѣнія разбойническіе набѣги. Нынѣ же Касай Аулъ кочуетъ въ низкихъ мѣстахъ по лѣвую сторону Кубани по рѣкамъ Юджуку и Арсѣ. А Нарусъ Аулъ живетъ по лѣвой же сторонѣ Кубани при рѣкѣ Лабѣ въ построенныхъ на лѣвую руку деревняхъ. Въ первую Турецкую войну поступали они противъ Россіи непріятельски; но въ 1771 году подверглися въ покровительство сей Имперіи, и дали Аманатовъ.

Орды Козгелетъ Аулъ, Риджакъ, Михъ и проч. весьма многочисленны, и присоединяются уповательно къ большимъ.

Въ 1730 году нѣкоторая часть Едизанской, Елискульской и Джембуакской орды перекочевала изъ западныхъ Буджакскихъ или Бессарабскихъ степей въ сіи восточныя Кубанскія.

ТЕРЕКСКІЕ НОГАЙСКІЕ ТАТАРА

Составляютъ небольшую орду состоящую изъ 6000 дымовъ; кочуютъ по правой сторонѣ Терека въ урочищахъ покоренныхъ Россіи Кумекскимъ князкамъ, которымъ платятъ дань и подать. Многіе состоятъ подъ собственными своими князьками. По елику не рѣдко переходятъ они черезъ Терекъ для похищенія скота и людей, то для сей самой причины берутся съ нихъ аманаты. Вразсужденіи внутренняго ихъ устройства не разнятся они отъ прочихъ ни мало.

Вразсужденіи Россійскаго правительства раздѣляются Ногайскія орды на платящихъ дань (*Ясачныхъ*) и союзныхъ. Послѣднія живутъ по собственнымъ своимъ законамъ; но чинятъ присягу не предпринимать противъ Россіи ничего непріязненнаго, во увѣреніе чего изъ знатнѣйшихъ между ими людей или изъ княжескихъ сыновъ даютъ аманатовъ, которые живутъ въ ближнемъ Россійскомъ городѣ, и содержатся по званію ихъ довольно изрядно.

Собственное ихъ политическое устройство почти во всѣхъ ордахъ одинаково. У всѣхъ ихъ есть гордые и богатые дворяне (*Мурзы*) такъ же и Князки, изъ коихъ одинъ избирается владѣтельнымъ (Беемъ); но излишнихъ отъ того доходовъ не получаетъ. Народъ состоитъ изъ подданныхъ дворянству, которое однакожъ излишныхъ налоговъ и отягощенія причинять имъ не можетъ. Законы ихъ состоятъ въ коранѣ и старинныхъ преданіяхъ; разсужденія ихъ и совѣты происходятъ по большинству голосовъ.

Послѣдуютъ Магометанскому закону Сунискаго толкованія, въ которомъ весьма незнающи; нрава грубаго, другъ противъ друга жестоки и свирѣпы; однакожъ страннопріимны. Грабежъ людей и скота считается между ими лучшимъ достоинствомъ.

Простые мужчины одѣваются подобно прочимъ Татарамъ, бреютъ голову, оставляя только бороду, а нѣкоторые одни только усы. Поршки носятъ длинныя и широкія; обувь ихъ состоитъ въ чулкахъ, туфляхъ и сапогахъ; бѣдные же носятъ люди онучи и бахилы, нижнее платье состоитъ въ толстой крашенинѣ или какой нибудь толстой крашеной холстинѣ. Верхнее платье дѣлаютъ изъ своего домашняго сѣраго сукна; носятъ овчинныя шубы; подпоясываются кушакомъ или веревкою; а нѣкоторые застегиваются крючками или пуговицами. Голову покрываютъ небольшею скуфейкою, а

Ногайская татарка.
Eine Nogaische Tatarin.
Femme de [illegible] Nogais.

сверхъ ее надѣваютъ плоскую шапку, которыми орды между собою отличаются. Многія головъ небрѣютъ, а только волосы остригаютъ и скуфеекъ не носятъ. Шляпъ вовсе неупотребляютъ. Знатные и зажиточные люди наряжаются наподобіе Кабардинцовъ въ шелковое и тонкое суконное платье; носятъ сафьянные сапоги, долгія и широкія поршки, поясъ и саблю, которая бываетъ нерѣдко съ серебреною оправою; платье окладываютъ иногда позументомъ; стеганыя или вышитыя шапки. Голову и бороду брѣютъ, но только оставляютъ одни усы. Къ наряду ихъ принадлежитъ такъ же хорошей со стрѣлами калчанъ и костью кругомъ оправленный лукъ. Росту всѣ немалаго и стройнаго, лице имѣютъ смуглое и нѣсколько храбраго и военнаго вида.

Женщины подобны прочимъ Татаркамъ, и отличаются одними только плоскими шапками обшитыми какою нибудь опушкою. Сверьхъ многихъ перстней, колецъ, лентъ и привѣсковъ нѣкоторыя носятъ въ носовомъ хрящу кольцо украшенное драгоцѣнными каменьями; у многихъ кольцо сіе досягаетъ до нижней губы.

Жилища западныхъ или Бесарабскихъ ордъ состоятъ въ небольшихъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ плетня. Юрты ихъ круглыя, шириною не болѣе полторы сажени. Стѣны высотою около четырехъ футовъ, крышка плоская, у которой посрединѣ на верьху оставляется отверстіе для свѣта и дыма. Разбирать ихъ весьма трудно; по чему при перекочеваньѣ ставятъ они ихъ на высокія Татарскія двуколесныя телѣги, и такимъ образомъ перевозятъ. Покрываютъ ихъ войлоками. У многихъ находятся для спанья, варенія пищи, для женъ и дѣтей особливыя юрты. Кочевье свое перемѣняютъ они въ годъ раза по три и по четыре смотря по обстоятельствамъ разсужденія пастьбы, воды, или какъ то разсудится ихъ старѣйшинамъ.

Домашней ихъ скарбъ состоитъ не во многомъ; большой и малой котелъ, два блюда, сундукъ съ лучшими ихъ пожитками и деньгами, платье, оружіе, конской приборъ, нѣсколько пахотныхъ инструментовъ, ложки, стаканы и прочія тому подобныя мѣлочи. Знатные и богатые люди живутъ въ большихъ юртахъ, обитыхъ шелковыми обоями украшенныхъ софами, диванами и серебряною посудою.

Кубанскія или восточныя орды имѣютъ такія же точно простыя и богатыя юрты, въ которыхъ они кочуютъ лѣтомъ; но зимою живутъ въ деревняхъ, которыя строятъ гдѣ нибудь при водѣ не подалеку отъ своихъ полей. Избы въ нихъ небольшія и весьма дурно посшроен-

ныя, но прошивъ юртъ ихъ гораздо теплѣе. Нерѣдко и деревни свои переносятъ они съ одного мѣста на другое.

Столъ во всѣхъ ордахъ не весьма изобиленъ, но большею частію дуренъ и неопрятенъ. Главнѣйшая ихъ пища состоитъ въ баранинѣ, говядинѣ, маслѣ, сырѣ, просѣ и прочихъ крупяныхъ или мучныхъ кашахъ и соломатахъ. Ѣдятъ такъ же и мясо палаго скота, верблюжину и лошадинину. Изъ проса пріуготовляютъ различныя кушанья, съ водою, молокомъ, иногда кашею, а иногда въ видѣ *лилава*; густую кашу ѣдятъ очень рѣдко; до хлѣба или до пироговъ не имѣютъ почти ни малѣйшаго вкуса, равно какъ и въ рыбей пищѣ, которую однакожъ изъ рѣдка употребляютъ. До курительнаго табаку великіе охотники. Кромѣ воды употребляютъ они вмѣсто питья молоко, простоквашу, кумысъ, мясной или рыбной наваръ, и одинъ вареной изъ пшеницы напитокъ, называемой у нихъ *бозъ*, которой они болѣе всего употребляютъ.

Главнѣйшей ихъ доходъ состоитъ въ скотоводствѣ. Скотъ ихъ красивъ, крѣпокъ и веселъ; лошади остаются на зиму въ степяхъ; верблюды, рогатой скотъ, простыя и Калмыцкаго отродья овцы довольствуются зимою небольшимъ количествомъ сѣна. Все богатство ихъ составляютъ ихъ стада, которыя состоятъ изъ половины овецъ, четвертой доли лошадей, четвертой доли рогатаго скота и небольшаго количества верблюдовъ. Богатство свое исчисляютъ они по числу скота. Человѣкъ имѣющей у себя около пятидесяти душъ и могущей сѣять просо, можетъ жить со всею семьею безъ малѣйшей нужды и неимущества. Въ посредственномъ состояніи человѣкъ съ пятью стами душами почитается весьма богатымъ; а съ тысячію уже и очень зажиточнымъ. Мурза имѣющей у себя толикое число душъ почитается не весьма знаменитымъ; однакожъ и самые богатые изъ нихъ имѣютъ у себя очень рѣдко за 4000 или 6000 душъ.

По скотоводствѣ упражняются они такъ же и въ небольшомъ земледѣліи, при которомъ главнѣйшимъ продуктомъ почитается просо. Большая изъ нихъ часть сѣетъ его на поляхъ своихъ непремѣнно; но часто случается, что всѣ почти орды промѣниваютъ его для себя на другіе товары. *Кубанцы* вымѣниваютъ его по большой части у *Черкесовъ*. Многіе изъ нихъ сѣютъ ячмень, изъ котораго варятъ для себя нѣкоторой родъ каши и продаютъ. Въ прочемъ же въ земледѣліи ни мало они не упражняются; но многіе изъ нихъ сѣютъ собственно для себя табакъ. О льнѣ и пенькѣ нимало они не стараются. Кубанцы имѣютъ свои поля большою частію не пода-

леку отъ моря по близости зимнихъ своихъ юртъ. Въ нѣкоторыя извѣстныя времена, а особливо послѣ посѣва, удаляются они до верхней Кубани, и возвращаются назадъ уже послѣ жатвы, и поселяются въ зимовыя юрты. Молоченое просо зарываютъ они въ котлахъ въ землю; и пашутъ плугами, запрягая въ нихъ отъ 4хъ до 8ми воловъ.

Многіе Татара получаютъ пропитаніе свое въ ордахъ исправляя ремесло кожевниковъ, сѣдельниковъ, скорняковъ, ременьщиковъ, кузнецовъ; такъ же живутъ и въ прислугахъ и помогаютъ въ звѣроловствѣ и птицеловствѣ. Кубанскія орды упражняются большею частію въ грабежѣ людей и скота, къ чему отмѣнную имѣютъ склонность и способность.

Женщины сверьхъ домашняго хозяйства упражняются въ выдѣлываніи овчинокъ, пряденіи шерсти и тканьѣ. Всѣ почти весьма трудолюбивы, но мужья поступаютъ съ ними очень грубо и сурово, по тому что у рѣдкаго больше одной. За невѣсту платятъ простый человѣкъ около двадцати какой нибудь скотины. Мурза же долженъ заплатить отъ 40 до 50; а при томъ жеребца, панцырь, саблю, ружье, лукъ, кафтанъ, и не менѣе двухъ невольниковъ.

Орды сіи торгуютъ боевымъ и табуннымъ скотомъ, кожами, овчинами и саломъ; сами же покупаютъ холстъ, сукно, шелковыя и шерстяныя машеріи; а иногда крупу, масло, просо и прочее.

КУНДУРОВСКІЯ НОГАЙСКІЯ ОРДЫ.

Когда ПЕТРЪ Великій въ 1715 году, покорилъ себѣ отъ Калмыцкаго Хана Аюка Джейбулатскую и Джисанскую Ногайскія орды, учинилъ подвластною Калмыкамъ, которые назначили имъ для кочеванья мѣста лежащія около Ахтубы по лѣвому берегу Волги, и брали съ нихъ небольшую подать, состоящую въ скотѣ, маслѣ и нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ. Но когда въ 1770 году нѣкоторая часть Калмыцкой орды перекочевала съ Волги въ Соонгарію, то Кундоровская орда перешла къ Красноярску и подверглася непосредственно Россійскому престолу, которой назначилъ ей для кочеванья земли, лежащія по Ахтубѣ до самаго Каспійскаго моря, гдѣ они и поселились около 1000 кибитокъ.

Сіи Ногайцы принадлежатъ нѣкоторою частію къ ясачнымъ Татарамъ; но уволены отъ всѣхъ службъ и податей. Между ими находятся нѣсколько Бурутовъ или большой орды Киргизцовъ, которые въ 1758 году съ нѣкоторымъ числомъ Соонгарцовъ соединились.

Кундуровцы какъ вразсужденіи собственныхъ своихъ обычаевъ, домашняго хозяйства, такъ и вразсужденіи грабежа людей и скота во всемъ подобны прочимъ Ногайцамъ, имѣютъ одинакой съ ними наружной видъ, одинакую пищу, одинакія стада, одинакое хозяйство, одинакія орды, и одинакой образъ жизни. Женщины кольца носятъ не въ носовомъ хрящу, но въ которой нибудь ноздрѣ. Зимнихъ юртъ они у себя неимѣютъ, и скотъ свой оставляютъ на всю зиму въ полѣ, не многіе изъ нихъ сѣютъ просо, но пишаются большею частію мясомъ и дикими кореньями. Для сего самаго и бѣднѣе они всѣхъ прочихъ; самые богатѣйшіе рѣдко имѣютъ у себя до тысячи различнаго скота; а у многихъ нѣтъ больше и тридцати.

Юрты ихъ похожи на Кубанскія; при переноскѣ не могутъ ни разбираться ни раскрываться. И на арбахъ или телѣгахъ лежатъ они нѣкоторымъ образомъ на подпоркахъ или на перевѣсѣ; такъ что одна пара воловъ можетъ очень легко перевесть цѣлую юрту со всею семьею. Поелику юрты ихъ съ телѣгъ не снимаются, то и въ лѣтнее время спятъ они подъ оными. Около такой юрты, коихъ каждая зажиточная семья имѣетъ по 2 или по 3 дѣлаютъ изъ тростника или изъ плетня для скота заборъ. Припечатанное въ заглавіи сей части изображеніе представляетъ сіи странныя жилища.

КАВКАЗСКІЕ НАРОДЫ.

Кавказскія или тѣ самыя горы, которыя занимаютъ пространство между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, съ Запада склоняются на Востокъ, и въ Южной сторонѣ къ Персіи, а на Сѣверѣ къ Россіи опускаются, получили при странствованіи народовъ, къ коимъ подали поводъ походы Татаръ, по причинѣ крѣпкаго своего и привольнаго состоянія такое множество осташковъ разбѣжавшихся отъ страху своихъ жителей, и столько селеній побѣдителей, что едва ли сыщется въ другой какой столь малой части земли толикое различіе народовъ и языковъ. Тутъ есть потомки Грековъ, Генуезцовъ, владѣвшихъ при Черномъ морѣ около третьяго надесять столѣтія, Персіянъ и иныхъ народовъ. Побѣдоносные Татара какъ будто бы поглотили сіи остатки народовъ, и мало по малу приучили ихъ къ своему житію, нравамъ и вѣрѣ. А какъ они съ ними такъ, какъ и сами между собою чрезъ женидьбы перемѣшались, а по тому и языки свои перепутали и перепортили; то тѣмъ труднѣе нынѣ догадываться, какого кто изъ нихъ племени, а особливо по тому, что они сами въ превеликомъ пребываютъ невѣжествѣ въ разсужденіи бывшихъ съ ними произшествій, и рѣдко кто на своемъ языкѣ писать умѣетъ. Народныя сіи общества не только соблюли отчужденіе свое отъ прочихъ племенъ, но и больше еще, какъ кажется, чрезъ отдѣленія размножились. Всѣхъ ихъ, кромѣ *Грузинцовъ*, называютъ съ давняго уже времени, по сходственности житейскихъ обрядовъ и по примѣтному смѣшенію съ Татарами, Татарскимъ именемъ, а для отмѣны отъ прочихъ Татаръ проименованы они Горскими Татарами, или Тавлинцами, то есть горными людьми, которымъ названіемъ именуютъ Черкесовъ, Осетиновъ и прочихъ горныхъ народовъ, имѣющихъ въ Кизлярѣ, Терекѣ и по линіи свою торговлю. По елику многіе Кавказцы, такъ же Татара, что вразсужденіи названія горскихъ Татаръ, намѣренъ я описать ихъ здѣсь нѣсколько пространнѣе; по тому что многіе изъ нихъ по происхожденію своему относятся и къ другимъ народамъ.

Грузія, съ принадлежащими къ ней областями, занимаетъ, по *Географическому раздѣленію*, большую половину Южной, а Сѣверную часть къ Западу и востоку составляютъ Кубанцы, Черкесы, Кабардинцы, и прочіе Татара; Восточную же нагорную часть къ

Каспійскому морю занимаетъ Лезгистанъ и Дагестанъ; Восточная часть къ Черному морю принадлежитъ къ Кубани, а Южная къ Грузіи.

Грузинцы и *Лесгистанцы* независимы, и по тому отъ части повелѣваютъ, а отъ части покровительствуютъ разнымъ малолюднѣйшимъ народамъ, или частнымъ ихъ колѣнамъ. Прочіе же состоятъ *подъ покровительствомъ Россіи, Порты* и *Персіи.* Но я намѣренъ говорить здѣсь о тѣхъ только, кои Россіи подвластны. Однакожъ вразсужденіи того, что сіи безпокойныя толпы отъ части перекидываются то на ту, то на другую сторону, и по тому, то другому верьховному Владѣтелю по своему избранію или по принужденію, покоряются; что округи ихъ весьма между собою перемѣшались; и что они, выключая Грузинцовъ, въ устроеніяхъ своихъ не токмо весьма сходствуютъ, но и часто одна на другую ссылаются; не могу я миновать вовсе и прочихъ тамошнихъ народовъ: ибо въ противномъ случаѣ невразумительно бы было мое описаніе; но при семъ случаѣ великую я имѣю помощь въ путешественныхъ наблюденіяхъ Санктпетербургскаго Академика, Г. Гилденштетта.

ЛЕЗГИ.

Грузинцы называютъ ихъ такъ же и *Лекками*. Живутъ они въ *Лезгистанѣ* и *Дагестанѣ*. Земля сія занимаетъ Восточную часть высокихъ Кавказскихъ горъ, коихъ хребетъ къ Востоку и Сѣверу простирается до самаго Каспійскаго моря и составляетъ границу съ Кавказскими, Грузинскими и Персидскими провинціями.

Въ 1739 году при заключеніи между Россіею и Портою мира *Лезги* признаны свободными. По всюду говорятъ они особливымъ своимъ языкомъ, которой называютъ *Лезгинскимъ*; но имѣютъ въ нихъ столь много различныхъ между собою выговоровъ, что многіе изъ нихъ другъ друга ни мало не понимаютъ. *Гильденштеттъ* нашелъ въ нихъ около осьми разныхъ нарѣчій.

Политическое ихъ устроеніе и между самими ими весьма различно. Нѣкоторые изъ нихъ зависятъ отъ выбранныхъ между ими старѣйшинъ; нѣкоторые имѣютъ князьковъ и дворянъ, изъ которыхъ слабѣйшіе ищутъ покровительства у сильнѣйшихъ; а нѣкоторые ни отъ кого не зависятъ.

Лезги болѣе всѣхъ прочихъ Кавказскихъ народовъ склонны къ грабежу и разбоямъ и часто производятъ около Грузіи великія опустошенія Но впрочемъ странноприимны; нѣкоторые изъ нихъ грабятъ и тѣхъ которые отъ нихъ были угощаемы. Въ Россійскія же границы вбѣгаютъ очень рѣдко. Послѣдуютъ Магометанскому закону Суннисскаго толкованія.

Домоводство ихъ состоитъ, какъ и у всѣхъ почти Кавказскихъ народовъ, въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ. Живутъ такъ же и деревнями въ построенныхъ домахъ; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ есть для защищенія и башни. Вразсужденіи пищи, одежды и образа жизни имѣютъ они отъ прочихъ Кавказскихъ народовъ; а особливо отъ Калмыковъ великую отличность.

Лезгійская земля *Ауаръ* имѣетъ повелителемъ своимъ *Ауаръ-Хана*, по Лезгински *Нухакъ*, которой обладаетъ многими улусами и можетъ выставить до 8000 коннаго войска.

Акушской и Кубешской улусы принадлежатъ большою частію *Шайтакскому Усмею*, а частію подвластны Турскому Шахмалу.

Казикюмигскїя степи населяютъ Лезги и Кюмики. Казикумигской Ханъ обще съ Ауаръ Ханомъ почитается сильнѣйшимъ. Курельской и Дабестанской улусы принадлежатъ Кубскому Хану, которой титулуется *Фетъ-Али-Ханомъ*. Прочїя же земли подвержены между собою сильнѣйшимъ.

ТРУХМЕНЦЫ.

Трухменцы, Туркоманы или древнїе *Терекеменскія* Татара составляютъ безъ малѣйшей примѣси настоящей Татарской народъ, обитающей изъ давна по восточнымъ и западнымъ берегамъ Каспїйскаго моря, и говорящей Татарскимъ языкомъ по Турецкому нарѣчїю.

Около половины нынѣшняго столѣтїя восточные Трухменцы, бывшїе подъ игомъ Калмыковъ и претерпѣвая угнѣтенїе отъ Персїи намѣревалися подвергнуться Россїи; но Персидскїй Шахъ въ томъ имъ воспрепятствовалъ; однакожъ многїя семейства перекочевали къ нашимъ Оренбургскимъ и прочимъ Ташарамъ. Когда въ 1770 году нѣкоторая часть Калмыковъ бѣжала изъ Россїйскихъ степей въ Соонгарїю, то Трухменцы освободясь отъ ихъ ига поселилися на восточномъ берегу Каспїйскаго моря; а нѣкоторая изъ нихъ часть перешла къ Кавказскимъ Татарамъ.

Восточные Трухменцы обитаютъ теперь Мангистанскїя горныя мѣста отъ Каспїйскаго моря до Аральскаго, и состоятъ изъ *Айраклїанской* орды, въ которой 5000, и *Такаямугской*, въ которой до 2000 кибитокъ. Большая орда имѣетъ у себя своего *Хана*; а малою управляетъ опредѣленной отъ большой орды Хана *Бей*.

Обитаемая ими земля суха, здорова, но весьма не много имѣетъ пасбищъ, а еще того менѣе дровъ; отъ сего самаго и скотоводство ихъ не очень велико. Но впрочемъ все ихъ богатство состоитъ въ скотѣ. Весь ихъ образъ жизни весьма сходенъ съ Киргизскимъ. Юрты ихъ нѣсколько меньше Киргизскихъ, и часто живутъ они на старыхъ кочевьяхъ прочихъ народовъ, гдѣ только осталися нѣкоторыя укрѣпленїя. Они гораздо свирѣпѣе Киргизцовъ, и съ плѣнными своими невольниками поступаютъ несравненно суровѣе.

Стада ихъ состоятъ въ толстохвостыхъ овцахъ, изрядныхъ лошадяхъ Персидской породы, между коими находится довольно и аргамаковъ, которыхъ очень дорого покупаютъ Бухарцы и проводятъ въ Индїю; рогатомъ скотѣ; козахъ и верблюдахъ. Продукты ихъ состоятъ большою частїю въ сырыхъ кожахъ, овчинахъ и шерсти. Они вымѣниваютъ ихъ на сукна, мѣлочной товаръ, ножи, котлы, и прочїя домашнїя надобности и щегольства по своему обычаю. Для сего торга пріѣзжаютъ обыкновенно изъ Астрахани въ Мангислакъ по два судна; а по елику пріѣзжаетъ туда на сїе

время такъ же Киргизцы, Хивинцы, Бухарцы и прочіе восточные народы, що сей торгъ весьма прибыточенъ.

Кавказскіе Трухмѣнцы обладаютъ по западному Каспійскому берегу восточнымъ краемъ Кавказскаго хребта, около *Дербента* и *Утамыша*, такъ же мысомъ Алазаномъ, или Кахетинскою границею до самаго Каспійскаго моря. Уѣзды ихъ называются: *Куба*, *Алтилара*, *Такуслара*, Мискудшакъ, Хинаку, *Кутбедахъ*, *Шамахинъ* и Ширванъ. Всѣ признаютъ главнѣйшимъ своимъ владѣтелемъ Али Хана. Четыре же западные Трухменскія провинціи, граничащія съ сими къ западу, принадлежатъ Гуссейнъ-Хану.

Кавказскіе Трухменцы живутъ на подобіе прочихъ Кавказскихъ народовъ малыми и большими деревнями, въ деревянныхъ домахъ; пропитаніе имѣютъ отъ земледѣлія и скотоводства; а многіе изъ нихъ кочуютъ лѣтомъ по разнымъ мѣстамъ не имѣя у себя настоящаго и непремѣннаго мѣста.

О С Е Т Ы.

Осетская земля частїю занимаетъ высоты Кавказскихъ горъ около источниковъ къ сѣверу текущаго Терека до Лезговъ; а къ югу простирается до Кура, Араги, Зана, Балари и Дидиляхвы.

Граничитъ къ востоку съ Кистинцами, къ югу съ Грузїею, къ западу съ Базїанами и Черкесами, а къ сѣверу съ Черкесами и Кистинцами.

Осеты называются симъ имянемъ отъ Грузинъ и Кистинцовъ; а при томъ имянуютъ ихъ такъ же Оссами; Черкесы и прочїе Татара называютъ ихъ *Куши*. Гильденштетъ почитаетъ ихъ остатками преждебывшихъ Половцовъ. Въ языкѣ ихъ довольно находится такихъ словъ, по которымъ можно его считать одного происхожденїя съ Пермскимъ; что утверждается такъ же и даваемыми у нихъ мужчинамъ имянами.

Числомъ они довольно многолюдны, могутъ поставить около 10000 конницы; имѣютъ у себя князьковъ и дворянство; но никогда не были сильны, но состояли прежде сего подъ владѣнїемъ Грузинскаго Царя; нѣкоторые же изъ нихъ уѣзды отдалися подъ покровительство Россїи; а нѣкоторые подвластны прочимъ Кавказскимъ князькамъ. Купно со всею Грузїею приняли они вѣру Греческаго исповѣданїя, но при всегдашней необузданности народа вѣра сїя у нихъ почти вовсе истребилась, и видны только одни слѣды прежнихъ церквей; новой же вѣры они никакой не приняли.

Осеты почти всѣ стройны, крѣпки, средняго роста, нравомъ грубы, невѣжды, склонны къ грабежу, вѣроломны и весьма лукавы; но вся ихъ злость и разбойничество происходитъ отъ недостатка въ нихъ самовластнаго правительства. Если когда случится имъ учинить набѣги для грабежа въ Россїйскїя границы, и стоящїя на линїяхъ войска въ томъ имъ воспрепятствуютъ и учинятъ должное отмщенїе; то въ такомъ случаѣ признаютъ они надъ собою Россїйское господство, чинятъ присягу и даютъ аманатовъ. Если же, паче чаянїя, аманаты тѣ умрутъ или убѣгутъ, то дѣлаются они опять непрїязненными. Доходы ихъ состоятъ въ томъ же самомъ, что и у прочихъ Кавказцовъ; то есть: въ скотоводствѣ, небольшомъ земледѣлїи, чрезъ что могутъ они жить безъ всякой нужды; но совсемъ тѣмъ, какъ сами они, такъ и князья ихъ весьма не богаты.

Живутъ они въ небольшихъ деревянныхъ домахъ, составляющихъ нѣкоторой родъ деревень отъ двадцати до ста семей. Деревни ихъ переносятся часто съ одного мѣста на другое. Отъ пяти до пятидесяти деревень составляетъ уѣздъ. Таковыхъ уѣздовъ находится по верхнему Тереку двенадцать, изъ коихъ два принадлежатъ Карталинскому Царю, а десять Россіи. Около рѣки Кура находятся 16 уѣздовъ, состоящіе всѣ подъ Грузинскими Царями или князьями. Одинъ уѣздъ подвластенъ Имеретіи; а одинъ изъ нихъ лежитъ при Терекѣ на самыхъ горахъ.

БАЗІАНЕ.

Земля, называемая Грузинцами Базіанією лежитъ въ высокихъ горахъ около Малки, Терека и Аргуновъ; и граничитъ къ востоку съ Осетією, къ югу съ Имеретією, къ западу съ Авхазією, а къ сѣверу съ Черкасами. Уѣзды ихъ суть: *Базіанской*, Бизинцской, Хулинской, Чеченской, Коралчизешской и Боксанской.

Обитатели сихъ уѣздовъ называются отъ Грузинцовъ Базіанами, а отъ Черкесовъ Чехами. Происходятъ отъ Татарскихъ поколѣній и говорятъ Татарскимъ языкомъ по Ногайскому нарѣчію. Прежде сего были они подвержены Грузинскимъ царямъ и держалисе вѣры Греческаго исповѣданія; хаживали къ развалинамъ старинныхъ церквей; по воскресеньямъ ничего не работали; а нѣкоторые праздники отправляютъ и по нынѣ. Теперь народъ не имѣетъ никакой вѣры; нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ послѣдуютъ Мухаметанскому закону, но неимѣютъ ни мечети ни священнослужителей. Обитатели Чехемскаго уѣзда, называемые обыкновенно *Чехами*, почитаются выходцами изъ Богеміи; но по изслѣдованіямъ Сарептскаго братскаго общества и академика *Гильденштета* выходитъ тому противное; ибо въ томъ случаѣ не переменилибы они древней свой Славенской языкъ на Татарской.

Базіане не весьма многолюдны и находятся теперь въ союзѣ съ Грузіею и Россіею; нѣкоторые уѣзды состоятъ подъ управленіемъ Кабардинскихъ князьковъ, которые берутъ отъ нихъ въ подать съ каждаго семейства по одной овцѣ. Живутъ они на подобіе прочихъ Кавказцовъ отъ скотоводства и небольшаго земледѣлія; но весьма небогаты. Собственные свои продукты, толстой холстъ, войлоки и пр. промѣниваютъ они на хлопчатую бумагу, холстъ, соль и прочіе мѣлочные товары, которые получаютъ отъ Кабардинцовъ.

ЧЕРКЕСЫ.

Сами себя и землю свою называютъ они *Адиги*; Россїане же и Грузинцы, такъ же и Ташара называютъ ихъ *Черкесами* или *Черкессїанами*, а землю ихъ *Черкасіею*. Германцы имянуютъ ихъ *Черкасами*. Сами по себѣ составляютъ они многочисленной народъ, могущей поставить на войну около 20,000 конниковъ.

Черкессія лежитъ къ сѣверной сторонѣ Кавказа, и занимаетъ лощины около вершинъ тѣхъ горъ отъ Чернаго моря и по Кубанѣ до устьевъ Терека. Прежде сего и острова на устьяхъ Кубани принадлежали Черкесамъ, отъ чего и назывались они *Адигами*, то есть *Островитянами*. Черкеская земля заключаетъ въ себѣ рѣки Кубань, Куму и Терекъ; граничитъ къ востоку съ Ташарскими уѣздами; къ югу съ Авхазїею и Осетїею; къ западу прилѣгла къ морю; а къ сѣверу имѣетъ у себя Россїйскїя границы. Раздѣляется на слѣдующіе уѣзды: 1 *большая западная*, 2, *малая восточная Кабарда*, которыя раздѣляются другъ отъ друга теченіемъ Терека, жители обоихъ сихъ уѣздовъ называются Кабардинцы. 3, уѣздъ *Бесленской*, 4, *Темиргайской*, 5; *Менгехской*, и 6, Адимоской, лежащіе всѣ по Кубанскимъ истокамъ. Климатъ у нихъ умѣренной, земля плодоносная, скотоводство изобильное; а при томъ въ водѣ и дровахъ нѣтъ ни малѣйшаго недостатка.

Черкескіе Татара росту полнаго, стройны, предпрїимчивы, честолюбивы, странноприимны; но при томъ весьма непостоянны и вѣроломны. Въ военномъ искуствѣ довольно смѣлы и свѣдущи, но употребляютъ его большею частїю на отмщеніе своимъ сосѣдямъ. Женщины ихъ вразсужденіи своей красоты, веселости и опрятности, славятся почти передъ всѣми въ свѣтѣ. Лучшая ихъ красота поставляется въ рыжихъ волосахъ, почему многія изъ нихъ красятъ нарочно у себя волосы красною краскою.

Языкъ ихъ подобенъ Ташарскому. Грузинцы и Царь Иванъ Васильевичь ввелъ въ Черкессїи вѣру Греческаго исповѣданія; но теперь осталися отъ нее одни только признаки старыхъ обвалившихся церквей и сгнившихъ на кладбищахъ крестовъ. Народъ неимѣетъ у себя почти никакой вѣры; и самые Магометане въ законѣ своемъ ни мало несвѣдущи, неимѣютъ у себя ни мулловъ, ни мечетей ни школъ; и очень рѣдкїе читать и писать умѣютъ.

Раздѣляются они на три рода людей; князей, (Бен), дворянство,

(мурзы) и подланныхъ или простой народъ. Подданные отличаются у нѣкоторыхъ владѣльцовъ отъ рабовъ нѣкоторою разностію въ податяхъ и поборахъ. Прежде сего народъ сей подверженъ былъ Грузинскимъ царямъ и Крымскимъ Ханамъ, изъ коихъ послѣднимъ плашилъ вмѣсто подати шубы, медъ, молодыхъ юношей и дѣвицъ, которыя принимались отъ нихъ нарочно присланными къ нимъ комисарами. Наконецъ свергнули они съ себя сіе иго и составляютъ нынѣ нѣкоторой родъ республиканскаго правительства, состоящаго подъ начальствомъ Россіи, которой чинятъ они присягу и даютъ аманатовъ; но впрочемъ живутъ въ полной свободѣ по своимъ собственнымъ законамъ, и не платятъ ни какой подати. Князья ихъ находятся большою частію между собою въ войнѣ; побѣжденные зависятъ отъ побѣдителей. Впрочемъ народъ сей смѣлъ, непостоянень, что для утвержденія границы должна быть на ней непремѣнно воинская сила и замѣчать ихъ движенія. Кабарда подвластна нѣкоторымъ образомъ и Порть и состоитъ Подъ управленіемъ особливаго Сераскира.

Черкесы не живутъ въ городахъ, но большими деревнями, домы ихъ построены изъ плетня и обмазаны глиною; невелики, но большою частію опрятны. И самые знатные между ими живутъ такъ же очень дурными домами. Жилища свои перемѣняютъ они очень часто и старыя деревни переносятъ на новыя мѣста оставляя прежнія селенія пустыми.

Главнѣйшіе ихъ доходы состоятъ въ скотоводствѣ, а по томъ въ земледѣліи и скотоводствѣ. Въ стадахъ ихъ главнѣйшая вещь овцы, которыя у нихъ и простаго рода даютъ очень хорошую шерсть и волну, которую продаютъ они частію необдѣланною, а частію шкутъ изъ нее толстой холстъ и шерстяныя матеріи. Обыкновеннѣйшая у нихъ пища баранина; изъ овчинъ выходятъ очень хорошіе тулупы. Лошадей держатъ не помногу, но хорошихъ скакуновъ. Рогатаго скота имѣютъ больше; скотъ ихъ не великъ, но здоровъ веселъ и крѣпокъ. Многіе держутъ у себя козъ, а нѣкоторые и свиней. Одни только богатые люди имѣютъ верблюдовъ; пчелы водятся у многихъ, и нѣкоторые изъ нихъ держатъ у себя нарочитые пчельники.

На поляхъ сѣютъ большою частію просо; не многіе заводятъ у себя яровую пшеницу и ячмень. Почти у всѣхъ есть табачныя гряды. Въ садахъ ихъ находятся въ великомъ множествѣ арбузы, дыни и тыквы; но прочихъ плодовъ и огородныхъ растѣній очень мало.

Столъ ихъ опрятнѣе и лучше многихъ другихъ Кавказцовъ; но впрочемъ одинакаго съ ними вкуса. Кромѣ молока и воды пьютъ вареную изъ проса брагу, медъ, а богатые и вино.

Мужское ихъ одѣяніе весьма красиво. Голову брѣютъ оставляя на верху небольшой хохолокъ; бороду такъ же брѣютъ, но усы отращиваютъ, шапки ихъ къ верьху ширѣ, нежели у опушки, которая бываетъ обыкновенно изъ овчинки, и верьхъ украшаютъ какою нибудь вышивкою или кистью. Нижнее платье суконное или шелковое длиною немного по ниже колѣна и подпоясано кушакомъ, и сабельною портупеею. Широкіе порткы; сафьянные сапоги. Верхнее платье суконное или шуба. Въ полномъ нарядѣ являются они вооруженными кинжаломъ, саблею, колчаномъ, лукомъ, стрѣлами и огнестрѣльнымъ оружіемъ; а при томъ надѣваютъ на себя панцырь и выѣзжаютъ на богатоубранной лошади. Сверхъ всего накидываютъ они на себя войлочную епанчу такъ, что лѣвая рука ею закрыта, а правая свободна. Народъ сей весьма храбръ и отваженъ. Женская одежда разнится очень мало отъ прочихъ Кавказцовъ. Дѣвицы ихъ одѣваются очень легко и весьма чисто и опрятно.

Продукты ихъ состоятъ большею частію въ скотскихъ кожахъ, овчинахъ, шерсти, толстомъ сукнѣ, войлочныхъ епанчахъ, салѣ, меду, воскѣ, просѣ и прочихъ нѣкоторыхъ мѣлочахъ. Россіанамъ, Кавказцамъ, Туркамъ и Таврическимъ Татарамъ промѣниваютъ они свои продукты на тонкое сукно, разныя матеріи, юфть, сафьянъ, мѣлочной щепетильной товаръ, сахаръ, вино, и прочія потребныя для одежды и домашняго хозяйства мѣлочи. Весь почти у нихъ торгъ производятъ Жиды и Армяне. Перьвые покупаютъ у нихъ пригожихъ дѣвокъ для продажи въ Константинополь.

Къ обычаямъ ихъ принадлежитъ и то, что мужчина покупаетъ для себя только одну жену, а неболѣе; однакожъ многіе нанимаютъ еще сверхъ того одну или двухъ побочныхъ женъ на время. Для мертвыхъ глубокихъ могилъ они не копаютъ, но накидываютъ на нихъ кучу земли или каменьевъ. Надъ знатными же насыпаютъ большіе бугры или курганы.

Кабардинецъ.
Ein Kabardiner.
Un Kabardinien.

Кабардинка.
Eine Kabardinerin.
Une Kabardinienne.

АВХАЗЫ или АБАЗЫ.

Они называютъ себя *Абазами*, а землю свою *Абаза*; Грузинцы же именуютъ ихъ *Авхазетами*.

Авхазія составляетъ часть Кубани, выключая части принадлежащей Россіи, которая простирается отъ горъ до Чернаго моря. Граничитъ къ востоку со Свенетами къ югу съ Грузинами, къ западу ограничиваются Чернымъ моремъ, а къ сѣверу прилегла къ Черкессамъ.

Прежде сего Авхазы подвластны были особливымъ князькамъ, зависѣвшимъ отъ Грузинскихъ царей; но теперь зависятъ частію отъ Порты, а нѣкоторые уѣзды принадлежатъ Кавказскимъ князьямъ. Настоящихъ у себя владѣтелей почти неимѣютъ; но выбираютъ ихъ изъ старшихъ фамилій; однакожъ и тѣ не много имѣютъ у нихъ власти. Въ послѣднюю Турецкую войну оказывали они противъ Россіи непріятельскія дѣйствія; но неимѣли въ томъ ни какого успѣха; и потеряли столичной свой городъ Анапу. По заключеніи же въ 1789 году мира остались при прежнихъ своихъ обрядахъ и управленіяхъ.

Что касается до вѣры, то примѣтны въ нихъ нѣкоторые слѣды прежняго Христіянства. *Калтатосъ* ихъ представляетъ нѣкоторой родъ первосвященника, и долженъ быть холостой, добрыхъ нравовъ и примѣрнаго поведенія.

Авхазы вразсужденіи нравовъ, обычаевъ, языка, жилища, одежды, вѣры и прочаго весьма сходны съ Черкессами, такъ что ихъ почти и распознать не можно.

КИСТЫ или КИСТИНЦЫ.

Обитаемая Грузинами Кистецкая область простирается по сѣверному хребту Кавказа отъ Терека до Сунши; граничитъ къ востоку съ Ташарскими и Лезгинскими округами, къ югу съ Лезгинцами и Грузинами, къ западу съ малою Кабардою, а къ сѣверу имѣютъ границею рѣку Терекъ.

Кистинія населена многими небольшими не зависящими другъ отъ друга народами различныхъ между собою нравовъ и обычаевъ; но между тѣмъ примѣчается въ нихъ нѣсколько одинакой видъ, сходное нарѣчіе и не малая во многомъ сходственность. Языкъ ихъ называется Грузинами Кистинскимъ. На Черкесскомъ языкѣ называются сіи народы *Ми ггеги*.

Кистинцы живутъ небольшими и другъ отъ друга не подалеку лежащими деревнями, въ коихъ неболѣе какъ дворовъ по два цати. Во многихъ деревняхъ построены для защищенія женъ, дѣтей и имущества каменныя башни.

Примѣтны въ нихъ слѣды Христіанской вѣры, почитаніе воскресныхъ дней и праздниковъ; имѣютъ они у себя первосвященника, которой долженъ быть человѣкъ не женатой и хорошаго поведенія. Должность его состоитъ въ раздаваніи благословенія и пр.

Упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ такъ какъ Черкессы и прочіе Кавказскіе народы. А между тѣмъ ѣздятъ за Терекскую линію для грабежа людей и скота. Въ случаѣ сопротивленія и бываемой за ними погони разсыпаются врозь съ великою поспѣшностію и проворствомъ. Козаки остерегаются ихъ чрезвычайно, по тому что часто отгоняютъ они у нихъ лошадей.

Знаменитѣйшіе Кистинскіе народы суть слѣдующіе:

ЧЕЧЕНГИ.

Живутъ въ Кистинской Чеченской округѣ по Аргуну и Тереку, и могутъ поставить до 5000 конницы. Имѣютъ у себя князей и дворянство. Въ 1773 году умертвили они своихъ владѣтельныхъ князей. Языкъ ихъ состоитъ изъ Китайскаго нарѣчія; и въ домашнемъ своемъ хозяйствѣ не имѣютъ они отъ нихъ никакого различія.

Находятся подъ покровительствомъ Россіи и даютъ аманатовъ, которые живутъ въ Кизлярѣ; но часто зависимость свою забываютъ, которая однакожъ иногда имъ напоминается.

Югуши.

Югуши, или Югушцы живутъ по Камбалеѣ около Терека. Князей у себя не имѣютъ, но выбираютъ для управленїя собою старѣйшихъ изъ знатнѣйшихъ фамилїй. Въ силѣ и домашнемъ хозяйствѣ сходствуютъ съ Черкессами и подобно имъ, подвластны Россїи. Въ 1777 году оказывали они непрїятельскїя дѣйствїя; но теперь даютъ аманатовъ.

МИЛЬЧЕГИ.

Живутъ въ округѣ сего имяни по Аксаю и Сунше въ двадцати деревняхъ, изъ которыхъ въ одной называемой Исшесу и состоящей изъ 500 дворовъ находятся теплыя воды. Всѣ они упражняются большею частію въ грабежѣ и разбояхъ.

КАРАБУЛАКИ.

Прежде сего назывались *Югушами*, а сами себя именуютъ Аршта-ми, и составляютъ не весьма многолюдную толпу народа. Языкъ ихъ состоитъ изъ Кистинскаго и Чеченгскаго нарѣчія. Прежде сего подвластны были Аксайскимъ князькамъ. Но въ 1772 году вошли подъ покровительство Россіи и начали давать въ Кизляръ аманатовъ.

Кисты, Вагской, Ангушской и Шемской округъ, живущіе по Камбалеѣ уже за нѣсколько лѣтъ начали быть лучше подъ покро-вительствомъ Россіи, нежели Кабардинскихъ князей, и даютъ ама-натовъ.

КУМИКСКІЕ ТАТАРА.

Обитаютъ съ Ногайцами на восточной сторонѣ въ песчаныхъ лощинахъ у подошвы Кавказскихъ горъ на правой сторонѣ Терека по Аксаю и Кайсу до Каспійскаго моря. Земля ихъ плодородна и раздѣлена на многія небольшія округи, изъ коихъ знаменитѣйшія суть слѣдующія.

Брагунской, или *Барагунской*, лежитъ въ низъ по Сунжѣ, обширностію не великъ и имѣетъ двухъ Князей. У нихъ находятся теплыя воды. *Костякъ*, большая Татарская деревня разстояніемъ отъ Кизляра, и отъ Каспійскаго моря въ 60 верстахъ принадлежитъ собственному своему Князю. *Ендеревъ* (*Росс: Андреева*) принадлежитъ двумъ Князьямъ. Здѣсь находятся Андреевскія теплыя воды. Въ округѣ сей имѣется 12 подвластныхъ Князьямъ Ногайскихъ деревень. *Герку*, небольшое Кумикское владѣніе принадлежитъ съ нѣкоторыми деревнями одному Князьку, имѣющему титулъ Шамхала, которой прежде всего начальствовалъ надъ всѣми Кумикскими и Лезгинскими округами; но теперь имѣетъ во власти своей Тарку и нѣкоторые Лезгинскіе уѣзды. Тарку состоитъ изъ 1200 дворовъ и семействъ; въ округѣ поселено около 24 деревень Ногайскихъ Татаръ. Подданные Шамхалу живутъ въ двухъ большихъ деревняхъ: *Казанской* и *Сунгутѣ*, близъ которыхъ находятся нѣсколько малыхъ деревушекъ, изъ коихъ въ каждой живетъ особливой Князёкъ. *Аксай* или Яхсай имѣетъ такъ же собственнаго своего владѣтеля, подъ властію коего находится 8 деревень Ногайскихъ Татаровъ.

Владѣтели Кумикскихъ уѣздовъ живутъ между собою весьма несогласно. Жители всѣ какъ въ наружномъ видѣ, такъ и во нравахъ, образѣ жизни и нарѣчіи весьма великое имѣютъ между собою сходство не исключая и самихъ Ногайцовъ. Всѣ они Татарскаго поколѣнія и состоятъ въ Россійскомъ подданствѣ, даютъ аманатовъ; однакожъ неуправляются Россійскими законами и не платятъ никакой подати. Законъ исповѣдуютъ Магометанской, но великіе въ ономъ невѣжды. Несмотря на приверженность свою къ Россіи нападаютъ иногда на стоящія по линіи войски, и на теплыя воды; безъ сильнаго прикрытія проѣхать почти не можно.

Главнѣйшее ихъ упражненіе состоитъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Сѣютъ они просо, пшеницу, овесъ, ячмень а иногда и

Сарачинское пшено; разводятъ такъ же хлопчатую бумагу, для своего собственнаго употребленія шелкъ; ленъ и пеньку разводить еще не пріобыкли. Рыбы ѣдятъ гораздо больше, нежели прочіе Кавказцы; по чему имѣютъ у себя и рыбныя ловли.

Скотоводство ихъ подобно въ всемъ прочимъ Кавказскимъ народамъ. Между ими живутъ много Армянъ, посредствомъ коихъ промѣниваютъ они свои продукты на потребные для нихъ товары.

АМБАРЛИНЦЫ.

Амбарлинцы, то есть лощинные жители заимствуютъ названіе свое отъ лощинъ (Перс: Амбаръ) Гилянскихъ горъ, гдѣ они живутъ и раздѣляютъ оныя на шесть Ханскихъ владѣній или уѣздовъ, въ коихъ вообще считается до 2000 душъ. Въ прежнія времена предавались они то тому, то другому владѣтелю; но уже съ давныхъ лѣтъ платятъ дань Персидскому Хану. По природѣ они Персіане, и остались при видѣ, языкѣ и нравахъ своихъ единоплеменниковъ.

Живутъ на подобіе прочихъ Кавказскихъ народовъ зимою въ небольшихъ деревняхъ; а лѣтомъ кочуютъ въ подвижныхъ и войлоками покрытыхъ юртахъ. Сѣютъ болѣе прочихъ просо, разводятъ хлопчатую бумагу и шелкъ.

ГРУЗИНЦЫ.

Грузинцы, которыхъ области, а именно, *Кахетїя*, *Картваллїя*, *Имеретїя*, *Гурїя*, *Мингрелїя* и нѣкоторыя другїя, занимаютъ мѣста около рѣки *Куры*, или древняго *Кира*, къ Персидскимъ границамъ, и вообще Южныя переднїя и среднїя Кавказскїя горы многолюднѣе правда и сильнѣе всѣхъ другихъ Кавказскихъ народовъ: но они какъ старинные Греческаго закона Христїане, не смѣшались съ Татарами ни въ разсужденїи крови ниже въ языкѣ и вѣрѣ; имѣютъ собственныхъ своихъ Царей, о которыхъ подробнѣйшее описанїе см: въ части IV.

Говоря о разныхъ Кавказскихъ прежде упомянутыхъ народахъ за нужное почитаю сказать еще слѣдующее: разные сїи осшашки Европейскихъ и Азїашскихъ народовъ сдѣлались мало по малу и черезъ нѣсколько родовъ по причинѣ одинакаго мѣстоположенїя, воспитанїя, житїя, а особливо чрезъ употребительное у нихъ похищенїе женъ изъ другихъ племенъ, весьма между собою похожи въ разсужденїи наружнаго вида, сложенїя и нравственнаго состоянїя, по которому они наибольше уподобляются усилившимся шутъ преимущественно *Татарамъ*, но при томъ и отъ другихъ Татаръ много кое чего собственнаго удержали. Кавказцы, считая вообще, росту большаго, сташны, больше худощавы, нежели дородны, лицомъ мужчины смуглы, носъ у нихъ сухощавой, глаза малые, востpые и сѣрые, волосы рыжїе или черные. Въ *ловедении* они веселы, вѣжливы, смѣлы, роскошны, хвастливы въ разсужденїи одѣянїя и угощенїя, по гордости великодушны и мотоваты; но при томъ суровы, невѣжды, несправедливы, вѣроломны, и склонны къ грабежамъ и мщенїю.

Женщины живутъ у нихъ весьма хорошо, и по большой части пригожи, да при томъ вольнѣе и вѣжливѣе другихъ Татарокъ. А особливо *Черкаскїя женщины* по справедливости превозносятся похвалами въ разсужденїи красоты, веселости и чистоты какъ во нравахъ, такъ и во вкусѣ. Въ Кавказскихъ горахъ почитаются *рыжїе волосы* отмѣнною для женскаго пола красотою: и по тому подкрашиваются особыми мазями.

Число употребительныхъ въ Кавказскихъ горахъ *языковъ*, полагая въ счетъ и весьма отмѣнныя *нарѣчїя*, почти не менѣе, какъ и число различающихся между собою народныхъ осшашковъ. Иног-

да употребляютъ и одинакія деревни совсемъ особливой и ближайшей деревнѣ невразумительной языкъ, которымъ, кромѣ одного мѣста, ни гдѣ не говорятъ. Иные же языки и у нѣсколькихъ народовъ въ употребленіи. Вѣроятно кажется, что языки и нарѣчія умножились тутъ отъ усилившагося невѣжества и повсемѣстной рѣдкости письменнаго искуства, такъ же отъ испорченнаго выговору словъ изо всего горла, чрезъ что дѣлаются они такъ нескладны, что иныхъ буквами нашими и выразить ни какъ не можно, а отъ части можетъ быть и отъ нарочной порчи словъ, въ воровскомъ или иномъ какомъ намѣреніи, такимъ же почти образомъ, какъ дѣлаютъ Цыганы, выговаривая слова на изворотъ, переставливая буквы, и такъ далѣе. При всемъ томъ думать надобно, что всѣ *Кавказскіе* языки произошли отъ *Татарскаго*, изъ коего много занято словъ во всѣ тамошніе языки: однакожъ въ иныхъ попадается не мало словъ и Финскихъ, въ другихъ Славянскихъ и Италіанскихъ, а въ нѣкоторыхъ и совсемъ неизвѣстныхъ. *Языки* ихъ можно вообще раздѣлить на чистой *Татарской*, *Черкаской*, *Лесгинской*, *Кистинской* или *Чеченгской*, *Грузинской* и *Осетской*.

Татарскимъ языкомъ говорятъ, по разнымъ нарѣчіямъ, *Грухменцы*, *Амбарлинцы*, *Базаны*, и другіе народы. *Черкаской языкъ* употребителенъ такъ же, по разнымъ нарѣчіямъ, у *Черкасъ*, которые говорятъ онымъ всѣхъ чище и пріятнѣе, такъ же у *Чеченговъ* и у другихъ *Кабардинцовъ*. *Лесгинской языкъ*, которымъ говорятъ въ Лесгистанѣ и у многихъ другихъ народовъ, имѣетъ особливо шесть столь разныхъ нарѣчій, что не въ диковину бы было почесть ихъ и совсемъ особливыми языками. Въ немъ слышно наиболѣше Финскихъ и Перскихъ словъ. *Кистинской языкъ*, которымъ кромѣ Кистовъ говорятъ и многія другія народныя общества, но по весьма многимъ нарѣчіямъ, имѣетъ столь много собственнаго, что ни къ какому извѣстному языку причислить его не льзя. *Грузинской языкъ* употребляется не только въ Грузіи, но и у подвластныхъ ей народовъ. *Осетскимъ языкомъ* говорятъ одни только Осетцы, на два нарѣчія; и кажется, что онъ произошелъ отъ Персидскаго. *Чехи* или *Богемцы* у Базіанъ говорятъ испорченнымъ и перемѣшаннымъ Богемскимъ языкомъ. О прочихъ же языкахъ или нарѣчіяхъ малыхъ народовъ, коихъ ни къ которому изъ вышепомянутыхъ языковъ причесть не льзя, умалчиваю.

Всѣ Кавказскіе народы могутъ, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ трудно набрать и пятдесятъ человѣкъ военныхъ, поставить до сша

тысячь коннаго войска: ибо нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ онаго и тысячь по десяти. Всѣ тамошнія области вообще какъ будто бы составляютъ одно, изъ многихъ малыхъ вельможныхъ правленій состоящее, непорядочное вельможами управляемое государство. Власть обладателей, Хановъ или Мурзъ (Князьковъ) и Беевъ, весьма различна. Нѣкоторые владѣютъ неограниченно; другіе же платятъ сами дань; нѣкоторыя владѣнія наслѣдственны, а другія избирательны. Нѣкоторые князьки осуждаютъ такъ же подданныхъ своихъ на смерть, и поступаютъ съ ними въ разсужденіи имѣнія, судопроизводства, лицъ, службъ и прочаго совсемъ своевольно; другіе напротивъ того почти ни въ чемъ не вольны; и иногда за бездѣлицу, либо и вовсе безъ причины, отрѣшаются, прогоняются, либо и на тотъ свѣтъ посылаются. Иной и мѣлкой дворянинъ больше въ своей деревнѣ имѣетъ власти, нежели нѣкоторые и нарочито знатные Князьки въ своемъ владѣніи.

Владѣльцы почитаютъ всѣхъ мужественныхъ людей своими *воинами*, которые должны во всякое время, и на сколько имъ угодно, на собственномъ своемъ иждивеніи, съ лошадью и со всею бронею, являться въ готовности къ походу и итти туда, куда они ихъ поведутъ. Въ случаѣ *войны* между сосѣдственными державами вступаютъ между собою нѣкоторые Князьки въ разсужденіи своего въ томъ соучаствованія или для своей безопасности въ договоры: всѣ же вообще не только не могутъ согласиться на приняшіе какихъ ни есть мѣръ, но и воюютъ еще при всякомъ случаѣ одни другихъ: по чему между ими и не бываетъ почти никогда всеобщаго мира. Неспокойные поступки и грабительства сихъ народовъ, такъ, какъ и собственная безопасность ихъ обществъ, производитъ больше или меньше порядочныхъ *оборонительныхъ договоровъ*. Они присягаютъ своимъ защитникамъ въ лицѣ своихъ начальниковъ, и кленутся не обижать ихъ подданныхъ ни въ разсужденіи жизни, ни въ имѣніи, но поступать съ ними честно, ихъ защищать, и въ случаѣ войны вспомоществовать имъ имѣніемъ и жизнію; да при томъ въ знакъ преданности своей соглашаются иногда платить и небольшую подать, и даютъ по нѣскольку богатыхъ и знатныхъ человѣкъ въ залогъ своей вѣрности, изъ коихъ служащіе къ безопасности Россіи находятся въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Азовѣ. Имъ, напротиву того, обѣщается противу непріятелей ихъ оборона и защита. Такимъ же порядкомъ, но по большой части съ платою тягостной подати, отдаются слабые народы подъ покровительство

сильнѣйшихъ Кавказцовъ отъ части добровольно, а отъ части и принужденно. Но сія признанная, присяжная и дачею аманатовъ утвержденная зависимость очень мало ихъ крѣпитъ; а больше они, особливо въ случаѣ войны, поступаютъ единственно по своей склонности, предразсужденію, могуществу и по противустоящей имъ воинской силѣ, не уважая при томъ много ни слѣдствій, ни будущаго: и по тому они перекидываются часто то на ту, то на другую сторону, и ихъ труднѣе представленіями, нежели силою доводить паки до тишины и покорности.

Нѣкоторые изъ сихъ народовъ почти ни какой подати Князькамъ своимъ не платятъ; другіе должны съ терпѣніемъ сносить и то, когда за однимъ разомъ берутъ у нихъ четвертую долю ихъ имѣнія, либо еще и больше; обыкновенная же подать состоитъ въ десятой долѣ отъ всего землею производимаго, въ опредѣленномъ, смотря по мнѣнію, числѣ лошадей и другаго скота, или въ купеческихъ и ремесленническихъ товарахъ, латахъ, оружіи, посудѣ и проч. *Судъ производится* по Турецкому обыкновенію: наказанія часто совершаются своевольно безъ всякаго изслѣдованія дѣла, безъ окилагательства, и слѣдовательно нерѣдко и напрасно.

Кавказцы имѣютъ правда *всегдашнія жилища*, какъ то и необходимо нужно по ихъ многолюдству: однакожъ жизнь ихъ толико нелѣпа, что малымъ чемъ разнится отъ кочевой, къ которой побуждаютъ ихъ и самыя приволья ихъ мѣстъ. Всѣ *живутъ*, какъ мы уже то замѣтили, только въ *деревняхъ*, изъ коихъ въ каждой бываетъ отъ 20 до 50 дворовъ, и при томъ во многихъ по одной каменной башнѣ, которая имъ въ случаѣ непріятельскихъ нападеній служитъ оградою, а женамъ ихъ и дѣтямъ убѣжищемъ. Когда они предвидятъ непріятельскія на себя устремленія, то покидаютъ они свои деревни и уклоняются на неприступныя горы, гдѣ живутъ они въ полаткахъ, не имѣя иногда ни хлѣба, ни обыкновенныхъ своихъ съѣстныхъ припасовъ. По прошествіи опасности не всегда находятъ они деревни свои въ цѣлости, но иногда видятъ только одни пожарища оныхъ: однако сіе нещастіе не за велико у нихъ почитается по тому наипаче, что они и сами переносятъ не рѣдко деревни свои на другія мѣста. Простое *жилье* составляютъ небольшія деревянныя избы; но многія семьи живутъ въ деревняхъ и въ бѣлыхъ войлочныхъ юртахъ. *Княжескія* и *господскія жилища* называются у многихъ *Кабаками*. Они бываютъ больше деревянныя, а каменныя рѣдко, и при томъ всѣ вообще дурно построены

и убраны. Около оныхъ стоятъ избы и наметы придворныхъ людей и слугъ, конюшни для лошадей, и проч. *Черкасы*, которые во всемъ до житія касающемся, имѣютъ преимущество предъ прочими Кавказскими народами, живутъ такъ же получше и наблюдаютъ въ жилищахъ своихъ больше, нежели ихъ сосѣди, опрятность. *Амбарлинцы* или Лощинные жители имѣютъ плохо построенныя зимнія деревни; лѣтомъ же кочуютъ по примѣру Башкирцовъ подъ шатрами, которые однакожъ больше прикрываютъ они рогожами изъ тростнику, нежели войлоками.

Главные промыслы Кавказцовъ состоятъ въ *земледѣліи* и *скотоводствѣ*: при чемъ многіе производятъ такъ же простыя *ремесленныя работы* и *торги*. Въ теплой своей сторонѣ на знаютъ они ни чего про озимовой хлѣбъ, а сѣютъ ячмень, овесъ, просо, по немногу конопель, табакъ въ изобильномъ колечествѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наибольше *саратинскаго лшена*. У *Кумыковъ* есть такъ же *сады шелковичныхъ деревъ*, съ коихъ и собираютъ они шелкъ. Все родится и даетъ тутъ плодъ изобильно. *Виноградъ* ростетъ въ горахъ самъ собою, но не употребляется.

Для *скотоводства* есть всякія приволья: но оно по причинѣ малаго между деревнями разстоянія не можетъ быть велико. Тутъ не нуженъ скоту ни домашній, ни зимній кормъ; хотя въ прочемъ для него и весьма полезно, когда въ зимнее время мѣсяца два получаетъ и дома по нѣскольку корму. *Лошади* мало уступаютъ Арабскимъ въ красотѣ, рьяности, понятіи и прочемъ: и для того объѣзженая лошадь продается червонцовъ по сту и дороже; а сіе самое побуждаетъ тамошнихъ Князьковъ и дворянъ содержать конскіе заводы. Въ число искуствъ Кавказскихъ лошадей принадлежитъ и то, что онѣ, когда надобно на нихъ сѣсть, или слѣзть долой, становятся на колѣни, разумѣютъ нѣкоторыя слова, и такъ далѣе.

Кромѣ простыхъ *ремесленниковъ* есть у нихъ такъ же искусные *мастера желѣзнаго дѣла*, которые дѣлаютъ простые и вороненые съ насѣчкою клинки къ саблямъ, широкіе граненые кинжалы, лапы, ножи и прочее, все на Турецкой вкусъ. *Граненые кинжалы* служатъ къ тому, чтобы пробивать сквозь кольцы латъ, и дѣлаются отъ части изъ ядовитой стали, дабы раны были смертоносны. *Желѣзо* покупаютъ Кабардинцы изъ Россіи; но нѣкоторые плавятъ оное и изъ своихъ рудъ. Порохъ дѣлаютъ они на ручныхъ мельницахъ. У нихъ вообще механическихъ заведеній мало:

однакожъ нѣкоторые Князьки построили у себя Рускими людьми пушныя мельницы. *Женщины* прядутъ, и ткутъ вездѣ холстъ, матерїи изъ хлопчатой бумаги, и простое сукно. Мѣстами попадаются такъ же и настоящїе, но неискусные, ткачи.

Они производятъ торги по большой части посредствомъ Армянъ и Жидовъ съ Россїею, Грузїею, Персїею и Турцїею лошадьми, овцами, кожами, мерлушками, саломъ, масломъ, медомъ, воскомъ, разсыпнымъ хлѣбомъ, овощами, хлопчатою бумагою, простымъ и дикимъ шафраномъ, саблями, кинжалами и симъ подобными товарами; а сами берутъ въ оборотъ крупцы, тонкія сукна, шелковыя матерїи и другїя рукодѣльныя произведенїя, такъ же пушной товаръ, полотно, всякую мѣлочь, сахаръ, и проч. Они обыкновенно товарами мѣняются, а иногда торгуютъ и на наличныя деньги, которыя, по елику собственныя монеты у нихъ не дѣлаются, принимаютъ они на вѣсъ, то есть сколько золото или серебро потянетъ, не взирая на монетную цѣну; червонцовъ же и нѣкоторыхъ другихъ монетъ вѣсъ и цѣну почитаютъ они вѣрными. При всей ихъ склонности къ обманамъ, весьма прибыточно иностранцамъ производить съ ними торги.

Похищенїе людей и скота можетъ почесться почти и промысломъ нѣкоторыхъ изъ сихъ народовъ. Они производятъ оное нарочито явно, и счастливый въ томъ успѣхъ вмѣняется удальцу въ честь и славу. Нерѣдко пріемлютъ и сами Князьки въ таковыхъ хищенїяхъ участїе, или дѣлятъ добычу съ похитителями пополамъ. Они и своимъ сосѣдямъ не спускаютъ, и помощїю Лезгинцовъ обижаютъ наипаче Грузинцовъ и Ногайскихъ Татаръ: но сїи послѣднїе и сами не хуже имъ платятъ. Хищенїе ихъ обращается наибольше на *пригожихъ дѣвокъ* и бабъ, которыхъ сами они или ихъ Князьки дѣлаютъ у себя наложницами, или продаютъ Армянамъ, которые перепродаютъ ихъ въ Турецкїе Серали подъ именемъ Христїанокъ. Славный *торгъ Черкасскими дѣвками* оглашенъ правда съ лишкомъ, однакожъ не по пустому. *Клеманъ*, новѣйшїй и достовѣрнѣйшїй путешественникъ, увѣряетъ въ путешествїи своемъ въ Крымъ, что Черкасы, кромѣ скота, пригоняютъ въ *Каффу* и своихъ дѣтей, и получаютъ за молодую, пригожую рыженькую дѣвку отъ шести до семи тысячь Турецкихъ пїастровъ. По стольку могутъ платить одни только богатые, и слѣдовательно такїе люди, у которыхъ вѣрно больше достатку, нежели у тѣхъ мужчинъ, за какихъ бы могли такїя дѣвки въ отечествѣ своемъ выйти; по че-

му и могутъ сіи жертвы любострастія надѣяться по крайней мѣрѣ на то, что житье имъ будетъ не худое. Народу, покупающему женъ, проспительнѣе такой поступокъ, нежели намъ, понимающимъ въ супружество соучастницъ во всѣхъ жребіяхъ нашей жизни.

Въ *одѣяніи* не больше у нихъ отмѣнъ, какъ и у насъ. Всѣ носятъ долгое Восточное платье, бреютъ голову, и оставляютъ нарочито большой хохолъ. На приодѣвшемся чистенько *Кабардинцѣ* бѣлье бываетъ изрядное, штаны широкія, сапоги сафьянные, долгое шелковое поясомъ подтянутое нижнее одѣяніе, долгое верьхнее платье, у коего рукава съ прорѣхами и закидываются на задъ, изъ тонкаго сукна или шелковой матеріи, богатая скуфейка и плоская шапка, которая въ верьху ширѣ, нежели около околыша. Рѣдко случается, чтобы не былъ у него привѣшенъ къ поясу верьхняго платья кинжалъ, и чтобы онъ не препоясанъ былъ саблею, которая обыкновенно виситъ на ремешкахъ. А когда надобно *вооружится*, то надѣваетъ панцырь, препоясываетъ саблю, и беретъ копье, лукъ или ружье. Бѣдные шьютъ себѣ одѣяніе изъ бумажной матеріи или сукна собственнаго своего рукодѣлья.

Женское одѣяніе подобно у нѣкоторыхъ больше Татарскому или Армянскому; у другихъ напротивъ того подходитъ оно ближе къ Европейскому. *Кабардинка* носитъ рубаху, штаны, камзолы и кафтаны съ рукавами и безъ оныхъ, зимою шубу, которая достаетъ до самыхъ икръ, серьги, ожерелье, и покрываетъ голову Татарскою фатою (Гаспаръ), которою, когда идетъ со двора, занавѣшиваетъ у себя лицо. Весь ихъ нарядъ, смотря по достаткамъ мужей или отцовъ, такъ, какъ и по собственной ихъ суетности, бываетъ весьма неравной цѣны.

Пища ихъ на Татарской вкусъ, только побольше приправляется и получше. Они ѣдятъ и за столами, сидя на стульяхъ. *Горячіе напитки* любятъ и многіе знатные Магометанцы относятъ заповѣдь Магаметову къ одному только виноградному вину: по чему и употребляютъ водку, медъ и крѣпкое, Аглинскому подобное пиво, которое варятъ сами.

Имъ невозбранно имѣть и многихъ женъ: но они даютъ первой женѣ столь много преимуществъ, что другой и прочимъ бываетъ то обидно: по чему они и имѣютъ обыкновенно по одной только женѣ, а у богатыхъ и по нѣскольку *наложницъ*. *Покупная цѣна* невѣстъ называется у нихъ изъ пышности *лодаркомъ*; но при томъ съ такою же точностію, какъ и у другихъ Татаръ, опредѣ-

ляется. Покойниковъ своихъ пеленаютъ они въ большія простыни, и хоронятъ ихъ безъ гробовъ.

Многіе Кавказскіе народы считаютъ себя всѣ вообще *Мугаметанами*, и причитаются живущіе по Сѣверную сторону горъ, къ *Сунійскому*, а обитающіе по Южную сторону къ *Алійскому* толку. Весьма не многіе изъ нихъ обрѣзываются, какъ и прочіе Мугаметане, празднуютъ пятокъ, содержатъ посты, моются, и приносятъ иногда молитвы, въ которыхъ называютъ Бога не *Аллою*, какъ Татара, но *Дайлою*. У нѣкоторыхъ есть молебныя *храмины* и при нихъ *Муллы* изъ Персіи. Но они за неимѣніемъ школъ въ дѣлахъ до вѣры касающихся чрезвычайно незнающи, и о законѣ своемъ и сами недоумѣваютъ: а по тому и есть у нихъ много признаковъ Христіанской вѣры, но не меньше и языческаго суевѣрія. Почти всѣ *празднуютъ воскресные дни*, хотя и не богослуженіемъ, однакожъ отдохновеніемъ отъ трудовъ. У *Абузанъ* есть первосвященникъ, котораго они называютъ *Калтакосомъ*; онъ долженъ быть холостой и безпорочной человѣкъ, разрѣшать народу послѣ поста на мясо, и проч. *Чанинстагъ* (чистой человѣкъ) у *Кистинцовъ* холостъ же, и имѣетъ пребываніе при нѣкоторомъ старинномъ каменномъ молебномъ храмѣ, въ коемъ, по ихъ сказкамъ, есть такіе истуканы и книги, которыхъ ни кому видѣть не подобаетъ. По окончаніи жатвы посѣщаютъ благоговѣйные люди сего Чанинстага, который тогда закалаетъ у себя какъ будто бы въ жертву много бѣлыхъ овецъ. Мѣстами понадаются надгробные камни со крестами и Христіанскими надписями. Вѣроятно кажется, что сіи остатки заимствуютъ начало свое отъ временъ Греческаго и Византійскаго владычества, такъ же отъ Моравской братіи, и отъ стараній во времена *Царя Ивана Васильевича* о обращеніи таковыхъ невѣрныхъ къ православной Грекороссійской вѣрѣ.

БУХАРЦЫ.

Россїйское государство изъ стари имѣетъ въ Сибири весьма многолюдныя *Бухарскїя селенїя*. Татарскїя слободы въ *Тобольскѣ*, *Тарѣ* и *Томскѣ* совсемъ, а въ *Тюринскѣ* и *Тюменѣ* по большой части, населены Бухарцами; и при томъ по близости сихъ городовъ, а особливо около *Тары*, живетъ много Бухарцовъ отъ части въ особливыхъ деревняхъ, а отъ части между другими Татарами. Въ *Башкирїи* есть двѣ *Бухарскїя волости*; не упоминая о частныхъ Бухарскихъ семействахъ, живущихъ розно по Оренбургской губернїи, такъ же въ Каргалѣ и Астраханѣ, между другими Татарами. Всѣ сїи Бухарскїя селенїя и разсѣянно живущїя семейства составляютъ больше 20000 душъ одного мужескаго пола. Всѣ они произошли изъ Великой *Бухарїи* чрезъ преселенїе отъ части своихъ родителей, а отъ части и свое собственное.

Городскїе Бухарцы заимствуютъ начало свое отъ оставшихся у насъ Бухарскихъ каравановъ, и получаютъ все еще нѣкоторое приращенїе отъ Бухарскихъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, которые назадъ не возвращаются. Деревенскихъ, и между другими Татарами разсѣявшихся Бухарцовъ составляютъ по большой части такїе люди, которымъ удалось избавиться отъ Киргизскаго рабства побѣгомъ въ Россїю. Жители обѣихъ въ Башкирїи находящихся Бухарскихъ волостей называются какъ сами, такъ и отъ тамошнихъ приказныхъ мѣстъ, *Сартами*; подъ словомъ же симъ разумѣть надобно караванами путешествующихъ купцовъ. Во время Россїйскихъ побѣдъ, послалъ, по здачѣ ихъ, Бухарской Ханъ къ Россїйскому Царю Мурзу *Реингула*, который и пробылъ при Царскомъ дворѣ двенадцать лѣтъ отъ части какъ Бухарской ходатай, а отъ части произволя отъ себя торги; и какъ онъ ѣхалъ уже обратно въ Бухарїю, то мѣста около Уфы поправились ему такъ, что онъ вознамѣрился остаться тамъ на вѣкъ. Тутъ умножился какъ собственной его ролъ, такъ и служителей его семейство, да при томъ приходило къ нему и къ потомкамъ его убѣгающихъ отъ Киргизскаго властительства Бухарцовъ столько, что объ волости въ 1771 году состояли изъ 50 семей въ Уфской и изъ 52 семей въ Исетской провинцїяхъ; не считая многихъ не перечтенныхъ еще выходцовъ.

Не неприлично будетъ упомянуть здѣсь и о томъ, о чемъ

имѣлъ я случай освѣдомиться и самъ отъ караванныхъ людей въ разсужденіи жителей въ самой Бухаріи и ихъ земли; а особливо по тому, что мы производимъ съ народомъ симъ весьма выгодной торгъ, и получаемъ отъ онаго и нынѣ еще изподоволь новыхъ поселянъ.

Великая *Бухарія*, сколько извѣстно, лежитъ отъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера въ восточной сторонѣ, и окружена Персіею, Сѣверною Индіею и многими небольшими Татарскими владѣніями. Лежащій при *Амурѣ-Дарьѣ*, главный городъ *Бухара*, отстоитъ отъ Оренбурга, считая прямою дорогою, верстъ на 1500 въ Южновосточную сторону; у торговыхъ же людей, которые идутъ обыкновенно съ навьюченными верблюдами, прибываетъ дороги отъ пяти сотъ и до тысячи верстъ, по тому, что они должны для отысканія кормовыхъ мѣстъ и воды итти стороною. Земля сія лежитъ въ Сѣверномъ склоненіи Индійскихъ горъ, свободно, и при томъ по большой части ровна; но мѣстами есть и горы.

Бухарцы почитаютъ себя чистыми *потомками Уцовъ*, а нынѣшнихъ *Туркоманов*. Во время воинственнаго странствованія на Западѣ Татаръ остались они въ семъ мѣстѣ и перемѣнили изподоволь, побуждаемы будучи плодородіемъ земли и благорастворенным воздухомъ, пастушью жизнь на земледѣльческую, а шатры на одномѣстныя жилища.

Въ *Бухаріи* владычествуетъ *Ханъ*, избираемый изъ Ханскаго колѣна; и онъ побольше имѣетъ власти, нежели Ханы сосѣдственныхъ съ сею землею народовъ: однакожъ не совершенно самовластенъ и можетъ быть низлагаемъ. Въ странѣ сей весьма рѣдки такіе случаи, чтобы народъ былъ покоривой, а Ханы бы, чужлаясь пышности и большихъ издержекъ, жили больше собственнымъ своимъ имѣніемъ, нежели государственными поборами.

Кромѣ находящихся въ Алкоранѣ *законовъ*, имѣютъ они еще и особые писменные, которые всѣ вообще посильны, и исполненіе чинится по нимъ безо всякаго отлагательства. Всякъ не взирая ни на разность племени, ни на вѣру, приемлется въ Бухаріи свободно и пользуется, пока живетъ мирно, совершенною вольностію производить всякой промыселъ, какой ему наиприбыльнѣйшимъ покажется: по чему и есть между Бухарцами великое множество Жидовъ, Аравитянъ, Персіянъ, Индійцовъ и иныхъ Восточныхъ странъ жителей; да и Цыганы странствуютъ у нихъ и живутъ подъ шатрами.

Языкъ ихъ почитается, между Татарскими нарѣчіями, красивымъ, хотя и походитъ нарочито на Персидской. Школы ихъ въ такой чести у Татарскихъ народовъ, что молодые изъ нихъ люди, желающіе препроводить жизнь свою въ духовномъ чинѣ, отправляются въ Бухарію и учатся тутъ, сверьхъ Татарскаго и Арабскаго языковъ, нѣсколько свѣтскому бытописанію, знанію о положеніи разныхъ земель и мѣстъ, и сему подобному. Бухарцы сами имѣютъ изрядныхъ священнослужителей; а купцы ихъ говорятъ Арабскимъ языкомъ проворно.

Между *городами* ихъ одинъ только городъ *Бухара* великъ; прочіе же могутъ почестться мѣстечками, которыя мало разнятся отъ большихъ селъ, по тому наипаче, что городскіе и сельскіе промыслы безъ всякаго почти разбору производятся, и не всякъ при своемъ промыслѣ остается. Города окружены стѣнами изъ несженаго кирпича; улицы въ нихъ прямыя; и проведены водопротечные рвы, которые имѣютъ съ рѣками сообщеніе и по тому доставляютъ городскимъ обывателямъ протечную воду.

Наилучшіе ихъ *домы* строятся изъ тонкаго бревенчатаго лѣсу и несженаго, а иные и изъ чистаго кирпича; но велики ни когда не бываютъ. Простыя же избы или хижины выплетены изъ хворосту и обмешаны глиною. Въ *покояхъ* подѣланы по Татарскому обычаю очаги и полати, которыя устилаютъ они хорошими коврами. Въ избы ихъ такъ, какъ и въ Индійскія, проходитъ свѣтъ не окномъ, но сдѣланною въ плоской крышкѣ или потолокѣ решешкою, на которую натягиваютъ они сѣть; а во время дожжа, который бываетъ у нихъ весьма рѣдко, совсемъ оную закрываютъ. Жилища ихъ содержатся въ чистотѣ, но не великолѣпны; и въ однихъ только молебныхъ храминахъ и въ Ханскомъ дворцѣ видна позолота, да и то худая. У всякаго двора есть сводомъ складенная печь, у которой устье для поклажи дровъ сдѣлано въ боку, а верьхъ открытъ для проходу дыму и для вѣшанія хлѣба въ нутри печи на вколоченные въ стѣну гвозди.

Главные ихъ *промыслы* суть: землепашество, садовое искуство, рукодѣлія и торги. Въ разсужденіи того, что дожжи бываютъ у нихъ рѣдко, проведены по пашнямъ и садамъ рвы, изъ которыхъ черпаютъ на поливаніе воду. Они трудолюбивы, но слабы; и по тому покупаютъ у Киргизцовъ и другихъ народовъ невольниковъ, и платятъ за дороднаго дѣтину отъ 50 до 100 Бухарскихъ червонцовъ. Сами они не только не похищаютъ людей, но и съ не-

вольниками своими поступаютъ такъ, какъ будто бы съ своими родственниками, и отнюдь не приневоливаютъ ихъ къ обрѣзанію. На пашняхъ своихъ сѣютъ они Сарачинское пшено (Б. Бримшъ), пшеницу (Гандюмъ), овесъ (Дѣвтурсъ), двоякаго рода бобы (Лобя и Бакла), чечевицу (Машъ), нѣкоторой родъ журавлинаго гороху (*) (Ногудъ), Бухарское пшено (**) (Диагара), и особливой мѣлкой родъ пшена же (Конекъ); другихъ же хлѣбенныхъ посѣвовъ никакихъ у нихъ не видно. Сѣмена вскорѣ по окончаніи жатвы очищаются отъ колоса въ полѣ же посредствомъ топтанія скотины, которая нарочно для молоки куда надобно загоняется. А понеже скоту ихъ зимній кормъ не нуженъ, то вся солома употребляется на топку печей.

На *садовыхъ* ихъ *логяхъ* растутъ конопли (Б. Канабъ) для канатовъ и прочаго, простой ленъ (Сагурь), другой родъ льну же (Индавь) и Восточной Сезамъ (***) (Б. Кунчукъ), всѣ три для битья масла, табакъ (Тамакъ), марена (****) (Роянъ), нѣкоторый родъ краски, которую называютъ они Мазою, а наибольше стараются о хлопчатой бумагѣ. Бухарской Башманъ хлопчатой бумаги (въ которомъ вѣсу семь пудъ Россійскихъ) покупается изъ первой руки, смотря на чистоту, отъ 3 до 5 червонцовъ. Изъ сѣмени хлопчатой бумаги бьютъ они горькое, но весьма хорошее для сженія, масло. Садовыя ихъ поля обсажены обыкновенно во кругъ шелковичными деревами (Б. Тулъ). Въ обыкновенныхъ ихъ садахъ, до которыхъ они великіе охотники, есть много хорошаго овощу, такъ же априкозовъ, персиковъ, гранатъ, пигвъ, винограду, сливъ, вишенъ, тамошняго орѣшнику, почти всѣхъ нашихъ огородныхъ растеній, а особливо дынь, арбузовъ, и разныхъ хорошихъ цвѣтовъ.

Скотоводство ихъ по причинѣ великаго множества селеній не знатное. Они держатъ лошадей, рогатой скотъ, верблюдовъ, овецъ, козъ, иословъ. Лошади ихъ хороши; а особливо пѣгихъ весьма охотно Индійцы покупаютъ и платятъ за каждую отъ 30 до 80 Бухарскихъ червонцовъ. *Овечьи* ихъ *заводы* большою частію за Аравитянами, которыхъ и стада состоятъ изъ Арабскихъ овецъ, коихъ родъ отмѣнитъ тѣмъ, что толстые хвосты у нихъ подолѣе, а

(*) Cicer arieti num. L.
(**) Holcus ſachàratus. L.
(***) Seſamum orientale. L.
(****) Rubia tinctorum.

шерсть мягкая: но при всемъ томъ добротою далеко она не подходитъ къ Аглинской. Съ ягненковъ сихъ овецъ снимаются славныя *Бухарскія мерлушки*. Самыя лучшія, которыя Россійскіе купцы называютъ *волнистыми*, снимаются съ двухнедѣльныхъ барашковъ, и изъ сихъ каждая мерлушка покупается и въ самой Бухаріи по червонцу: и слѣдовательно тулупъ изъ оныхъ станетъ очень дорого. Волосъ на нихъ лежитъ волнисто и отливаетъ отъ чрезвычайной черноты или бѣлизны. На ягненкахъ, которые постарѣе, бываетъ волосъ такъ же еще волнистъ, но выше и не такъ ровно лежитъ; да и лоскъ отъ него уже не таковъ. Овчари безпрерывно кочуютъ въ песчаныхъ степяхъ и живутъ подъ намешами.

Въ городахъ ихъ и деревняхъ есть всякіе простые *ремесленники*, какъ то портные, кожевники, сапожники, красильщики, маслобои и симъ подобные. Въ красильномъ ремеслѣ упражняются по большой части Жиды, изъ коихъ нѣкоторые содержатъ и небольшія для гуртовыхъ рукодѣлій заведенія. Красильщики и кожевники употребляютъ въ дѣло свое орѣшки съ тамошняго орѣшнику. *Бухарскія изъ хлопчатой бумаги матеріи* ткутъ всѣ тамошнія женщины такъ, какъ наши домашній холстъ. *Пищую бумагу* дѣлаютъ они изъ хлопчатой бумаги и коры съ шелковичныхъ деревъ.

Купечество ихъ производитъ торги въ Индію, Персію, Китай, Россію, и въ небольшія Татарскія области. Во всѣ сіи земли странствуютъ они караванами или обществами. По елику они часто бываютъ долго отъ домовъ своихъ въ отлучкѣ, и по тому къ другимъ народамъ привыкаютъ; то многіе становятся напослѣдокъ къ отечеству своему столь непристрастны, что и никогда въ оное не возвращаются.

Торгъ съ Индійцами производятъ они въ *Калутѣ*, ближайшемъ городѣ великаго *Могола*, отстоящемъ отъ Бухары на 750 верстъ, и въ *Молтанѣ*, который хотя и весьма отдаленъ, однакожъ выгоденъ для торговыхъ людей по тому, что по дорогѣ къ нему не только безопасно, но и довольно разходится товаровъ. Индійцы покупаютъ почти однихъ только пѣгихъ лошадей; напротивъ того Бухарцы берутъ изъ Индіи (Б. Гиндостанъ) лучшія противъ собственныхъ своихъ шелковыя и бумажныя матеріи, жемчугъ, пряное коренье, изумруды (Б. Сумератъ), яхонты (Фахратъ), Индійской Шафранъ и проч. Изъ *Персіи* вывозятъ они бархаты, кушаки (Б. Фота) обыкновенной Шафранъ, и проч. Съ *Китайцами* торгуютъ

они въ *Кашгарѣ* или *Хашхарѣ*, городѣ лежащемъ въ Бухаріи, но состоящемъ подъ Китайскимъ покровительствомъ. Они гоняютъ шула лошадей, овецъ и ословъ; а берутъ отъ Китайцовъ серебро и ревень, которой разпродаютъ въ Персіи. Привозимой же Бухарцами на продажу въ пограничной съ Россіею и Китаемъ городъ *Кяхту*, въ Даурiи, ревень, которой отшуда идетъ въ Россію, скупаютъ въ *Тибетѣ* и другихъ мѣстахъ Бухарцы, живущіе въ Восточной и большою частію къ Китайскому владѣнію принадлежащей странѣ Бухаріи. Небольшія сосѣдственныя области снабдѣваютъ Бухарцы всякими какъ своими собственными, такъ и иностранными товарами.

Торгъ съ Россіею нарочито для Бухарцовъ выгоденъ, но при томъ и крайне затруднителенъ. Они должны въ Киргизскихъ отъ части безплодныхъ и безводныхъ степяхъ продолжать дорогу обходами и платить за провожанiе Киргизцамъ, съ нѣкотораго времени, за каждаго верблюда, чемъ бы онъ навьюченъ ни былъ, по три червонца товарами: но и при всемъ томъ караваны иногда разграбляются, а купцы попадаютъ въ неволю. Россійское правительство принуждаетъ правда Киргизцовъ, чтобы они за таковыя похищенiя и грабежи отвѣтствовали: однакожъ Бухарцы часто остаются въ убытке. Въ Оренбургъ, Троицкъ при Оренбургской линiи, и въ Астрахань приходитъ ежегодно нѣсколько каравановъ, въ коихъ бываетъ отъ 100 до 200 верблюдовъ; меньшiе же бываютъ иногда въ Сибири, въ Петропавловской крѣпости, на Ишимской линiи, въ Томскѣ и другихъ мѣстахъ. Самой большой ихъ торгъ производится въ *Оренбургѣ*, гдѣ находится двойной такъ называемой Азiатской гостиной дворъ, въ которомъ занимаютъ Бухарцы нѣсколько сотъ настоящихъ лавокъ для поклажи своихъ товаровъ. Въ 1773 году шелъ въ Оренбургъ состоящiй изъ 900 верблюдовъ караванъ.

Бухарскiе купцы привозятъ наибольше въ Россію Бухарскiя и Индiйскiя бумажныя и полушелковыя машерiи, простую и пряденую хлопчатую бумагу, готовые и совсѣмъ сшитые халаты, на которые великой росходъ, мерлушки, сушеной овощь, нѣкоторой родъ мѣлкаго изюму (Кишмишъ), иногда цынварное сѣмя (*), дорогiе каменья, золотой песокъ, и невареную селитру; а въ прежнiя времена привозили такъ же горной и самородной нашатырь, и проч. Изъ Россіи напротивъ того берутъ больше красныя сукна, юфть, червецъ, индиго, бисеръ, ножи, проволоку, иглы, всякой щепетинной

(*) Santonicum.

товарѣ, а въ Астрахани и Персидской шелкъ. Въ обиѣнѣ верстаются они обыкновенно своими червонцами. Караванъ рѣдко когда стоитъ на мѣстѣ долѣе двухъ мѣсяцевъ; и что въ сіе время непродастся, то оставляютъ Бухарцы своимъ прикащикамъ, которые иногда и напередъ откупаютъ у нихъ товары.

Ханъ чеканитъ *золотую* и *серебреную* монету, но сей послѣдней выходитъ мало, по тому, что у Бухарцовъ нѣтъ своего серебра. Золотая же монета состоитъ по большой части въ *червонцахъ*, которые дѣлаются изъ вымывнаго изъ рѣкъ ихъ золота просто, съ одною только надписью: но вѣсомъ и добротою бываютъ они почти равны Голландскимъ. Въ Бухаріи производятся торги больше на наличныя деньги; да и подати платятся наличными же деньгами. По торгамъ съ Персіянами получаютъ они часто тамошніе серебряныя деньги: по чему и ходятъ въ Бухаріи Персидскія *рупіи*.

Въ разсужденіи *лицъ* наблюдаютъ они такія же установленія, какихъ держатся другіе Магометане: но ѣствы ихъ лучше и чище приготовляются, нежели у живущихъ у насъ Бухарцовъ. Мясная пища не столько у нихъ въ употребленіи, какъ отъ царства растьній заимствуемая; и они вообще живутъ просто и скромно. Въ лѣтнюю пору питаются они почти однимъ хлѣбомъ, свѣжимъ овощемъ, арбузами, дынями, виноградомъ и тому подобнымъ; зимою же ѣдятъ обыкновенно сушеной овощь. Они привѣшиваютъ и къ потолокамъ въ избахъ свѣжій овощь, арбузы, виноградъ и проч. на закуску. Нѣкоторые вырѣзываютъ въ арбузахъ и дыняхъ ямки, которыя начиняютъ изюмомъ: отъ чего происходитъ такой же почти бродъ, какой, бываетъ въ молодомъ винѣ, и плоды получаютъ преизрядной вкусъ. То же самое дѣлаютъ и Татара нѣкоторые въ Астрахани. Главныя же ихъ ѣствы суть кашицы изъ сарачинскаго и простаго пшена, и другія; а варятъ оныя съ Сезамовымъ или Кунчуковымъ и другимъ постнымъ или скоромнымъ масломъ такъ, какъ и съ молокомъ. *Хлѣбъ* (Намъ) пекутъ про себя пшеничной, а для людей изъ Бухарскаго пшена. Оный состоитъ въ пресныхъ лепешкахъ, которыя вѣшаютъ на находящіяся въ печахъ гвозди, либо пекутъ ихъ или подсушиваютъ крѣпко на угольяхъ въ печи. Лакомая ихъ ѣства называется *Медонъ*, и дѣлается на подобіе нашихъ маковниковъ изъ толченаго маковаго сѣмени съ медомъ и пряными кореньями. Кто поѣстъ *Медона*, тотъ становится послѣ онаго веселъ и замысловатъ.

Питье ихъ состоитъ въ простоквашѣ, водѣ, и чаю, которой пьютъ съ Индѣйскимъ Анисомъ, а наибольше въ свѣжемъ, еще не бродившемъ, виноградномъ сокѣ.

Они любятъ *уливаться* слегка, чтобъ только поразвеселиться, а иные не гнушаются и перепоемъ: по чему табакъ и опій въ великомъ у нихъ употребленіи. Опій (Б. Авіумъ) приобрѣтаютъ они изъ растущаго маку, котораго головки надрѣзываютъ: послѣ чего выступаетъ изъ оныхъ сокъ и засыхаетъ на воздухѣ. Они обмываютъ напослѣдокъ такія надрѣзанныя маковыя головки водою, которую называютъ маковою (Каненарь Су.). *Бангъ* ихъ больше ни что, какъ женскаго рода конопельные цвѣты, которые они свѣжіе или просушеные, смѣшавъ съ табакомъ, курятъ, а иногда пекутъ изъ оныхъ и небольшіе пирожки: для сего употребленія завертываютъ они ихъ въ капустные листы, и парятъ въ горячей золѣ; а напослѣдокъ съ мукою на молокѣ замѣшиваютъ, и просушеные только пирожки глотаютъ по одному или по нѣскольку, смотря по тому, больше ли или меньше хотятъ подгулять.

Благорастворенный въ Бухаріи климатъ споспѣшествуетъ *любви* не меньше, какъ и пьянству. Зажиточные люди имѣютъ обыкновенно по двѣ, по три и по четыре жены; и уваръ отъ *Салепа* или *Кокушкиныхъ слезъ* (*), которыхъ крѣпительная сила не оказывается тутъ такъ, какъ въ холодныхъ странахъ, невѣрною, употребляется обоими полами не меньше, какъ у насъ кофей. Корень отъ сего растѣнія сперьва поджариваютъ, потомъ толкутъ на мѣлко, и варятъ въ водѣ, которую пьютъ съ сахаромъ точно такъ, какъ кофей. Многіе мужчины, по причинѣ многоженства богатыхъ людей, остаются въ одинакомъ состояніи: но по елику мужья даютъ въ любви преимущество одной которой ни есть женѣ, и при томъ долго бываютъ въ поѣздкахъ, а любимыя женщины сами облегчаютъ любовникамъ путь къ соблазну; то рѣдко когда Бухарскому любовнику, при всей наблюдаемой въ разсужденіи поступокъ женскаго пола строгости, и безъ нужныхъ въ прочемъ проводниковъ, сплетокъ и проч. бываетъ неудача; да и сверьхъ того многія одинакія женщины предаются безпутству: по чему и есть у нихъ много въ обоихъ полахъ страждущихъ любовною заразою людей.

Тѣ, которые *любятъ воду* и по тамошнему обыкновенію купаются въ протокахъ, страждутъ часто такъ называемою *Бухарскою*

(*) Orchis s. Satirium.

болѣзнію или *волосатикомъ* (Б. *Пишта*), которая уповательно есть та самая, которая у врачей называется: *dracunculus perſicus*, или *vena medinenſis*. Червь, называемый *волосатикомъ* (*) роется нѣсколько времени за кожею по всему шѣлу, а напослѣдокъ, въ какомъ бы то мѣстѣ ни случилось, выходитъ на ружу съ произведеніемъ нарочито мучительнаго нарыву. Въ прочемъ довольно видано примѣровъ, что онъ къ выходу своему избираетъ, глаза, языкъ, удъ и проч. Больные уцѣпляются за торчащій кончикъ сего червя, и мотаютъ оной, смотря по тому, сколько онъ въ передъ подается, пока напослѣдокъ изподволь всего вытащатъ. Поелику всѣ части сего червя живущи, то отъ прерванія онаго чрезъ усильное вытаскиваніе опасныя бываютъ слѣдствія. Никто не можетъ запримѣтить того времени, когда червь сей врывается въ шѣло. На ружу же выходилъ онъ у нѣкоторыхъ по прошествіи года, въ Россіи и другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые страждутъ вдругъ нѣсколькими, другіе многими, но по одиначкѣ выходящими, а иные мучатся въ жизни своей двадцатью и больше таковыми гадинами; да и ни какой возрастъ не бываетъ отъ оныхъ безопасенъ. При всемъ томъ иные люди, хотя купаются и пьютъ воду, никогда бѣды сей надъ собою не видятъ. Другая меньше опасная, но чаще случающаяся болѣзнь въ Бухаріи, есть *угрызеніе* живущихъ во всѣхъ домахъ *скорліоновъ*. Произходящіе отъ того нарывы лѣчатъ они прикладываніемъ горячей золы и приношеніемъ о исцѣленіи чрезъ духовныхъ людей моленія.

* * *

Бухарцы наши, гдѣ бы они ни были, держатся другъ друга, и соблюдаютъ чрезъ то отчизненные свои нравы. Съ *виду* они походятъ на Казанскихъ Татаръ, однакожъ больше уподобляются Индѣйцамъ. Они по большой части великорослы и тонки; глаза у нихъ малые; уши большіе отвислые; а волосъ русой, жидкой и прямой. Въ *ловеденіи* ихъ оказывается изрядный природный разумъ, честность, вѣжливость, раченіе, умѣренность и опрятность: что произходитъ частію и отъ изряднаго состоянія ихъ школъ. *Языкъ* ихъ есть такой же, какой употребителенъ въ ихъ отечествѣ, то есть Татарской.

Они держатся наблюдаемаго въ отечествѣ ихъ *счисленія времени*, которое двумя годами отстаетъ отъ располагаемаго по Гегирамъ, и называется у нихъ *Герехъ*: а по тому и нынѣшній 1796

(*) Gorgius aquaticus, s. medinenſis. Linn.

Сибирской Бухарѣ.
Ein Sibiriacher Buchar.
Un Bouchar de Siberie.

годъ есть по ихъ счисленію 1210, а не 1208, какъ у прочихъ Магометанъ. Сверьхъ того раздѣляютъ они лѣта, обще съ Монгалами и Калмыками, по примѣру Римскихъ Олимпіадъ, на *Додекады*, и всякому году, на подобіе нашихъ двенадцати небесныхъ знаковъ, дано по какому ни есть животному названіе. Такіе по животнымъ наименованные годы суть слѣдующіе: годъ *мыши* (Б. Чатскамъ Диллі), *коровы* (Баресъ), *зайца* (Таушканъ), *ящерицы* (Лу), *змеи* (Джилакъ), *лошади* (Елка), *овцы* (Кой), *обезьяны* (Пилшинъ), который есть нынѣшній 1210 ихъ годъ, *петуха* (Таукъ), *пса* (Итъ), и *свиньи* (Донгусъ): и сіи названія употребляютъ они обыкновенно, когда о произхожденіяхъ своихъ временъ говорятъ или пишутъ.

Внутреннее *устроеніе* у нашихъ Бухарцовъ, выключая однихъ *Сартъ*, совершенно подобно тому, какое у Казанскихъ Татаръ: у нихъ такія же распоряженія, подати, промыслы, жилища, вѣра, обыкновенія и житейскіе обряды. По елику они, говоря вообще, зажиточны, то и пользуются правомъ *многоженства* такъ, что у нѣкоторыхъ есть и полное число по Алкоранскому дозволенію женъ, то есть четыре. Цѣна невѣсты, смотря по мѣсту, достатку и склонности, простирается отъ 10 до 200 рублей. При *погребахъ* ихъ бываетъ отмѣнно отъ обрядовъ Казанцовъ только то, что Бухарцы надѣваютъ на покойниковъ мужескаго пола Турецкую чалму, на которую навертываютъ четыре аршина бѣлой холстины.

Въ *одѣяніи* отошли они такъ же не много отъ Казанцовъ. Мужчины оставляютъ на головѣ по хохлу, а на нижней губѣ по маленькой бородѣ; прочіе же волосы выдергиваютъ или выводятъ особливою мазью. Плѣшивую голову покрываетъ востроя, большою частію собранная скуфейка и плоская шапка съ околышемъ. Они обыкновенно оторачиваютъ и суконное верьхнее одѣяніе. *Женщины* ихъ наряжаются точно такъ, какъ и *Казанскія*. Въ Бухаріи носятъ мужчины весьма высокія нѣсколько востроя, похожія почти на улей шапки съ околышемъ, по которымъ ихъ, когда пріѣзжаютъ съ караванами, легко признать можно. Тамошнія женщины красятъ у себя на рукахъ ногти измятою гвоздикою (Б. Хна) желто; что дѣлаютъ такъ же и прочія, а особливо въ Астрахани богатыя невѣсты.

Сарты въ Уфской провинціи, живутъ, жительствуютъ и поступаютъ во всемъ точно такъ, какъ Уфскіе деревенскіе Татара. Находящіеся же между Башкирцами въ Исетской провинціи Сарты возлюбили паки кочевую жизнь: однакожъ такъ, какъ и Башкирцы,

имѣютъ всегдашнїя зимнїя деревни. Они заимствуютъ пропитаніе свое больше отъ *скотоводства*; но при томъ, по примѣру Башкирцовъ, которыхъ они держатся, производятъ небольшое *земледѣлаше-ство*. Они не отмѣнны нынѣ отъ сего народа ни въ житїи, ни въ одѣянїи, ни въ обыкновенїяхъ: однакожъ удержали Бухарской свой видъ и побольше склонности къ чистотѣ.

ТАТАРСКІЕ ПОСЕЛЯНА.

Во всякомъ государствѣ бываютъ и при самыхъ лучшихъ распоряженіяхъ негодующіе, непостоянные и къ безумнымъ дѣламъ склонные граждане, которые уповаютъ на чужой сторонѣ обрѣсти больше вольности, корысти и иныхъ выгодъ, нежели въ своемъ отечествѣ, и по разнымъ причинамъ изъ онаго удаляются. Кротkое правленіе, безпристрастный судъ и расправа, терпѣніе вѣръ, способность къ пріобрѣтенію имѣнія, безопасность владѣть нажитымъ, и многія другія выгоды содѣлали *Россію* давно уже убѣжищемъ не токмо склонныхъ къ странствованію, но и огорченныхъ и утѣсненныхъ людей между сосѣдственными народами: и по тому изъ давна уже всѣ новые выходцы находятъ въ семъ государствѣ зажиточныхъ, состояніемъ своимъ довольныхъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ благополучныхъ единоземцовъ или ихъ потомковъ, и обрѣтаютъ у нихъ себѣ пристанище и пріятелей, да сверьхъ того такіе же обыкновенно житейскіе обряды, нравы и вѣры, какія ведутся въ прародительскихъ ихъ мѣстахъ. — Сосѣдственнымъ *Татарскимъ народамъ* такъ, какъ и всѣмъ Восточнымъ жителямъ, которые больше Европейцовъ склонны къ перемѣнамъ, и при томъ часто бываютъ подвержены своенравію своихъ Владыкъ и порабощенію сосѣдей, кажется безопасность и благополучіе Россійскихъ Татарскихъ народовъ толико преимущественнымъ, что знатное число добровольныхъ выходцовъ и нынѣ еще ежегодно умножается; да не меньше перебѣгаетъ къ намъ людей изподоволь и изъ Киргизской и другихъ хищныхъ ордъ неволи. И по тому намѣренъ я сообщить здѣсь краткое описаніе и о знатнѣйшихъ обществахъ таковыхъ выходцовъ со включеніемъ, сколько до нихъ касается, сокращенныхъ извѣстій и о тѣхъ народахъ, отъ коихъ они произошли.

Кромѣ частныхъ выходцовъ, которые являются ко всѣмъ въ Россійскомъ государствѣ находящимся Татарскимъ поколѣніямъ, и присоединясь къ онымъ, становятся непримѣтными, есть особливо въ Сибири, въ Оренбургской, Астраханской и Казанской губерніи, кромѣ Бухарцовъ, поболѣе или поменѣе знатныя *селенія Ногайцовъ, Кавказцовъ, Крымцовъ, Персіянъ, Хивинцовъ* и разныхъ другихъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, каждое про себя, или и нѣсколько вмѣстѣ, живутъ, и по примѣру описанныхъ на ряду съ

Финскими поколѣнїями *Телтярей* какъ будто особыя составляютъ *колѣна*. Кромѣ находящихся у Тептярей разнаго произхожденїя Татаръ, есть такїя же перемѣшанныя толпы или общества разныхъ Татаръ въ *Нагайбацкой крѣпости* при *Икѣ*, вышедшей изъ *Камы* рѣки, и во многихъ Сибирскихъ, Оренбургскихъ, и Астраханскихъ пограничныхъ мѣстахъ. Нагайбацкїе Татара приняли уже Грекороссїйскую вѣру и вступили чрезъ то еще больше въ союзъ и соединенїе.

О подверженныхъ Россїйской державѣ *Ногайскихъ ордахъ* говорено уже выше сего особливо. Кромѣ же тѣхъ находятся еще у Казанскихъ, Уфскихъ, Оренбургскихъ и иныхъ Татаръ, а наипаче у Башкирцовъ, произшедшія частїю отъ оныхъ ордъ, а наибольше отъ Крымской и другихъ независящихъ отъ Россїйскаго государства ордъ, многїя общества, которыя живутъ иногда вмѣстѣ, а иногда и розно, и житейскїе свои обряды мало по малу соображаютъ обыкновенїямъ тѣхъ Татаръ, у которыхъ они живутъ. Еще и лѣтъ за семь до сего поселилось съ дозволенїемъ правительства на верьхней *Сакмарѣ* чистое *Ногайское народное общество*, которое въ Казанской губернїи производило землепашество и имѣло у себя старшиною Мурзу, и разположило жизнь свою по примѣру Башкирцовъ, то есть принялось за скотоводство и содержанїе пчелъ. Изъ *Кавказскихъ народовъ*, какъ состоящихъ подъ Россїйскимъ покровительствомъ, такъ и другихъ, перешло не мало людей въ Астрахань, Кизляръ, Моздокъ и вообще на Терекъ и въ иныя мѣста; чрезъ что и сдѣлались они сопричастны выгодамъ сущихъ Россїйскихъ подданныхъ. Когда *Усмей-Ханъ* прославившагося знанїемъ своимъ въ натуральной исторїи здѣшняго Санктпетербургскаго Академика *С. Г. Гмелина* во время путешествїя его взялъ въ неволю, въ которой онъ 27 Іюля 1774 года и скончался; то онъ предъявлялъ причиною таковаго своего поступка побѣгъ въ Россїйское владѣнїе нѣсколькихъ сотъ семей изъ его народа.

Персіяне изъ разныхъ странъ Персїи, а особливо съ береговъ Каспїйскаго моря, *Баку*, *Салїака*, *Ензели*, *Гилана* и проч. поселились въ нарочито великомъ числѣ, такъ какъ и иные *Аравитяне* въ Астрахани, около Терека и разныхъ Оренбургскихъ городовъ у тамошнихъ Татаръ. Астраханскїе живутъ дружно и держатся обыкновенїй отечества. Иные ѣздятъ по торговымъ дѣламъ и обратно въ свою отчизну, и оттуда возвращаются, либо новыми выходцами замѣняются.

Взоръ у нашихъ *Персіянъ* угрюмой, лицо сухощавое и смуглое, а волосъ жилкой. Они смѣлы, вспыльчивы, любострастны, учтивы: но при томъ и крайне корыстолюбивы. Они больше торгуютъ Персидскими товарами; многіе питаются и отъ своего рукодѣлія; а иные содержатъ заведенія для дѣланія Персидскихъ шелковыхъ и полушелковыхъ машерій.

Мужчины носятъ небольшія вострыя бородки; а на плѣшивую голову надѣваютъ высокія и вострыя шапки съ узкимъ околышемъ. У кафтана, который шьется изъ шелковой матеріи, сукна, или инаго чего, дѣлаются около пояса боры, а полы долгія и заходятъ нѣсколько одна за другую; онъ застегивается пуговками, но при томъ и подпоясывается. Къ поясу прицѣпляютъ саблю или кинжалъ. У нихъ такое обыкновеніе, что надѣваютъ вдругъ на себя кафтана по три и по четыре. *Персіянки* наши окладываютъ воротники у рубахъ золотыми снурками. Кафтаны ихъ подобны мужскимъ и носятся такимъ же порядкомъ; но шьются покороче и рукава дѣлаются съ прорѣхами. Волосы завиваютъ они безпорядочно въ кудри и украшаютъ ихъ каменьями. Шапку замѣняетъ Татарская фата. Къ надяру ихъ принадлежатъ равно кольца и перстни, серьги, жемчужныя ожерелья, и ручныя перевязки; а нѣкоторыя носятъ такъ же и въ обѣихъ ноздряхъ по кольцу.

Самое большое число Персіянъ живетъ подъ именемъ *Кызылбашъ* въ Симбирскомъ намѣстничествѣ въ Ставропольскомъ уѣздѣ совокупно, а около Оренбургской линіи, и между Уфскими Татарами разсѣянно. Они по большой части ушли къ нашимъ Татарамъ изъ Киргизской неволи, и состоятъ изъ простыхъ людей или Персидской черни. *Кызылбашъ* есть такое имя, которымъ Киргизцы и другіе Татара вообще называютъ Персіянъ въ поруганіе; чему можетъ быть причиною Персидская разность въ разсужденіи вѣры. *Ставропольскіе Кызылбаши* производятъ *земледашество*; живущіе же при линіи служатъ по большой части у другихъ Татаръ, пасутъ ихъ стада и ходятъ за арбузными ихъ огородами.

Ставропольскіе такъ, какъ и *Нагайбацкіе Персіане* крестились въ Грекороссійскую вѣру. Всѣ же прочіе содержатъ *Мугаметанской законъ по Алиеву толкованію*, и чрезъ то, выключая частные обряды, сходствуютъ съ прочими нашими Мугаметанской вѣры Татарами въ праздникахъ, пищѣ, счисленіи времени, многоженствѣ, свадебныхъ, похоронныхъ и другихъ обрядахъ такъ, какъ и во всемъ жизни.

Хивинцы, *Ташкентцы* и *Туркестанцы* живутъ наибольше у Бухарцовъ, да и у всѣхъ прочихъ Татаръ, однако малыми только обществами и вездѣ не въ великомъ числѣ: а по тому они и не очень между собою дружатся, но больше къ инымъ Татарамъ присовокупляются. Они перешли къ намъ отъ части сами, а отъ части еще отцы ихъ, какъ торговые люди: однакожъ не мало ихъ и изъ Киргизской неволи къ намъ спаслось и осталось у насъ на поселеніи. По елику то, что Татарамъ симъ свойственно, трудно бы было у самихъ ихъ отыскивать; то я намѣренъ такъ же, какъ сдѣлалъ и въ разсужденіи Бухарцовъ, поговорить нѣсколько о ихъ поколѣніяхъ, по тому наипаче, что купцы ихъ посѣщаютъ пограничныя наши торговыя мѣста, приходя иногда въ особливыхъ, а иногда въ Бухарскихъ караванахъ.

Хивинцы, которые сами себя называютъ *Хивели*, а отъ прочихъ называются такъ же *Ургенештами* и *Харазами* (странственниками обрѣвшими мясо и дрова), жили въ прежнія времена на рѣкѣ нижнемъ Уралѣ (или старинномъ Яикѣ) гдѣ и нынѣ еще въ 60 верстахъ выше устья *Саратина*, знатнѣйшаго ихъ города, есть явные примѣты прежняго ихъ тутъ пребыванія. Будучи же оттуда прогнаны, пошли они на Востокъ и поселились въ нынѣшней своей небольшой землѣ, которую сами назвали *Хивою*. Она лежитъ въ Восточной сторонѣ *Аральскаго озера*, и смежна съ Персіею, малою Бухаріею и другими Татарскими областями. Отъ Оренбурга считается до главнаго ихъ города *Хивы* отъ шести до семи сотъ верстъ въ южновосточную сторону кромѣ одного хребта Индійскихъ горъ, который въ Хивинской области изобилуетъ, какъ слышно, не только простыми крупцами, но и самымъ золотомъ, земля тамъ ровная, сухая, однакожъ не безплодная, лѣсомъ скудна, и вообще малой Бухаріи весьма подобна.

Не меньше Хива уподобляется Бухаріи и въ разсужденіи своихъ жителей, гражданскаго ихъ устроенія, вѣры и житейскихъ обрядовъ, но только Хивинцы противу Бухарцовъ утопаютъ болѣе въ невѣжествѣ. Число ихъ полагается до 20000 душъ мужскаго пола. *Ханъ Хивинской* живетъ съ дворомъ своимъ, по Восточному обычаю, великолѣпно, и получаетъ изрядные отъ области своей доходы: но долженъ, хотя онъ и поважнѣе многихъ другихъ Хановъ, на всякъ часъ бояться, чтобы его не свергнули, да при томъ и жизни не лишили. У нихъ еще и примѣра такого не было, что бы Ханъ долѣ осьми лѣтъ правительствовалъ. Чрезъ сіе то самое

перевелось и Ханское ихъ колѣно такъ, что они давно уже избираютъ себѣ Хановъ изъ сыновей или Салтановъ Киргизскихъ Хановъ; а сіи обыкновенно набогатившись довольно, отрекаются за благовременно сами отъ своего достоинства. Славный Киргизскій *Ханъ Абулхаиръ* и прежній *Ханъ Нуръ Галій* были въ молодыхъ своихъ лѣтахъ *Хивинскими Ханами.* По томъ владычествовалъ у нихъ *Хаилъ*, сынъ Киргизскаго *Салтана Базыря.* Область сія, когда еще Трухменцы и Аральцы подвластны ей были, почиталась сильною; нынѣ же принимаютъ они сихъ народовъ въ военное время на жалованье, и по тому всѣ сосѣди, кромѣ Киргизцовъ, ихъ боятся.

Политическое благоустройство Хивинцовъ подобно во всемъ Бухарскому. Ханъ живетъ по званію своему великолѣпно; имѣетъ гвардію изъ 500 Узбековъ и многихъ служителей, которые всѣ невольники, по тому что вѣроломнымъ Хивинцамъ онъ ни въ чемъ недовѣряетъ; а особливо почитается у нихъ не позволительнымъ быть рабомъ у Хана.

Судопроизводство у нихъ весьма строго и безполезно. Преступниковъ вѣшаютъ они за ноги.

Ханъ бьетъ у себя червонцы на подобіе Бухарскихъ, такъ же серебреныя и мѣдныя мѣлкія деньги.

Они живутъ, какъ и Бухарцы, въ городахъ и деревняхъ. Городовъ у нихъ такихъ, которые познатнѣе, двенадцать. Главный городъ *Хива* выстроенъ при Аральскихъ рѣкахъ *Амударьѣ* и *Улударьѣ*; по чему и довольствуется посредствомъ водопроточныхъ рвовъ свѣжею изъ оныхъ водою. *Строеніе* и разположеніе домовъ точно такое, какъ и въ Бухаріи. Нѣкоторой въ Хивѣ бывшій Россійскій офицеръ полагаетъ Сѣверную широту сего мѣста въ 38 гр. и 30 мин. Въ ней домовъ до трехъ тысячь; и она обнесена четвероугольною стѣною изъ несженаго кирпича. *Скорліоны* (Х. Чіанъ) водятся и тутъ въ домахъ въ великомъ множествѣ, и немалое причиняютъ жителямъ безпокойствіе.

Пашнями своими и садовыми полями пользуются они такъ же, какъ Бухарцы своими садами. Скотоводство у нихъ такое же или еще менѣе: по чему и покупаютъ они скотину себѣ на убой у Киргизцовъ и Трухменцовъ. Всякой сырой шолкъ должны они уступать Хану по предписанной цѣнѣ. О шкальномъ и красильномъ дѣлѣ очень мало они радѣютъ: и по тому невыдѣланныя свои произведенія промѣниваютъ на Россійскія и Бухарскія маше-

рїи. Торговля ихъ подобна Бухарской, но далеко не столь обширна; и для того Хивинскїе купцы вмѣстѣ съ Бухарскими, а рѣдко съ особливыми, караванами приходятъ въ Оренбургъ и Астрахань.

Въ *одѣяніи*, *лицѣ* и *литїи* совершенно сходствуютъ съ Бухарцами. Обыкновенныя ихъ ѣствы суть: лапша (Х. Оноши), кашица изъ сарочинскаго пшена (Плавъ), блины (Нанъ) изъ пшеничной муки или Бухарскаго пшена (Куза) и невозбранныя по закону мясныя пищи. Про рыбу мало они и знаютъ, по тому, что воды ихъ оною недостаточны. Они упиваются такъ же *табакомъ*, *олїемъ* и *конопелными цвѣтами*.

Въ столичномъ ихъ городѣ погребенъ *Палванъ*, славной и чудотворной святой Мугамешанской; по чему и приходятъ къ нему часто на поклоненїе благоговѣйные люди и изъ далекихъ мѣстъ. Въ складенномъ изъ кирпича притворѣ, гдѣ лежитъ и тѣло сего святаго, хранится книжка, въ коей описано житїе его и содѣянныя имъ чудеса; и она такъ, какъ и мнимыя мощи Палвановы, оберегается тутъ сорокью по мїру шатающимися чернецами. На поставленномъ тутъ и столбами подкрѣпленномъ высокомъ шестѣ утверждена въ верху вмѣсто шишки большая клѣтка. Въ самое весеннее равноденствїе покушаются всѣ чернецы взлѣзть по канатамъ въ сїю клѣтку: при чемъ многїе обрываются и больно ушибаются. Кто взберется на верьхъ, тому является святой Палванъ во плоти, и надѣляетъ его даромъ пророчествовать. Онъ свергаетъ оттуда свое одѣяніе, которое благоговѣйный народъ разшерзываетъ и нацепляетъ на себя лоскутки въ отвращеніе какихъ то бѣдъ. Знатные Хивинцы, Киргизцы и иные предаются тутъ же погребенїю.

Туркостанская область лежащая при Сирѣ Дарѣ давно уже лишилась того благосостоянїя и могущества, которымъ она въ сей странѣ преимуществовала. Она состоитъ нынѣ въ одномъ только небольшомъ городѣ *Туркостанѣ* и нѣсколькихъ деревень, упражняющихся въ хлѣбопашествѣ, которыя несутъ иго средней Киргизской орды. Городъ сей почитается у всѣхъ Мугамешанъ какъ будто святынею; да въ немъ и много Ходжїевъ или святыхъ изъ Мугамешова поколѣнїя.

Ташкентская область нѣсколько обширнѣе, и въ самомъ городѣ *Ташкентѣ*, лежащемъ при Сирѣ-Дарьѣ, есть около шести тысячь домовъ. Ею управляетъ Ханъ, избираемый такъ, какъ и Хивинской, изъ Киргизскихъ Князьковъ, и состоящій иногда подъ Киргизскимъ, а иногда подъ Соонгарскимъ покровительствомъ.

Обѣ сіи области и живущіе въ нихъ народы, въ разсужденіи естественнаго состоянія, промысловъ, житейскихъ обрядовъ, нравовъ и вѣры, ни мало отъ Бухарцовъ и Хивинцовъ не разнятся; только они по причинѣ угнѣтеній скуднѣе: и по тому торгъ свой производятъ отъ части черезъ Бухарцовъ, а отъ части и сами съ караванами ихъ приходятъ въ Россію и другія мѣста, и оставляютъ иногда своихъ прикащиковъ.

Аральцы живутъ по берегамъ и на островахъ Аральскаго озера. Они составляютъ особое Усбекское колѣно, избирающее независимыхъ своихъ Хановъ изъ Киргизскихъ Князьковъ: но войска коннаго можетъ оно набрать только до пяти тысячь. Городовъ у нихъ нѣтъ, и живутъ они въ одномѣстныхъ деревняхъ. Какъ сами они, такъ гражданское ихъ устроеніе, нравы и вѣра Мугаметанская, не отмѣнны отъ того, что сказано о Хивинцахъ; но по причинѣ безплодныхъ степей скотоводство есть главный ихъ промыселъ. Къ произвожденію торговъ не имѣютъ они случаю: и по тому рѣдко когда попадаютъ въ Россію другіе Аральцы, кромѣ тѣхъ, которымъ удастся отъ Киргизской неволи избавиться бѣгствомъ; и въ такомъ случаѣ пристаютъ они къ какимъ бы то ни было Татарамъ.

О *Грухменцахъ* сказано при описаніи Кавказскихъ Татаръ. Новые выходцы изъ сихъ ордъ перебѣжали всѣ отъ Киргизцовъ и живутъ у нашихъ Кызылбашъ и у другихъ Оренбургскихъ и Уфскихъ Татаръ хотя и разсѣянно, однакожъ въ нарочито знатномъ числѣ.

Великое сходство между *Бухарцами*, *Хивинцами*, *Туркостанцами* и *Таткентцами* въ разсужденіи виду, качествъ, житейскихъ обрядовъ, нравовъ и языка, подаетъ поводъ думать, что всѣ они однородцы; да и сами они почитаютъ себя отшетившимися колѣнами *Туркостанцовъ*. *Аральцы* и *Грухменцы* имѣютъ много, а *Каракаллаки* еще и больше отмѣннаго отъ примѣтъ помянутыхъ народовъ, и кажется, что они искони уже были особыя орды.

Кара-Каллаки (черные колпаки) называютъ себя сами *Кара-Киптаками* (черные скотоводцы), и живутъ въ мѣстахъ около *Сирѣ-Дарьи*, знатной изъ Аральскаго озера вышедшей рѣки, по которой и называются обѣ ихъ большія орды, одна верьхнею, которая обитаетъ въ верьхнихъ мѣстахъ по сей рѣкѣ, а другая нижнею, которая болѣе въ низъ живетъ по оной. Но по томъ обѣ орды имѣли у себя одного общаго Хана и составили одну орду.

До бытія царства Астраханскаго кочевали они въ Низовыхъ мѣстахъ по Волгѣ, но прогнаны отсюда Ногайскою ордою, и подались по примѣру Хивинцовъ не далѣе на Западъ, какъ то сдѣлали прочіе народы, но пошли назадъ на Востокъ къ Сиръ-Дарьѣ. Въ теченіе времени съ 1741 по 1743 годъ искала нижняя орда, состоявшая изъ 300000 кибитокъ или семей, Россійскаго покровительства: но Киргизцы, отъ которыхъ желали они прийти чрезъ то въ безопасность, поступили съ ними столь жестоко, что почти всѣхъ за то истребили; остальные же присовокупились къ верьхней ордѣ, которая отдалась подъ покровительство Соонгарцамъ.

Каракаллаки обѣихъ ордъ раздѣляются на многія колѣна или улуссы, которыхъ начальники называются *Ходжами* или потомками Мугамета, *Шейхами*, *Салтанами*, *Гарханами*, *Беями*, и *Батырями*, и составляютъ разныя степени ихъ дворянства. Они правда подчиненные ордынскаго Хана, но мало оказываютъ ему повиновенія.

Гражданское ихъ устроеніе весьма сходно съ *Башкирскимъ*. Они такъ, какъ и Башкирцы, живутъ въ одномѣстныхъ зимнихъ хижинахъ или мазанкахъ, а лѣтомъ кочуютъ съ подвижными войлочными или изъ тростника сдѣланными юртами и производятъ небольшое землепашество; главное же ихъ дѣло скотоводство. До лошадей они не великіе охотники, но тѣмъ больше любятъ рогатой скотъ, которой употребляютъ какъ въ упряжечныя, такъ и въ верьховыя поѣздки. Между ими есть искусные ремесленники, которые дѣлаютъ ножи, сабли, ружья, котлы, порохъ и проч. и продаютъ все сосѣдямъ, часто и къ собственной своей погибели. Они изрядное имѣютъ свѣденіе о Мугаметанскомъ своемъ законѣ. Къ торговлѣ они такъ же, какъ и къ войнѣ не охотники. Въ случаѣ непріятельскихъ дѣйствій стараются они защищаться изъ за земляныхъ окоповъ. Людей похищаютъ охотно: но сами и чаще еще попадаютъ къ Киргизцамъ въ неволю, какъ то и дѣйствительно рѣдко случается, чтобы между собственными людьми знатныхъ Киргизцовъ не было и Каракалпаковъ, однакожъ по великому сходству житейскихъ обрядовъ обоихъ сихъ народовъ, не столько чувствительно имъ бремя рабства, какъ другимъ: и по тому они мало къ нашимъ Татарамъ перебѣгаютъ.

Башкирцы.

Башкирцы какъ сами, такъ и отъ Ногайцовъ *называются Башкурами.* Сіе наименованіе значитъ, по ихъ толкованію, *пчеловодца* (отъ слова Куртъ, пчела), а по Ногайскому главнаго волка. Киргизцы же называютъ Башкирцовъ, *Истаками* или Отяками.

Они и сами выводятъ *породу* свою отъ *Ногайцовъ*; нѣкоторые же писатели утверждаютъ, что они произошли отъ древнихъ *Болгаръ. Абулъ Газы* называетъ *Болгарію* и *Даште Кипчакомъ;* да Кипчакская волость еще и нынѣ есть въ Башкиріи, и при томъ самая большая. Можетъ статься, что они и дѣйствительно Ногайцы, которыхъ приняли въ свое общество прогнанные Болгары. Съ виду по крайней мѣрѣ не совсемъ они на Татаръ походятъ, и земля ихъ, которую старики то Башкирскою, то Пашкатырскою называютъ, есть часть прежней Болгаріи.

Въ прежнія времена странствовали они по Южной Сибири и ея границамъ, подъ предводительствомъ и властію собственныхъ своихъ Хановъ. Но Сибирскіе Ханы притѣснили ихъ такъ, что они перешли въ нынѣшнія свои мѣста, разпространились оттуда по Волгѣ и по рѣкѣ Уралу, и покорились Казанскимъ Царямъ.

Нынѣшняя *Башкирія* заключаетъ въ себѣ Южную часть Уральскихъ горъ, около *бѣлой*, между *Камою, Волгою* и рѣкою *Ураломъ*, слѣдовательно Западную Уфскую, и Восточную Исетскую провинцію Уфимскаго Намѣстничества. Сія гористая и крущами изобильная *земля* имѣетъ плодородныя ровнины, лѣса и рыбныя озера. Она издревле раздѣляется по *Казанской, Уфской, Сибирской* и *Ногайской* дорогамъ.

Когда Царь *Иванъ Васильевичъ* Казанское царство разорилъ, то Башкирцы добровольно Россіи покорились: послѣ чего и приказано было для обереженія ихъ отъ Киргизцовъ построить *Уфу.* Они тогда были безсильны, однако скоро оправились, и при томъ не мало такъ же усилились чрезъ принятіе въ свое общество Финскихъ и Татарскихъ выходцовъ, отъ коихъ произошли *Тептяри.* Съ того времени часто они противу Россіи бунтовали, а особливо и вообще въ 1676, 1708 и 1735 годахъ. При всѣхъ сихъ мятежіяхъ поступали они безчеловѣчно и всѣ окололежащія мѣста опустошали. Принятыя тогда правительствомъ противу ихъ вѣроломства мѣры крайне были для нихъ погибельны, и благосостояніе ихъ пришло въ

упадокъ: но при всемъ томъ при кроткомъ нашемъ правленіи, по причинѣ привольныхъ своихъ мѣстахъ и соотвѣтствующей онымъ своей жизни, скоро они паки оправлялись. По возпослѣдовавшемъ въ 1741 году преодолѣніи сего народа, построены на рубежахъ Башкиріи, а отъ части и въ нутри оной, разныя небольшія крѣпости, у которыхъ правда ограды и батереи всплошь деревянныя, однакожъ они довольной могутъ чинить отпоръ Башкирцамъ, которые конницею только воюютъ. Въ послѣднее въ 1774 году бывшее безпокойство присовокупились было и они къ поношенію своему и нещастію въ мятежническую шайку, и не прежде, какъ уже по сотреніи оныхъ злодѣевъ, принесли они паки свою покорность.

Изъ давнаго уже времени не имѣютъ они у себя Хановъ; такъ же и дворянство у нихъ въ смятеніяхъ ихъ истребилось. Теперь они подданными Россійской имперіи. Раздѣляются на Ногайскихъ и Сибирскихъ Башкиръ. Первые живутъ въ Уфимскомъ намѣстничествѣ, а послѣдніе по Уралу въ Исетской провинціи. Состоятъ изъ волостей, кои раздѣляются на семь (Аимаку). Каждая волость избираетъ изъ своей братіи старшинъ, коему отъ правительства придается писарь, занимающій должность нѣкотораго рода прокурора. Въ 1770 году считалося Ногайскихъ Башкиръ до 23,882 семей; а Сибирскихъ нѣсколько менѣе. Сверьхъ сихъ находятся и въ Пермскомъ намѣстничествѣ неподвижно живущіе Башкирцы, коихъ считается до 1000 семей.

Разложеніе лица ихъ походитъ на Татарское, но по большой части нѣсколько поплосчае. Они обыкновенно сложеніемъ крѣпче и дороднѣе Казанскихъ Татаръ. Уши у многихъ большія; глаза у всѣхъ малые; а бороды у большой половины русыя. Они одарены отъ природы изрядныимъ разумомъ, но онаго не устроеваютъ; отважны, недовѣрчивы, упрямы, суровы, слѣдовательно и опасны. Ежели бы не было за ними строгаго присмотру, то не преминули бы они чинить и грабительствъ.

Языкъ ихъ есть Татарское же, но съ Казанскимъ весьма несходное нарѣчіе. У нихъ, какъ у Магаметанъ, грамотное знаніе и школы въ употребленіи: что однакожъ суровому сему народу мало пользуетъ; да и самое ученіе преподается у нихъ кое какъ, по тому, что они учителей себѣ и священнослужителей выбираютъ изъ своей же братіи.

Подать ихъ состояла съ начала въ небольшомъ полушномъ денежномъ окладѣ; при чемъ такъ же собиралось съ нихъ по неболь-

шому количеству меду, воску и мягкой рухляди. По прекращенїи возмущенїя ихъ въ 1741 году учреждено *состояніе* ихъ по примѣру *Казацкаго*; и по шому правятъ они службу при пограничной линїи, либо и въ походы по наряду ходятъ: при чемъ сами себя должны снабдѣвать лошадьми, одѣянїемъ и оружїемъ; во всемъ же прочемъ оказывается имъ такое призрѣнїе, какъ и другимъ козакамъ. По елику въ мирное время малое только ихъ число употребляется въ воинскую службу, то домосѣды платили по 40 копѣекъ подушнаго окладу. Но послѣ сдѣланнаго о соли новаго учрежденїя, снятъ съ нихъ и сей окладъ; а вмѣсто того принуждены они соль, которую прежде даромъ съ озеръ своихъ брали, покупать нынѣ изъ казенныхъ стоекъ.

Во время *военной службы* выбираютъ они старшинъ, такъ же десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ, и такъ далѣе, сами; предводителей же полковъ, которыхъ называютъ они атаманами, опредѣляютъ къ нимъ Россїйскїе начальники, избирая ихъ изъ самыхъ лучшихъ старшинъ. Собственное ихъ *оружіе* лукъ (Б. Ша) да стрѣлы (Окъ), такъ же копье (Б. Сунгусъ), латы (Савотъ) и головной щитъ; многїе же ходятъ въ походъ вмѣсто всего того только съ саблями и ружьями или пистолетами, а у иныхъ бываетъ и все вмѣстѣ. Лукъ да стрѣлы, такъ, какъ и калчаны (Садокъ), которые обыкновенно покрываются медвежьею или иною какою кожею, и вмѣщаютъ въ себѣ до 50 стрѣлъ, дѣлаютъ они сами. Латы дѣлаются на подобїе сѣтки изъ желѣзнопроволочныхъ колецъ, и нетолько тяжелы, но и дороги: по чему и мало употребляются. Лошади подъ ними бываютъ добрыя; они ѣздятъ на нихъ хорошо и смѣло и стрѣляютъ изъ луковъ исправно: по чему небольшое число Башкирцовъ и одерживаетъ всегда побѣду надъ гораздо большимъ количествомъ Киргизцовъ; да при томъ часто Кашкирцы и однимъ полкомъ странствуютъ долго, и не будучи поражаемы, въ Киргизскихъ ордахъ. Какъ по сей причинѣ, такъ и для того, что Башкирцы въ Киргизскихъ степяхъ могутъ пробыть безъ съѣстныхъ припасовъ и прочаго. Наряжаютъ начальники пограничныхъ мѣстъ преимущественно Башкирцовъ, для наказанїя Киргизцовъ за разграбленїе каравановъ или за иныя какїя шалости. Когда Башкирское *войско въ походѣ*, то много шутъ видно кое чего страннаго. Всякій ѣздокъ надѣваетъ такое платье, какое ему вздумается, и какое сшить себѣ въ состоянїи, только вообще долгое; и всякъ имѣетъ у себя по заводной лошади, которую побереганъ для сшиб-

ки съ непрїятелемъ, и накладываетъ на нее только съѣстное, которое состоитъ отъ части въ высушенномъ накрѣпко разсыпномъ хлѣбѣ: по чему и возятъ они съ собою же верьхомъ по нѣскольку жерновъ. У всякой почти сотни есть свой небольшей пестрой значекъ; и сїи значки столько же во всякомъ полку многоразличны, сколько и самое оружїе. Они ѣдутъ верьхомъ безъ всякаго порядку, и разполагаются нѣсколько въ ряды только тогда, когда остановятся.

Башкирцы до самаго времени, какъ Россїянами покорены, да и послѣ того еще долго, вели жизнь кочевую; но мало по малу соединили они странственную пастушью жизнь съ сопряженнымъ со всегдашними жилищами землепашествомъ. Нынѣ всѣ они имѣютъ одномѣстныя зимнїя хижины и подвижныя лѣтнїя юрты.

При постройкѣ *зимнихъ деревень* (*Ауловъ*) уважаютъ они больше плодородїе мѣстъ, нежели приволье къ водѣ, по тому, что они довольствуются зимою снѣгомъ. Въ деревнѣ (Б. Аулъ) бываетъ дворовъ отъ 10 до 50. Они срублены изъ бревенъ худо и непрочно, и состоятъ по большой части въ одной избѣ съ плоскою крышкою. Въ нутри разположено все по Татарскому вкусу, но худо. Полати служатъ часто и клѣвами для молодой скотины. Очагъ огороженъ вокругъ шестиками, которые перевязаны и глиною обметаны. Возлѣ онаго закладенъ кирпичами чугунной котелъ. Многїя двери такъ малы, что надобно въ нихъ пролѣзать; свѣтовыя же въ стѣнахъ окна обтянуты по большой части, вмѣсто стеколъ, пузырями, рыбьими кожами или окунутыми въ масло тряпицами. При всякомъ жильѣ есть небольшая четвероугольная кладовая (Б. Кюзю). И самыя молебныя храмины знатнѣйшихъ деревень не лучше построены. Ежели имъ какое нибудь мѣсто въ ихъ странѣ покажется лучше прежняго, то покидаютъ они свою деревню и строятъ новую: и для того по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ тѣмъ труднѣе доискиваться въ разсужденїи названїя ихъ деревень толку, чемъ больше перебывало у нихъ между тѣмъ старшинъ: ибо они по нимъ даютъ и деревнямъ своимъ названїе, какъ на примѣръ, Султанова, Ахметова и такъ далѣе.

Въ *лѣтнихъ* ихъ *деревняхъ* (*Кошахъ*) бываетъ отъ 5 до 20 юртъ (Б. Тырма); и по тому они большїя деревни раздѣляютъ на меньшїе лѣтнїе станы. Юрты ихъ круглы и бываютъ въ поперешникѣ отъ 3 до 5 саженъ. Бока решетчаты вышиною фута въ четыре. На нихъ лежатъ крышечныя перекладины, кои соединяются

въ кругъ, который бываетъ въ поперешникѣ фута въ два: и по тому походитъ всякая ихъ юрта на тупой кегель. Бока и верьхъ покрываютъ войлоками и укрѣпляютъ ихъ арканами. Живущіе въ высокихъ Уральскихъ горахъ Башкирцы строятъ лѣтнія свои юрты на четыре угла продолговато, на подобіе нашихъ дворовъ, и покрываютъ ихъ берестою, по тому, что овецъ держатъ мало. По срединѣ таковой ихъ юрты виденъ очагъ съ таганомъ, или висящею для котловъ цепью.

Въ *Перміи*, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, есть между тамошними Казанскими Татарами двѣ небольшія *Башкирскія волости*, коихъ жители за недостаткомъ чистыхъ полей живутъ во всегдашнихъ весьма хорошихъ деревняхъ, которыя совершенно подобны прочимъ Татарскимъ деревнямъ.

Домашній скарбъ Башкирцовъ, (выключая Кунгурскихъ, о коихъ теперь только упомянуто) столь скуденъ, да и вся ихъ жизнь такъ мерзостна, что такому богатому, какъ они, народу, ни мало не соотвѣтствуетъ. Полати и полы въ молебныхъ ихъ храминахъ усланы войлоками; ковры же и тюфьяки рѣдко у нихъ видны. Кромѣ чугунныхъ котловъ, заводны они только деревянною и берестовою посудою, и кожаными мѣшками; а каменная или крущцовая посуда и прочее рѣдко у кого бываетъ. Во всѣхъ почти хижинахъ есть и деревянныя ступы (Киле), которыя въ разсужденіи крупянаго и мушнаго дѣла замѣняютъ мельницы; да они же употребляются къ выполакиванію конопель, и къ другимъ симъ полобнымъ дѣламъ. Въ иныхъ деревняхъ есть такъ же при ключахъ небольшія *водяныя мельницы*, съ утвержденными горизонтально въ стоячій валъ жернова шестью или осмью лопатами. Башкирцы называютъ ихъ *Гернова*ми, а *Россіане Мутовками*; и для приведенія таковой мельницы въ движеніе довольно бываетъ и самаго малаго ключа, по тому, что они проводятъ воду корытомъ такъ, что она паденіемъ своимъ въ низъ на одинъ или на полтора фута касается краю водянаго колеса, или плоскостей концовъ лопатъ, которыя длиною бываютъ только фута въ полтара. А гдѣ нѣтъ такихъ мельницъ, тамъ есть во всякой хижинѣ ручная мельница или жерновы, которыя состоятъ изъ двухъ дубовыхъ кружковъ, изъ коихъ каждой въ поперешникѣ будетъ фута въ полтора, а толщиною пальца въ четыре. Въ обѣ плоскости сихъ кружковъ или обрубковъ наколочены кусочки отъ разбитыхъ чугунныхъ котловъ часто и такъ, что они не больше, какъ только линіи на двѣ торчатъ выше вну-

шренней поверьхности кружковъ. По самой серединѣ нижняго кружка утвержденъ стоймя деревянной гвоздь, а въ верьхнемъ сдѣлана по серединѣ дыра просшранньѣе нежели для гвоздя надобно. На верьхней же плоскости верьхняго кружка укрѣпленъ возлѣ краю стоймя деревянной гвоздь, который служитъ рукояткою. Когда надобно молоть, то подстилаютъ они подъ шакія жерновы покрывало, и изподоволь сыплютъ хлѣбъ въ дыру верьхняго кружка; а по томъ обращаютъ его около гвоздя такъ, какъ около оси. Перемолотой хлѣбъ сыплется съ нижняго кружка на покрывало, и какъ крупа тотъ часъ годится къ употребленію; буде же надобна имъ мука, то сѣютъ они сквозь сито и перемалываютъ опять крупное до тѣхъ поръ, пока осшанутся одни отруби.

Главный промыселъ Башкирцовъ есть *скотоводство*; но при томъ упражняются они нѣсколько въ *земледашествѣ*, *звѣриной ловлѣ* и добываніи крушцовъ, гдѣ есть изобильныя оными горы. Они могутъ назваться привычными, щасшливыми и богашыми скошоводцами; да они и имѣніе свое счишаютъ по величинѣ своихъ сшадъ или шабуновъ. *Лошадиные заводы* всему у нихъ предпочишаются, по шому, чшо они заимсшвуютъ почши отъ нихъ единсшвенно всѣ прямыя свои надобносши, какъ на примѣръ верьховыхъ лошадей, молоко, мясо; изъ шкуръ шьютъ они себѣ платье и сосуды, а изъ волосу дѣлаютъ веревки и прочее. Число *овецъ* почши соошвѣтсшвуетъ у богашыхъ числу лошадей, или и превозходитъ оное, однако малымъ чемъ. *Рогатаго* же *скота* держатъ богашые въ полошину проштиву лошадей. Почши у всѣхъ есть небольшія *козьи спада*. Зажиточные люди держатъ по нѣскольку и *верблюдовъ*. Свиней почишаютъ они, какъ Мугаметане, погаными; а дворовой птицы не умѣютъ зиму продержать. Рѣдко и у простаго человѣка бываетъ меньше 30 и 50 лошадей; многіе имѣютъ оныхъ до 500, богашые до 1000, а иные до 2000 и свыше; чему соошвѣтсшвуетъ число и прочаго скоша. Но Башкирцы не объ одномъ только скотоводсшвѣ сшараются: они не меньше *радѣютъ* и о *пчелахъ*. Всякъ имѣетъ хотя нѣсколько, а иные и до двухъ, трехъ, четырехъ и пяши сотъ ульевъ.

Лошади ихъ и *рогатой скотъ* Рускаго роду; слѣдовашельно какъ тѣ, такъ и сей росту посредсшвеннаго, но при томъ бодры и весьма крѣпки. У многихъ изъ ихъ лошадей шерсть склочивается и завивается подобно какъ у барановъ. Большая половина *овецъ* ихъ Калмыцкаго роду, съ жирными хвосшами, большими головами и пови-

слыми ушами (*). Нѣкоторые, а особливо кто поскуднѣе, держатъ для лучшей шерсти Россійскихъ или короткохвостыхъ овецъ, а у иныхъ бываютъ и оба рода вмѣстѣ. Они не взирая на жестокую и продолжительную зиму не даютъ скотинѣ ни какого корму, и по тому она сама достаетъ себѣ изъ подъ снѣгу увядшую и вымерзшую траву и мохъ. Однимъ только чрезвычайно слабымъ или очень тяжелымъ скотинамъ даютъ они для подкрѣпленія ихъ силъ нѣсколько сѣна. *Верблюдовъ*, которые должны такъ же промышлять себѣ кормъ, обшиваютъ они вешхими войлочными покрывалами. Всякая скотина становится подъ весну крайне тоща и слаба: по чему и пропадаетъ у нихъ оной не мало отъ голоду, стужи и нападенія хищныхъ звѣрей; а особливо, когда послѣ оттепели и послѣдовавшей за нею стужи покроется снѣгъ черепомъ. Съ такою же безпечностію предоставляютъ Башкирцы природѣ и самой приплодъ своего скота. Жеребцы, быки и козлы всегда ходятъ вмѣстѣ съ кобылицами, коровами и козами. Однакожъ иные и холостятъ излишнихъ самцовъ; а прочіе совсемъ ихъ не трогаютъ, слѣдовательно и самыхъ худыхъ не отлучаютъ. При всемъ томъ самки рѣдко приносятъ плодъ не въ надлежащее время; чему причиною отъ части и изтощеніе силъ въ продолжительное зимнее время. Въ лѣтнюю же пору бываетъ всякой у нихъ скотъ не только болрѣ, но и тученъ. Для лучшаго удою держатъ они жеребенковъ и телятъ весь день у юртъ своихъ на арканахъ, и припускаютъ къ матерямъ только на ночь. Они примѣтили, что вскормленные такъ скудно жеребенки и телята гораздо лучше переживаютъ зиму, нежели тѣ, которые будучи на волѣ, высасываютъ одни все молоко. *Пчеловодство* ихъ во всемъ подобно Польскому. Они такъ же держатъ борти на деревахъ, на которыя взлѣзаютъ по обвитой около дерева и ихъ тѣла веревкѣ, вырѣзываютъ соты, и такъ далѣе.

Ровныя мѣста и открытыя долины въ Башкиріи изобильны самыми плодородными *лашнями*, на которыхъ и при нерачительномъ обрабатываніи безъ всякаго удобренія бываетъ урожай въ десять кратъ и больше противъ посѣву. Но хотя Башкирцы съ давнихъ уже временъ упражнялись нѣсколько въ землепашествѣ: однако они при всемъ томъ, почитая промыселъ сей съ лишкомъ для себя тягостнымъ, а хлѣбъ не необходимою надобностію, мало въ земледѣліи успѣваютъ: по чему и поощренія правительства, которое нѣ-

(*) Ovis laticauda. Linn.

сколько уже лѣтъ жалуетъ наирачительнѣйшимъ Башкирскимъ земледѣльцамъ алые праздничные кафтаны и другія вещи въ награжденіе за сіе ихъ раченіе, мало и тихо дѣйствуютъ. Многіе и совсемъ за землепашество не принимаются; а иные сѣютъ по близости деревни десятинахъ на двухъ хлѣбъ и по немногу конопель: но ни у кого больше осьми десятинъ въ посѣвѣ не бываетъ. Они такъ же, какъ и Бухарцы очищаютъ сѣмена отъ соломы топтаньемъ крупной скотины, на которой разъѣзжаютъ верьхомъ по сжатому хлѣбу.

Звѣриная ловля, къ которой лѣсистыя ихъ горы весьма привольны, производится большою половиною народа только для забавы, а скудными и для пропитанія. Они ходятъ на промыселъ сей съ простыми своими собаками, которыя походятъ на настоящихъ гончихъ, съ учоными беркушами (*) съ силками, прочими звѣроломными орудіями.

Къ произвожденію *рудоколнаго дѣла* не имѣютъ они ни свѣденія, ни раченія: однакожъ нѣкоторые умѣютъ разпознавать простыя руды и упражняются въ отыскиваніи хорошихъ слоевъ. Ежели какая ни есть Башкирская волость имѣетъ въ околицѣ своей мѣдную или желѣзную руду, то отдаетъ изобильныя оною горы съ довольнымъ пространствомъ лѣсовъ, Россійскимъ заводчикамъ на нѣкоторое время, и обыкновенно на шестдесятъ лѣтъ. По прошествіи сего времени беретъ волость за себя такія мѣста обратно, ежели заводчикъ вновь ихъ не откупитъ. Въ *Пермiи* строятъ нѣкоторыя *Башкирскія рудоколни* сами и ставятъ мѣдныя руды на ближайшіе заводы по разположеннымъ, смотря по тому, сколь выходна руда, цѣнамъ. Ни единой Башкирецъ, и вообще ни одинъ Татаринъ, не работаетъ ни когда ни въ своемъ, ниже въ другихъ какихъ рудникахъ, по тому, что работа сія не по гордости ихъ и не по силамъ: однакожъ многіе изъ нихъ получаютъ небольшую прибыль отъ перевозу рудъ на заводы.

Работы сіи такъ, какъ и домашнія исправы разныхъ надобностей, мало занимаютъ у нихъ времени; и по тому мужчины большую половину зимы передъ очагомъ за трубкою табаку, а лѣто за кумызомъ въ каляканьѣ препровождаютъ. *Женщинамъ* напротивъ того тѣмъ *больше дѣла*, а особливо въ лѣтнюю пору. Они доятъ великое множество кобылицъ и коровъ въ день по нѣскольку разъ, дѣлаютъ на зиму масло и сыръ, провѣтриваютъ мясо, вяляютъ ры-

(*) Faico fulvus. Linn.

бу, выдѣлываютъ кожи, шьютъ плашье, ткутъ кропивной и пеньковой холстъ, валяютъ войлочныя покрывала, и такъ далѣе.

Мягкую рухлядь вымачиваютъ они въ кисломъ молокѣ, намазываютъ мозгами ошъ скотинъ, и натираютъ мѣломъ. Для *молошныхъ мѣшковъ* выдѣлываютъ они верблюжьи, лошадиныя и бычачьи кожи, разпяливаютъ ихъ на сведенные къ верьху востро шестики, покрываютъ войлокомъ и ставятъ на курево, которое содержатъ они въ вырытой въ землѣ ямкѣ, подкладывая гнилое дерево или коровій калъ, до тѣхъ поръ, пока кожа сдѣлается рогу подобна; на что требуется времени дней около осьми. Большіе *молошные мѣшки* (Б. Сава) сшиваютъ они еще до прокуриванія жилами или конскимъ волосомъ. Они подобны видомъ кеглю, а мѣрою бываютъ ведеръ въ пять и въ шесть. Мѣшки сіи имѣютъ обыкновенно мѣсто свое по правую сторону у входа въ ихъ жилище; и какъ они сами собою сваливаются, то подпягиваютъ ихъ на веревкахъ въ верьхъ. *Малые мѣшки* (Б. Турсукъ) служатъ дома и въ пути вмѣсто бутыль. Они дѣлаются изъ содранной съ лошадиной головы шкуры на подобіе груши Гдѣ шкура на шеѣ отрѣзана, тамъ вставливается дно изъ другаго куска; ротъ служитъ устьемъ и шейкою сосуда, а уши, которыя въ цѣлости оставляются, рукоятками. А дабы мѣшки сіи имѣли желаемое подобіе, то набиваютъ они ихъ золою и пескомъ, и по томъ коптятъ. Такимъ же образомъ дѣлаютъ они и небольшіе кожаные дойники. Какъ мѣшки, такъ и другіе ихъ кожаные сосуды никогда совсемъ не отмакиваютъ, и при томъ легки и прочны: но хотя бы кто и не побрезговалъ тѣмъ, что они дѣлаются по большой части изъ шкуръ падальщины; однакожъ они и безъ того гнусны, по тому что скоро отъ держанья чернѣютъ и пахнутъ такъ, какъ и находящееся въ нихъ молоко или иное что, мертвечиною.

Холстъ ткутъ они больше изъ *кроливы*, а иногда и изъ *ленки*: но всегда претолстой и узкой. Они ни кропивы ни конопель въ водѣ не вымачиваютъ, но развѣшиваютъ осенью и зимою на заборахъ или разстилаютъ на кровляхъ; послѣ чего крѣпко сушатъ и очищаютъ толченіемъ въ ступахъ. Прядутъ они всегда прялицами. *Ткальные* ихъ *станы* посовершеннѣе тѣхъ, какіе у Оренбургскихъ Татарокъ. Основа навершывается около утвержденнаго стоймя въ скамью шеста. Навой ходитъ въ двухъ между поломъ и потолокомъ ущемленныхъ шестахъ, гребенка изъ деревянныхъ спичекъ, а ниченки изъ конскаго волосу, и прикрѣплены къ потолоку.

Для пригнѣтанія сихъ послѣднихъ есть подножки, прикрѣпленныя къ веревкамъ, или лѣлается только у веревокъ петля, въ которую ставится нога. И по тому не могутъ они такъ, какъ Тобольскія Ташарки, съ пканьемъ своимъ вездѣ носиться. Такимъ же образомъ ткутъ они толстое узкое сукно, которое валяютъ, употребляя къ тому мыло собственнаго своего варенія; а иногда и красятъ оное сами. Холщевое и шерстяное одѣяніе шьютъ они кропизными или изъ пеньки прядеными нитками, а шубы и кожаную одежду изщепанными *жилами*, которыя вытаскиваютъ они изъ ногъ всякой крупной дворовой скотины; отрѣзываютъ же ихъ длиною въ пядень, и высуша на вольномъ воздухѣ, колотятъ до тѣхъ поръ, пока изщеплются; послѣ чего разбираютъ и ссучиваютъ такъ чисто, что нигдѣ не примѣтно узолковъ.

Войлоки свои, которыхъ много надобно имъ на покрышки юртъ, на подстиланіе подъ себя, на бурки или епанчи, на сѣдельныя покрышки, и на прочее, валяютъ они по Рускому обыкновенію изъ шерсти, то есть: разложивъ толщиною въ большой палецъ перещипанную шерсть на простынѣ или рогожѣ, вспрыскиваютъ горячею водою, по тому катаютъ вмѣстѣ съ рогожею или простынею, и опять вспрыскиваютъ, катаютъ и топчутъ изъ всей силы до тѣхъ поръ, пока шерсть очень крѣпко сляжется.

Одѣяніе Башкирцовъ весьма подобно тому, какое у Казанскихъ Татаръ въ обыкновеніи. Оба пола носятъ рубахи (Б. Калдакъ), обыкновенно изъ толстаго кропивнаго холста; долгія и широкія шпаны, полусапоги (Итекъ) или туфли (Занкъ); бѣдные же обвертываютъ ноги онучами и ходятъ въ лаптяхъ. *Мужчины* носятъ кафтаны весьма долгіе и пространные, наибольше изъ краснаго сукна съ опушкою, и подпоясываются сверьхъ оныхъ поясомъ (Белгау) или сабельною портупеею: почему нижнее платье и не видно. Шубы шьютъ себѣ изъ бараньихъ, но больше изъ конскихъ кожъ такъ, чтобъ грива ложилась въ доль спины: что въ вѣтреную погоду весьма странно кажется. Они по примѣру Казанцовъ носятъ бороду, брѣютъ голову и покрываютъ оную нерѣдко и богато вязеною скуфейкою (Б. Тебетей); но по верьхней шапкѣ и съ перваго взгляду Башкирца признать можно. Она подобна кеглю, но не очень востро къ верьху сведена, вышиною въ пядень; а шьется изъ сукна съ узкимъ околышемъ, отпопырившимся и загнутымъ на подобіе Голландскихъ корабельныхъ шляпъ. Въ дорогѣ носятъ они такіе широкіе шпаны (Салбаръ), что можно подобрать въ нихъ всю одежду. Припеча-

Башкирка.
Eine Baschkirin.
Une Baskirienne.

шанное въ концѣ сей части изображеніе представляетъ Башкирца на ловлѣ медведя въ пчельникѣ.

У *верьхняго женскаго одѣянія* (Сапкенъ), которое дѣлается обыкновенно изъ тонкаго сукна или шелковыхъ матерій, пришиты въ переди пуговки, которыми оно застегивается и при томъ подпоясывается. Шею и грудь покрываетъ косынка (Б. Дюлбега) выложенная чешуйчато монетами; иногда же дѣлается она и решетчато изъ бисеру и раковинъ. *Дѣвки* прицепляютъ къ великому множеству косъ ленты и брякушки, которыя достаютъ до самыхъ икръ, и носятъ шапку съ завостреннымъ, длиною въ пядень, затылькомъ, который такъ же, какъ и самая шапка, покрывается монетами или корольками. *Замужнія бабы* носятъ сверьхъ такой шапки покрышой подобнымъ образомъ начельникъ, и только по двѣ косы, либо и вовсе волосъ не заплетаютъ. Въ ненастную погоду надѣваютъ на голову бабы и дѣвки Татарскія фаты (Тастаръ).

Въ разсужденіи *лицъ* и *литія* имѣютъ предписанія тѣ же, какія и прочіе Мугаметане; и наблюденіе оныхъ относится преимущественно къ ихъ скотоводству. Когда въ зимнее время скотъ ихъ похудаетъ и ослабѣетъ, то питаются творогомъ (Кругъ), масломъ (Май), провѣснымъ мясомъ, вяленою рыбою, дичиною и тѣмъ, на что въ стадахъ ихъ нападетъ хворость, или что отоймутъ у хищныхъ звѣрей: ибо они такую скотину бьютъ; большая же половина скота сама собою падетъ и по тому въ пищу имъ уже не годится. У земледѣльцовъ бываютъ сверьхъ того зимою каши и мушныя ѣствы, такъ же прѣсныя на угольяхъ печеныя лепешки. Отъ скуднаго и несытнаго пропитанія такъ, какъ и отъ недостатка свѣжаго воздуха, бываютъ они томны, блѣдны, худощавы и робки. Но по веснѣ на равнѣ со стадами своими оправляются, и становятся бодры, дородны, веселы и проч. Порядочные люди живутъ въ деревняхъ до тѣхъ поръ, пока пашенъ своихъ не засѣютъ; прочіе же убираются съ юртами своими въ степи, какъ можно скорѣе. Всѣ пьютъ весною *березовой сокъ*, которой въ сдѣланныя въ деревахъ глубокія зарубины, къ великому таковыхъ деревъ вреду, стекается и посредствомъ пустыхъ травяныхъ стебельковъ всасывается. Мало по малу начинаетъ подрастать трава, а вмѣстѣ съ оною возобновляется и Башкирское молошное раздолье. Ибо хлѣбомъ служитъ имъ молоко, отъ части прѣсное, а больше кислое, единственною почти и общею пищею, по тому что они во все сіе время бьютъ только увѣченную скотину, на звѣрину и рыбную

ловлю не ходятъ, хлѣба не пекутъ, и не варятъ изъ муки ни какихъ ѣствъ; развѣ у кого случатся еще отъ зимы остатки. Въ одно только праздничное время бьютъ они скотину, да и то по большой части больную или околѣвающую.

Кислое молоко называется у нихъ, коровье и овечье *Айреномъ*, а кобылье *Кумызомъ*. Для *Айрену* молоко въ первой разъ варится и смѣшивается съ простоквашею; а по томъ отъ времени до времени приливаютъ только въ Арейной мѣшокъ свѣжее молоко и перебалтываютъ со старымъ. Которые дѣлаютъ масло, тѣ снимаютъ по утру сметану; и въ такомъ случаѣ Айренъ бываетъ не иное что, какъ сыворошка. Масло дѣлаютъ они не какъ Рускія хозяйки перетапливая въ печи, но посредствомъ одного пахтанія. Ежели въ Кумызѣ недостатку нѣтъ, то снявъ съ Айрена сметану, дѣлаютъ изъ него творогъ. *Кумызъ* получаетъ такъ же начало свое отъ перетапливанія кобыльяго и верблюжьяго молока, и отъ смѣшенія онаго съ кислымъ кобыльимъ молокомъ; а по томъ такимъ же образомъ умножается и безпереводно содержится. Сметана не снимается, по тому, что изъ кобыльяго молока масло крѣпкое не выходитъ. Въ прочемъ же Кумызъ отъ кислоты имѣетъ столь пріятной вкусъ, и при томъ столь питателенъ и крѣпокъ, что не только служитъ пропитаніемъ, но и дѣлаетъ Башкирцовъ здоровыми, бодрыми, краснощокими, дородными, а невоздержныхъ и пьяными: и по тому въ жаркіе лѣтніе дни въ иной деревнѣ или стану не сыщешъ ни одного трезваго человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ перегоняютъ кумызъ по примѣру Телеутовъ, Калмыковъ и проч. и пьютъ водку; другіе мѣшаютъ Кумызъ для лучшаго подпою съ крѣпкимъ медомъ, или пьютъ попеременно то медъ, то Кумызъ. Съ наступленія осени уменьшается ихъ раздолье, и какъ сами они, такъ и стада ихъ претерпѣваютъ вышесказанныя тягости.

Въ *обхожденіи* и *житіи* Башкирцы дичае, лѣнивѣе и неопрятнѣе Казанскихъ Татаръ: но они не меньше привѣтливы, и еще веселѣе ихъ, а особливо лѣтомъ. Кумызкой ихъ мѣшокъ отверзается всякому; и всѣ вообще мужчины лѣтней деревни ходятъ изъ юрты въ юрту, и между разговорами и шутками опорожниваютъ одинъ мѣшокъ Кумызу за другимъ. Въ зимнее время порядочно они обѣдаютъ и ужинаютъ: при чемъ сидятъ около ѣствъ на цыпкахъ. Какъ передъ ѣдою и послѣ оной, такъ и переходя отъ пустаго Кумызнаго мѣшка къ полному, творятъ молитву. Сосуды ихъ и

ѣствы гадки. Молока они ни когда не процѣживаютъ, и ежели въ ономъ случится съ лишкомъ много волосъ или иныхъ какихъ нечистей, то вышаскиваютъ они пальцами, или цѣдятъ сквозь связанную изъ волосъ и пропотѣлую скуфейку въ питейныя чаши. Бараньи и овечьи ноги бросаютъ съ шерстью въ огонь, гдѣ они вдругъ обжигаются, жарятся и коптятся; жижицу же носитъ хозяйка на рукахъ и удѣляетъ всякому. За праздничною своею *лятилалою ѣствою* (Бишбармакъ) употребляютъ не только свои руки, но и одинъ другому тискаетъ оную въ ротъ; при чемъ принимающій глотаетъ такъ жадно, какъ голодный волкъ. А буде кому черезъ мѣру ротъ набьютъ, то онъ излишнее выплевываетъ себѣ въ горсть, и за другимъ разомъ кладетъ въ ротъ, и проч. Ѣдоки они добрые: пятнадцать фунтовъ мяса, да сверьхъ того одно ведро Кумызу да одинъ обѣдъ или ужинъ, служитъ инымъ къ утоленію одного только голоду. Когда есть хлѣбъ, то ѣдятъ оной такъ, какъ мы пирожное, послѣ другихъ ѣствъ. Они ѣдятъ такъ жадно, что ѣствы у нихъ подъ руками какъ будто горятъ. Ежели при какомъ ни есть угощеніи случатся остатки; то гости дѣлятъ оные по рукамъ и уносятъ съ собою. Гостю вмѣняется у нихъ въ отмѣнную честь то, когда хозяинъ велитъ осѣдлать для него любимую свою лошадь.

О повозкахъ они не заботятся: но тѣмъ больше любятъ ѣздить верьхомъ какъ мужчины, такъ и женьщины; и по тому хорошія лошади и сбруя въ великой у нихъ чести. Сѣдлы для женьщинъ разнятся только большими и лучшими покрышками. Предъ каждою юртою стоитъ обыкновенно одна осѣдланная лошадь. Отъ безпрестаннаго сидѣнья на цыпкахъ и отъ многой верьховой ѣзды, у большой половины мужчинъ колѣна выкрывились. Ночью спятъ на войлокахъ въ платьѣ: при чемъ и гадиною рѣдко кто не бываетъ заводенъ, по тому наипаче, что они гораздо рѣже другихъ Мугаметанъ моются. По Восточному обыкновенію непорочная *старость* и *бѣлая борода* въ великомъ у нихъ почтеніи. Когда они приглашаютъ чужихъ людей къ соучаствованію въ какомъ ни есть ихъ празднествѣ, то обѣщаютъ посадить ихъ возлѣ своихъ стариковъ. Когда жители разныхъ деревень въ праздникъ, называемой *Курбанъ байранъ*, поперемѣнно съ женами и дѣтьми одни у другихъ гостятъ; то тотъ, кто старѣе всѣхъ, бываетъ старшимъ, не смотря на то хозяинъ ли онъ или гость.

Многіе Башкирцы имѣютъ по двѣ *жены*, а больше рѣдко у кого бываетъ. Употребительный у нихъ *выкупъ за невѣсту* (Калымъ) состоитъ въ скотѣ, и простирается отъ 15 до 200 головъ; при чемъ лошади, рогатой скотъ, и овцы почти по равному даются числу. За невѣстою идетъ часть сего выкупа въ приданомъ (Игашъ), и по тому въ прежнія возвращается руки. По причинѣ изобилія въ Кумызѣ и сообразуясь своей бодрости, играютъ они свадьбы только лѣтомъ. Передъ *сочетаніемъ*, Муллою совершаемымъ, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невѣстѣ споръ; при чемъ, первыя одерживаютъ верьхъ и по томъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ выводятъ у нее волосы: и сіе торжество называется у нихъ *Таки Алганъ*. При сочетаніи даритъ Мулла жениху стрѣлу, и говоритъ: будь храбръ, содержи и защищай свою жену! На всякую свадьбу убиваютъ для Бишбармака по одной лошади. Въ первую ночь остается у молодыхъ двое мужчинъ и столько же женьщинъ. На другой день получаютъ гости отъ молодыхъ небольшіе дары, какъ то, нитки, холстъ, платки, иголки и прочее.

Увеселенія ихъ во время свадебъ и праздниковъ состоятъ, кромѣ пированія, въ пѣніи, пляскѣ, борбѣ, бѣганіи на лошадяхъ въ запуски, стрѣляніи въ цѣль, и смѣхотворныхъ представленіяхъ, въ коихъ они передразниваютъ людей и звѣрей: и сія игра называется у нихъ черный иноходецъ (Карай Гурга). Они *играютъ* не только на балалайкѣ, но и на дудкахъ, сдѣланныхъ изъ пустыхъ травяныхъ стволиковъ; къ чему нѣкоторые и баса припѣваютъ. При пѣніи употребляютъ они искони такое изобрѣтеніе, которое въ иномъ мѣстѣ не постыдно бы было объявить и за новое. А именно: они носятъ для обороны отъ комарей особливыя опахалы, которыя нашимъ почти подобны: и въ ихъ то складкахъ пишутъ они свои пѣсни. *Пѣсни* ихъ гласятъ о славныхъ богатыряхъ, странствующихъ удалыхъ голевахъ, превращеніяхъ и проч, и служатъ наипаче къ соблюденію въ памяти дѣлъ славныхъ ихъ предковъ, которыя и воспѣваютъ они съ великимъ восторгомъ. Когда напослѣдокъ женихъ собирается везти невѣсту свою домой, то она ходитъ изъ юрты въ юрту прощаться съ благодареніемъ и плачемъ; и при семъ случаѣ надѣляютъ ее иные скотомъ, а иные домашнею рухлядью. Въ родительской юртѣ обнимаетъ она Кумызной мѣшокъ, благодаритъ ему, что столь долго ее питалъ, и прицепляетъ къ нему небольшой подарокъ. Весь

станъ провожаетъ молодыхъ нѣсколько верстъ, и всѣ пьютъ при разставаньѣ взятой съ собою въ малыхъ мѣшкахъ Кумызъ.

При *родахъ* бываютъ у нихъ такіе же обряды, какіе и у прочихъ нашихъ Мугаметанъ: но дѣтей воспитываютъ чрезвычайно нерачительно, чистоты около ихъ не наблюдаютъ, и приваживаютъ правда ихъ къ своимъ житейскимъ порядкамъ, но не къ школамъ. Въ разсужденіи *похоронъ* странно то, что они покойниковъ своихъ возятъ хоронить верьхомъ. Хоронильщики и Мулла ѣдутъ верьхомъ въ переди; мертвое тѣло, привязанное къ доскамъ, виситъ промежъ двухъ лошадей; а соболѣзнующіе друзья и пріятели слѣдуютъ всѣ позади верьхомъ на хорошихъ лошадяхъ. Предавъ покойника погребенію, правятъ у той юрты, изъ которой онъ вынесенъ, поминаніе съ молитвами Муллы, а по томъ бываетъ тутъ пріятелямъ угощеніе.

Башкирцы искони содержатъ Мугаметанской законъ, и имѣютъ молебныя храмины, школы и священнослужителей: но въ разсужденіи вѣры своей не послѣдніе невѣжды и наблюдаютъ не мало и языческихъ обрядовъ. Ежели они н. п. во время какого ни есть празднества убьютъ животное, то ставятъ на приборѣ (Каштакъ) уваренное мясо противъ солнца, творя при томъ много поклоненій и проч. во всемъ подобно Шаманскимъ язычникамъ. Они имѣютъ такъ же нѣсколько и *бѣсогонителей*, которыхъ называютъ они *Шайтанъ Курьесця*, и которые сказываютъ про себя, будто они шатающихся ночью бѣсовъ видятъ, и при томъ по нимъ стрѣляютъ, саблями машутъ, палками бьютъ, преслѣдуютъ ихъ въ болота и воды, ранятъ, а иногда, по сказкамъ ихъ, и убиваютъ. Они вѣрятъ, что можжевельникъ всѣхъ злыхъ духовъ изъ жилищъ выгоняетъ и предохраняетъ отъ всякихъ волшебныхъ оговоровъ. Они боятся *волшебствъ*; но при томъ и сами имѣютъ колдуновъ (Б. Кашмешъ), которые сказываютъ про себя, будто они знаютъ прошедшее и будущее, и проч. Гдѣ держатъ они своихъ пчелъ, тамъ привѣшиваютъ они къ дереву, для отвращенія волшебныхъ оговоровъ, конскую голову. Жестокіе припадки отъ маточной болѣзни и тоски, которые у нихъ нерѣдко случаются, равномѣрно и нѣкоторые припадки беременныхъ женьщинъ, почитаютъ они бѣснованіемъ, и по тому стараются Муллы изгонять бѣса изъ таковыхъ больныхъ почерпнутыми изъ Алкорана заклинаніями, которыя они ежедневно повторяютъ, и при томъ больныхъ, добираясь до сашаны, толкаютъ, бьютъ, ругаютъ и оплевываютъ.Ког-

да же такому хворому станетъ полегче, то навѣшиваютъ они ему на шею зашитое въ кожу такое то реченіе, дабы злой духъ паки въ него не вселился. *Пахатной* ихъ праздникъ (Сабантуй) во всемъ, кромѣ молитвъ, творимыхъ Муллою, сходствуетъ съ *Анга Сопреномъ* Черемискимъ. Хотя земледѣліе у нихъ и не въ чести; однакожъ въ праздникъ сей съѣзжается верьхомъ всякая деревня, не изключая ни женъ, ни дѣтей, на свои пашни, слушаетъ приносимое Муллою моленіе о плодородіи земли и изобиліи въ травѣ, и забавляется по томъ попойкою, пляскою, пѣснями, рыстаніемъ въ запуски и тому подобнымъ.

Мещерячка.
Eine Metscherâkin.
Une Metcherèke.

МЕЩЕРЯКИ.

Мещеряки составляютъ особое Татарское колѣно, которое нынѣ заключаетъ въ себѣ около двухъ тысячь семей, изъ коихъ четыре ста пятдесятъ шесть въ Исетской провинціи между Башкирцами, а прочіе въ Уфской провинціи отъ части между Уфскими Татарами, а отъ части и между Башкирцами живутъ, слѣдовательно всѣ въ Башкиріи, и по тому въ Уфимскомъ, а частію въ Пермскомъ намѣстничествахъ.

Въ четвертомъ надесять столѣтіи, да можетъ быть еще и ближе къ нашимъ временамъ, *жили* они на нижней *Окѣ* между Мордвою или Муронами и Черемисами. А какъ перешли они въ Башкирію, то принуждены были Башкирцамъ, какъ помѣщикамъ, платить съ каждой семьи по 25 копѣекъ поземельныхъ денегъ. Во время Башкирскаго бунту въ 1735 году и послѣ доказали Мещеряки правительству свою вѣрность и преданность; по чему оное и освободило ихъ отъ платежа Башкирцамъ поземельныхъ денегъ, и вмѣсто всякой подати повелѣло исправлять имъ козацкую службу.

Съ *виду* походятъ они нарочито на Уфскихъ Татаръ. Во *нравственномъ* же *состояніи* ближе подходятъ къ Башкирцамъ, однакожъ они не столь суровы, поумнѣе, въ Магаметанскомъ своемъ законѣ тверже, и вѣрность къ Государю наблюдаютъ больше, нежели Башкирцы.

Мещеряки Западнаго или Уфскаго Урала *живутъ* почти всѣ во всегдашнихъ деревняхъ. *Скотоводство* ихъ не велико, однакожъ есть главный ихъ промыселъ, отъ котораго они такъ, какъ и отъ изряднаго *пчеловодства* преимущественно заимствуютъ свое пропитаніе: но при томъ и землепашества совсемъ не пренебрегаютъ. У Исетскихъ Мещеряковъ точно такіе же *порядки* въ разсужденіи зимнихъ и лѣтнихъ деревень, какъ и у Башкирцовъ, съ коими они такъ же и безъ разбору кочуютъ и обходятся дружески: но вообще не столь они зажиточны, какъ Башкирцы.

Мужское *одѣяніе* совершенно, а женское почти подобно Башкирскому: однакожъ Мещерячки отличаются отъ Башкирокъ наибольше шапками, которые шьютъ они поплосчае, и по примѣру Башкирокъ покрываютъ ихъ монетами и корольками, и широкою серебряными или жестяными наборцами выкладенною перевѣсью, которую носятъ на подобіе ленты черезъ плечо.

Въ *вѣрѣ, жилищахъ, лицѣ, дѣлахъ, увеселеніяхъ,* и во всемъ къ *житейскимъ обрядамъ* принадлежащемъ, подобны они частію Башкирцамъ, а частію Уфскимъ Татарамъ; только школы и священнослужители у нихъ лучше Башкирскихъ, и по тому они, яко разумнѣйшіе Мугамешане, не столько суевѣрны, и въ обхожденіи милѣе, благосклоннѣе и опрятнѣе.

БАРАБИНЦЫ.

Барабинцы или *Барабинскïе Татара* называются сами *Бараминцами;* да сïе же самое названïе имѣетъ знатнѣйшая и самая древняя ихъ волость. Россïяне же, Киргизцы, и иные прозываютъ ихъ по землѣ ихъ *Барабинцами.*

Земля ихъ, которую сами они называютъ *Барабою* и Барабинскою степью, лежитъ между Обью и Иртышемъ, и простирается отъ Алтайскихъ горъ на Сѣверѣ за рѣку *Туру* до самаго *Туя*, вышедшей изъ *Иртыша* рѣки, и до Нарымскихъ предѣловъ при *Оби*. Отъ горъ и за самой Омъ даже до рѣки Туры простирается настоящая *Бараба*; склонившаяся же больше на Сѣверъ часть сей страны называется *Абацкою* и *Туйскою степью.* Во всей ихъ пространной области мѣста низмѣнныя, открытыя, плодородныя, частïю болотныя, озерами изобильныя и преисполненныя лиственнаго и краснаго лѣсу рощами. Изъ числа *озеръ* ихъ *Танское* и *Убское* по пространству, такъ же находящееся при Ямышевской крѣпости при Иртышѣ и многïя другïя въ склоненïи горъ лежащïя по изобилïю своему въ поваренной соли достопамятны; въ разныхъ же иныхъ озерахъ вода соленая, но при томъ горькая; да сверьхъ того великая часть Южной или близкой къ горамъ степи преисполнена солончаками.

Барабинцы изъ стари владѣютъ степью между Иртышемъ и Обою. Во время завоеванïя Россïянами Сибири, были они за *Ханомъ Кучумомъ*, имѣвшимъ пребыванïе въ *Сибири.* Въ 1595 году изторгнуты они изъ власти его Тарскими козаками; и Барабинцы принадлежатъ и нынѣ еще всѣ вообще къ Тарской округѣ. Послѣ сего Россïйскаго преодолѣнïя бывали Барабинцы нѣсколько кратъ подъ игомъ *Соонгаръ*; при чемъ такъ же подвержены были угнѣтенïямъ и *Киргизцовъ*, когда сïи жили еще на рѣкѣ верьхнемъ Енисеѣ. Въ 1606 году сдѣлали Соонгарцы то, что хотя Барабинцы и тогда уже подвластны были Россïи, принуждены были однакожъ платить и Соонгарцамъ подать, которую они называли *Алманомъ.* Когда они Соонгарцамъ чинили сопрошивленïя, то жестоко они съ ними поступали; но какъ покорились, то побѣдители довольны были и малымъ Алманомъ, то есть съ каждаго семейства одною звѣриною кожею; небольшимъ количествомъ мягкой рухляди, и орлиными или ястребиными перьями для оперенïя стрѣлъ: за податью

же сею присылались Соонгарскїе повѣренные, которые разъѣзжая повсюду оную собирали. Соонгарцы часто были прогоняемы: но они всегда чинили вновь нападенія, а особливо Калмыцкой *Контаиша* въ 1641 году обложилъ ихъ вновь данью.

Барабинцы еще больше претерпѣвали отъ *Киргизцовъ*, не яко отъ побѣдителей, но какъ отъ разбойнической шайки. Сїи грабители побивали немалое число Барабинцовъ, и похищали ихъ женъ, дѣтей и скотъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтїя научило ихъ Россїйское правительство, чтобъ они сами собою защищались; и на такой конецъ запаслись они тогда оружїемъ, а многїе изъ Князьковъ ихъ укрѣпили было и юрты свои рвами и окопами, которыхъ остатки видны еще и понынѣ: но все сїе, по видимому, ни мало не пособило: ибо Киргизцы на иныхъ Князьковъ (Б. Яута) и въ самыхъ ихъ станахъ нападали и свирѣпость свою насыщали. Спокойно же живутъ они еще только съ того времени, какъ въ 1730 году опредѣлены порядочно Сибирскїе рубежи и заведена тамошняя линїя или рядъ небольшихъ крѣпостей.

По елику народъ сей бывалъ то подъ тѣмъ, то подъ другимъ игомъ, то онъ и не запомнитъ, когда были у него собственные Ханы или обладатели; особенныя же ихъ *колена* или *волости* великой хранятъ между собою союзъ. Волости сїи лежатъ: *Барампинская* при рѣкѣ Омѣ, *Тураская*, которая называется и *Колебинскою*, при Тартасѣ, вышедшей изъ Омы рѣкѣ, *Чайская* при озерѣ Убскомъ и проч. *Теренинская* около разныхъ небольшихъ озеръ, *Тунуская* по рѣчкѣ Узъ, *Евчайская* при *Яркулскомъ* и другихъ озерахъ, и *Каргалинская* при Тартасѣ. Всѣ семь волостей заключаютъ въ себѣ 68 деревень, и платятъ подушной окладъ по бывшей въ 1760 году переписи только за 2216 душъ, хотя въ нихъ, судя по одинакимъ деревнямъ, и несравненно больше должно быть число мужескаго пола. Но въ вышепомянутое число не включены жители тѣхъ Барабинскихъ волостей, которыя находятся въ Абайской и въ Сѣверныхъ степяхъ при рѣкахъ Обѣ и Иртышѣ, такъ, какъ и находящихся по лѣвую сторону Иртыша въ Ишимской степи, между Иртышемъ и Тоболомъ двухъ Барабинскихъ же волостей; число мужескаго пола душъ, во всѣхъ оныхъ селенїяхъ вообще развѣ малымъ чемъ менѣе количества душъ въ самой Барабѣ. Обширная и плодородная Барабинская степь чрезвычайно мало населена Татарами: и по тому правительство за нѣсколько лѣтъ, а особливо съ 1767 года поселило нѣсколько тысячь *Россїйскихъ переведенцовъ* изъ негодныхъ въ воен-

ную службу людей и заточенныхъ изъ Россіи, а особливо по дорогамъ изъ Омска и Тары въ Томскъ, въ весьма порядочно разположенныхъ деревняхъ, которыхъ жители изрядно за дѣла свои принялись, и щастливо въ оныхъ упражняются.

Съ *еиду* многіе Барабинцы совсемъ походятъ на Татаръ; но есть между ими великое множество и такихъ, которые кажутся, какъ будто бы они Калмыцкіе выродки или потомки; у сихъ лицо плоское, глаза малые продолговаты, уши большія, а волосъ черной. По елику Соонгарцы, яко побѣдители, часто и долго между ими живали; то и слѣдствіе сіе легко могло отъ того произойти. Наполненный всегда парами лѣтнія воздухъ въ Барабѣ, причиною тому, что всѣ тамошніе жители мокротны и въ лицѣ блѣдны. Какъ въ семъ обстоятельствѣ, такъ въ недостатвѣ наставленія и въ ихъ скудости заключается по видимому вина нарочитой ихъ глупости и почти совершеннаго ко всему безпристрастія. Они и въ самой любви и въ питьѣ весьма умѣренны. Многіе изъ нихъ подвержены цынготной болѣзни. Не великія свои желанія могутъ они удовлетворять и не причиняя вреда ближнему: и по тому они не только ни кого не обижаютъ, но и не лгутъ, не крадутъ и не разбойничаютъ. *Языкъ* ихъ есть Татарское, и при томъ меньше Башкирскаго испорченное, нарѣчіе. Рѣдко кто изъ нихъ умѣетъ на ономъ читать и писать.

Въ *деревняхъ* есть *старосты*; а во всякой волости выборной, Татарскимъ воеводою утвержденной *Яута* или Князекъ, *собиратель подушнаго окладу* (Апехунъ), и одинъ *Есаулъ*. Начальникамъ нѣтъ никакого жалованья, но они пользуются народнымъ почтеніемъ и повиновеніемъ: по чему тяжебныя дѣла сего народа рѣдко доходятъ до уѣзднаго суда и расправы.

Съ того времени, какъ освободились отъ Соонгарцовъ, платятъ они сверьхъ обыкновеннаго *Ясака* еще и прежнюю Калмыцкую подать (Алманъ), состоящую въ лосиныхъ кожахъ, выдрахъ, лисицахъ, бѣлкахъ и другой мяхкой рухляди: но не возбранно очищать оную и наличными деньгами. Всей вообще Соонгарской подати собирается ежегодно съ семи волостей, считая на деньги, только до 300 рублей, а настоящихъ подушныхъ денегъ не приходитъ и въ четверо противъ того; и по тому подати сіи ни мало имъ не чувствительны.

Житейскіе обряды Барабинцовъ чрезвычайно сходствуютъ съ Башкирскими. У нихъ такъ, какъ и у Башкирцовъ, есть *зимніе*

деревни и *лѣтнія юрты*; да и *скотоводство* есть ихъ главное, а *земледѣліе* напротивъ того больше побочное дѣло. Къ *звѣриному промыслу* мѣста ихъ не привольны; отъ рыбной же ловли на многочисленныхъ ихъ озерахъ многіе заимствуютъ свое пропитаніе.

Хижины въ *зимнихъ ихъ деревняхъ* разнятся отъ Башкирскихъ небольшими сѣнями и отверстіемъ въ потолокѣ, которое дѣлается не столько для свѣту и изхожденія паровъ, сколько для того, чтобы въ случаѣ великихъ мешелицъ, во время которыхъ иногда совсемъ заноситъ снѣгомъ ихъ хижины, вылѣзать на дворъ симъ отверстіемъ и опрастывать двери. Во всякой почти хижинѣ есть врытая въ землю деревянная *стула*, которой толкушка прикрѣплена къ долгой перекладинѣ; и какъ подъ оною лежитъ поперечина, то толкушка, когда ступитъ кто на конецъ перекладины, поднимается. Подобныя симъ ступы есть такъ же у Чулымскихъ и другихъ Татаръ.

Лѣтнія ихъ *хижины* (Угъ) или *юрты* состоятъ изъ воткнутыхъ въ землю и къ верьху сведенныхъ на подобіе борти шестиковъ (Тыкма). Такая юрта, которой подпоры, при перекочовкѣ на другое мѣсто, не вынимаются, бываетъ въ поперешникѣ саженъ въ пять, и покрывается сдѣланными изъ троснику, который укладывается прямо, рогожами (Топанъ). *Домашній* ихъ *скарбъ* и всѣ вообще порядки точно такіе, какъ и у Башкирцовъ, только поскуднѣе.

Они держатъ только *лошадей* и *рогатой скотъ*; да сверьхъ того по малому только числу, и то рѣдко, овецъ, по тому, что пастбища съ лишкомъ для нихъ влажны. Въ скотѣ состоитъ ихъ имѣніе: но у инаго нѣтъ и ни единой скотины; у посредственнаго же состоянія людей водится отъ 5 до 20 лошадей, а рогатой скотины и того еще меньше. У одного человѣка въ Чауской волости было въ 1771 году семдесятъ лошадей: по чему и считали его всѣ богачомъ. Послѣ прежнихъ грабительствъ Киргизскихъ давно бы они уже размножили свои стада, если бы при Тоболѣ, Иртышѣ и Обѣ свирѣпствующая *язва*, которую называютъ они Гундурмою, и при томъ пользоваться во время оной скотины не умѣютъ, не причиняла часто въ оныхъ опустошенія. Въ 1763 году почти весь скотъ отъ оной палъ. Лошади ихъ и рогатой скотъ подобенъ Башкирскому или Россійскому. Онъ правда почти во всю зиму бродитъ: но какъ у нихъ малое только количество, то во время великихъ снѣговъ кормятъ они его нѣсколько и сѣномъ.

Барабинцы очень худо изъ луковъ стрѣляютъ: и по тому дичь

Барабинская баба
Eine Barabinzische Frau
Femme Barabinzoise

или ловятъ или *собаками* травятъ. Собаки же у нихъ настоящія гончія, больше дюжи, нежели велики, и почитаются столь полезными, что они доброй собаки никогда на лошадь не промѣняютъ. Всѣ вообще *производятъ рыбную ловлю*, и излишнюю рыбу вялятъ, не соля въ прокъ на зиму. Въ *земледашествѣ* упражняются еще меньше Башкирцовъ, и слѣдовательно не столько употребляютъ крупяныхъ и мушныхъ ѣствъ. Рѣдко кто пашетъ десятинъ до пяти; сѣютъ же только ячьмень, овесъ, а нѣкоторые по немногу и конопель.

Женской полъ упражняется въ такихъ же точно дѣлахъ, въ какихъ и Башкирки. По елику доеніе скота и иныя симъ подобныя работы меньше занимаютъ у нихъ времени; то они выдѣлываютъ шкурки съ нырковъ, гагаръ и другихъ водяныхъ птицъ, не выщипывая перья, и сшивъ по томъ въ тулупы или шапки, продаютъ. Такія изъ птичьихъ шкурокъ составленныя шубы весьма теплы, не пропускаютъ ни мало мокроты, и нарочито крѣпки.

Мужчины головы не брѣютъ, но любятъ небольшія бородки. Сверхъ скуфейки *носятъ* они глубокую шапку съ набитымъ, и какъ въ переди, такъ и на зади раздвоеннымъ, околышемъ. Весь прочей нарядъ подобенъ Татарскому; только кладутъ они на верхнемъ одѣяніи небольшія петлицы, хотя пуговицы и не пришиваются. Кромѣ табашнаго прибору привѣшиваютъ лѣтомъ къ поясу прикрѣпленной къ рукояткѣ немалой пукъ конскаго волосу (Б. Гилбей Ушъ), подобной почти Турецкому Бунчуку, которымъ они обороняются отъ чрезвычайнаго множества комаровъ.

Бабы носятъ по двѣ косы, а дѣвки и больше, и украшаютъ ихъ ленпами; голову же покрываютъ плоскими шапками съ околышемъ. У *дѣвокъ* бываютъ шапки обыкновенно поменѣе, востpыя и съ околышемъ же. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ употребляются такъ же выкладенныя бисеромъ, на подобіе Башкирскихъ, шапочки, и всѣ носятъ повсядневно фаты. Лѣтомъ ходятъ больше въ вышитыхъ узорчато рубахахъ изъ толстаго крапивнаго холста, которыя разнятся отъ употребительныхъ у Черемисъ и другихъ народовъ рубахъ только тѣмъ, что придѣлывается къ нимъ цѣлой рядъ пуговокъ и петель, которыми оныя въ переди застегиваются. Въ праздники выходятъ въ долгомъ на рубаху похожемъ одѣяніи изъ бумажной или другой какой матеріи, и въ опушенномъ, въ переди пуговками украшенномъ, верьхнемъ плашьѣ, которое лабы видно было и нижнее плашье, дѣлается немного покороче. Весь нарядъ сходенъ

съ Башкирскимъ; только скуденъ. Бѣлья своего никогда не моютъ до тѣхъ поръ покамѣстъ оно совсемъ развалится.

Они ѣдятъ не только все то, что Мугамеданамъ по закону ихъ не возбранно, но въ случаѣ недостатка и палыхъ скотовъ и хищныхъ звѣрей, не гнушаясь ни мало, по тому, что они привыкли къ сему еще со временемъ своего идолопоклонства. Хотя у нихъ скотины и мало, однакожъ они при всемъ томъ дѣлаютъ масло, сыръ и Кумызъ, которой они подбалтываютъ водою, чтобъ долѣе тянулся. *Сыръ* сушатъ они на огнѣ, и по тому онъ бываетъ всегда кривъ и безобразенъ. По елику Кумызъ утоляетъ правда у нихъ жажду, но голоду такъ, какъ у Башкирцовъ не унимаетъ, то питаются они лѣтомъ дикими птицами, рыбами, сараною (*), кандыкомъ (**) приторшною травою (***) (аштыкъ), конѣвымъ щавелѣмъ (****) (кушкулакъ), дягилемъ (*****) (Шума Кукша), и борщомъ (******) (булдырьянъ), такъ же черемухою, голубицею, клюквою и иными дикими ягодами и кореньями. Зимою ѣдятъ они больше вяленую рыбу, дичину и каши. До хлѣба не великіе они охотники, и по тому не много онымъ запасаются. Ѣства, которая называется у нихъ *Астыгай*, есть не иное что, какъ совсемъ почти утопленное прѣсное кобылье и коровье молоко, которое отъ чугунника краснѣетъ и на зиму въ прокъ можетъ быть оставляемо. Жажду утоляютъ они водою и рыбною ухою. Хмельные же напитки должны они доставать изъ Россійскихъ деревень: и по тому рѣдко кто изъ нихъ бываетъ пьянъ.

Всѣ безъ изъятія, мужчины и женщины, старые люди и молодые, курятъ очень много *табаку* (Тамакъ), и прицепляютъ къ поясу весь нужной къ тому приборъ. Употребляютъ же Китайской *Шаръ* и простой или такъ называемой Черкаской шабакъ. Тотъ и другой смѣшиваютъ они, дабы долѣе держался, и какъ они говорятъ, былъ пріятнѣе, пополамъ съ тонкими березовыми стружками, и куряшъ сію смѣсь изъ самыхъ малыхъ крушцовыхъ Китайскихъ трубокъ (Кангза).

(*) Lilium Martagon. L.
(**) Erythronium, Dens Canis. L.
(***) Campanula lileifol. L.
(****) Rumex Acetosa. L.
(*****) Angelica.
(******) Heracleum Sphondylium. L.

Барабинская дѣвка.
Ein Barabinzisch Mädgen.
Fille Barabinzoise.

Подать платятъ мягкою рухлядью, лисицами, бобрами, соболями, горностаями, лосинными кожами и пр. Однакожъ предоставлено имъ на волю платить оную и деньгами. Весь сей народъ платитъ казнѣ не болѣе какъ на 1500 рублей.

Барабинцы въ обрядахъ своихъ относящихся къ обхожденію, употребленію пищи, свадьбамъ, похоронамъ, и прочему, уподобляются Башкирцамъ: только въ увеселеніяхъ своихъ и вообще наблюдаютъ больше скромности. Между ими очень мало такихъ, у которыхъ больше одной *жены*. Они содержатъ женъ своихъ хорошо и покупаютъ ихъ на платье, на наличныя деньги или на скошину, считая на деньги рублей по 5 и по 50. Иному молодцу достается здоровая и добрая дѣвка рубля за 2 или за 3. Многіе заслуживаютъ тестю договорную за невѣсту плату (Калымъ) при рыбной ловлѣ, звѣриномъ промыслѣ или на полевой работѣ. Покупающіе женъ на наличныя деньги, занимаютъ оныя у Россійскихъ поселянъ, которые по большой части зажиточны; да Барабинцы никогда ихъ и не обманываютъ, но объщавшись пашню въ такую то мѣру выжать, приходятъ въ наилучшую пору съ женами и съ дѣтьми для исполненія своего уговора.

Всѣ вообще Барабинцы недавно еще отъ *Шаманскаго язычества* обратились къ *Мугаметанской вѣрѣ*. Когда Иркуцкой Вицегубернаторъ *Ланге* ѣхалъ въ 1714 году черезъ Барабу, то всѣ тамошніе жители, а во время путешествій г. *Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Миллера* и *Профессора Гмелина*, которыя кончились въ 1748 году, большая ихъ половина, были язычники. У нихъ были *Шаманы* или *Камы*, да сверьхъ сихъ еще особливые *колдуны* и отгадыватели, коихъ они называли *Якутеретарами*, и которые предсказывали особливо по сотрясенію луковой шетивы. Шаманы употребляли барабаны. Во всѣхъ юртахъ видны были деревянные *идолы*, которыхъ называли они Шайтанами (Сатанами). Идолослуженіе ихъ подобно было наибольше суевѣрію Телеутовъ, о коихъ впредь будемъ говорить.

Обращеніе ихъ къ Мугаметанской вѣрѣ возпослѣдовало изподоволь вопреки законамъ и тайнымъ образомъ по прельщенію странствовавшихъ въ Барабѣ Муллъ сосѣдственныхъ Татаръ. Нынѣ всѣ Барабинцы уже обрѣзаны и есть у нихъ небольшое число священнослужителей и молебныхъ храминъ. Народъ весь утопаетъ въ чрезвычайномъ невѣжествѣ и отнюдь не отщетился еще отъ прежняго своего суевѣрія. У него есть и нынѣ волшебники и пред-

сказатели. Многіе кладутъ покойникамъ во гробъ домашній скарбъ и кушанье, и такъ далѣе. Мало между священнослужителями ихъ такихъ людей, которые умѣютъ читать, а еще меньше разумѣющихъ Арабской языкъ.

Киргизцы.

Киргизскія орды, которыя извѣстны такъ же и подъ именемъ *Казачьей орды*, но по худымъ дѣламъ, называютъ сами себя *Сара Кайсаками* (Степными Козаками) и Киргизами не отъ Татарскаго слова *Киргизъ*, подлой мужичина, но по мнимому своему родоначальнику.

Они, по силѣ нѣкоторыхъ собственныхъ ихъ преданій, потомки Крымскаго *Хана Кунаугура*, слѣдовательно настоящіе по природѣ Ногайцы. Предки ихъ, какъ явствуетъ изъ оныхъ извѣстій, негодуя на своихъ родственниковъ, удалились изъ прародительскихъ мѣстъ въ чистыя степи, гдѣ число ихъ умножилось бѣглецами до сорока человѣкъ, которые похищеніями скота и женъ сдѣлались отечеству своему подъ именемъ *сорока ларней* (Киркъ Кирсакъ) страшными. Они препровождали жизнь свою въ странствованіи, и становились отъ времени до времени чрезъ присовокупленіе къ шайкѣ своей и иныхъ бѣглецовъ, многолюднѣйшими. *Абулъ Гази* почитаетъ ихъ потомками старшаго Могола, а особливо произшедшими отъ *Киргиза*, внука *Хана Огуса*. Они жили будто сперьва при рѣкѣ Икранѣ, неподалеку отъ Китайской стѣны, и по случаю преселенія многихъ Татарскихъ и Монгольскихъ народовъ перешли изъ перьвыхъ своихъ обиталищъ въ склонившіяся больше на Западъ мѣста. Самыя древнія бытія сего народа тѣмъ больше сомнительны, что до завоеванія Сибири Россійскимъ оружіемъ и о имени его не слышно было.

Во время же сихъ завоеваній кочевали Киргизцы при *верьхнемъ Енисеѣ*, около Іюса, Абакана и далѣе на Югѣ и на Востокѣ. Въ 1606 году сдѣлались они купно съ Барабинцами Россійскими подданными. Съ того времени довольно они ославились своимъ непостоянствомъ, возмущеніемъ, покореніемъ, союзами, порабощеніемъ сообщившихся народовъ, жестокостію, грабежами, вѣроломствомъ и всѣмъ тѣмъ, что только безпутное отъ дикаго и необузданнаго степнаго народа можетъ быть сдѣлано. Они бывали то союзниками Россіи, Золотой орды или Соонгарцовъ, то паки ихъ непріятелями: отъ чего много претерпѣли въ Сибири особливо Красноярскіе, Чулымскіе, Барабинскіе и Алтайскіе Татара. Въ 1632 году избрали нѣкоторые Киргизцы совокупно съ Туркостанцами общаго Хана и получили и сами названіе *Туркостанцовъ*; въ 1636

году были они по причинѣ оказываннаго имъ Соонгарцами покровительства опасны, напротивъ того въ 1643 году претерпѣли они отъ Калмыковъ пораженіе, и такъ далѣе. По всѣмъ таковымъ перемѣнамъ пришли они отъ Енисея на Обь и вообще подавались все далѣе на Западъ и Югозападъ.

Ни кто не запомнитъ съ какихъ временъ и по какимъ причинамъ раздѣлились Киргизцы на *три орды*, изъ коихъ одна называется *большого*, другая *средняго*, а третья *малою*.

Большая орда дружна съ *Буруттами*, да и почитается за одинъ съ ними народъ, и при томъ еще коренной, отъ коего произошла средняя и малая орда. Они кочевали наибольше на Югѣ и поселились въ *Алтайскихъ* горахъ, кои суть склонившійся на Сѣверъ хребетъ Индійскихъ горъ, и по которымъ они и называются *Алтайскими Киргизцами*. Еще и нынѣ кочуетъ орда сія по ту сторону Ташкента, при рѣкѣ верьхнемъ Сыртѣ, около Туркостана и проч.

Она можетъ нарядить до 30000 человѣкъ конницы, изъ коихъ однакожъ развѣ только третья часть къ произвожденію войны способна. Она такъ же, какъ и другія орды, разбойничаетъ и производитъ грабежи не только на земляхъ спокойныхъ своихъ сосѣдей, но и надъ купеческими караванами, какъ то сдѣлалось въ 1738 году у Ташкента надъ Россійскимъ караваномъ. Соонгарцы довольно старались подвергнуть ее своему игу: но храбрость ея и неприступныя горы сохранили ея независимость; и она вступила съ Соонгарцами въ союзъ единственно для отвращенія отъ себя Соонгарскихъ набѣговъ.

Киргизцы большой орды, или *Бурутты* живутъ во всегдашнихъ зимнихъ деревняхъ; но лѣтомъ обитаютъ по большой части въ тростниковыхъ шалашахъ; однакожъ очень рѣдкія перемѣняютъ мѣсто своего жилища. Нѣкоторые изъ нихъ упражняются нѣсколько въ земледѣліи; а въ прочемъ гораздо прилѣжнѣе, основательнѣе и мужественнѣе, нежели прочихъ Киргизскихъ ордъ народы; однакожъ напротивъ того болѣе ихъ склонны къ воровству и разбоямъ. Во время войны навѣшиваютъ они на себя великое множество колокольчиковъ и побрякушекъ, которые производятъ страшной шумъ и пугаютъ непріятельскихъ лошадей. Въ прочемъ всѣ они довольно ревностные Магометане.

Съ *средняго* и *малою* ордою то же самое было. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія уступлены они Соонгарцамъ, но должны были

такъ же, какъ и Соонгарцы очистить Сибирь совершенно: послѣ чего и заняли Киргизцы тѣ степи, которыми они нынѣ владѣютъ. Каждая орда имѣетъ особливаго Хана и свои разведенныя мѣста, которыя раздѣлены ими нѣсколько по Улуссамъ. *Степи* ихъ *простираются*: на Западѣ до рѣки *Урала* (Кирг. *Дикъ*); на Сѣверѣ до *Уя* и новой Сибирской или Ишимской линіи отъ Тобола до Иртыша; на Востокѣ до рѣки *Суразы*, Хивы, Туркестана и проч.; на Юговостокѣ и Югѣ до *Сиръ-Дарьи*, такъ же *Аральскаго озера* и *Каспійскаго моря*. Обширныя сіи степи, которыхъ Западною и Югозападною частію малая, а больше на Востокъ и на Сѣверъ простирающеюся страною средняя орда владѣетъ, состоятъ большою частію изъ открытыхъ и сухихъ лощинъ съ песчаными мѣстами и солончаками; плодоносныхъ же полей мало, а лѣсистыхъ мѣстъ и того меньше. Они недостаточны такъ же и хорошею водою. Премногія озера нарочито или нѣсколько изобильны солью; а такихъ, въ коихъ чистая вода, мало. Знатнѣйшія ихъ рѣки, кромѣ такъ называемыхъ порубежныхъ рѣкъ, суть: *верхній Тоболъ* и *Ишимъ*, впадающія въ Иртышъ, такъ же *Елбы*, *Иргисъ* и *Тургай*, изъ коихъ первая въ *Каспійское море*, а прочія въ Аксакальское озеро впадаютъ.

Въ 1731 году разумный, но неспокойный *Ханъ малой орды Абулгаиръ*, *отдался* купно съ ордою своею *подъ Россійское* покровительство; и тѣмъ самымъ избавился отъ Соонгарскихъ и Башкирскихъ притѣсненій. Онъ учинилъ при томъ и присягу въ вѣрности. Торжественно же присягали, но не безъ прекословія народнаго, Ханъ и его Вельможи въ Оренбургѣ за всю орду въ 1738 году; послѣ чего оставилъ тамъ *Абулгаира* заложникомъ одного своего Князька. *Средняя орда*, въ коей начальствовалъ тогда *Ханъ Шемяка*, послѣдовала примѣру малой, и хотя было нарушила вскорѣ союзъ, однакожъ въ 1739 году въ лицѣ *Хана* своего *Абулмамета* вновь учинила въ Оренбургѣ такую же, какъ и малая орда, торжественную присягу. Въ письменныхъ дѣлахъ, касающихся до переговоровъ, называются Киргизцы *Киргизкайсацкимъ войскомъ*. Когда въ 1749 году произошла между сими ордами междоусобная брань, то *Абулгаиръ Ханъ* лишился на сраженіи жизни: послѣ чего Россія доброжелательнаго его Князька *Нуръ Гали*, бывшаго прежде въ Хивѣ Ханомъ, утвердила въ достоинствѣ Киргизкаго Хана. *Среднею ордою* владѣетъ нынѣ богатой Князекъ (Салтанъ) *Аблай*, не называясь однакожъ

Ханомъ, и повинуется нѣсколько Хану малой орды. Теперь обѣ орды такъ между собою дружны, что нѣкоторые Улуссы средней орды избирали себѣ начальниковъ изъ числа Салтановъ *Мурз Галiя.*

Средняя орда состоитъ изъ *Найманскаго, Арганцскаго, Увакгерейскаго* и *Килчакскаго* колѣна, *малая* же *орда*, которая сама себя называетъ и *Килчинскою*, раздѣляется на *Алчинское* и *Джатырское* колѣно. Каждое колѣно состоитъ изъ нѣсколькихъ не равно многолюдныхъ малыхъ поколѣнiй, которыя называютъ они *Улуссами* и дѣлятъ обыкновенно на роды или Аймаки. Въ каждой ордѣ считается тысячь до тридцати кибитокъ или семей; да они не меньше могутъ поставить и разборныхъ людей: но сiя смѣта полагается только, примѣняясь къ извѣстнымъ частнымъ Аймакамъ въ разсужденiи числа находящихся въ нихъ душъ.

Когда Ханъ и вельможи присягаютъ и вступаютъ въ переговоры; то орды подвергаются чрезъ то *покровительству* и зависимости, но не государственнымъ законамъ Россiи, и не платятъ на ряду съ прямыми подданными податей. Орды сiи такъ, какъ и нѣкоторыя Кавказскiя, обязаны быть прiятелями прiятелямъ, а врагами врагамъ Россiйской державы, подданнымъ Россiйскимъ въ торгахъ и обхожденiи не только изъявлять всякое благопрiятство, но такъ же ихъ защищать, подавать помощь, оказывать всякую справедливость и удовлетвореniе, и вообще поступать съ ними, какъ съ соподданными одного и того же правленiя. Напротивъ того орды получаютъ защиту противу своихъ угнѣтателей, въ торгахъ и обхожденiи тѣ же выгоды, владѣютъ спокойно своими землями и остаются при всѣхъ своихъ устроенiяхъ, законахъ, вѣрѣ, обращенiи съ своими сосѣдями, не платятъ ни какого подушнаго окладу, не получаютъ ни какихъ до устроенiя ихъ касающихся повелѣнiй и вообще ни въ чемъ не ограничиваются. Въ залогъ исполненiя своихъ обязательствъ даютъ они по нѣскольку изъ своихъ Князьковъ или знатныхъ людей *аманатовъ*, которые въ Оренбургѣ получаютъ съ Россiйской стороны соотвѣтствующее условiю жалованье. Въ условiи семъ выговорили они каждому аманату въ день только по 15, а каждому ихъ прислужнику по 5 копѣекъ: чемъ и содержатъ они себя изрядно, по тому, что ѣдятъ почти одну только баранину, которая присылается имъ изъ орды. Когда *Ханъ* пріѣзжаетъ въ Оренбургъ, чего однакожъ онъ безъ дозволенiя Губернаторскаго дѣлать не долженъ; то ему какъ правительствующему лицу, оказывается честь пушечною пальбою,

преклоненïемъ знаменъ, музыкою, почестною стражею и проч. Большая половина ихъ вельможъ получаетъ отъ правительства ежегодно подарки, которые нарочито походятъ на жалованье, и состоятъ въ деньгахъ, матерïяхъ, мукѣ, крупѣ и прочемъ. Ханъ самъ получаетъ ежегодно по 600 рублей наличными деньгами, и до 20 верблюжьихъ вьюковъ съ съѣстными припасами, нѣкоторые вельможи до 300 рублей, а самые простые старшины по 20 рублей. Ежели Хану надобно о какомъ ни есть дѣлѣ снестись съ Губернаторомъ, то посылаетъ одного или нѣсколько старшинъ съ полномочïемъ, которые обо всемъ доносятъ словесно. Всякъ изъ таковыхъ посланниковъ получаетъ, какое бы въ прочемъ дѣло ни было, алое платье въ подарокъ. Губернаторъ посылаетъ къ Хану по дѣламъ же приказныхъ служителей, которые такъ же получаютъ иногда дары, состоящïе всегда въ лошадяхъ, но несравненно цѣною низшïе. Обѣ орды для поощренïя къ торговлѣ уволены отъ платежа пошлинъ, и при томъ больные ихъ, буде пожелаютъ, снабдѣваются даромъ отъ Оренбургскихъ врачей лѣкарствами: но они весьма рѣдко пользуются симъ на человѣколюбïи основаннымъ учрежденïемъ. Не взирая на всѣ договоры, клятвы, заложниковъ и оказываемыя изобильно милости, слѣдуетъ сей суровой и необузданной народъ при всякомъ случаѣ склонности своей къ хищенïю, коей можетъ только полагать нѣкоторые предѣлы противупоставляемая сила, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же внушенïя и соучаствованïя ихъ больше доброжелательныхъ вельможъ и торговыя выгоды, къ собственной ихъ прибыли клонящïяся. Граница, которою служитъ отъ части знатная рѣка Уралъ, повсюду ограждена рядомъ или линïею крѣпостей и окоповъ. За великïя нарушенïя договоровъ орды наказываются: но они при всемъ томъ похищаютъ иногда изъ Россïйскаго владѣнïя людей и скотъ, и разграбляютъ часто въ степяхъ своихъ идущïе въ Россïю Бухарскïе или иные какïе караваны. Все, что впредь сказано будетъ мною о Киргизцахъ, относится, по елику Россïя не имѣетъ съ большою ордою ни союза, ни торговаго обращенïя, наипаче къ *средней* и *малой ордѣ*.

У *Киргизцовъ видъ* точно такой же милой и свободной, какъ у Казанскихъ Татаръ. Глаза у нихъ, которые поменѣе, можетъ быть и отъ того единственно, что они болѣе сжимаютъ вѣки по причинѣ желтѣющихся степей и ослѣпляющаго снѣгу, веселы, а не грозны. Они одарены отъ природы изрядным разумомъ, лю-

бятъ пустоши, пышны, прокладны, ласковы, любострастны, и слѣдовательно не кровожаждущи. Грабительства ихъ, такъ же жестокость и несправедливости можно почесть паче слѣдствіями суроваго и не обузданнаго ихъ рода жизни, нелѣпаго стремленія къ мщенію, и ложныхъ понятій о чести и смѣлости, нежели природнымъ къ тому влеченіемъ: по чему они совокупно съ разпространеніемъ торговли съ Россіею нарочито и во нравахъ своихъ исправляются. *Женщины* ихъ похваляются за домовитость, за добросердечіе и за соболѣзнованіе о невольникахъ, которымъ облегчаютъ они часто побѣги и не безъ собственной своей опасности.

Школъ у нихъ нѣтъ; и хотя по тому рѣдко кто на своемъ *языкѣ* писать умѣетъ, однакожъ языкъ ихъ, по утвержденію знающихъ людей, нарочито изрядное Татарское нарѣчіе, конечно по тому, что они Татарами окружены и ни съ какими иными народами обращенія не имѣютъ.

Дворянство ихъ многолюдно: нижній родъ онаго называютъ они *Ходжами*, а средній *Бю*, вышній же состоитъ изъ *Салтановъ*. *Ходжи* ихъ не отрасли Мугаметовы, какъ то у Туркостанцовъ и другихъ народовъ, но единственно честной природы люди; *Бюи* же должны имѣть богатырей, а *Салтаны* или Князьки начальниковъ народа своими предками. По елику женщинъ они покупаютъ, то и въ родословіи совсемъ ихъ не числятъ. Не только колѣна, но и самые роды или Аймаки, рачительно наблюдаютъ взаимной союзъ и избираютъ себѣ старшинъ изъ знатнѣйшихъ и самыхъ богатыхъ дворянъ. *Начальникамъ* ихъ нѣтъ ни малѣйшаго жалованья; да и повиновенія малымъ чемъ больше оказывается противъ того, какое бы и безъ начальства изъявляемо имъ было по богатству ихъ и прилѣпленію къ нимъ какъ простаго народа, такъ и другихъ богачей. И самому Хану оказывается честь и повиновеніе больше по старшинамъ, которые бываютъ отъ части его братья, Салтаны, дядья или ихъ друзья. Да и такія опредѣленія, которыя сдѣланы съ общаго согласія всѣхъ Аймакскихъ начальниковъ, исполняются народомъ токмо по толику, по колику они ему угодны; и всякимъ частнымъ человѣкомъ, когда только предвидитъ онъ себѣ изъ того пользу, нарушаются.

Во время положенной обще на мѣрѣ и народомъ подтвержденной *войны* собираются всѣ къ рашованію способные люди въ опредѣленное мѣсто, всякъ, по примѣру Башкирцовъ, съ двумя или больше лошадьми, и вооруженъ. Толпы сіи соединяются и вступаютъ въ

походъ подъ предводительствомъ избранныхъ военачальниковъ. По елику всякъ самъ себя содержитъ, то войско ихъ не имѣетъ надобности, ни въ казнѣ, ни въ житницахъ. Множество ихъ все опустошаетъ. Чего они изъ попадающихся имъ стадъ не съѣдятъ, и которыхъ непрїятелей мужескаго пола не перерубятъ, тѣхъ такъ, какъ женъ и дѣшей, уводятъ въ неволю. Когда воинственное странствованїе имъ наскучитъ; то они сами собою мало по малу возвращаются на прежнїя свои мѣста: по чему войско ежедневно тогда убываетъ. Когда они встрѣтятся съ неробѣющими непрїятелями, то ни мало въ дѣлѣ своемъ не успѣваютъ. Изъ луковъ стрѣляютъ они очень худо. Огнестрѣльныя ихъ оружїя безъ курковъ, по чему и палятъ они изъ нихъ еще и нынѣ по старинному обыкновенїю, поджигая порохъ фитилемъ. Они не могутъ и прямо изъ рукъ палить, но сходятъ съ лошади, ложатся на земь и ставятъ ружейной стволъ на придѣланные къ нему рожны; что все выжидать непрїятелямъ иногда становится и скучно. Ежели они въ предпрїятїи своемъ не успѣютъ, или къ тому еще и пораженїе претерпятъ; то всякъ спѣшитъ ближайшею дорогою въ свой улусъ. При всемъ томъ одерживаютъ они обыкновенно побѣду надъ такими непрїятелями, которые не мудренѣе ихъ въ воинскихъ дѣйствїяхъ.

Яко *судїи* имѣютъ *старшины* въ улуссахъ, а Ханъ, въ вершенїи тяжебныхъ дѣлъ больше, нежели въ правленїи, власти, по елику всякъ вступается за употребительные у нихъ законы и требуетъ, чтобы оные были наблюдаемы. *Законы* ихъ утверждаются частїю на Алкоранѣ, а частїю на старинномъ обыкновенїи, въ особыхъ же случаяхъ на естественной справедливости.

Кто *убьетъ мужа*, тотъ подвергается гоненїю его родственниковъ на два года, въ теченїе которыхъ могутъ они его убить, не навлекая на себя чрезъ то наказанїя. Если же онъ жизнь свою между тѣмъ сбережетъ, то долженъ дать родственникамъ убїеннаго сто лошадей, одного невольника и двухъ верблюдовъ. Пять барановъ или овецъ берутся въ замѣну одной лошади. За *убїенїе жены, робенка* или *невольника*, такъ, какъ и за оскверненїе женщины, за которымъ послѣдуютъ безвременно роды, полагается наказанїе въ половину противу вышеписаннаго. Но во всѣхъ случаяхъ мирятъ тяжущихся друзья и прїятели; при чемъ обиженные больше или меньше уступаютъ.

Изуродованїе человѣка почитается въ половину противу лишенїя жизни. Большой палецъ стоитъ 100, малой 20, а прочїе отъ

30 до 60 овецъ. Лишенїе ушей считается у нихъ толико ужаснымъ порокомъ, что человѣкъ претерпѣвшїй сей уронъ, хотя и безвинно, отнюдь имъ несносенъ. Кто въ гнѣвѣ соперника своего хватитъ за бороду или за дѣтородный удъ обоего пола, тотъ по произволенію судей истязуется крайне строго. За похищенїе какой ни есть вещи взыскиваютъ въ девять кратъ больше, и такъ далѣе. Ни кому не дозволяется за самаго себя присягать; и ежели братъ или приятель сдѣлать того не пожелаетъ или не можетъ, то тотъ, на кого вступила жалоба, обвиняется.

Всѣ вообще Киргизцы *кочуютъ*, живутъ всегда въ подвижныхъ юртахъ, и ради *скотоводства*, главнаго и почти единственнаго упражненїя, странствуютъ въ своихъ степяхъ. По елику они въ разсужденїи перекочовокъ сообразуются своимъ стадамъ, то лѣтомъ пребываютъ наибольше въ лежащихъ ближе къ Сѣверу, а зимою въ склонившихся больше на Югъ степяхъ. *Звѣриной промыселъ* и *рыбная ловля* могутъ почестьси побочными только ихъ упражненїями; о *земледѣлшествѣ* же, которое и безъ того въ большей части сухихъ и солончаками изобильныхъ ихъ степей, было бы не прибыльно, они и не думаютъ.

Табуны ихъ состоятъ изъ лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота, овецъ и козъ. Отъ нихъ они заимствуютъ свое *пролитаніе* и одѣяніе, такъ, какъ и самое *благосостояніе*; и сїя ихъ слава купно съ соучаствованїемъ въ совѣтахъ, доставляетъ имъ преимущественныя мѣста и проч. И у самаго простаго, но добраго скотоводца, рѣдко бываетъ меньше 50 или 30 лошадей, въ половину противъ того рогатаго скота, 100 овецъ, нѣсколькихъ верблюдовъ и отъ 20 до 50 козъ. Въ средней же особливо ордѣ есть, какъ слышно, и такїе люди, у которыхъ табуны содержатъ въ себѣ до 10000 лошадей, до 300 верблюдовъ, отъ трехъ до четырехъ тысячь рогатаго скота, около 20000 овецъ, и больше 1000 козъ. Имѣющїе тысячь по пяти лошадей и по соотвѣтствующему числу другаго скота люди есть и въ малой ордѣ.

Скотоводство ихъ вообще Башкирскому подобно. Да и самой родъ ихъ *лошадей* и *рогатаго скота* таковъ же, только Киргизкїя въ разсужденїи того, что бродя въ теплыхъ степяхъ не столько холодомъ и голодомъ изнуряются, какъ Башкирскїя, болѣе, дичае и пригожѣе. Къ упряжкамъ очень трудно ихъ приваживать, и за однимъ овсомъ околѣли бы они съ голоду, если бы вдругъ перестали давать имъ и другой кормъ: по чему и надобно такъ дѣлать, чтобы они изподоволь къ тому привыкали.

Верблюды (Тые) удаются въ теплыхъ ихъ и соленыхъ степяхъ чрезвычайно хорошіе. Они держатъ какъ шѣхъ, кои объ одномъ, такъ и такихъ, которые объ двухъ горбахъ, по тому, что первые долѣе сносятъ жажду и для того къ дальнимъ путешествіямъ преимущественно способны; послѣдніе напротивъ того изобильнѣе шерстью. Зимою обшиваютъ и они ихъ войлоками. Они приучаютъ верблюжонковъ, когда еще сосутъ, къ тому, чтобы они услыша слово *Тіокъ*, становились на колѣни. Годовымъ верблюдамъ прокалываютъ они въ носу хрящъ и проволакиваютъ сквозь оной небольшую веревку съ запоромъ, дабы во время верьховой ѣзды можно было ихъ править. Верблюды приносятъ имъ въ хозяйствѣ ихъ великую пользу. Когда перемѣняютъ они свои станы, то навьючиваютъ на нихъ свои юрты и домашнюю рухлядь; такъ, что они носятъ на себѣ тяжести и по 30 пудъ. Въ дальныхъ путешествіяхъ никогда они свыше 16 пудъ на верблюда не навьючиваютъ. Съ каждаго верблюда приходитъ въ годъ отъ 10 до 12 пудъ шерсти, которую продаютъ они въ Россію и Бухарію, а отъ части и сами употребляютъ на дѣланіе камлотовъ и аркановъ. Сверьхъ того они ихъ доятъ для Кумызу и сыру, а иногда и для масла, которое тучнѣе коровьяго и не столько жидко бываетъ, какъ изъ кобыльяго молока дѣлаемое, и при томъ ѣдятъ ихъ мясо; кожи же почитаются наилучшими для большихъ молошныхъ мѣшковъ (Сава).

Рогатымъ скотомъ завелись они еще недавно. Они похищали себѣ на разводъ оной у Калмыковъ стадами и не мѣшали его размноженію. По примѣру Калмыковъ употребляютъ они его, кромѣ обыкновеннаго заимствованія отъ него разныхъ выгодъ, къ верьховой ѣздѣ, и прокалываютъ ему на такой конецъ, какъ и верьблюдамъ, въ носу хрящъ.

У *овецъ* ихъ хвосты широкіе, головы большія, а уши повислыя. Для овечьихъ заводовъ степи ихъ весьма привольны, и по тому они: не только не взирая на то, что много бьютъ, не уменьшаются, но и самыя овцы бываютъ чрезвычайно велики. У нихъ есть овцы вышиною съ осла, у которыхъ облившіеся жиромъ хвосты бываютъ вѣсомъ и по пуду. Шерсть на нихъ бѣлая, черная, сѣрая, пестрая; да и рыжая всѣмъ Киргизкимъ и широкохвостымъ овцамъ общая. Баранина сужитъ ежедневною и нерѣдко чрезъ долгое время единственною пищею прожорливымъ Киргизцамъ. но при всемъ томъ поелику многія овцы ягнятся двойнями, могутъ онъ не только сами ѣсть великое множество ягненковъ, но и продавать овецъ въ весьма

знатномъ числѣ въ Россію и Хиву. *Мясо* сихъ овецъ слаще нежели обыкновенныхъ; и имѣющіе чистой вкусъ люди примѣчаютъ, что оно отъ благовонныхъ полыни родовъ (*) балзамомъ отзывается. Ягненки такъ вкусны, что ежегодно посылается нѣкоторое число оныхъ изъ Оренбурга въ Санктпетербургъ для придворнаго стола. Киргизкія мерлушки всѣхъ прочихъ, кромѣ Бухарскихъ, славнѣе, дешевлѣе, больше разходятся, и почитаются первымъ товаромъ въ Киргизкихъ торгахъ. Онѣ бываютъ всѣхъ вышепомянутыхъ цвѣтовъ. Отъ самыхъ лучшихъ такой же лоскъ, какъ и отъ Бухарскихъ, и онѣ волнисты; простыя же мѣлкокурчашы, а на худшихъ волосъ прямѣе. Дабы имѣть побольше волнистыхъ мерлушекъ, то обшиваютъ они ягненковъ, какъ только родятся, холстомъ, отъ чего волосъ остается волнистъ и мякокъ. Когда же ягненки подростутъ уже такъ, что холстъ лопнетъ, то убиваютъ они ихъ, дабы скорѣе содрать съ нихъ шкуру. Но такое хозяйство ведется только при малыхъ стадахъ, или у богатыхъ людей, имѣющихъ у себя многихъ невольниковъ. *Овечья* ихъ *шерсть* жесткая и къ произвожденію ею торговъ не годится, но употребляется только ими на валяніе войлоковъ и толстаго сукна.

Хотя большая половина сихъ богатыхъ и праздныхъ скотоводцовъ упражняется въ *звѣриной ловлѣ* только для забавы: однакожъ промыселъ сей, доставляя имъ дичину и мягкую рухлядь, приноситъ великую пользу. Въ степяхъ ихъ водятся волки (К. Бура), простыя и степныя лисицы (Тутка и Корсакъ), язвецы, красная дичь, сайги, горностаи, сурки, суслики и другіе звѣри. Въ мѣстахъ ихъ, лежащихъ больше на Востокъ и Югъ водятся не въ такомъ множествѣ, а отъ части рѣдко, дикія овцы (Аркалъ), такъ называемыя Калмыцкія коровы (Кирг. Сугунъ, Калм. Сарлыкъ, серны (Киракуйрукъ), чекалки, барсы (Юлбарсъ), дикіе ослы (Тарпанъ), и другіе. Кромѣ разныхъ ловушекъ, силковъ и прочаго, гоняются они за звѣрями на лошадяхъ верьхомъ, при чемъ употребляютъ гончихъ своихъ собакъ и беркутовъ, коихъ они покупаютъ наибольше въ Оренбургѣ весьма дорогою цѣною, и учатъ ихъ такъ, что они преслѣдуемому звѣрю уцепляются когтями своими въ глаза и тѣмъ еще лучше, нежели собаки, побѣгъ его останавливаютъ; послѣ чего преслѣдователь убиваетъ его тяжелымъ своимъ кнутомъ.

Есть между ими и *кузнецы*, но не искусные; и по тому они топоры, ножи, оружіе, огнивы и проч. по большей части покупаютъ.

(*) Artemisiae Spec.

Нѣкоторые умѣютъ дѣлать просто и порохъ. Они ко всякой работѣ такъ непривычны, что и отъ самаго малаго труда почти обливаются потомъ и тотъ часъ устаютъ. Примѣромъ тому служитъ и слѣдующее. Въ 1770 году хотѣлъ Ханъ, послѣдуя Россійскимъ сельскимъ хозяевамъ, чтобы накошено было нѣсколько сѣна для хвораго скота, и досталъ себѣ на такой конецъ небольшія, въ одинъ только аршинъ длиною, Россійскія косы. Но Киргизцы его не только или заносили ихъ выше травы, или задѣвали землю, но и послѣ всякой замашки, при чемъ нерѣдко и сами опрокидывались, долго отдыхали, а напослѣдокъ и вовсе бросили косы, такъ, что Ханъ принужденъ былъ для дѣла сего нанять Козаковъ.

Похищенія людей, скота и товаровъ, коими обижаютъ Киргизцы наибольше Каракалпаковъ, Бухарцовъ, Персіянъ, Трухменцовъ и другихъ сосѣдей, охотнѣе же, но съ вящшею опасностію, Калмыковъ, а Россіянъ изрѣдка, хотя между ими и запрещены, однакожъ они не тѣмъ не стыдятся грабить, но и хвастуя еще между собою такими удальствами, которыя нерѣдко походятъ на сумазбродства, не иначе, какъ будто храбрыми подвигами и воинственными упражненіями. Кромѣ случайныхъ грабительствъ, перебираются они по одиначкѣ на удачу за границу, больше же соединяются въ шайки, кои нерѣдко имѣютъ и знатныхъ предводителей. Когда они вздумаютъ разграбить караванъ въ нутри или внѣ своихъ степей, то вступаютъ о томъ и цѣлые улусы въ заговоръ. Многіе Киргизцы попадаютъ во время грабительствъ своихъ въ неволю, или лишаются жизни, и пропадаютъ такимъ образомъ безъ всякаго взысканія. По случаю небольшихъ грабежей, остается всякъ при томъ, что кому захватить удастся; послѣ большаго же похищенія бываетъ дѣлежъ по усмотрѣнію. Скотину всякъ про себя оставляетъ, и по елику уведенныя жены служатъ мужьямъ въ честь, то и ихъ по большой части изъ рукъ своихъ не упускаютъ; невольниками же и товарами поступаются своимъ богачамъ за скотъ, или продаютъ первыхъ и Бухарцамъ. Сіе дѣлаютъ они особливо съ Рускими людьми, отъ части для того, чтобы не было никакой привязки, а отъ части и по тому, что Бухарцы большія даютъ за нихъ деньги, почитая ихъ искусными и къ земледѣлію способными.

Россійское средство къ отвращенію Киргизскихъ грабительствъ за границею состоитъ въ линіи или стоящихъ рядомъ укрѣпленіяхъ. Гдѣ рѣки не составляютъ предѣла или рубежа, тамъ отъ одного укрѣпленія до другаго напыканы въ землю и загнуты прутья,

дабы объѣзды могли по полостямъ оныхъ примѣтить, были ли тамъ Киргизцы, которые обыкновенно пріѣзжаютъ верьхомъ; и когда о томъ удостовѣрятся, то стараются ихъ переловить. Россійской скотъ пасутъ такъ же вооруженные и верьховыхъ лошадей при себѣ имѣющіе пастухи. Если же при всемъ томъ учиняютъ Киргизцы грабежи, или разобьютъ въ степяхъ своихъ торгующіе съ Россіею караваны; то Россійскіе начальники требуютъ у Хана всему тому возвращенія; а когда ни Ханъ, ни знатнѣйшіе ихъ люди не возмогутъ сдѣлать того, чтобы все похищенное отдано было обратно, то посылается нѣсколько войска, состоящаго наибольше изъ Башкирцовъ, въ орду, гдѣ первый улусъ, какой бы ни попался, принужденъ бываетъ въ отвращеніе отъ себя бѣды, указать сему войску тотъ, отъ коего разграбленіе сдѣлалось; послѣ чего приводитъ войско нѣкоторое число Киргизцовъ и скота для разсчету въ Оренбургъ. При семъ расчетѣ всѣ Киргизцы, какъ скоро возвратятся тѣ люди, кои пропадали, отпускаются немедленно въ ихъ Аймаки. Емлемые по одиначкѣ хищники наказываются, и отсылаются въ находящіеся по крѣпостямъ остроги.

Киргизскія женщины упражняются какъ и Башкирки въ доеніи скота, выдѣлываніи кожъ, шканьѣ, валяньѣ войлоковъ и въ другихъ симъ подобныхъ дѣлахъ. Они *ткутъ* не холстъ крапивной или пеньковой, но *толстое* токмо *сукно* и *камлотъ*, и употребляютъ къ валянью сукна *мыло* собственнаго своего варенія.

Въ сравненіи съ другими кочевыми народами нашихъ странъ, *живутъ* Киргизцы очень хорошо. При необузданной своей вольности, и видя совершенную удобность, нажить и себѣ нужное для достаточнаго пропитанія множество скота; не хочетъ ни кто изъ нихъ быть у другаго рабомъ или слугою, но желаетъ, чтобы всякъ поступалъ съ нимъ такъ, какъ съ своимъ братомъ: по чему богатые люди никакъ не могутъ обойтись безъ *невольниковъ* (Язюренъ); и чемъ больше у кого рабовъ, тѣмъ больше придаютъ они великолѣпія, и тѣмъ лучше для его табуновъ. Знатнымъ служатъ одни только невольники; да и у самаго Хана есть оныхъ больше пятидесяти. Для людей препровождавшихъ и прежде жизнь свою по примѣру Киргизцовъ невольничество ни мало не тягостно, по тому что господа обходятся съ невольниками своими какъ будто бы съ родственниками, содержатъ ихъ тою же пищею и снабдѣваютъ всякими надобностями; для привыкшихъ же къ иной жизни людей довольно оно тягостно. Покушеніе спастись отъ неволи побѣгомъ и

согласїе съ женами подвергаютъ плѣнниковъ, да и самыхъ женъ строгостямъ, отъ которыхъ иные и умираютъ.

По елику не всякъ можетъ имѣть довольное для табуновъ своихъ число невольниковъ; то богатые надѣляютъ скудныхъ скотомъ, а сїи въ знакъ благодарности приглядываютъ за скотиною своихъ благодѣтелей. Ежели табуны чьи ни будь скоро размножатся, то онъ почитаетъ сїе благодатїю и раздѣляетъ по бѣднымъ людямъ знатное число скота. Ежели сей податель пребудетъ въ благосостоянїи, то надѣленные имъ люди не бываютъ ему за то ни чемъ обязаны; если же онъ по причинѣ скотскаго падежа, разхищенїя, по инымъ какимъ нещастїямъ лишится своихъ стадъ, то надѣленные имъ прежде пріятели даютъ ему столикое же число или еще и съ приплодомъ скота, хотя бы у самихъ ихъ и весьма мало за тѣмъ оставалось. И по тому богатый человѣкъ дѣлаетъ посредствомъ таковыхъ благотворенїй табуны свои какъ будто вѣчными.

Жилища ихъ суть подвижныя войлошныя юрты, совсемъ подобныя Башкирскимъ, только огромнѣе и чище. Знатные и зажиточные люди покрываютъ ихъ бѣлыми войлоками, и при томъ имѣютъ особыя юрты для женъ, дѣтей, стряпни, и для съѣстныхъ припасовъ, а иногда и для хвораго скота. Мѣсто для разводу огня сдѣлано по серединѣ юрты подъ полою вершиною крышки. Около онаго лежатъ войлоки или Персидскїе ковры, а иногда и шюфяки. Внутренность юрты или шалаша украшена бываетъ у богатыхъ пестрыми, нерѣдко шелковыми матеріями. Кругомъ стоятъ молошные мѣшки и сундучки, на стѣнѣ виситъ оружїе, верьховая конская збруя, наилучшее одѣянїе и сему подобное.

Домашнїй скарбъ сходенъ такъ же съ Башкирскимъ. Крушцовыхъ сосудовъ не ставятъ они ни во что; напротивъ того превеликїя изъ березоваго суку выдѣланныя миски такъ имъ милы, что за нарочито великую чашку даютъ иногда и лошадь.

Станы ихъ, по елику Аймаки охотно пребываютъ въ союзѣ, довольно заключаютъ въ себѣ юртъ, но очень обширны. Около Ханскаго собственнаго стану наберется юртъ около тысячи; напротивъ того иногда на 50, да и на 100 верстахъ не попадается ни одна юрта. Ради пастьвы перемѣняютъ они какъ зимою, такъ и лѣтомъ станы; о чемъ Аймаки въ отвращенїе всякаго притѣсненїя вступаютъ между собою въ условїя. По елику они жгутъ почти одинъ только скотской калъ, то юрты ихъ въ зимнюю пору холодны.

Одѣваются они по Восточному обычаю, но обыкновенно лучше, нежели другіе Татара. Мужчины голову бреютъ и оставляютъ только усы, да хохолъ. Штаны у нихъ широкія. У полусапоговъ ихъ каблуки долгіе вострые, носки востpые же, и они подъ подошвами усыпаны гвоздями. Шовъ нерѣдко строчатъ и золотомъ. Рубахи рѣдко кто носитъ; а въ мѣсто оныхъ служитъ долгой тонкой нашѣльникъ (К. Егда). Подобное сему нижнее платье изъ какой ни есть или и изъ шелковой матеріи дѣлаемое называется у нихъ *Саланъ*, а верьхнее платье, коего рукава дѣлаются широкіе, къ низу съуженные, *Селковъ*. Поясъ замѣняетъ у многихъ сабельная портупея, и у иного привѣшенъ къ оной табашной приборъ, огниво и ножъ. Нижняя шапочка или скуфейка вышита и востра. Верьхняя шапка подобна шакъ, какъ и у Башкирцовъ, кеглю, но не опускается, а дѣлается съ ушками, которыя загибаются, и придаютъ ей видъ корабля. Вершина шапки украшается по большей части кистью. Платье шьютъ они себѣ изъ китайки, сукна, а особливо краснаго, или изъ шелковыхъ такъ же изъ пестрыхъ и дорогихъ матерій, штофовъ и проч. и опушаютъ верхнее одѣяніе по большой части выдрами. Мужчины всегда накутываютъ на себя много одежи, по чему и въ такомъ случаѣ, когда споткнется подъ нимъ лошадь, рѣдко приключается бѣда.

Лошадьми своими хвастаютъ они почти столько же, какъ и самими собою. Они украшаютъ наилучшихъ лошадей великолѣпными сѣдлами, покрышками и уздами, и садятся на нихъ обыкновенно вооруженные, имѣя всегда при себѣ короткую, въ большей палецъ толщиною, плеть. Когда собираются на звѣриную ловлю, то надѣваютъ большія до самыхъ рукъ достающія долгія штаны (Шаравары), въ которыя забираютъ верьхнее и нижнее платье: по чему и сами кажутся странствующими штанами.

Одѣяніе Киргизскихъ женщинъ совсемъ сходно съ одѣяніемъ Казанскихъ Татаръ. Къ волосамъ прицепляютъ они обыкновенно широкое, корольками покрытое и кисточками разпещренное украшеніе (Куйрукъ), совершенно подобное тому, какое въ употребленіи у Черемисянокъ. По буднямъ покрываютъ онѣ голову фатою, въ праздничные же дни надѣваютъ чепцы, Башкирскимъ подобные, и покрытые монетами и прочимъ. Многія, а особливо знатныя, обвертываютъ голову разными матеріями, похожо на Турецкую высокую чалму. *Дѣвки* заплетаютъ волосы во многія маленькія косы. Дочери знатныхъ людей и Салтанши отличаются отъ прочихъ порча-

Киргизецъ на конѣ.
Ein Kirgise zu Pferde.
Kirgise à cheval.

Киргизка съ лица.
Eine Kirgisin vorwärts.
Une Kirgisienne par devant.

Киргизка съ тыла.
Eine Kirgisin rückwärts.
Une Kirguisiene par derriere.

щими въ волосахъ, наподобіе роговъ, пригожими *цаллинными шеями* Богатыя и знатныя женщины носятъ платье шелковое, отъ части изъ дорогихъ матерій и штофовъ, суконное, и очень часто бархатное; да при томъ окладываютъ онѣ платье свое не рѣдко снурками и золотыми позументами, или опушаютъ выдрою.

Въ разсужденіи *лица* и *питья* наблюдаютъ предписанія Магометанъ. Самая общая ихъ *зимняя ѣства* баранина, а *лѣтомъ питаются* почти однимъ только Кумызомъ. Всѣ прочія ѣствы, мяса, дикіе коренья, которые у нихъ такіе же, какъ и у Барабинцовъ, молошныя и мушныя кушанья и проч. употребляются у нихъ частію въ торжественные только дни, а частію и для перемѣны. Всѣ ихъ ѣствы приуготовляются весьма просто, не всегда съ надлежащею чистотою, и приправляются иногда одною только солью. По елику муку и крупу могутъ они получать только изъ Россіи, Бухаріи и Хивы, то иному едва удастся и на всемъ его вѣку хлѣбъ и кашу видѣть. По причинѣ изобилія въ молокѣ перегоняютъ они Кумызъ, и получаютъ чрезъ то *молошное вино* (Арракъ). Не имѣя недостатка въ мясѣ, могутъ они въ зимнюю пору утолять жажду свою мясною жижицею. До *жиру* такіе они охотники, что часто сало и масло голое изъ горсти ѣдятъ. Они вообще добрые и ненасытные ѣдоки; четверо ихъ, возвратясь съ звѣриной ловли, уберутъ за однимъ пріемомъ иногда и цѣлую овцу, или барана.

Они такъ, какъ всѣ Татара, страстные охотники до *табаку*. Всѣ вообще обоего пола курятъ его и нюхаютъ; носятъ же нюхальной табакъ за поясомъ въ маленькихъ рожкахъ. По елику имъ кромѣ Кумызу и Арраку упиваться нѣчемъ, то служитъ имъ средствомъ же къ тому и курительной табакъ, котораго дымъ они въ такомъ намѣреніи глотаютъ, и предпочитаютъ простой крѣпкой или Черкаской табакъ слабому, а особливо Китайскому *Шарц*. Они употребляютъ какъ маленькія Китайскія, такъ и изъ сучьевъ вырѣзанныя трубки; но какъ тѣ и другія надобно имъ получать отъ своихъ сосѣдей, то большая половина Киргизцовъ куритъ табакъ изъ пустыхъ овечьихъ или бараньихъ костей. Отрѣзавъ съ одной стороны у берца шишку, вынимаютъ мозгъ, и провертываютъ неподалеку отъ другой шишки въ боку дыру. Когда хотятъ курить, то кладутъ съ открытаго конца въ сію трубку шерстяную затычку, которую вжимаютъ почти до самой поперечной дыры, дабы табакъ, которымъ они по томъ наполняютъ сію трубку или

кость, оной не засыпалъ. При куреніи кладутъ они съ открытаго конца горящій трутъ и тянутъ сквозь поперечную дыру дымъ такъ крѣпко, что и глотаютъ и сквозь носъ излишній выпускаютъ. Всякъ довольствуется обыкновенно нѣсколькими только добрыми глотками, и подаетъ послѣ того трубку своему товарищу. Но и сего еще страннѣе общественное ихъ куреніе, употребительное въ такомъ случаѣ, когда недостатокъ въ трубкахъ или курительныхъ костяхъ. Дабы землю скрѣпить и ко вжиманію сдѣлать способнею, то изпускаетъ кто нибудь на удобное къ лежанію мѣсто мочу, и дѣлаетъ по томъ рукояткою своей плѣти въ промоченной землѣ курительную ямку желаемой величины; послѣ чего набиваетъ оную табакомъ. Когда хотятъ куритъ, то кладутъ на табакъ горящій трутъ; и всѣ охотники протыкаютъ сквозь землю на искось пустые травяные сухіе стебельки такъ, чтобы коснулись въ низу табаку, и чтобы можно было, не мѣшая другимъ, лежа на брюхѣ дымъ всасывать. При семъ способѣ куренія объяпа бываетъ вся табашная братія пріятнымъ ей табашнымъ дымомъ, и не только скорѣе, но и вдругъ становятся всѣ вообще соучастники куренія пьяны.

Въ обхожденіи между собою и съ иностранцами, которые у нихъ не въ полону, поступаютъ правда они не вѣжливо, но при всемъ томъ ихъ угощаютъ и дружески принимаютъ. Здоровкаюпся они между собою по Татарскому обыкновенію, и ставятъ передъ гостей своихъ самое лучшее, что у кого случится, и при томъ для чести убиваютъ обыкновенно овцу и готовятъ *лятилалую ѣству* (Бишбармакъ), которую они, какъ сказано выше сего и въ разсужденіи Башкирцовъ, втискиваютъ гостямъ въ ротъ пальцами. Сіе дѣлается и надъ знатными у нихъ людьми, когда они ѣдятъ не одни: но они и сами наблюдаютъ сію учтивость, когда ѣдятъ у нихъ низшаго состоянія люди. И самъ Ханъ оказываетъ таковое снизхожденіе своимъ гостямъ. Ежели кто ни есть изъ иностранцовъ подружится со знатнымъ или по одному только богатству почитаемымъ Киргизцомъ, то онъ сообщась съ нимъ пользуется въ ордахъ гораздо большею безопасностію, нежели когда бы имѣлъ при себѣ и воинскую стражу, коя ни какъ противу большихъ шаекъ устоять бы не могла. Грабители тотъ часъ отстаютъ отъ своего намѣренія, какъ скоро Киргизецъ увѣритъ ихъ, что иностранецъ его пріятель; и ежели кто ни будь изъ Киргизцовъ обѣщается такое покровительство оказывать, то нарочито

можно на слово его надѣяться. Принявъ сію предосторожность многіе Россійскіе купцы, а особливо изъ Татарскихъ народовъ, предпріемлютъ съ великою выгодою путешествія въ *Бухарію*, *Хиву* и другія области.

Знатные ихъ и *богатые* люди живутъ точно такъ, какъ и простолюдимы; и по тому станы ихъ по большому только числу юртъ для женъ, дѣтей и невольниковъ, а самихъ ихъ, когда ѣдутъ верьхомъ, по множеству провожатыхъ, узнавать можно. Съ народомъ обходятся они по братски; и по сему всѣ равно вольные люди, и всякъ, какъ скоро разбогатѣетъ, становится такъ же знатенъ; но простые люди почитаютъ знатныхъ не за велико: въ юртахъ ихъ садятся они возлѣ ихъ непрошеные, ѣдятъ вмѣстѣ, говорятъ, что на умъ взбредетъ, и исполняютъ такія только ихъ приказанія, которыя покажутся имъ полезными. Хану оказываютъ они правда не строгое повиновеніе, однакожъ отмѣнное почтеніе, какъ будто бы священной особѣ. Прежній Россіею утвержденный, *Ханъ* малой орды *Нуръ Галій*, разумный, справедливый, и Россіи весьма преданный, имѣлъ у себя стада изъ 1000 лошадей, 400 рогатаго скота, 200 верблюдовъ, около 4000 овецъ, и нѣсколькихъ сотъ козъ состоящія: по чему онъ въ разсужденіи богатства былъ человѣкъ средній; да и по причинѣ множества Князьковъ, которымъ долженствовалъ способствовать въ разведеніи табуновъ, и тѣмъ самимъ доставлять имъ знатность, такъ; какъ и ради большаго разходу на овецъ при великомъ его семействѣ, невольникахъ и частыхъ посѣщеніяхъ постороннихъ людей, не могъ ни какъ, не имѣя ни какихъ доходовъ, великаго нажить себѣ богатства: однакожъ жилъ въ ордѣ своей всѣхъ прочихъ великолѣпнѣе; въ чемъ способствовали ему наипаче получаемые изъ Россіи дары. Въ стану его было великое множество юртъ, изъ коихъ преимущественнѣйшія изрядно украшены. Онъ и семейство его, носили платье изъ дорогихъ матерій и бархату. Около его бываетъ иногда много, а иногда и мало старшинъ, и такъ далѣе. Народъ *величаетъ* самаго *Хана Тахсирь Ханымомъ* и *Тахсирь Падшаймомъ*, *супругъ* его просто *Ханымами*, *Князьковъ Тахсирь Салтанами*, а *Княженъ Ханымъ Каями*, т. е. Ханскими дочерьми. У сего Хана было четыре супруги и восемь наложницъ, изъ коихъ первыя были дочери знатныхъ, наложницы же простыхъ Киргизцовъ, отъ часши и невольницы, а особливо похищенныя Калмычки. Со всѣми ими прижилъ онъ 25 дѣтей. Изъ *Князьковъ* его *Бегъ Галій* Ха-

номъ у Айраклïанскихъ, а *Салтанъ При Галiй* у прочихъ Трухменцовъ. Всѣ его Князьки или сыновья, кромѣ двухъ самыхъ младшихъ, женаты на дочеряхъ знатнѣйшихъ Киргизцовъ и сами уже старшины волостей въ обѣихъ ордахъ: и по нимъ то и самъ Ханъ былъ силенъ. По елику Ханъ, послѣдуя предписанïю Алкорана, дочерей своихъ за родственниковъ выдавать не можетъ, а уступить ихъ простаго состоянïя людямъ за надлежащïй выкупъ по пышности своей не соглашается; то многïя изъ нихъ оставались не замужни и иныя уже въ лѣтахъ. И самимъ Киргизцамъ удается видѣть Ханскихъ женщинъ только при перемѣнѣ стана: ибо они въ такомъ случаѣ ѣдутъ верьхомъ въ наилучшемъ своемъ убранствѣ на хорошихъ лошадяхъ или верблюдахъ. Ежели Киргизецъ попадется Хану своему на встрѣчу въ степи, то сходитъ съ лошади и подошедъ къ Хану говоритъ: *дай тебѣ Богъ щастье!* (Алла арбату)! Послѣ чего треплетъ его Ханъ легонько рукою или только плетью по плечу; и сïе почитается у нихъ какъ будто благословенïемъ.

Все, что надобно Киргизцамъ для удовлетворенïя суетности и для житейскихъ выгодъ, получаютъ они черезъ торги съ Россïею, Бухарïею, Хивою и другими сосѣдственными областями. Всякая торговля производится обмѣномъ, при чемъ овцы служатъ какъ будто бы размѣромъ. *Торгъ съ Россïею* можетъ почесться наизнатнѣйшимъ, по тому, что они посредствомъ онаго пріобрѣтаютъ удобно и не дорого всякïя надобности, и по елику Россïйское купечество, изъ природныхъ Рускихъ и Татарскихъ народовъ, вѣрно покупаетъ все то, чтобы они ни привезли. А какъ купцамъ въ степяхъ ихъ крайне опасно; то Киргизцы принуждены сами пріѣзжать въ Россïйскïя торговыя мѣста. Самые большïе торги производятся въ *Оренбургѣ*, гдѣ на Киргизкой сторонѣ рѣки Урала, верстахъ въ трехъ отъ города, есть знатный гостиный дворъ, называемый Азïатскимъ, и состоящïй изъ нѣсколькихъ сотъ лавокъ, построенныхъ четвероугольникомъ на подобïе крѣпостцы. Сей гостиный дворъ, по срединѣ котораго есть еще и другой, меньшïй пространствомъ, для Бухарцовъ, принадлежитъ казнѣ. Для безопасности не только построены всѣ лавки лицомъ въ нутро, но и находится въ немъ нарядъ солдатъ съ огнестрѣльными орудïями. Тутъ производятся почти всѣ торги малой орды; ибо торговля ихъ въ Уральскѣ и другихъ городахъ Оренбургской линïи не велика. *Средняя орда* торгуетъ наибольше въ *Троицкѣ* при Уѣ, вы-

шедшей изъ Тобола рѣкѣ; такъ же въ *Петропавловской крѣпости* при Ишимѣ, и въ *Омскѣ* и *Устькаменогорскѣ*: оба сіи города лежатъ при Иртышѣ Киргизцы торгуютъ безпошлинно; Россійскіе же купцы платятъ пошлины по 10 со ста: но торговля сія при всемъ томъ крайне для нихъ прибыточна, и въ разсужденіи того, что Киргизцы отъ времени до времени становятся прихотливѣе, на равнѣ съ суетностію ихъ возрастаетъ. Киргизцы торгуютъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, мерлушками, невыдѣланными кожами, верблюжьею шерстью, армяками, волчьими и лисьими мѣхами, войлоками и мѣлочью. Въ одномъ Оренбургѣ продаютъ они въ годъ около 150000 овецъ, а иногда и больше: ибо они бываютъ всегда главнымъ товаромъ. По времени, однакожъ въ маломъ только количествѣ, привозятъ на продажу и невольниковъ, а особливо изъ Кызылбашъ и Трухменцовъ. Берутъ же напротивъ того сукна, а особливо красныя, шелковыя и шерстяныя матеріи, шелковые платки, готовые Киргизскіе сапоги, кушаки, ленты, золотыя бахрамы, ницки, кошлы, чугунники, таганы, выдры, верьховую сбрую, готовое Киргизское женское убранство, бисеръ, иголки, наперстки, серьги, перстни и кольца, огнивы и всякой другой щепетильной товаръ, такъ же беркутовъ, муку, пшено и другую крупу.

Бухарцы, Хивинцы, Ташкентцы, и прочіе сосѣдственные народы, упражняющіеся въ земледѣлствѣ и рукодѣліяхъ, берутъ у Киргизцовъ убойную скотину и верблюдовъ для купеческихъ каравановъ; напротивъ чего снабдѣваютъ ихъ оружіемъ, которое продавать имъ Россійскимъ купцамъ запрещено, латами, бумажными матеріями, платьемъ и прочимъ.

Женъ они себѣ по Восточному обыкновенію покупаютъ, и имѣютъ ихъ, какъ Магометане, до четырехъ, а иные держатъ еще сверьхъ того и *наложницъ*, коихъ они содержатъ почти не хуже, какъ и самыхъ женъ, да и приживаемыхъ съ ними дѣтей почитаютъ законными. Почти всѣ мѣлкіе люди имѣютъ только по одной женѣ; да и той бы негдѣ было имъ взять, если бы они урывками не похищали женьщинъ у своихъ сосѣдей. Они наибольше подстерегаютъ *Калмычекъ*, по тому, что онѣ, по ихъ сказкамъ, къ удовлетворенію похоти наилучшее имѣютъ тѣлосложеніе и долѣе всякихъ другихъ женщинъ ровняются съ молодками: по чему и знатные Киргизцы на нихъ женятся, когда согласятся принять Магометанской законъ. Напротивъ того какъ *Персіянки*, такъ и

Персїана (Кызылбаши) толико имъ ненавистны, что выдаютъ ихъ и за своихъ невольниковъ. Когда кто въ первые женится хочетъ; то даетъ за природную Киргизкую дѣвку около 50 лошадей, 25 коровъ, до 100 овецъ, нѣсколько верблюдовъ или невольника, и платы. Я положилъ здѣсь среднюю цѣну. Скудные женихи даютъ и гораздо меньше, богатые же и въ нѣсколько кратъ больше. Другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платятъ и того еще больше, и такъ далѣе.

Свадьбу, которой существенные обряды подобны описаннымъ выше сего, когда говорили мы о Казанскихъ Татарахъ, играютъ у невѣсты въ новой юртѣ. Передъ сочетаніемъ посадя невѣсту на коверъ, носятъ дѣвки прощаться; при чемъ слѣдуютъ за нею дѣвки же и поютъ пѣсни. Когда извѣстно станетъ, что невѣста вышла нечестнымъ порядкомъ; то гости убиваютъ на другой день верьховую женихову лошадь, разрываютъ свадебное его платье, и ругаются надъ молодою. Но тесть долженъ наградить молодому весь сей убытокъ. Буде же все благополучно, то веселятся нѣсколько дней пированьемъ, пляскою, пѣснями, разсказами, борьбою, ѣздою въ запуски, стрѣляніемъ въ цѣль и проч. при чемъ молодые опредѣляютъ у тальцамъ въ награжденіе праздничное платье, убранство, а иногда и лошадей: но на прощаньѣ одаряютъ и ихъ гости скотомъ и прочимъ.

Кто имѣетъ не одну, но нѣсколько женъ, тотъ отводитъ каждой особую юрту, въ коей воспитываетъ она своихъ дѣтей, какъ ей за благо разсудится. Многими дѣтьми они хвастаютъ; и безплодныя должны быть у плодородныхъ почти служанками. Знатные даютъ дѣтямъ своимъ пышныя имена, какъ н. п. *Нуръ Галій*, Великое свѣтило *Иръ Галій*, или какъ многіе выговариваютъ, Ерали, Высокій Мужъ; *Достъ Галій*, Высокій пріятель; *Батырь*, Богатырь Храбрый Мужъ; *Темиръ Ирь*, Желѣзный Человѣкъ; *Бетъ Галій*, Высокій Князь и такъ далѣе.

При безпечной и простой жизни, въ чистомъ воздухѣ открытыхъ своихъ степей, рѣдко претерпѣваютъ они болѣзни, и многіе бываютъ и на старости еще крѣпки. Приключающіяся же имъ наибольше хвороети суть: короста, лихорадка, кашель; да сверьхъ того страждутъ иные любовною заразою (Курукасланъ). Бывала между ими нѣсколько разъ и оспа (Чичакъ), но не опустошительная. Продолжительныя болѣзни почитаютъ они дѣйствіями дїавола, и противуполагаютъ имъ суевѣріе. *Лѣчатся* же они наиболь-

ше рожечнымъ кровопусканіемъ, при чемъ употребляютъ малые рожки; прижиганіемъ больнаго мѣста чернобыльными клубками, и сѣрою, которую растерши принимаютъ въ мясѣ.

Съ *покойниками* своими поступаютъ такъ же, какъ и прочіе Мугамеппане. Могилы роютъ не глубокія; напротивъ того многіе набрасываютъ на нихъ груды каменьевъ. Когда мужчина умретъ, то самое лучшее его платье изрѣзываютъ въ лоскушки, и раздѣляютъ для памяти по его пріятелямъ. Иные замѣчаютъ такъ же его юрту небольшимъ значкомъ и втыкаютъ въ могилу копье. Дабы не имѣть поводу къ печальному воспоминанію умершаго; то нѣкоторые сваливаютъ на могилу его и всякую домашнюю рухлядь, дѣтскія колыбели и сему подобное. Богатые и знатные люди желаютъ быть преданы погребенію у гробовъ своихъ святыхъ, или прежнихъ Хановъ, либо родственниковъ, куда отвозятъ ихъ верьхомъ. А когда въ лѣтнюю пору за отдаленіемъ кочевья отъ таковыхъ мѣстъ, сдѣлать того не можно, то обрѣзываютъ они у покойника мясо и хороняшъ оное вмѣстѣ съ нутренностію въ близи, а кости отвозятъ въ желанное мѣсто и погребаютъ ихъ возлѣ святыхъ или какъ они говорятъ, *бѣлыхъ костей*, то есть возлѣ знатныхъ покойниковъ.

По знатномъ покойникѣ правятъ они въ томъ году, въ которомъ померъ, трои *поминки* Вдовы и дѣти при томъ сѣтуютъ, пріятели собираются съ наивеличайшею пышностію, и смотрятъ, превознося похвалами, покойниковыхъ верьховыхъ лошадей, оружіе, и добрыя качества: при чемъ всѣ вообще утѣшаются. Вдовы оплакивая покойниковъ, говорятъ при томъ ничъ въ похвалу, что они были въ любви вѣрны, щедры и благоразумны, походили, сидя на лошадяхъ въ латахъ, на богатырей, глядѣли за табунами, и похитили посредствомъ храбрости своей столькихъ то невольниковъ, брали въ добычу скотъ и такъ далѣе. Жены Калмыцкой природы хвастаютъ при томъ отмѣнною покойниковъ къ себѣ ласкою, по елику мужья нажили ихъ не какъ другихъ выкупомъ, въ скотѣ состоящимъ, но съ опасностію собственной своей жизни и по богатырской любви, и проч. На послѣднихъ поминкахъ опредѣляютъ вдовы удальцамъ въ верьховой ѣздѣ въ награжденіе нѣкоторыхъ лошадей, платье и оружіе покойныхъ своихъ мужей. Всякой улусъ правитъ сверьхъ того ежегодно общія поминки на кладбищахъ; и при семъ случаѣ по языческому обряду убиваютъ тамъ лошадей, предлагаютъ мясо ихъ покойникамъ, а на послѣдокъ между разно-

ворами убираютъ оное и сами. Ежели кто приближится къ могилѣ своего пріятеля, то начинаетъ съ нимъ говорить, и кладетъ на гробъ клочокъ вырѣзанныхъ изъ гривы верьховой его лошади волосъ. Подобные симъ обряды, только попростѣе, наблюдаютъ они и въ разсужденіи умирающихъ женъ и дѣтей.

Въ началѣ минувшаго столѣтія обратились Киргизцы по прельщенію Туркостанскихъ священнослужителей отъ Шаманскаго язычества къ Мугаметанскому закону. *Вѣру* свою они почитаютъ: но какъ у нихъ нѣтъ школъ, да при томъ и цѣлые улусы не имѣютъ Муллъ; то они не только превеликіе невѣжды, но и крайне суевѣрны. Малое число находящихся у нихъ Муллъ, состоитъ изъ полоненныхъ ими Россійскихъ или другихъ какихъ Татаръ, умѣющихъ, читать и писать: и по тому люди сіи бываютъ щастливы отъ части какъ священнослужители, а отъ части какъ писцы и совѣтники знатныхъ Киргизцовъ. Въ 1774 году былъ у *Хана Нуръ Галія* одинъ только *тайный секретарь*, да и тотъ полоненой Казанской простой Татаринъ, которой едва умѣлъ вразумительно и чотко писать, но разумѣлъ Татарской и Россійской языкъ. Такіе люди очень малое въ законѣ своемъ оказываютъ свѣденіе, и рѣдко имѣютъ у себя Алкоранъ или иныя какія писанія, хотя бы они и по Арабски знали. Въ ордахъ безпрестанно развѣзжаетъ нѣсколько *Абдаловъ* или обрѣзывателей, которые, по елику получаютъ за каждое клеймо правовѣрія по одной овцѣ, имѣютъ всегда у себя знатные овечьи заводы.

Между ими есть великое множество волшебниковъ, которыхъ главнѣйшія названія суть слѣдующія: *Фалши* суть звѣздочетцы, которые по небеснымъ знакамъ предсказываютъ и самыя бездѣлицы, благополучные и нещастные дни разпознаютъ и такъ далѣе. *Діагзы* или мѣсяцословодѣлатели суть такіе люди, которые не только напередъ знаютъ когда будетъ погода, но и сами могутъ разполагать дождемъ, вѣтромъ, жаромъ и проч. и при томъ въ состояніи удерживать и насылать гадину. При дворѣ каждаго знатнаго Киргизца бываетъ обыкновенно одинъ Діагзе. *Бакзы* походятъ на языческихъ Шамановъ или Камовъ. Они хвастаютъ, что имѣютъ знакомство со злыми духами, призываютъ ихъ при разныхъ шалостяхъ, при чемъ иные употребляютъ и барабанъ, повелѣваютъ имъ такое то дѣло исполнить, выгоняютъ ихъ вонъ, дѣлаютъ женъ и стада плодородными, лѣчатъ больныхъ, предсказываютъ будущее и сему подобное. И для того всѣ обиженные дїаволомъ должны

искать у нихъ помощи. Многіе изъ сихъ волшебниковъ живутъ весьма достаточно. *Армячи* и *Ярунчи* предсказываютъ по щелямъ, какія окажутся на брошенныхъ въ огонь овечьихъ лопаткахъ или хвостовыхъ составахъ, а иные и по сотрясенію пощелкиваемой тетивы; они указываютъ воровъ, узнаютъ вѣроломство въ любви, успѣхъ въ путешествіяхъ, и сему подобное, столь же вѣрно, какъ и наши кофейныя отгадывальщицы: при томъ искуство ихъ столь легкое, что многіе хозяева и хозяйки смыслятъ оное и сами столько, сколько въ хозяйствѣ ихъ знать нужно; и по тому не велика имъ честь и прибыль.

* * *

Въ Заянскихъ или Сибирскихъ и Монгольскихъ пограничныхъ горахъ, отъ верхней *Оби* и отъ *Би*, изъ коей она вышла, на Востокѣ до самаго *Енисея* и за онымъ, такъ же между сими рѣками, въ низъ по онымъ, по *Оби* почти до *Нарыма*, по *Енисеѣ* до самой *Тунгузки* или до Енисейской провинціи, и по впадающимъ въ Обь съ правой, а въ Енисей съ лѣвой стороны рѣкамъ, есть разныя Татарскія колѣна или остатки оныхъ отъ древнихъ сихъ странъ жителей, которые кромѣ живущихъ на *Тулымѣ* и *Оби*, называются обыкновенно попросту *Красноярскими* и *Кузнецкими Татарами*, по тому, что ими наибольше населены сіи провинціи и земли: но каждое ихъ колѣно живетъ особо и въ собственныхъ своихъ рубежахъ. Пусть будетъ здѣсь сказано объ нихъ вообще только то, что между всѣми почти примѣтно столь великое сходство въ видѣ, языкѣ, житіи и нравахъ, что можно ихъ почитать союзными колѣнѣями. Великое смѣшеніе сродныхъ Татарамъ и Калмыкамъ чертъ лица подаетъ поводъ почитать ихъ какъ будто бы потомками бывшей въ предкахъ ихъ Татарской и Могольской крови, или произшедшими отъ взаимнаго смѣшенія тѣхъ и другихъ: но при томъ надобно уважать и угнѣтенія, какія претерпѣвали сіи народы весьма часто отъ Соонгарцовъ, имѣвшихъ съ женами ихъ соитіе, и оставившихъ послѣ себя выродковъ.

Подать свою, или ясакъ, состоящую на каждаго человѣка въ двухъ соболяхъ, платятъ они въ Красноярскѣ, гдѣ каждому заплатившему оную дается чарка вина и небольшей пшеничной калачь.

По великому сходству въ междоусобномъ устроеніи и житіи причисляются нѣкоторые, въ Красноярской провинціи находящіеся,

остатки прежнихъ *Конбаловъ*, *Котовцовъ*, *Моторовъ*, *Аринцовъ* и другихъ къ *Красноярскимъ* же *Татарамъ*: но оные, какъ видно по языку ихъ и другимъ примѣтамъ, принадлежатъ совсемъ къ другимъ народамъ; по чему я ихъ здѣсь и упускаю.

ОБСКІЕ ТАТАРА.

Обскіе Татара живутъ по рѣкѣ *Оби*, отъ которой и наименованіе свое заимствуютъ, и по ея рѣчкамъ, отъ устья *Тома*, до самаго почти *Нарыма* въ низъ. Они подсудны Томской области и раздѣляются на 16 *волостей*. По *виду*, языку и большою частію по внутреннему своему устроенію, одинакаго кажутся они съ Тобольскими и Томскими Татарами произхожденія.

Двенадцать ихъ волостей имѣютъ одномѣстныя жилища; прочія же четыре кочуютъ лѣтомъ и зимою по нижнему *Сулыму*. Въ первыхъ считается по бывшей въ 1766 году переписи 1115, а кочевыхъ 503 души.

Живущіе на одномъ мѣстѣ и раздѣляющіеся на 54 деревни, производятъ весьма малое и недостаточное *землепашество*; а какъ при томъ и скотоводство ихъ не велико, то они имѣютъ пропитаніе свое, по примѣру Остяковъ, большою частію отъ *рыбной ловли* и *звѣринаго промысла*. Кочевые и совсемъ за землепашество не принимаются, и имѣютъ побольше, однакожъ все мало, скота. Всѣ вообще очищаютъ *лодушной окладъ* (Ясакъ) оленьими и лосинными кожами или иною какою мягкою рухлядью.

Поселившіеся Обскіе Татара *живутъ*, *жительствуютъ* и *одѣваются* подобно Томскимъ Татарамъ, съ небольшою только разностію, произходящею отъ ихъ скудости и меньше наблюдаемой опрятности.

Кочевые покрываютъ *горты* свои, составляемыя изъ колышковъ, берестою или рогожами. *Платье* носятъ по большой части изъ мягкой рухляди и выдѣланныхъ кожъ: по чему долгое въ прочемъ Татарское ихъ одѣяніе походитъ на Якутское.

Почти всѣ въ волостяхъ живущіе Обскіе Татара *крещены* въ православную Грекороссійскую вѣру около 1720 года: но они не меньше глупы, какъ и Турскіе Татара. Прочіе же, то есть кочевые, суть дикіе, въ невѣденіи погруженные и застѣнчивые Магометане.

ЧУЛЫМСКІЕ ТАТАРА.

Чулымскіе Татара живутъ издревле между верхнею *Обью* и Енисеемъ: но удаляясь отъ Соонгарцовъ и Киргизцовъ, которые часто подвергали ихъ своему игу, не все въ той странѣ. Со времени отдаленія сихъ народовъ Россійскимъ оружіемъ и пріобрѣтеннаго ими чрезъ то спокойствія, владѣютъ они всемъ *Чулымомъ*, отъ коего и наименованіе свое заимствуютъ, сами же называютъ его *Чумомъ*; такъ же рѣками *черным* и *бѣлымъ Іюсомъ*, отъ которыхъ Чулымъ произошелъ, и впадающими въ него рѣчками, *Кяею*, *Яею*, *Кемею* и другими. Около обѣихъ только *Іюсовъ*, которыя въ Енисейскихъ горахъ, неподалеку отъ самаго Енисея, происходятъ, земля ихъ гориста, въ прочемъ же состоитъ большою частію изъ плодородныхъ, а мѣстами и лѣсистыхъ лощинъ. Въ новѣйшія времена поселились было между ими и Россіяна: но какъ они стали приносить на то жалобы, то въ въ 1730 году всѣ Россійскія деревни отсюда переведены. Однако они почувствовали отъ сего столь великой въ благосостояніи своемъ ущербъ, что просили паки о заведеніи между ими Россійскихъ деревень, которыя, какъ только дано Россійскимъ поселямъ на то дозволеніе, вскорѣ и начали строиться.

По *Чулыму*, такъ же по Черномъ и Бѣломъ Іюсѣ, стоитъ 14 *волостей*, которыя платятъ полушной окладъ за 2549 луковъ, то есть за воинственныхъ и къ звѣриной ловлѣ годныхъ людей мужескаго пола. Около того же числа душъ наберется и въ находящихся по побочнымъ рѣчкамъ волостяхъ, какъ то, въ *Анинской*, *Кызылской*, и другихъ. Каждая ихъ *деревня* состоитъ обыкновенно изъ одного только семейства: по чему большая половина деревень ихъ малы, однакожъ въ иныхъ есть больше ста, а въ одной при Чулымѣ лежащей изъ 240 душъ. У нихъ ведутся еще *дворянскія* и *Княжескія* семейства или поколѣнія, изъ коихъ волости избираютъ себѣ начальниковъ, но которые при всемъ томъ въ разсужденіи жилищъ, одѣянія и проч. столь же бѣдны, какъ и самые послѣдніе въ народѣ семъ люди.

Съ виду походятъ Чулымцы и на Татаръ и на Монгалъ; а особливо уподобляются *Бурятамъ*. *Языкъ* ихъ составленъ изъ Татарскаго, Бурятскаго и Якутскаго, и столько имѣетъ собственныхъ словъ, что непостыдно бы было почесть его и особливымъ

языкомъ. Они вообще чрезвычайно съ Якутами сходны; да и вѣроятно кажется, что они не особливой народъ, но отщетившееся отъ Якутовъ колѣно. Они не хитры, однако и не глупы, но любопытны, внимательны, и изрядные знатоки въ касающихся до нихъ дѣлахъ. Когда ничего не опасаются, то поступаютъ простосердечно, честно и ласково; боясь же какого ни есть угнѣтенія или обмана, лгутъ и изъ подпишки лукавятъ. Между собою обходятся дружески и пріятно; въ произвожденіи же дѣлъ лѣнивы, а въ житіи неопрятны.

Съ того времени, какъ владѣютъ они мѣстами около Чулыма, изподоволь привыкли они къ *постояннымъ жилищамъ*. Нѣкоторые совсемъ съ мѣстъ своихъ не трогаются; большая же половина имѣетъ шакъ, какъ Барабинцы, *всегдашнія зимнія деревни* и *подвижныя лѣтнія юрты*. Чемъ ближе деревни ихъ къ Россійскимъ селеніямъ, тѣмъ больше уподобляются они въ разсужденіи жилищъ и житія Россіянамъ. Большая половина мужчинъ разумѣетъ шакъ же и по руски: однако говорятъ худо.

Чулымское зимнее жилище подобно въ разсужденіи тонкаго строеваго лѣсу, сѣней, отверстія въ потолокѣ и всего внутренняго разположенія Барабинскому; только стѣны дѣлаются наискось или покато и съ наружи заваливаются ради тепла землею. Около избъ стоятъ чуланы и клѣвы. *Лѣтнія* же *юрты* походятъ точно шакъ на борти, какъ и Барабинскія, и покрываются берестою. *Домашняя* у нихъ *рухлядь* шакая же, какъ и у Барабинцовъ; что можно составить или выдѣлать изъ дерева, коры или кожи, того вѣрно ни изъ чего другаго не дѣлаютъ.

Съ того времени, какъ стали они жить въ постоянныхъ зимнихъ деревняхъ, сѣютъ большая половина по нѣскольку *ржи, лшеницы, ячменю, овса*, и *конопель*: однакожъ, сколь ни плодородна ихъ земля, рѣдко у кого бываетъ въ посѣвѣ столько, сколько ему надобно; иные же и совсемъ не сѣютъ, и по тому муку и прочее покупаютъ у Россіянъ либо и безъ хлѣба живутъ. Огородныхъ плодовъ вовсе у нихъ нѣтъ. *Скотоводство* ихъ шакъ же не велико; и нѣкоторые токмо держатъ по небольшому числу лошадей, коровъ и кургузыхъ или Россійскихъ овецъ, по тому, что по причинѣ большихъ снѣговъ и продолжительной зимы надобно кормить скотину и сѣномъ: что однакожъ не соотвѣтствуетъ Чулымской лѣностіи. Свиней и дворовой птицы вовсе они не держатъ. *Главный* у нихъ, какъ и у Остяковъ, промыселъ *рыбная* и *звѣриная*

ловля. Сею послѣднею очищаютъ они и *лодушной окладъ*, а именно даютъ по три соболя, или по три лосиныя кожи, по три лисицы, по 24 горностая, либо и иную какую мягкую рухлядь, цѣною въ три соболя. *Женской* полъ упражняется въ шканьѣ и шитьѣ; и поелику они сидя за сею работою, не выходятъ изъ избъ и юртъ, то ростъ ихъ безпорядоченъ и всѣ они какъ будто копченые. Такое домоволство предохраняетъ Чулымцовъ отъ всякихъ уловленій богатства: однакожъ большая ихъ половина живетъ при всемъ томъ достаточно.

Мужины носятъ лѣтомъ такое же точно *одѣяніе*, какъ и Россійскіе мужики. Бороду они по большой части бреютъ, и оставляютъ только усы. *Бабы* носятъ штаны и сапоги, по большой части изъ налимовыхъ шкуръ. Прочій нарядъ отмѣненъ отъ одежи Рускихъ мужичьихъ бабъ только тѣмъ, что Татарки любятъ платье по краямъ и въ подолѣ опушать, что дѣвки заплетаютъ волосы въ великое множество косъ, и что какъ сіи послѣднія, такъ и бабы носятъ Татарскія фаты (Тастаръ).

Пища ихъ бѣдная и гадкая. Хлѣбъ рѣдко кто ѣстъ; да и то не досыта. Наибольше же питаются *рыбою*. Опякскую *Порсу* называютъ они *сураломъ* и ѣдятъ такъ же вмѣсто хлѣба. Самая же лакомая ихъ ѣства составляется изъ Курмача, свѣжаго борщу (*), и Сараны (**). Всѣ сіи составы толкутъ они вмѣстѣ, и зарываютъ по томъ въ землю, чтобъ прокисли. Зимою ѣдятъ на солнцѣ только провяленую или въ дыму копченую рыбу. Соль рѣдко кто употребляетъ. Бѣдные люди, не употребляющіе ни молока ни муки, питаются по большой части *дикими растѣніями*, которыя припасаютъ иногда и на зиму въ прокъ. А какъ растѣнія сіи въ употребленіи и у многихъ иныхъ Татарскихъ и другихъ народовъ, въ сихъ странахъ живущихъ, то намѣренъ я присовокупить здѣсь единожды на всегда и имена оныхъ, упуская въ прочемъ тѣ, кои объявлены при описаніи Барабинцовъ. Оныя суть слѣдующія: марьино коренье (***) (Т. Чегня), такъ же корень отъ молочайника (****) (Чейна), земляные орѣхи (*****) (Белангиръ), нѣкоторой

(*) Heracleum ſphondylium. L.
(**) Lilium Martagon. L.
(***) Paeonia
(****) Sanguiſorba.
(*****) Humaria bulboſa. L.

родъ волчца (a) (Еишекъ), макаршино коренье (b) (Муказенъ), Микирь (c), корень отъ стрѣлы или желтой вахты (d) (Собашъ), кувшинчики (e) и другіе. Почти всѣ сочные плоды и ягоды кажутся имъ вкусными. Внутренняя сосновая кора утоляетъ такъ же въ случаѣ нужды голодъ, а дѣтямъ служитъ лакомкою. Ировое коренье (f) жуютъ они такъ, какъ Индійцы Бетелъ. Куритѣльной табакъ употребляютъ всѣ вообще. Пьютъ же, кромѣ воды и рыбной жижицы, квасъ, брагу, пиво и вино.

По 1720 годъ были они язычники Шаманскаго толку; въ семъ же году большая ихъ половина, по старанію Архіепископа *Филофея*, воспріяла православную Грекороссійскую вѣру, которую однакожъ они худо знаютъ, и при томъ суевѣрны, недовѣрчивы, суровы и служатъ тайнымъ образомъ по большой части идоламъ. Они безпредѣльное имѣютъ упованіе на носимой на груди крестъ и на творимое перстами крестное знаменіе. Сколько можно остаются они при прародительскихъ своихъ языческихъ обрядахъ; гнушаются свининою: но жрутъ конятину, а иногда и стерво; приносятъ идоламъ тайно жертвы и проч.

Идолослуженіе ихъ во всемъ подобно Якутскому и Бурятскому: и по тому въ описаніе онаго здѣсь не вступаю. Содержащіе еще и нынѣ языческой законъ Чулымцы, препровождаютъ праздники свои у сосѣдственныхъ язычниковъ, и по елику въ томъ встрѣчаются имъ затрудненія и препятствія, то многіе проводятъ жизнь свою, не прилѣпляясь ни къ какой вѣрѣ, точно такъ какъ иные безбожники.

Крещеные Чулымскіе Татара вѣнчаются въ церквахъ, и никогда не разводятся: прочіе же древніе *свадебные обряды* ведутся у нихъ еще и по нынѣ. Свадъ, идучи къ невѣстѣ, беретъ съ собою новую Китайскую трубку, и Китайской же куритѣльной табакъ; объявляетъ тамъ причину своего пришествія, и удаляется на короткое время. Ежели онъ по возвращеніи своемъ примѣтитъ, что трубка его совсемъ не употреблялась, то почитаетъ сіе за отказъ; буде же увидитъ, что изъ нее курено, то торгуетъ невѣсту

(a) Card. ferratuloïdes.
(b) Poligon. Bistorta. L.
(c) Polyg. viviparum. L.
(d) Sagittaria sagitti fol. L.
(e) Nymphea.
(f) Acorus Calamus. L.

на платье, мягкую рухлядь, скотъ, или на служенїе. Цѣна простираетсѧ, считая на деньги, отъ 5 до 50 рублей. По сочетанїи препровождаютъ женихъ и невѣсту первую ночь въ новой юртѣ, при чемъ между сею и шестевою юртою содержится огонь. Въ число происходящихъ обыкновенно на свадьбахъ *увеселенїй*, состоящихъ, какъ и у другихъ Татаръ, въ пированьѣ, пѣсняхъ, плескѣ и проч. принадлежитъ и то, что женихъ при помянутомъ огнѣ борется съ невѣстиными родственниками; ему надобно одержать при томъ побѣду, и великая силѣ его честь, ежели онъ можетъ самъ собою безъ посторонней помощи управитьсѧ. Вмѣсто постели служитъ молодымъ разосланной войлокъ. Невѣста противится на оной ложитьсѧ, и по елику она проситъ при семъ случаѣ помощи у замужней своей пріятельницы, то сїя должна учить ее, какъ ей впредь съ мужемъ жить; за что получаетъ въ подарокъ праздничное платье. Ежели невѣста не имѣетъ признаковъ своей честности, то молодой тихимъ образомъ отъ нее уходитъ, и къ безславію молодой не прежде къ ней возвращаетсѧ, какъ раздѣлавшись съ похитителемъ ея чести: послѣ чего все забываетсѧ.

При *родахъ* сосѣдки взаимно себѣ пособляютъ. Отъ употребительныхъ при томъ пріемовъ приключаетсѧ многимъ лѣтямъ грыжа и безвременная смерть. Кромѣ нареченнаго священникомъ при крещенїи *имени* даетъ всякъ по своему обыкновенїю еще и другое, которымъ и называютъ впредь дитя. Мужскїя н. п. имена суть: *Угличекъ*, *Кучакъ*, *Мышакъ*, *Кулонъ* и проч. а женскїя *Кегенекъ*, *Патанъ*, *Паремга* и многїя другїя.

Скудная, суровая и безпечная жизнь соблюдаетъ ихъ здоровье; если же кто занеможетъ или себя повредитъ, то кромѣ суевѣрныхъ врачеванїй, служитъ имъ общимъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ лѣкарствомъ *медвежья желчь*. Когда случитсѧ между ими оспа, то великое причиняетъ опустошенїе. *Смерть* крайне имъ не мила; и поелику они мечтаютъ, что разлучившаясѧ съ тѣломъ душа можетъ увлекать за собою и оставшихсѧ пріятелей, и что она вмѣстѣ съ смертїю ихъ преслѣдуетъ; то послѣ погребенїя, которое совершаетсѧ надъ крещеными по чиноположенїю Греческїя церкви, скачутъ они черезъ огонь, и вѣрятъ, что смерть и душа покойнаго впредь преслѣдовать ихъ не могутъ.

КАЧИНСКІЕ ТАТАРА.

Качинцы сами себя называютъ *Каштарами* и *Катарами*. Они *живутъ* на лѣвомъ берегу *Енисея* отъ *Абакана* до самой *Кати* (Исиръ), и по Енисейскимъ рѣчкамъ между двумя оными рѣками. *Страною* своею, принадлежащею къ *Красноярской* провинціи, и гористою, но при всемъ томъ плодородною, владѣютъ они съ давнихъ лѣтъ, до коихъ и бытописаніе о сихъ мѣстахъ не простирается.

Въ странѣ Качинцовъ попадаются разные признаки *горныхъ работъ* и *плавильныхъ заводовъ* древнихъ людей, такъ же множество *старинныхъ*, отъ части богатыхъ *могилъ* или кургановъ. Невѣроятно кажется, чтобы въ разработываніи горъ и плавленіи рудъ упражнялись сами кочевую жизнь любившіе ихъ предки: но можетъ быть промышляли тѣмъ остатки древнѣйшихъ еще народовъ, либо дозволяли Качинцы и сосѣдямъ своимъ добывать изъ горъ ихъ крицы и переплавливать руды. Спашься можетъ, что дѣлали сіе *Манжуры* или *Дауры*, которые оставили въ Дауріи довольно признаковъ не только горныхъ и плавильныхъ своихъ работъ, но и самаго землепашества.

Могилы присвояютъ Качинцы своимъ предкамъ и столько имѣютъ къ нимъ почтенія, что для отыскиванія сокровищъ ни единой не разрываютъ. Но Рускіе люди инако о томъ думали: и по тому нынѣ рѣдко гдѣ попадется богатая неразрытая могила. Вѣроятно кажется, что въ оныхъ похоронены были люди разныхъ Татарскихъ и Могольскихъ народовъ, жившихъ въ странѣ сей въ разныя времена или и совокупно. Цѣлость костей и вещей въ нѣкоторыхъ изъ сихъ могилъ, служатъ доказательствомъ, что не всѣ они весьма древни. Самыя богатыя могилы находятся по близости Абакана и Чернаго Іюса. Рускіе ископатели сокровищъ раздѣляютъ таковыя могилы на три рода. Наизнатнѣйшія замѣчены для воспоминанія столбами, а которыя по хуже сихъ, у тѣхъ видны меньшіе обелиски. Сіи послѣдніе особливо называютъ они *маяками*; а простыя могилы *слачцами*. Четвертой родъ могилы называется курганами. Обоихъ первыхъ родовъ могилы походятъ на продолговатые четвероугольники и обгорожены съ Юговостока на Сѣверозападъ простыми, торчащими изъ дикаго камня плитами, по большой части на равнѣ съ землею, а иногда и возвышенно. Въ Юговосточной сторонѣ оныхъ поставленъ бываетъ мужеской или женской

истуканъ, выдѣланной изъ самаго простаго дресвянаго камня. Такіе истуканы называются у нихъ *Иленсоками*. У простѣйшихъ же гробовъ (Сланцы) оныхъ не бываетъ. Могилы сіи всѣхъ трехъ родовъ, глубиною почти въ сажень. *Находятъ* же въ нихъ человѣческіе кости, а иногда попадаются вмѣстѣ съ оными и черепы съ конскихъ или овечьихъ головъ, удилы отъ уздъ, стремяны, поясы, ратоборные молоты, копья, стрѣлы, идолы, урны и другіе сосуды, украшенія къ ушамъ и на руки, и тому подобное; въ простыхъ могилахъ бываютъ вещи сіи желѣзныя, такъ же изъ красной и литейной мѣди; въ богатыхъ же отъ части серебряныя и золотыя.

Нынѣ раздѣляются Качинцы на шесть *колѣнъ* или Аймаковъ, а имянно: на *Шулошское*, *Татарское*, *Кубанское*, *Губинское*, *Мунзельское* и *Ястынское*. Всякой Аймакъ выбираетъ себѣ *старшину* (К. Башлыкъ) изъ своей братіи, и по большей части изъ благородныхъ своихъ семей. Всѣ вообще платятъ подушной окладъ съ небольшимъ только за пять тысячь душъ.

Они почитаютъ себя чистыми *Татарами* и говорятъ *Татарскимъ* же *языкомъ*: но наречіе онаго перепорчено Монгольскими словами такъ, что Казанской Татаринъ едва оное разумѣетъ.

Съ *виду* они весьма на *Чулымцовъ* похожи, однакожъ больше уподобляются Татарамъ. Лицо у нихъ сухощавѣе и не столько плоско, какъ у Чулымцовъ. Въ *обхожденіи* они веселы, говорливы, любятъ лгать, вѣроломны, но ни къ воровству, ни къ грабительству не склонны, въ *житіи* неопрятны, въ питьѣ и любви невоздержны, а въ дѣлахъ лѣнивы.

Устроеніе ихъ сходно съ Барабинскимъ. *Башлыки* получаютъ указы изъ Красноярскаго уѣзднаго суда, обнародываютъ оные въ Аймакахъ и собираютъ *подушной окладъ*, состоящій въ мягкой рухляди и отдаваемый весною въ опредѣленный день въ *Абаканѣ*, Красноярскомъ уѣздномъ городкѣ. При семъ случаѣ дарятъ ихъ по старинному обыкновенію на щетъ казны лошадью и небольшимъ количествомъ горячаго вина, которое они не обще разпиваютъ, но дѣлятъ; при чемъ бываютъ между ими иногда и великіе драки.

Они *кочуютъ* лѣтомъ и зимою. Юрты ихъ сходны съ Башкирскими въ видѣ и въ величинѣ. Зимою покрываютъ и они ихъ войлоками, а лѣтомъ вареною берестою. *Домашній скарбъ* у нихъ еще меньше, нежели у Башкирцовъ, да и чистота въ великомъ небреженіи.

Главный ихъ *промыселъ* скотоводство да звѣриная ловля; при

Качинская татарская баба.
Ein Katschinskisches Tataren Weib.
Femme tatare de Katchin.

чемъ сѣютъ нѣкоторые ради крупы по небольшему количеству ячменю и дакуши (*). Они держатъ только лошадей, рогатой скотъ и овецъ. Для большихъ табуновъ мѣста у нихъ мало: по чему рѣдко кто между ими нарочито богатъ. Но скота имѣютъ почти всѣ столько, сколько для достаточнаго пропитанія надобно. Скотъ ихъ малъ, но бо рѣ и къ осени обыкновенно жирѣетъ. При легкой зимѣ не нуженъ стадамъ ихъ ни какой пріютъ. У лошадей разрѣзываютъ они ноздри нарочито далеко. *Овцы* ихъ между Россійскими и Киргизкими средніе. Головы у нихъ не очень велики, уши повислые, хвостъ тонкой жиромъ облившійся, а наконцѣ сухъ, шерсть весьма жесткая; а ростомъ немного побольше обыкновенныхъ.

Женщины прядутъ шерсть и кропиву (К. Киндеръ), ткутъ толстое сукно и холстъ на Татарскихъ станкахъ, валяютъ войлоки, выдѣлываютъ кожи, при чемъ въ мѣсто сала употребляютъ печенку и морсь звѣриной, шьютъ платье и проч.

Мужчины носятъ платье Татарское, и шьютъ оное изъ толстаго сукна собственнаго рукодѣлья, или изъ лучшаго купленаго, такъ же изъ овчинъ, лошадиныхъ шкуръ, изъ кожъ красной дичи и проч. Нижнее платье дѣлаютъ изъ легкой матеріи. Рубахи рѣдко у кого водятся, да и тѣ изъ кропивнаго холста. Бороду носятъ, но жидкую. Волосы заплетаютъ особливо молодые люди на затылкѣ, а прочіе висятъ растрепанные около головы. Лѣтомъ носятъ некрашеныя войлошныя шляпы, а зимою надѣваютъ теплые шапки.

Женское одѣяніе весьма подобно Буряцкому. Они такъ же, какъ и Буряцки носятъ штаны, похожія на чулки узорчатымъ шитьемъ украшенные кожаные полные или половинчатые сапоги, тонкое нижнее платье изъ китайки, шелковой матеріи и проч. а верьхнее съ перехватомъ и долгими полами. Сіе послѣднее шьется изъ тонкаго сукна, и шелковыхъ матерій или кожъ; и хотя одна пола заходитъ за другую, однакожъ оно ложится около тѣла плотно и гладко. На праздничномъ платьѣ много видно красиво вышитыхъ узоровъ или вичуровъ; а при томъ обшивается оно по краямъ матеріями иного цвѣту; или опушается мяхкою рухлядью. Волосы заплетаютъ въ двѣ вдоль груди висящія нарочито большія косы. Къ ушамъ привѣшиваютъ кольца, а иногда брякушки и снурки. Голову покрываютъ плоскою, съ круглымъ пушнымъ околышемъ, шапкою. Когда они выходятъ въ легкомъ нижнемъ платьѣ безъ верьхняго, то украшаютъ нѣкоторыя шею и грудь сдѣланною ре-

(*) Polygon. Tataricum. Linn.

шетчато изъ корольковъ косынкою, подобною той, какую носятъ Мордовки. *Дѣвки* разнятся тѣмъ, что больше плетутъ косъ, а обыкновенно по девяти, и украшаютъ ихъ лентами, и прочимъ. Богатыя дѣвки подпоясываются только по нижнему платью, дабы оное такъ, какъ и узорчатыя сапоги, были видны. Въ такомъ случаѣ носятъ они и верьхнее платье короткое изъ шелковой или другой какой легкой матеріи. Народъ сей вообще такъ неопрятенъ, что трудно увидѣть чисто одѣтую женщину.

У нихъ нѣтъ ни обѣдовъ ни ужиновъ, но ѣдятъ какъ кому вздумается. Въ пищу же употребляютъ почти всѣхъ вообще звѣрей, всякую рубу, дикіе коренья и плоды, каши, такъ же мушное и молошное. Политый масломъ курмачь почитается лакомкою. Приуготовленія пищь, употребляемая къ тому посуда, и самое яденіе, крайне мерзки. *Напитки* ихъ состоятъ кромѣ воды, въ кисломъ молокѣ, мясныхъ и рыбныхъ жижицахъ, и въ винѣ, когда есть на что онаго купить. *Табакъ*, по большой части Китайской *Шаръ*, курятъ всѣ, не выключая и самыхъ дѣтей, изъ маленькихъ Китайскихъ трубокъ.

Женъ берутъ столько, сколько купить и прокормить могутъ: однакожъ, сколько извѣстно, нынѣ нѣтъ ни у кого больше четырехъ. Сватовство происходитъ такимъ же образомъ, какъ и у Чулымцовъ, то есть чрезъ положеніе трубки, къ которой Качинцы присовокупляютъ еще и вино. *Цѣна* или *выкупъ невѣсты* простирается отъ 5 до 50, а иногда и до ста головъ скота. Скудные любовники служатъ за невѣстъ отъ 3 до 5 лѣтъ, въ которое время пасутъ скотъ, ходятъ на звѣриной промыселъ, возятъ дрова и симъ подобныя исправляютъ работы. Если же между тѣмъ сыщется женихъ побогатѣе и по пригожѣе его, то для одного только виду похищаетъ его невѣсту. Обманутый женихъ старается тогда при помощи удалыхъ своихъ друзей изторгнуть изъ рукъ похитителя свою невѣсту: но какъ хищникъ по большой части употребляетъ при таковыхъ обстоятельствахъ время въ пріуготовленіяхъ соперниковъ его препровождаемое въ свою пользу, да и невѣста даетъ преимущество похитителю, то обиженной женихъ получаетъ одно только за служеніе свое награжденіе. Буде же невѣста умретъ, то уплаченной калымъ зачитается въ выкупъ ея сестры; если же у невѣсты оной нѣтъ, то пропадаетъ. А ежели самъ женихъ умретъ, то отецъ его беретъ невѣсту къ себѣ.

Свадебныя увеселенія состоятъ въ пированьѣ, пляскѣ, пѣсняхъ

Катчинская дѣвушка съ лица.
Ein Katschinskisches Mädgen vorwärts.
Fille tatare de Katchin par devant.

Катчинская дѣвушка съ тыла.
Ein Katschinskisches Mädgen rückwärts.
Fille tatare de Katchin par derriere.

и верьховой ѣздѣ въ запуски, для пріобрѣтенія награжденія. Ежели невѣста въ дѣвкахъ нажила себѣ порокъ, то заглаждается оной лошадью, праздничнымъ платьемъ и сему подобнымъ. *Пляски* ихъ такъ, какъ и Калмыцкія, суть больше ни что, какъ соотвѣтствующія такту движенія тѣла на одномъ мѣстѣ. *Пѣсни* ихъ, кои состоятъ отъ части изъ однихъ и тѣхъ же, часто токмо повторяемыхъ словъ, голосятъ, поелику они голоса въ горлѣ поворачиваютъ, почти такъ какъ скрипицы. Они играютъ при томъ на собственной своей лютнѣ, которая называется у нихъ *Елтага*. Оную составляетъ ящикъ, шириною въ ладонь, а длиною фута въ четыре, въ верьху открытой, по которому протянуто шесть проволочныхъ струнъ перебираемыхъ обѣими руками; по чему слышанъ вдругъ и тонкой и толстой голосъ. Послѣ свадьбы не должно ни свекрамъ своихъ невѣстокъ и симъ тѣхъ видѣть: по чему невѣстка, когда попадется на встрѣчу свекру, повинна упасть лицомъ къ землѣ и тѣмъ оное закрыть. Недовольный мужъ посылаетъ часто, спустя нѣсколько годовъ послѣ свадьбы, безъ дальныхъ околичностей жену свою обратно къ ея родителямъ, и при чемъ пропадаетъ одинъ только его выкупъ, дѣти же остаются при немъ.

Новорожденнымъ *дѣтямъ* даетъ *имя* отецъ или кто прежде прійдетъ, по своему произволенію. Послѣ *родовъ* почитается жена двѣ недѣли, а при обыкновенномъ мѣсячномъ очищеніи три дни нечистою.

Особымъ *болѣзнямъ* они не подвержены: но *оспа* (К. Чечакъ) причиняетъ иногда между ими великія опустошенія. Достопамятно кажется, что многія Качинскія *дѣвки* во время мѣсячнаго очищенія бываютъ нѣсколько дней *безъ ума*, а по томъ паки образумляются. Во время болѣзней ищутъ помощи у волшебствующихъ священнослужителей, а сіи прибѣгаютъ къ жертвамъ, хотя бы и все страданіе заключалось только въ случающейся у нихъ нерѣдко любовной заразѣ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ платьѣ, безъ гробовъ, но такъ же, какъ и Мугамеданe кладутъ надъ мертвымъ тѣломъ въ могилѣ доски, дабы земля онаго не коснулась. Они кладутъ въ могилы и по нѣскольку посуды; питейную же чашу оставляютъ на верьху. По прошествіи года посѣщаютъ мужья и жены гробы своихъ родственниковъ, и при томъ сперьва воютъ, а напослѣдокъ разпиваютъ изъ покойниковой чаши принесенные съ собою крѣпкіе напитки такъ, что возвращаются домой нарочито подгулявши.

Качинцы держатся *шаманскаго* своего *язычества* такъ непоколебимо, что ни Ламанпы, ниже Мугаметане не могутъ ихъ прельстить своими ученіями; да и Грекороссійское исповѣданіе не много имъ по сіе время нравилось, однакожъ нѣкоторое ихъ число оное уже воспріяло. *Шаманское идолослуженіе* употребляется еще и у многихъ другихъ нашихъ народовъ, и у всѣхъ въ главномъ дѣлѣ, а у многихъ и въ побочныхъ обстоятельствахъ одинаково; и для того я, дабы миновать скучнаго повторенія, все, что имѣлъ я случай усмотрѣть самъ у сихъ народовъ, и что другими самовидцами примѣчено, опишу впредь совокупно. Качинцы называютъ своихъ идоловъ *тусами*, а волшебствующихъ священнослужителей и священнослужительницъ *Камнями*. Они употребляютъ небольшіе на литавры похожіе волшебные барабаны; къ платью же привѣшиваютъ для ошмѣны жестяныхъ идоловъ, птичьи когти, шубное и суконное лоскутье, и украшаютъ шапки, у которыхъ околыши обыкновенно изъ рысьей кожи, пучкомъ совиныхъ перьевъ.

Шаманка въ красноярскомъ уѣздѣ.
Eine Schamanka im Krasnojarskischen District.
Une Chamane ou Devineresse du district de Krasnojarsk.

Шаманка красноярская съ тыла .
Eine Krasnojarskische Schamanka rückwärts .
Une Chamane ou Devineresse de Krasnojarsk par derrière.

ТЕЛЕУТЫ.

Телеуты называютъ себя отъ части симъ именемъ, а отъ части *Теленгуталы*, заимствуя оба сіи названія отъ знатнаго озера Теленгула или *Теленкула* въ Алтайскихъ горахъ, при верьхней Обѣ, около коего они прежде жили. Въ Россійскихъ канцеляріяхъ называются они *вышедшими Бѣлыми Калмыками*, или по тому, что они вышли изъ *Бѣлыхъ горъ* и лицомъ были бѣлѣе кочующихъ въ открытыхъ Южныхъ степяхъ народовъ, или для того что слово *бѣлой* значитъ у Восточныхъ народовъ вольность, благородство и независимость.

Когда жили они въ понянутыхъ горахъ, то всѣ подвластны были *Соонгарцамъ* и *Калмыкамъ*. Въ 1605 году отщепились они отъ Соонгарцовъ; а въ 1609 году присягнули Россіи. Послѣ того бывали они иногда по принужденію, а иногда и своевольно подъ властію *Соонгарцовъ* и *Киргизцовъ*. Въ 1658 по 1665 годъ перекочевали нѣкоторыя колѣны далѣе по *Томѣ* внизъ до *Кузнецка* и сдѣлавшись чрезъ то всегдашними Россійскими подданными, пришли въ безопасность отъ покоренія Татарскихъ ордъ. Большая половина ихъ колѣнъ осталась у Соонгарцовъ. Хотя наши Телеуты и баснословятъ, что Богъ неба (Кудай) произвелъ ихъ предковъ изъ нѣкоторой горы и проч; однакожъ сія ихъ басня клонится конечно къ тому только, что предки ихъ жили въ горахъ. *Нынѣ* стоятъ деревни ихъ по берегамъ рѣки *Томы* и ея рѣчекъ, начиная отъ Бѣлыхъ горъ, до самаго Кузнецка и до рубежей Чацкихъ Татаръ. Они раздѣляются на многія малыя колѣна, въ коихъ однакожъ происходятъ браки безъ разбору. Во всѣхъ считается не много поменьше пяти сотъ душъ мужескаго пола.

Съ *виду* многіе Телеуты совсемъ походятъ на Татаръ, но при томъ нарочито подобны они и Калмыкамъ. Всѣ вообще сухощавы, лицо у многихъ плоское, а волосъ почти у всѣхъ черной. Многія женщины очень пригожи. Въ *дѣлахъ* своихъ и въ *житіи* весьма лѣнивы, неповоротливы, безпристрастны и нечувствительны. Разумъ у нихъ совсемъ не изощренъ и по тому тупъ. Не малаго труда стоитъ, сдѣлать имъ что ни есть вразумительнымъ. Отвѣтствуютъ они на все такъ коротко, какъ только можно. Желанія ихъ относятся только къ скоту, хлѣбу, дѣтямъ и бездѣльному покою: по чему они какъ между собою, такъ и съ сосѣдственными

Рускими людьми живутъ очень мирно и платятъ подушной свой окладъ безъ всякаго роптанїя.

Они по племени своему *Татарской* же народъ: но какъ видъ ихъ по причинѣ обхожденїя съ Соонгарцами перемѣнился, такъ равномѣрно и употребительной между ими *Татарской языкъ* ошъ многихъ Монгальскихъ словъ превратился въ худое и многимъ Татарамъ невразумишельное нарѣчїе, по тому наипаче, что они, не имѣя у себя школъ, не умѣютъ на ономъ писать.

Счисленїе времени ихъ простирается только на нынѣшнее, да на недавно прошедшее время. Бывшїя же давно произшествїя опредѣляютъ они по человѣческой жизни; какъ на примѣръ: во время нашихъ дѣдовъ было то и то и такъ далѣе. *Солнечной годъ* (Т. Инпъ) раздѣляютъ они на *лѣтнїй* и *зимнїй* годъ. *Лѣтнїй* (Іасъ) начинается съ вскрытїя льду и первой травы, а *зимнїй* (Кюсъ) съ того времени, какъ выпадетъ первый снѣгъ. Во всякомъ считается шесть лунныхъ теченїй (Ай); принадцатое же теряется между неопредѣленными новыми годами. *Мѣсяцы* ихъ заимствуютъ *названїя* свои ошъ ихъ устроенїя и естественныхъ произшествїй. Первый мѣсяцъ, который приходитъ въ нашемъ Апрѣлѣ, называется *Курузъ Ай*, т. е. мѣсяцъ ободраной бѣлки, по елику звѣрки сїи въ семъ мѣсяцѣ появляются; второй, *Таргъ ай*, пахотной мѣсяцъ; третїй, *Бисъ ай*, сей называется по пандыкову корню, который тогда вырываетса; четверпый *Одъ ай*, очистишельной мѣсяцъ, по тому, что они въ ономъ полютъ хлѣбъ; пятый, *Улучъ ай*, большой лѣтнїй мѣсяцъ; шестый, *Урякъ ай*, жатвенной мѣсяцъ; седьмый, *Уртвнъ ай*, молотильной мѣсяцъ; осьмой, *Куртїакъ ай*, старушїй мѣсяцъ; девятой, *Улу ай*, великїй мѣсяцъ; десятой, *Китъ ай*, короткой мѣсяцъ; одинадцатой, *Четъ ай*, вѣтреной мѣсяцъ; а двенадцатый и послѣдній, *Аши ай*, конецъ зимы. Въ мѣсто недѣль считаютъ они дни по прибыли и убыли мѣсяца, какъ н. п. 5, или 6 числа ошъ прибыли мѣсяца, и такъ далѣе. Дни около полнаго мѣсяца называются у нихъ *Толгонъ ай*.

Общественное ихъ *устроенїе* сходно съ тѣмъ, какое и у прочихъ древнихъ Сибирскихъ народовъ, а особливо у Качинцовъ. Они *раздѣляются* на *колѣна* (Аймакъ), изъ коихъ кажется имѣетъ своего особливаго старшину (Башлыкъ). Почти всѣ Аймаки платятъ *ладатъ* или подушной окладъ, которой называютъ по *Ясакомъ*, по обще съ Калмыками *Алманомъ*. Податъ сїя собирается мягкою рухлядью по числу душъ: но Башлыки разполагаютъ оную такъ,

что съ престарѣлыхъ людей ни чего не взыскиваютъ. Когда они отдаютъ оную въ *Кузнецкѣ*, къ коему они приписаны; то поччуютъ ихъ такъ, какъ Качинцовъ и прочихъ сей страны народовъ, виномъ и проч. Нѣкоторые Аймаки въ мѣсто подушнаго окладу исправляютъ на границѣ Козацкую службу.

Во время преселенія своего въ нынѣшнія мѣста были они *звѣроловы* и *скотоводцы*; но по причинѣ стѣсненія ихъ рубежей и чрезъ подражаніе Россіянамъ взлюбились имъ мало по малу одномѣстныя жилищи и *земледѣлашество*. Поелику всякій Аймакъ долженъ былъ жить въ своемъ мѣстѣ и не терпѣть въ оном отъ другихъ безпокойствія; то построили они всегдашнія зимнія деревни, лѣтомъ же такъ, какъ Барабинцы и нѣкоторые другіе народы, кочевали въ шатрахъ. Такимъ порядкомъ живетъ еще и нынѣ большая ихъ половина: нѣкоторые же совсемъ перестали кочевать.

Скотоводство ихъ пришло въ великой упадокъ. У кого есть 10 лошадей, столько же рогатаго скота, и вдвое овецъ, тотъ почитается у нихъ нескуднымъ человѣкомъ. Богатой же имѣетъ до 50 лошадей и рогатой скотины, и проч. Свиней они не держатъ; дворовая же птица въ небольшомъ числѣ у нихъ водится. Скотина у нихъ всю зиму шатается на дворѣ; слабую же не только подкрѣпляютъ сѣномъ, но и берутъ обыкновенно въ жилыя избы. Сперва было *земледѣлашество* ихъ очень знатное: по чему и можно имъ было пашни свои такъ, какъ огороды полоть и отъ негодной травы очищать. Но тому уже лѣтъ около 30 какъ землепашество, есть главное ихъ дѣло. Они производятъ оное точно такъ какъ и Рускіе сельскіе жители; и есть между ими такіе люди, которые изъ году въ годъ ржи (Т. Аршъ), пшеницы (Будай), ячменю (Арба), овса (Зала) и гороху (Борчакъ) всего вообще, больше двухъ а иногда и до трехъ сотъ пудъ, да сверьхъ того небольшое число конопель, льну и огородныхъ растѣній, сѣютъ. *Звѣриной промыселъ* у нихъ въ чести; гористыя ихъ мѣста къ оному привольны; да они и времени при маломъ своемъ скотоводствѣ довольно къ тому имѣютъ. Будучи на семъ промыслѣ употребляютъ они *лыжи* (Т. Шана) точно такъ, какъ и Туралинцы. Живущіе около *Кузнецка* и по близости *Сацкихъ* Татаръ, зарабатываютъ себѣ, какъ и тѣ, въ зимнее время, извозомъ наличныя деньги: ибо они отправляются тогда съ лошадьми своими на большую Сибирскую дорогу и возятъ купеческіе караваны изъ Томска въ Красноярскъ или назадъ въ Тару.

Въ прежнія времена дѣлали они себѣ *хижины* въ ярахъ или разсѣлинахъ горъ, такъ что гора служила оградою съ трехъ сторонъ; крышку и переднюю стѣну дѣлали изъ хворосту, и проч. Нынѣ строятъ они *жилища* свои на чистыхъ мѣстахъ, языческаго закона Телеуты во всемъ сходныя съ Барабинскими, простыя и малыя, съ кладовою, а содержащіе Мугаметанскую вѣру, и превосходящіе идолопоклонную свою братію разумомъ, прилѣжаніемъ, заживностію и достатками, подобныя во всемъ Россійскимъ деревенскимъ избамъ, выключая только свойственныя Татарамъ полати и комелекъ. Хотя большая половина *деревень* такихъ, въ коихъ считается только отъ четырехъ до десяти дворовъ: однакожъ почти всѣ они составляютъ, каждая про себя особливой *Аймакъ*. *Лѣтнія* ихъ *горты* состоятъ изъ жердей, подобны видомъ кегелю, и покрыты рогожами изъ лыкъ *гороховаго дерева*. (*) или изъ камышу.

Домашній ихъ *скарбъ* сходенъ съ *Качинскимъ*. Вмѣсто ковровъ стелютъ они на полатяхъ помянутыя рогожи. Чугунные котлы, такъ же деревянная и берестовая посуда водятся у всѣхъ вообще; котлы же желѣзные кованые рѣдко у кого въ употребленіи. Капаны дѣлаютъ они по большой части изъ весьма крѣпкихъ лыкъ гороховаго дерева, и проч. Поелику они на полатяхъ сидятъ, ѣдятъ и спятъ, то и самымъ зажиточнымъ людямъ не нужны ни стулья, ни столы, ни постели.

Одѣяніе носятъ они Татарское: но бѣдное и при томъ не наблюдаютъ около себя чистоты. *Мужчины* языческаго закона ходятъ въ разпущенныхъ волосахъ, молодые же люди заплетаютъ часть оныхъ на *затылкѣ*. Мугаметане бреютъ голову и носятъ небольшія Татарскія скуфейки (Тел. Кабацъ). Всѣ вообще любятъ жидкія бороды и по тому много выщипываютъ изъ оныхъ волосъ. Содержащіе Христіанскую вѣру Телеуты носятъ платье иногда Татарское, а иногда и Руское мужичье. Рубахи у всѣхъ вообще въ употребленіи.

Телеутскія женщины носятъ платье такъ же Татарское, а именно: рубахи, шпаны, кожаные чулки, и иногда и полусапоги, и двойное одѣяніе изъ разныхъ матерій. Дабы видно было нижнее одѣяніе, которое часто бываетъ и шелковое, носятъ многія, а особливо дѣвки, верхнее платье покороче, и закинувши пола на полу оное подпоясываютъ. Къ ушамъ привѣшиваютъ они кольца или цепочки. Волосы заплетаютъ въ двѣ, а иногда и больше, косы, которыя украшаютъ лентами, раковинами, кольцами или брякуш-

(*) Robinia Caragana. L.

Татарская баба въ Кузнецкъ съ лица.
Ein Tatarisches Weib zu Kusnetzk vorwärts.
Feme tatare à Kousnetsk par devant.

Татарская баба въ Кузнецкъ съ тыла
Ein Tatarisches Weib zu Kousnetzk rückwärts
Femme tatare à Kousnetsk par derrière

ками. По большой части прицепляютъ дѣвки къ затылку украшеніе, шириною въ ладонь, длиною пядени въ двѣ, покрытое корольками и сему подобнымъ. Бабы и дѣвки носятъ покрытые корольками или монетами чепцы, на которые надѣваютъ плоскія съ околышемъ шапки. *Лѣтомъ* ходятъ онѣ въ рубахахъ у которыхъ воротники вышиты узорчато, и которыя въ переди застегиваются пуговками, да сверьхъ того подпоясываются; въ лаптяхъ, а головы или совсемъ не покрываютъ, или надѣваютъ на оную Татарскую фату. Весь ихъ нарядъ, изключая нѣсколько Мугаметанокъ, такъ неопрятенъ, что можно самихъ ихъ почесть кошѣлыми, а рубахи и одѣяніе умышленно всячиною выкрашенными.

Различіе вѣры дѣлаетъ нѣкоторую, но не большую, въ *ѣствахъ* ихъ разность. Всѣ вообще ѣдятъ чистыхъ звѣрей, хлѣбъ, кашу, мушное, курмачь, всякую рыбу, дикіе плоды и коренья. У Магомешанъ и язычниковъ конятина; а у язычниковъ же и Христіанъ изъ крови и молока составленныя колбасы, у всѣхъ же вообще ѣства изъ изрубленнаго мяса и курмача, которую называютъ они *Бишъ Сата*, и клёцки изъ мяса (Тел. Тутмачь), почитаются лакомками. Язычники ѣдятъ медвѣдей, сурковъ, мышей, свиней, хищныхъ птицъ и всякихъ почти живошныхъ.

Кромѣ воды, такъ же мясныхъ, и рыбныхъ жижицъ, *пьютъ* они кислое молоко (Айренъ), пиво, молоко и вино. *Вино* (Араркъ) перегоняютъ они изъ кислаго кобылья молока (Кумызъ) или изъ смѣси, состоящей изъ части ржанаго солоду и двухъ частей курмача. Вмѣсто куба служитъ обыкновенно чугунной поваренной котелъ. Они наливаютъ его мешомъ или Кумызомъ и залѣпливаютъ на немъ глиною высокую деревянную крышку. Въ отверстіе сей крышки вставливаютъ деревянную, въ два фута длиною, кривую трубку, которой конецъ ставятъ въ тотъ сосудъ, куда вину стекать. Оно идетъ въ сей сосудъ теплое, и они его наибольше любятъ такъ и пить: по чему и производятъ таковое свое куреніе, при гостяхъ, которыхъ хотятъ угостить. Зажиточнѣйшіе Телеуты въ низъ по тому и многіе Чацкіе Татара курятъ вино весьма замысловато; а именно: мѣшокъ ржи или другаго хлѣба зарываютъ оной въ землю, и поливаютъ часто теплою водою: отъ чего рожь очень скоро превращается въ солодъ, которой они толкутъ въ деревянныхъ ступкахъ и надѣлавъ изъ онаго лепешекъ, оныя немного просушиваютъ. Когда надобно имъ употчивать гостей, то кладутъ въ котелъ нѣсколько лепешекъ, наливаютъ водою, замазываютъ и проч. и до-

вольствуются такимъ образомъ во всякое время теплымъ и крѣпкимъ виномъ.

Большая половина Телеутъ содержитъ *языческой законъ Шаманскаго толку;* многїе же приняли *Мугаметанскую*, а нѣкоторые и *Христїанскую вѣру.* Сїи послѣднїе живутъ отъ части въ особливыхъ деревняхъ, а отъ части и между язычниками, которые ихъ тѣмъ ни мало не укоряютъ. Въ житїи своемъ они такъ же не много отмѣнны. Мугаметанцы всѣхъ благонравнѣе, достаточнѣе, и живутъ чище; да при томъ имѣютъ мечети, священнослужителей, и школы. О суевѣрїи язычниковъ буду говорить послѣ; здѣсь же пусть будетъ сказано только то, что они называютъ всеобщаго *Бога Кудаемъ* и *Кугаемъ*, *Сатану Шайтаномъ*, идоловъ *Талу*, а *священнослужителей*, кои суть при томъ ихъ врачи и употребляютъ барабанъ, *Камаками* и *Камами.*

Рѣдко кто изъ язычниковъ и Мугаметанъ имѣетъ двухъ, а и того еще рѣже трехъ женъ. За каждую жену даютъ отъ 10 до 30 головъ лошадей или рогатаго скота, и нѣсколько праздничнаго платья. *Невѣста* приноситъ за собою приданаго мало. Послѣ сочетанїя у Христїанъ и Мугаметанъ произходятъ на *свадьбѣ*, которая бываетъ всегда у невѣсты, по общему обыкновенїю пированье, пляска и проч. Язычники держатъ дочерей своихъ послѣ свадьбы по году и по два у себя, въ которое однакожъ время они съ мужьями своими живутъ и получаютъ отъ нихъ въ хозяйствѣ помощь. Но молодые мужья большою частїю еще до отпущенїя женъ своихъ увозятъ. Жена не должна мужниныхъ родственниковъ, кои его старѣе, никогда въ лицо видѣть, да и по имени ихъ не называть. Сколь удобно язычники и Мугаметана женятся, столь легко и разводятся, когда или мужъ женою, или сїя имъ не довольна.

Дѣтямъ даютъ отцы *имена*, какъ случится; по чему многїе называются Рускими именами. Собственныя же ихъ имена вотъ каковы: *Тотушъ*, *Бенедешъ*, *Миткельшекъ*, *Кудай Берди* (Божїй даръ), *Нингибекъ* и иныя. По елику сїе произходитъ безъ всякихъ обрядовъ, то и роженицамъ не остается ни чего наблюдать.

Въ прежнїя времена *покойниковъ* своихъ они сожигали или клали ихъ на дерева въ лѣсахъ, гдѣ они и истлѣвали. Послѣднее дѣлаютъ они и нынѣ еще надъ умершими дѣтьми, по тому, что они какъ говорятъ, ни въ чемъ еще не грѣшны. Взрослыхъ же покойниковъ хоронятъ, въ худыхъ гробахъ, при чемъ *Камъ*, для прогнанїя злыхъ земныхъ духовъ, о коихъ буду говорить послѣ, странные совершаетъ обряды.

Татарская дѣвушка въ Кузнецкѣ съ лица.
Ein Tatarisch Mädgen zu Kusnetzk vorwarts.
Fille tatare à Kousnetsk par devant.

Татарская Девушка въ Кузнецкѣ со спины.
Ein Tatarisch Mädgen zu Kusnetzk rückwärts.
Fille tatare Kousnetsk par derriere.

КИСТИМСКІЕ И ТУЛИБЕРТСКІЕ ТАТАРА.

Кистимскїе и *Тулибертскіе Татара* составляютъ двѣ особыя, не великія волости, изъ коихъ каждая имѣетъ собственнаго своего *Башлыка*, и живутъ неподалеку отъ Телеутъ на лѣвомъ берегу рѣки *Томы*, а особливо по рѣчкѣ *Калтаралѣ* выше *Кузнецка*. Они совсемъ сходны межлу собою въ разсужденіи *вида*, *душевныхъ качествъ*, *житія*, *языка*, *нравовъ*, и бывшихъ надъ ними *случаевъ*, и во всемъ сообразны Телеутамъ такъ, что надобно почитать ихъ отщепившимися Телеутскими Аймаками или колѣнами; хотя сами они и ничего о томъ не вѣдаютъ.

Живутъ они въ малыхъ *деревняхъ*, сходныхъ съ Телеутскими, и такъ же, какъ и они, упражняются въ *скотоводствѣ*, *земледѣлшествѣ* и *звѣриномъ промыслѣ*; да и подушной окладъ платятъ мягкою рухлядью. *Кистимцы носятъ платье* точно такое, какъ и Телеуты; *Тулибертскія* же *бабы* отмѣнны косою, такъ какъ и дѣвки ихъ многими косами, которыхъ онѣ носятъ отъ 20 до 30, и которыя, выключая лицо, кругомъ всей головы висятъ.

Всѣ они были *Шаманскіе идолопоклонники*; а *Тулибертцы* и нынѣ еще держатся сего закона, и при томъ наблюдаютъ обряды Телеутъ, но по бѣдности своей скота не приносятъ въ жертву. Большая половина *Кистимцовъ* по старанію Тобольскаго *Архіепископа Филофея* обращены около 1720 года къ Христіанской вѣрѣ. Потомки ихъ не меньше не просвѣщенны и суевѣрны, какъ *Турскіе* и *Сулымскіе Татара*.

Абинцы.

Абинскіе Татара называютъ сами себя *Абинцами:* подъ названіемъ же симъ разумѣется коренной народъ: ибо слово *Аба* значитъ на Татарскомъ языкѣ отца. Въ прежнія времена жили они на *Томѣ*, около *Кузнецка*, по чему они мѣсто сіе и нынѣ еще называютъ *аба Тура* т. е. отечествомъ: но какъ Телеуты изъ Бѣлыхъ горъ перешли въ нынѣшнія ихъ мѣста, то слабѣйшіе Абинцы не хотѣли быть вытѣснены далѣ въ Сѣверную сторону, но пошли по Томѣ въ верьхъ въ вышшія горы, въ коихъ они живутъ еще и нынѣ при двухъ *Томскихъ* рѣкахъ, а именно *Кандамѣ* и *Мразѣ*. Они раздѣляются на нѣсколько *Аймаковъ*, или колѣнъ; но всѣ вообще платятъ подать только съ небольшимъ за сто луковъ или душъ.

Въ разсужденіи *виду, душевныхъ качествъ*, внутренняго своего *устроенія, нравовъ, языка, счисленія времени* и *обрядовъ* сходствуютъ *Абинцы* съ *Телеутами* совершенно, и такъ же, какъ и они держатся *Шаманскаго идолослуженія*; по чему и надобно примѣнять къ нимъ то же самое, что сказано о Телеутахъ.

У *Абинцовъ* есть *зимнія деревни*, а у нѣкоторыхъ и *лѣтнія горты*. *Деревни* ихъ малы, а хижины самыя бѣдныя. бревенчатыя и изъ хворосту выплетенныя. Они стоятъ до половины въ землѣ; и свѣтъ проходитъ въ нихъ большимъ дымнымъ отверстіемъ въ покрытомъ землею жердчатомъ потолокѣ. Въ нутри есть обыкновенныя полати, и комелекъ или только очагъ. Когда достаточнѣйшіе люди для обильнѣйшей скоту своему пастьвы перебираются лѣтомъ на другія мѣста; то живутъ въ небольшихъ кеглю подобныхъ *гортахъ*, совсемъ подобныхъ Телеутскимъ. *Домашній* ихъ *скарбъ* и ѣствы точно такія, какъ и у языческихъ Телеутовъ, но еще скуднѣе. Кромѣ хищныхъ звѣрей ѣдятъ они и падальщину. Хлѣбъ и Курмачь мелютъ въ жерновахъ, которыя не кругомъ вертятъ, но только изъ стороны въ сторону качаютъ.

Мужчины заплетаютъ волосы, какъ Калмыки, на самой макушкѣ, въ тройную косу. Во всемъ же прочемъ, въ отношеніи къ мужскому и женскому *одѣянію*, сходны съ содержащими языческой законъ Телеутами.

Промыслы ихъ состоятъ въ *скотоводствѣ*, *звѣриной ловлѣ*, плавленіи *желѣза* и *земледѣлашествѣ*. *Земледѣлашество* ихъ не знатное; мало кто въ ономъ упражняется, и пашни таковыхъ земдѣль-

цовъ едва могутъ величиною сравняться съ знатными огородами: и по тому они вмѣсто сохи употребляютъ заступы. *Скотоводство* ихъ во всемъ подобно Телеутскому, но еще меньше онаго, и слѣдовательно недостаточнѣе. *Звѣриная ловля* есть главное ихъ дѣло, по тому наипаче, что всякая дичина полезна имъ въ разсужденіи какъ шкуръ, которыми они и подушной свой окладъ очищаютъ, такъ и мяса.

Не всѣ, однакожъ многіе изъ нихъ упражняются въ *кузнечномъ дѣлѣ*, и по тому издревле славны; да и самой городъ *Кузнецкъ*, построенной между Абинцами отъ Россіянъ по завоеваніи Сибири, по тому такъ и названъ. Абинцы *плавятъ желѣзные руды*, которыя находятъ они въ поверьхности горъ слоями или и въ болотахъ своихъ подъ дерномъ. *Плавильное* ихъ *заведеніе* едва ли можетъ быть простѣе. Плавильная печь дѣлается въ зимней хижинѣ и состоитъ въ гемисферическомъ на пядень углубленіи глинистаго пола въ избѣ, у котораго находится на одной сторочѣ для дѣйствованія двумя мѣхами небольшое отверстіе. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкою изъ глины, у которой въ самомъ верьху есть отверстіе пространствомъ дюйма въ два. Когда плавятъ, то наполняютъ печь такими мѣлкими угольями, какіе только сквозь отверстіе проходить могутъ, и оные поджигаютъ. А какъ они совсемъ разгорятся, то при безпрестанномъ раздуваніи мѣхами бросаютъ по перемѣнно сквозь отверстіе въ печь то уголье, то по небольшому количеству истолченной мѣлко руды. Часа въ полтора выходитъ руды около трехъ фунтовъ. Вскрывши печь, очищаютъ они переплавленную руду отъ огарковъ біеніемъ оной деревянными поленьями. Изъ выплавленнаго такимъ образомъ желѣза куютъ они на каменныхъ наковальняхъ желѣзными молотами желѣзцы къ стрѣламъ и заступы; больше же продаютъ невыдѣланнаго желѣза Россійскимъ кузнецамъ.

ВЕРЬХОТОМСКІЕ ТАТАРА.

Сіи Татара составляютъ особое колѣно волости, имѣющей особаго Башлыка, и заключающей въ себѣ токмо около 150 душъ мужеска пола. Съ виду они такъ же, какъ Телеуты и Абинцы, походятъ на Калмыцкихъ и Татарскихъ выродковъ. Они кочуютъ около вершинъ *Томы* въ высокихъ горахъ, и по тому называются *Верьхотомскими Татарами.*

По примѣру *Абинцовъ* имѣютъ они небольшое *скотоводство*, а питаются по большой части отъ *звѣринаго промыслу*, и дикими растѣніями. Земли же совсѣмъ не пашутъ, и по тому хлѣба не ѣдятъ. *Подушной окладъ* платятъ въ *Кузнецкѣ* мягкою рухлядью.

Хижины ихъ, которыя они лѣтомъ и зимою переносятъ нѣсколько разъ на другія мѣста, совсѣмъ подобны *Телеутскимъ* лѣтнимъ юртамъ. *Домашнимъ скарбомъ* они еще скуднѣе *Качинцовъ*; да и живутъ гаже. *Вѣра* ихъ составляетъ Шаманское идопоклонство.

Въ разсужденіи *языка*, *обрядовъ* и *одѣянія*, сходствуютъ они съ *Абинцами*. *Бабы* и *дѣвки* заплетаютъ волосы въ четыре косы, которыя украшаютъ корольками, бисеромъ или змѣиными головками. Дѣвки разнятся отъ бабъ покрытымъ корольками и проч. пашельникомъ.

Бирюссы.

Бирюсскїе Татара кочевали въ прежнїя времена при *Бирюсѣ* вышедшей изъ *Гистевы* рѣкѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ *Нижнюю Тунгузку*, и дали сей рѣкѣ или она имъ названїе. Какъ мѣста сїи въ началѣ нынѣшняго столѣтїя Россїйскимъ оружїемъ завоеваны; то жили тогда Бирюссы въ горахъ, около вершинъ *Кандалы*. По елику тогда границы не были еще опредѣлены; то они принуждены были платить иногда, кромѣ Россїйскаго подушнаго окладу, Соонгарцамъ, Киргизцамъ или Китайцамъ подать; отъ чего пришли они въ бѣдность. *Нынѣ* кочуютъ они возлѣ Качинцовъ, при рѣкѣ *Абаканѣ*. Они мало по малу отъ прежней своей скудости поправляются: однакожъ еще не богаты.

Они раздѣляются на *четыре Аймака* или колѣна, изъ коихъ по третей ревизїи, въ *Кобинскомъ* 53, *Киргинскомъ* 40, въ Каинскомъ 25, а въ *Москискомъ* 50 душъ мужеска пола нынѣ считается. Послѣднїй Аймакъ находится въ высокихъ горахъ, и всѣхъ прочихъ скуднѣе. Всѣ сїи Аймаки имѣютъ общаго *Башлыка*, который сверьхъ того исправляетъ должность сїю и у Балтырей. Онъ собираетъ съ обоихъ сихъ народныхъ осташковъ, состоящїй въ мягкой рухляди *подушный окладъ*, и вноситъ оной подъ конецъ зимы въ *Кузнецкое* казначейство.

Бирюссы съ *виду* больше сходствуютъ съ настоящими Татарами; да и душевныя ихъ качества больше подобны сущимъ Татарскимъ, нежели нравы ихъ сосѣдей. Они *говорятъ Татарскимъ языкомъ*, но по весьма испорченному нарѣчїю; да и писать, не имѣя у себя школъ, не умѣютъ.

Они безпрестанно *кочуютъ*, и живутъ въ *юртахъ*, состоящихъ изъ жердей, подобныхъ Телеутскимъ лѣтнимъ юртамъ, и покрытыхъ такъ же, какъ и тѣ, рогожами. *Одѣяніе* ихъ сходно съ *Качинскимъ*: только они шьютъ оное по большой части изъ кожи или мягкой рухляди.

Въ *житіи*, *промыслахъ*, *Шаманскомъ идолопоклонствѣ*, *обрядахъ*, *лицѣ* и прочемъ совершенно подобны *Абинцамъ*. У нихъ такъ же, какъ и у тѣхъ *звѣриной промыселъ* главное дѣло. Они держатъ по нѣскольку лошадей и рогатаго скота, и нѣкоторые сѣютъ ради крупы по малому количеству яроваго хлѣба на огородныхъ грядахъ, которыя они роютъ, и проч.

ЗАЯНСКІЕ ТАТАРА.

Заянскїе Татара сами себя называютъ *Зейенами*; но по неправильному выговору называютъ и пишутъ ихъ *Заянцами*. Именованїе сїе заимствуютъ они отъ славныхъ *Заянскихъ* или какъ они говорятъ *Зейенскихъ горъ* (Зейенъ Тавъ), которыя отъ *Алтайскихъ горъ* и отъ рѣки *Оби* за Енисей на Востокѣ склоняются и составляютъ границу между Сибирью и Монголїею. Въ сихъ горахъ *кочуютъ* они на лѣвой сторонѣ *Енисея*, при рѣкѣ *Абаканѣ*, лѣтомъ около его источниковъ въ высокихъ горахъ, зимою же въ низменнѣйшихъ и ровнѣйшихъ мѣстахъ сей рѣки, неподалеку отъ Качинцовъ и Кузнецкихъ горныхъ Ташаръ.

Въ прежнїя времена имѣли они собственныхъ своихъ *Таишъ* или Князьковъ, и раздѣлялись на *двѣ орды*, которыя и тогда были не велики. А какъ горные Ташара въ 1616 году посланною изъ *Кузнецка* силою покорены *Россїи*; то палъ тотъ же жребїй и на Восточную Заянскую орду: напротивъ того Западная орда, бывшая тогда въ Алтайскихъ горахъ, удалилась отъ Россїйскихъ границъ. Заянцы наши бывали послѣ того нѣсколько кратъ подъ игомъ *Киргизцовъ* и *Соонгарцовъ*; да и нынѣ они по причинѣ претерпѣннаго ими при таковыхъ обстоятельствахъ отъ части истребленїя, а отъ части и великаго разсѣянїя, платятъ подушной окладъ въ Кузнецкое казначейство только за 150 душъ мужеска пола.

Сколь ни малое ихъ число, однакожъ они раздѣляются на многїе *Аймаки* или роды, которые при всемъ томъ имѣютъ общаго *Ташлыка* или старшину, наблюдающаго между ими порядокъ, рѣшащаго неважныя ихъ распри, и собирающаго *подушной окладъ*, а именно по три соболя или по столько же рублей съ души.

Заянцы такъ же, какъ и *Бирюссы* соблюли Татарской свой *видъ*, *нравъ* и *языкъ*. Они вообще *Бирюссамъ* и *Белтырямъ* во всемъ такъ подобны, что должно всѣ сїи три народа почитать единоплеменными колѣнами или ихъ осташки. Чрезъ обхожденїе съ *Киргизцами*, подъ игомъ которыхъ чаще они бывали, нежели подъ Соонгарскимъ, не столько они перемѣнились, сколько другїе народы, бывшїе въ порабощенїи у Соонгарцовъ.

Они *кочуютъ* и живутъ въ *войлошныхъ юртахъ*. Въ *житїи* наибольше уподобляются Качинцамъ. Стада ихъ состоятъ изъ лошадей, рогатаго скота, и овецъ. Кто имѣетъ до 100 лошадей,

столько же рогатаго скота и почти въ двое овецъ; тотъ почитается у нихъ весьма богатымъ: но и имѣющіе только шестую или и десятую противъ того долю скота, живутъ не бѣдно. Они рачительные *звѣроловы* и добрые стрѣлки, въ разсужденіи луковъ. Иные ради пріобрѣтенія на домашній свой росходъ крупы и муки, нѣсколько *лапутъ*: однакожъ кажется, что земледѣліе не будетъ никогда главнымъ промысломъ сихъ къ кочевью и праздности привыкшихъ людей. Есть между ими небольшое число и *кузнецовъ*, которые по примѣру Абинцовъ сами желѣзо сплавливаютъ. *Заянки* упражняются въ такихъ же дѣлахъ, въ какихъ и Качинскія женщины.

Ѣствы ихъ, сходныя съ Качинскими, состоятъ еще больше въ дикихъ *кореньяхъ*, которые они, какъ и Тунгузцы, отнимаютъ у *полевыхъ мышей* (З. Кюлюмъ), и по тому норы ихъ въ степяхъ разрываютъ.

Мужское и *женское одѣяніе* сходно такъ же съ Кичинскимъ. На шитье употребляютъ нитки изъ Татарскаго льну (*) и крапивы (**), которыя ростутъ у нихъ въ великомъ множествѣ сами собою. Изъ таковой же пряжи дѣлаютъ они и тетивы къ лукамъ. *Рогожи*, на которыхъ они сидятъ и спятъ, плетутъ они отъ части изъ ростущей здѣсь повсюду почти желтухи (***).

Въ новѣйшія времена обратилось много Заянцовъ къ *Христіанской вѣрѣ*; въ число сихъ принадлежитъ и самъ Башлыкъ. Они имѣютъ у рѣки Абакана церковь. Прочіе держатся *Шаманскаго язычества*; священнослужители ихъ (Камъ) носятъ такое же платье, какъ и Кичинскіе, и употребляютъ равномѣрно барабанъ. Свадебныхъ обрядовъ, отмѣнныхъ отъ Кичинскихъ, у нихъ нѣтъ. *Покойниковъ* же кладутъ въ гробы и ставятъ на дерева, гдѣ они и истлѣваютъ. Языческіе Заянцы не имѣютъ ни малѣйшаго отъ Христіанской вѣры отвращенія: и по тому добровольно даютъ на содержаніе церкви обращенныхъ.

(*) Lilium parenne L.
(**) Urrica cannabina. L.
(***) Hemorocallis. Lin.

БЕЛТЫРИ.

Белтыри имѣли одинакую съ *Заянцами* участь. Обще съ ними покорены они *Россіи* и вскорѣ послѣ того пришли подъ иго *Киргизцовъ* и такъ далѣе. *Нынѣ* же кочуютъ по близости *Заянцовъ* и *Бирюссовъ* при *Абакани*, и имѣютъ съ сими послѣдними общаго *Башлыка*. *Колѣна* ихъ (Аймаки) платятъ подушной окладъ, какъ и Заянцы, за 150 душъ.

Они чрезвычайно подобны Заянцамъ и Бирюссамъ въ разсужденіи *виду*, *нрава*, испорченнаго *Татарскаго языка*, *кочевой жизни*, *промысловъ*, *гортъ*, *ѣствъ*, *одѣянія*, *обрядовъ* и *Шаманскаго идолослуженія*.

Белтыри *скотомъ* заводнѣе Заянцовъ, и по тому живутъ получше, а особливо лѣтомъ пьютъ вина изъ кислаго кобылья молока (Аррека) столько, что иногда и во всемъ стану не сыщешь трезваго человѣка. Благосостояніе ихъ было преградою и тѣмъ, которые старались обратить ихъ къ Христіанской вѣрѣ. Они ревностные идолослужители и любители многоженства.

Между ими ведутся издревле *кузнецы*, которые плавятъ и куютъ желѣзо по примѣру Абинцовъ. Они и *кожевники* изрядные. И по тому они принуждены были платить *Соонгарцамъ* подать желѣзомъ, юфтью и мягкою рухлядью. *Земледѣліе* ихъ малымъ чемъ познашнѣе *Абинцскаго*; и большая половина роетъ пашни заступами: но нѣкоторые умѣютъ употреблять къ тому и соху.

Покойниковъ своихъ хоронятъ они въ особливыхъ только случаяхъ; обыкновенно же кладутъ ихъ, увязавъ промежъ досокъ, на дерева. Всякаго покойника надѣляютъ сѣдломъ, которое кладутъ ему промежъ ногъ, топоромъ, ножомъ, заступомъ, ѣствами, виномъ, и сверьхъ того мужчинъ лукомъ, изломанными стрѣлами, любившихъ музыку трехструнною лютнею (Кобысъ) или кимваломъ (Ешаганъ). Въ седьмый день правятъ *поминки*, во время которыхъ у умершаго тѣла убиваютъ самую лучшую покойникову лошадь, ѣдятъ мясо, кожу же, и голову съ уздою. Вѣшаютъ на одно, а Кумызной мѣшокъ на другое дерево.

добны кетелю; покрываются же берестою точно такъ, какъ и Тунгузскія.

Домашняя ихъ *рухлядь*, такъ, какъ и другихъ кочевыхъ народовъ, нарочито скудна и дѣлается изъ бересты, кожи, дерева и проч. Молошные мѣшки дѣлаютъ они, какъ и Башкирцы, изъ прокопчѣлыхъ кожъ. *Котлы* про себя куютъ они изъ желѣза по большой части сами, и возвышаютъ края накладываемымъ ободомъ изъ бересты. Въ число домашнихъ ихъ надобностей надобно щитать зимою и *стулки изъ замерзшаго коровьяго калу*, въ коихъ толкутъ они рыбу, коренья, и прочее. У нихъ есть не великія узенькія сани, и небольшія корыша или челны изъ бересты, подобныя Тунгузскимъ. *Оружіе* ихъ лукъ да стрѣлы, которыя они, не выключая и принадлежащихъ къ онымъ желѣзецъ, дѣлаютъ сами. Колчанами служатъ узкіе красиво вышитые мѣшки изъ мягкой рухляди.

Промыслы ихъ состоятъ вообще въ *скотоводствѣ*, *звѣриной* и *рыбной ловлѣ*; и смотря по разности ихъ пустынь имѣетъ въ нѣкоторыхъ улусахъ тотъ, а въ иныхъ другой промыселъ преимущество. Южные улусы держатъ лошадей, и рогатой скотъ, находящіеся же при Янѣ и Индигиркѣ однихъ оленей. Овцы въ лѣсистыхъ, холодныхъ и болотныхъ ихъ пустыняхъ не могутъ водиться; да и отъ хищныхъ звѣрей не льзя бы было ихъ уберечь. Лошади и рогатой скотъ должны во всю долгую и жестокую зиму сами себѣ промышлять кормъ; хозяева же ни мало ихъ не подкрѣпляютъ. И по тому Якуты почитаютъ большіе снѣги за наивеличайшую бѣлу. Хотя они и рѣдко здоровую скотину убиваютъ, однакожъ отъ великаго снѣгу, стужи и хищныхъ звѣрей убываетъ у нихъ ежегодно оной столько, что они никогда не имѣютъ знатныхъ стадъ, и слѣдовательно, по елику въ томъ состоитъ все ихъ имѣніе, не бываютъ богаты. Въ Янскомъ и Индигирскомъ улусахъ не всѣ, да и рѣдко кто имѣетъ много оленей: по чему и тамъ Якуты бѣдны.

Звѣриной промыселъ есть зимнее упражненіе всѣхъ вообще: но они столь безпечны и лѣнивы, что ради онаго отнюдь далеко отъ мѣстъ своихъ не отлучаются: по чему дичь и остается всегда въ хорошемъ состояніи. Всѣ вообще производятъ рыбную ловлю, но только лѣтомъ. Въ Сѣверныхъ улусахъ *рыбная ловля* составляетъ главную отрасль пропитанія, а особливо тѣхъ, которые не заводны скотомъ.

Земледѣлашество совсѣмъ имъ незнакомое дѣло; да оно и не соотвѣтствовало ни землѣ ихъ и климату, ни лѣности. Но они умѣютъ *плавить желѣзо* и изрядно куютъ изъ онаго разныя надобности; а особливо искусны въ томъ Вилуйскіе кузнецы. Въ плавильномъ ихъ снарядѣ составляютъ всю разность, въ отношеніи къ Абинцскому плавленью, одни только раздувальные мѣхи: ибо употребительные у Якутовъ состоятъ въ двухъ соединенныхъ кожаныхъ мѣшкахъ, и разположенныхъ такъ, что чрезъ поперемѣнное сжиманіе то тотъ то другой вбираетъ въ себя воздухъ. Живущихъ по близости Россійскихъ селеній бѣдныхъ Якутъ содержатъ Рускіе мужики, да и подушной окладъ за нихъ даютъ: за что Якутскія семейства исправляютъ у нихъ всякія хозяйственныя работы.

По языческому закону могутъ они все употреблять въ пищу; и для того они по состоянію своихъ мѣстъ, такъ же по житію и обыкновеніямъ питаются тѣмъ же, что и предки ихъ ѣли. Послѣдуя имъ гнушаются они свиньями, лягушками и гадиною. Въ прочемъ же ѣдятъ не только всякихъ чистыхъ звѣрей, и проч. но и лошадей, хищныхъ звѣрей, сусликовъ, бѣлокъ, ласточекъ, капель, водяныхъ и хищныхъ пшицъ, всякую рыбу, и кромѣ вышепомянутыхъ трехъ родовъ животныхъ, почти все живущее. Изъ царства растѣній употребляютъ въ пищу тѣ же растѣнія, коренья и плоды, какія показаны выше сего, когда говорили мы о Барабинцахъ и Чулымцахъ; да сверьхъ того разнаго рода прасъ, коренье сусаковое (*) и многіе другіе, которые они отъ части сами вырываютъ, а отъ части достаютъ изъ мышьихъ норъ.

Лѣтомъ питаются они по большой части кислымъ молокомъ и дикими растѣніями; зимою же служитъ имъ вседневною пищею вяленая рыба. Сѣверные улусы, по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузцовъ, ѣдятъ по большой части и во весь годъ одну только рыбу. Муку и крупу покупаютъ только нѣкоторые богатые люди около Якуцка и Олекминска. *Ѣствы* ихъ такъ, какъ и пріуготовленіе оныхъ по большой части равномѣрно мерзки. Они жрутъ всякую отъ голоду, болѣзни или отъ инаго чего околѣлую скотину; сушеную рыбу толкутъ въ ступкахъ изъ коровьяго калу; не моютъ и очищаютъ ни сосудовъ, ни самихъ себя; кислое молоко или ку-

(*) Butomus umbellatus. L.

Якутъ въ охочьемъ платьѣ спереди.
Ein Jakut im Jagd Kleid vorwärts.
Un Jacout en habit de chaſse par devant.

Якутъ въ охочьемъ платьи сзади.
Ein Jakut im Jagd Kleid von hinten.
Un Jakout en habit de chaſse par derriére.

мызъ воняетъ отъ мѣшковъ, и такъ далѣе. Въ лѣтнюю пору видно много Якутъ пьяныхъ отъ излишняго употребленія *Кумызу*, и общаго *табашнаго куренія*. Когда захотятъ подгулять, то стараются запастись Рускимъ виномъ: но какъ они рѣдко имѣютъ къ тому случай, то употребляютъ по примѣру Остяковъ и нѣкошорыхъ другихъ народовъ, *Мухоморы*.

Сколько Якуты въ житіи и содержаніи своемъ неопрятны, столько напротивъ того замысловато и пригожо дѣлаютъ свое *одѣяніе*. Рубахъ или инаго какого бѣлья у нихъ нѣтъ, а носятъ платье на голомъ тѣлѣ. *Лѣтнее платье* дѣлаютъ изъ *замши*, а *зимнее* изъ мягкой *рухляди*, а особливо изъ оленьихъ кожъ. *Мужчины* волосы коротко подрѣзываютъ, и бороды носятъ жидкія. Лѣтомъ ни чемъ головы не покрываютъ. Штаны у нихъ очень коротки. Кожаные ихъ чулки служатъ и за сапоги; они дѣлаются съ подошвами по ногѣ и по лядвеѣ, и по большой части узорчато вышиты. А дабы лежали гладко и совсемъ покрывали колена и лядвеи, то къ штанамъ привязываются. Вся одежда состоитъ въ верьхнемъ платьѣ, которое шьется по костямъ, съ узкими рукавами; въ переди стягивается оно снурками; а полы по колена. Воротникъ и края у замшанаго лѣтняго одѣянія вышиваются пальца на два и на три шириною красивыми узорами или вычурами посредствомъ звѣриныхъ жилъ, и окладываются бѣлымъ или инымъ какимъ конскимъ волосомъ, въ ладонь шириною, вмѣсто бахрамы. Такимъ же образомъ окладываютъ они и около ворошника и плечь. Промежъ шитьемъ вмѣщаютъ иные нѣсколько корольковъ, или дѣлаютъ вмѣсто того полоски синею или красною краскою. *Зимнее одѣяніе*, не совершенно сходно съ лѣтнимъ, и дѣлается изъ мѣлкой рухляди; они оборачиваютъ его волосомъ къ верьху. Оно такъ же вышивается красиво и окладывается вмѣсто бахрамы конскимъ волосомъ. Зимою покрываютъ голову теплою шапкою, которая дѣлается обыкновенно изъ содранной съ головы какого ни есть звѣря кожи. По елику они не подпоясываются, то огниво, табашной приборъ, ножъ и проч. привѣшиваютъ къ поясу у штановъ.

Женщины носятъ весьма сходное съ мужскимъ *одѣяніе*; а именно: такія же, только подолѣе, штаны, чулки, и верьхнее платье изъ замши. Весь зимній и лѣтній ихъ нарядъ нѣсколько пополнѣе и не сравненно больше разпещренъ, нежели мужской. Когда наряжаются, то надѣваютъ душегрейку безъ рукавовъ, которая почти

на пядень короче кафтана, сверьхъ онаго. Душегрейка сія дѣлается изъ замши, либо тонкаго краснаго или инаго какого сукна, окладывается какъ и мужское платье, по краямъ бѣлымъ или крашенымъ конскимъ волосомъ, или опушается хорошею мягкою рухлядью, по краямъ же такъ какъ и по всѣмъ швамъ разпещряется красивыми вычурами, корольками, такъ же красными и синими полосами. *Бабы* различаются чепцами изъ содранныхъ съ звѣриныхъ головъ кожъ, у которыхъ уши оставляются и какъ торчащіе рога обвертываются. *Дѣвки* заплетаютъ волосы, и носятъ широкіе начельники кожаные, совсемъ покрытые узорами и корольками. Отъ сихъ начельниковъ висятъ по сторонамъ небольшія корольковыя нишки съ брякушками, а отъ темяни простирается на спину украшеніе длиною пядени въ двѣ, а шириною въ ладонь покрытое узорами и корольками. Все вообще одѣяніе Якутское такъ какъ и подобное ему Тунгузское, пригожѣе, легче и пристойнѣе всѣхъ прочихъ одеждъ живущихъ въ сихъ странахъ народовъ. Да и дѣвки ходятъ у нихъ чище и наряднѣе, по тому, что они носятъ платье собственнаго своего рукодѣлія, а не покупное, какъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

Въ *обхожденіи* между собою поступаютъ правда Якуты просто, однакожъ честно и дружески. Они ѣдятъ тогда, когда захочется, и кто тутъ случится, тотъ и самъ за ѣжу принимается. Ѣствы стоятъ на землѣ, а они сидятъ около оныхъ на цыпкахъ. *Договоры* свои заключаютъ словесно и исполняютъ. Въ случаѣ же дѣлаемыхъ ими въ присудственныхъ мѣстахъ договоровъ, закрѣпляютъ письменное дѣло вмѣсто подписанія своего имени, заручительнымъ знакомъ, которой всякъ съ молоду употребляетъ, не перемѣняя онаго ни подъ какимъ видомъ; и которой состоитъ въ произвольномъ изображеніи. *Чистоту* въ разсужденіи тѣла и своихъ вещей очень мало наблюдаютъ; когда же дѣти или иныя какія обстоятельства принудятъ ихъ приняться за мытье, то употребляютъ вмѣсто мыла *лиственичную губку*, которою и Россійскіе сельскіе жители, послѣдуя Якутамъ, моются. При *перемѣнѣ жилищъ* не трогаютъ они съ мѣста своихъ юртъ, но снимаютъ только съ нихъ крышки, и берутъ оныя съ собою. Вещи свои перевозятъ они на небольшихъ узкихъ саняхъ, въ которыя впрягаютъ рогатой скотъ, на коемъ они, какъ и Калмыки, ѣздятъ и верьхомъ. Когда друзья между собою разлучаются, то остающейся

Якутская баба спереди.
Eine Jackutin vorwärts.
Femme Jakoute par devant.

Якутская баба сзади.
Eine Jackutin rückwärts.
Feme Jakoute par derriere:

Якутская дѣвка съ лица.

Ein Jakutisches Mädgen vorwärts.

Fille Jakoute par devant.

Якутская дѣвка со спиною.
Ein Jakutisches Mädgen rückwärts.
Fille Jakoute par derrière.

БИБЛИОТЕКА
Осетинского Научно-Исследовательского
Института Краеведения
Хронолог. кат. № ____
Отдел ____
№ ____

обсѣкаетъ у какого-нибудь есть дерева вѣтви въ знакъ памяти; и ссылается въ разговорахъ на сіе доказательства своей дружбы. Они содержатъ *много женъ* и выкупаютъ ихъ, по примѣру вышеописанныхъ народовъ, скотомъ, платьемъ и проч. *Дѣтямъ* даютъ *имена* безъ обрядовъ тѣ, которые прежде всѣхъ прійдутъ къ роженицамъ въ юрты. *Самое* же *мерзкое* у нихъ *обыкновеніе* то, что отецъ варитъ младенцово мѣсто и какъ будто бы какую лакомку ѣстъ съ первыми своими пріятелями, радуясь чрезвычайно пріумноженію своего семейства.

Якуты содержатъ *языческой законъ Шаманскаго толку*: но я о семъ идолослуженіи буду говорить послѣ. *Священнослужители* ихъ, которые употребляютъ барабанъ и носятъ странное одѣяніе, приносятъ жертвы, колдуютъ, предсказываютъ и проч. называются *Аюнами*. У таковыхъ въ невѣденіи утопающихъ и суровыхъ людей не льзя не быть и *суевѣрію*. Они почитаютъ всякихъ человѣчьихъ уродовъ, такъ, какъ и скотскихъ, сущими діяволами и стараются избавиться отъ нихъ великою боязливостію. Нѣкоторые частные Якуты обратились уже къ Христіянской вѣрѣ, и изъ сихъ 127 Ясашныхъ душъ живутъ при рѣкѣ Енисеѣ около *Мангазея*.

Они по большой части всегда бываютъ здоровы. Самыя же опасныя ихъ болѣзни, горячка съ пятнами и оспа: ибо какъ отъ той, такъ и отъ другой рѣдко кто выздоравливаетъ, по тому наипаче, что они не пользуются при томъ ни чемъ инымъ, какъ только суевѣрными средствами, и боясь смерти такое имѣютъ отъ больныхъ отвращеніе, что не хотятъ за ними и ходить. *Лежащимъ* въ *ослѣ* ставятъ только нѣсколько и по большой части мало въ юрты съѣстнаго запасу, а по томъ удаляются сами въ лѣса. Дабы на звѣриномъ промыслѣ не *отморозить* у себя членовъ, то мажутся зимою часто нѣкоторою мазью, составляемою изъ глины и свѣжаго коровья калу. Польза отъ оной столь очевидна, что употребляютъ уже оную и всѣ Рускіе люди около Якуцка.

Въ прежнія времена *покойниковъ* своихъ они *сожигали* или и на дерева клали, гдѣ они истлѣвали. По преданіямъ ихъ служители, любившіе своихъ господъ, бросались по кончинѣ ихъ добровольно въ огонь, дабы служить у нихъ и на томъ свѣтѣ. Кажется, что

древнїя могилы при Енисеѣ служатъ доказательствомъ на сей *Ламантской* и *Браминской* языческой обрядъ, который былъ и у древнихъ Шведовъ и Датчанъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Данилъ въ Шведской исторїи; ибо въ оныхъ находятъ часто и двойныя кости, или и пепелъ, конечно отъ тѣла любимцова. Нынѣ же *хоронятъ* они своихъ *умершихъ* въ лѣсахъ, по тому, что они наибольше желаютъ сгнить подъ деревомъ: по чему многїе сами себѣ выбираютъ дерева и велятъ себя у оныхъ похоронить.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Мѣсяцъ Декабря 1698 г. 172 стр.